

Джозеф
БОРКИН

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ**
„И. Г. ФАРБЕНИНДУСТРИ“

• ПРОГРЕСС •

«ПРОГРЕСС»

JOSEPH
BORKIN

**The Crime
and Punishment
of I.G. Farben**

NEW YORK
1978

Джозеф
БОРКИН

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ
и НАКАЗАНИЕ
„И. Г. ФАРБЕНИНДУСТРИ“**

Рассказ о зловещем сговоре
Адольфа Гитлера с крупнейшим
германским химическим
концерном

Перевод с английского
М. И. Яиовской

Предисловие и редакция
доктора исторических наук
Д. Е. Мельникова

МОСКВА
«ПРОГРЕСС» 1982

Редакция литературы по истории

© The Free Press. A Division of Macmillan Publishing Co., Inc.
1978

© Перевод на русский язык, предисловие и примечания «Прогресс», 1982

Б $\frac{10605-261}{006(01)-82}$ 35-82

0506000000

Предисловие

Предлагаемая вниманию советского читателя книга американского историка и юриста Дж. Боркина «Преступление и наказание „И. Г. Фарбениндустри“» занимает особое место в изданной на Западе литературе, посвященной истории этого крупнейшего германского химического концерна.

Особенностью книги Дж. Боркина, отличающей ее от работ многих других буржуазных ученых, исследовавших историю «И. Г. Фарбениндустри», является то, что автор, во-первых, рассматривает участие концерна «И. Г. Фарбениндустри» в подготовке агрессивных войн, развязанных германским империализмом; во-вторых, освещает роль концерна в событиях, приведших к приходу к власти Гитлера, и разоблачает участие его руководителей в зверствах германских фашистов; в-третьих, исследует одну из самых скрытых сторон деятельности «И. Г. Фарбениндустри» — его международные связи, и особенно его альянс с ведущими химическими и нефтяными фирмами Соединенных Штатов Америки.

Первая работа за рубежом, посвященная «И. Г. Фарбениндустри», вышла в свет вскоре после окончания второй мировой войны — в 1947 году и была издана в переводе на русский язык в 1948 году*. С тех пор прошло свыше 30 лет, но интерес к истории «И. Г. Фарбениндустри» не угас. Книга Дж. Боркина, посвященная этому концерну, вышла в США в 1978 году и сразу же привлекла внимание американских читателей. Это еще одно свидетельство того, что широкие читательские круги

---

* См.: Сэсюли Р., «И. Г. Фарбениндустри», М., 1948.

продолжают интересоваться не только историей химического концерна, но и тем, какие уроки можно извлечь из его «взлета и падения».

Задача настоящего предисловия — выделить и подчеркнуть именно те моменты в истории концерна, которые связаны с тремя сторонами его деятельности: неразрывными связями с военными авантюрами как кайзеровской Германии, так и фашистского рейха, тесным альянсом с руководителями нацистской империи и переплетением его интересов с интересами американских монополистических компаний. Именно эти три сферы и составляют суть деятельности «И. Г. Фарбениндустри» на протяжении всей его истории. И об этом Дж. Боркип пишет убедительно и правдиво.

Рассматривая аспект деятельности концерна, связанный с подготовкой и ведением германским империализмом захватнических войн, мы сразу же обнаруживаем определенную закономерность: чем более интенсивными становились военные приготовления, чем более агрессивный характер приобретали действия реакционных правителей Германии, начиная от кайзера Вильгельма и кончая Гитлером, тем больше процветал концерн «И. Г. Фарбениндустри».

Именно этот вывод вытекает из анализа Дж. Боркипом деятельности концерна в военной области, хотя этот вывод прямо и не сделан автором.

Образно говоря, «И. Г. Фарбениндустри» вырос на дрожжах военных авантур Германии, прежде всего в результате развязывания первой мировой войны 1914—1918 годов. В те годы в разгар военных действий концерн совершил решающий «рывок» с целью установить свое господство над всей химической промышленностью Германии. Это произошло в 1916 году, когда созданное Карлом Дуисбергом объединение химических заводов в Хёхсте, Людвигсхафене и Леверкузене, получившее название *Interessen-Gemeinschaft (I. G.)*, то есть «общность интересов», поглотило большинство химических предприятий кайзеровской Германии. Именно первая мировая война показала германским промышленникам все преимущества концентрации в одних руках химического производства для успешного ведения военных действий.

В период подготовки германского империализма ко второй мировой войне — самой страшной и кровопролит-

ной в истории человечества — новый германский химический концерн продолжал укреплять свои позиции.

К началу второй мировой войны в его состав входило 177 заводов в самой Германии и около 200 заводов в других странах, а к концу войны концерн объединял 380 германских фирм, и его влияние распространялось на 500 иностранных компаний в 93 странах. «И. Г. Фарбениндустри» занимал ведущие позиции в фармацевтической промышленности, в производстве красителей, искусственных удобрений, взрывчатых веществ, синтетического каучука, пластмасс, химического оборудования и т. д.

Однако влияние «И. Г. Фарбениндустри» не ограничивалось экономической сферой. Усиливалось и его политическое влияние на правящие круги фашистской Германии.

В своей книге Дж. Боркин показывает, какую роль сыграли руководители этого концерна в том, чтобы поставить у власти Гитлера, и к каким последствиям это привело. Это второй важный аспект исследования Дж. Боркиным деятельности «И. Г. Фарбениндустри», который также раскрыт им с большой убедительностью на основе использования во многом нового и чрезвычайно интересного материала, к которому он имел доступ, работая сначала в специальной комиссии сената США по расследованию деятельности военной промышленности, а потом техническим консультантом по патентным соглашениям и в антитрестовском отделе министерства юстиции.

Анализируя действия руководителей концерна, носившие во многом уголовно-преступный характер, автор смог использовать свой большой опыт юриста, чтобы найти новые подходы к раскрытию специфического характера деятельности руководящей верхушки этого внешне весьма солидного производственно-коммерческого объединения.

Хозяева «И. Г. Фарбениндустри» быстро поняли, что именно Гитлер даст им ту свободу действий, которой они всегда добивались. Особую активность они проявили накануне прихода фашистов к власти, когда решался вопрос, быть ли Гитлеру рейхсканцлером. В 1930 и 1932 годах руководители «И. Г. Фарбениндустри» установили с ним прямой контакт, обещая ему полную и безоговорочную поддержку. Их встреча с будущим фюрером готовилась

в глубокой тайне. Пока вопрос о власти еще не был решен окончательно, руководители концерна не афишировали свои связи с Гитлером. Но за кулисами они активно действовали в интересах нацистского фюрера, оказывая ему щедрую политическую и финансовую поддержку.

Так, после совещания видных представителей немецких промышленников и банковских воротил с Гитлером 20 февраля 1932 года, на котором Гитлер подробно изложил свою программу ремилитаризации Германии и подготовки новой войны, состоялся сбор пожертвований в кассу нацистской партии. На первом месте в списке тех, кто решил щедро финансировать Гитлера, стояла фамилия представителя «И. Г.», внесшего в фонд гитлеровской партии огромную сумму — 400 тыс. марок.

Дж. Боркин, приводя в книге любопытные подробности этой закулисной деятельности руководителей «И. Г. Фарбениндустри», естественно приходит к выводу о том, что они вместе с другими крупнейшими промышленными и финансовыми магнатами Германии несут прямую ответственность за «водворение» Гитлера в резиденцию германских рейхсканцлеров, назначение его главой германского правительства.

Союз между Гитлером и «И. Г.» был скреплен и тем, что в 1937 году все члены правления этого крупнейшего химического концерна — химические магнаты Фриц Тер Меер, Георг Шницлер, Карл Краух, Макс Ильгнер, Отто Амброс и другие — вступили в нацистскую партию. Руководители «И. Г.» не ошиблись в своих расчетах: сближение с нацистами привело к полному взаимопониманию партнеров в вопросе перевооружения Германии и подготовки фашистской агрессии, позволило концерну подчинить себе всю химическую промышленность страны.

В результате к тому времени, когда нацистская Германия развязала вторую мировую войну, «И. Г.» производил основные стратегические материалы — искусственный каучук и синтетическое горючее, необходимые для ведения войны.

Дж. Боркин рассказывает в своей книге о тесном сотрудничестве руководителей «И. Г.» с карательными органами фашистской Германии — СС и гестапо, рисует правдивую и страшную картину тех зверств в период второй мировой войны, в которых была непосредственно

замешана администрация «И. Г.». И это отличает его книгу от многих бесстрастно-повествовательных описаний истории «И. Г.», издающихся на Западе.

Во время войны руководство «И. Г.» решило значительно расширить производственную базу концерна, построив для этой цели несколько новых заводов. Самым значительным проектом, утвержденным фашистскими властями, было строительство большого завода по производству синтетического каучука — «буны». По соседству с ним предполагалось построить завод по производству синтетического горючего. Директором каучукового завода был назначен Амброз, директором завода по производству синтетического горючего — Бютефиш — два руководящих работника концерна «И. Г.», входивших в состав его правления.

Для строительства этого комплекса требовалось большое количество рабочей силы. И два руководителя «И. Г.» вместе с главарями СС нашли «выход из положения». Они решили соорудить оба завода рядом с концентрационным лагерем Освенцим, чтобы использовать заключенных, прежде чем их отправят в газовые камеры. О значении, которое руководство «И. Г.» придавало строительству этого комплекса, свидетельствует тот факт, что оно выделило для его завершения колоссальную сумму — 900 млн. марок. Это строительство контролировали крупнейшие нацистские руководители Геринг и Гиммлер, оказывавшие концерну всемерную помощь.

Это еще более укрепило союз между «И. Г.» и нацистской партией. На заводах «И. Г.» в Освенциме нашли свою смерть десятки тысяч узников этого концентрационного лагеря, поскольку (и об этом свидетельствуют приведенные в книге документы) условия работы на заводах «И. Г.» были чудовищны.

Книга Дж. Боркина является одновременно и напоминанием о прошлом, и предостережением на будущее.

Особо интересны разделы книги, в которых автор очень подробно и с большим знанием дела анализирует связи между химическим гигантом «И. Г. Фарбениндустри» и американскими монополиями, главным образом химической и нефтяной компанией «Дюпон де Немур». Эти связи он рассматривает с точки зрения того, насколько концерн «И. Г.» сумел внедриться в американскую экономику и оказать прямое воздействие не

только на деловую жизнь Соединенных Штатов, но и на их политическую и военную стратегию. Введенные им в научный оборот новые факты, касающиеся этих связей, поистине поразительны.

Связи между «И. Г.» и американскими компаниями, в большинстве случаев скрытые, позволили в частности «И. Г.» нанести огромный вред военным усилиям США и их западных союзников во время второй мировой войны.

Изучение большого количества документов позволило Дж. Боркину сделать вывод о наличии хотя и неоформленного, но реально существовавшего альянса промышленников главных капиталистических стран Запада, в котором германские и американские химические и нефтяные компании играли особо важную роль. Отношения между последними не прерывались даже в годы второй мировой войны.

Германские и американские компании совместно разрабатывали стратегию с целью сохранения господства германского монополистического капитала в случае поражения фашистской империи. И это в решающей степени способствовало возрождению после второй мировой войны крупнейших монополий в Западной Германии.

Далеко не со всеми положениями автора книги можно согласиться. Дж. Боркин, на наш взгляд, не всегда проявлял последовательность в разоблачении как деятельности самих заправил «И. Г.», так и результатов действий «всемирного альянса промышленников», о котором он сам же пишет. Он не учел такого фактора, как общность классовых интересов руководителей «И. Г.» и их американских коллег. А без этого невозможно понять феномен фашизма и политику американских коллег «И. Г. Фарбениндурии», а также других представителей американских монополий.

Приведенные автором документы говорят о том, что руководители «И. Г.» действовали не по принуждению, как считает большинство буржуазных авторов, особенно в ФРГ, изучающих историю концерна. Эти документы свидетельствуют о том, что руководители «И. Г.» сами проявляли инициативу в совершении преступных актов как на территории фашистской Германии, так и в оккупированных ею странах. Они охотно применяли нацистские методы и совершали свои преступления, надеясь

на победу гитлеровской Германии и подчинение Европы германскому империализму.

В надеждах на эту победу, то есть на распространение власти германского империализма и самых реакционных и воинственно настроенных элементов финансового капитала Германии, и заключался главный просчет «И. Г. Фарбениндустри». Вторая мировая война, затеянная фашистскими правителями Германии, закончилась полным крахом гитлеровского рейха. Главный вклад в разгром германского фашизма внес советский народ. Именно на советско-германском фронте фашистскому вермахту были нанесены сокрушительные удары, приведшие к капитуляции нацистской Германии. Путь к господству в Европе, а затем и во всем мире, по которому шли правители фашистской Германии, оказался для них путем к гибели.

Как же сложилась судьба концерна «И. Г. Фарбениндустри» после разгрома фашистской Германии во второй мировой войне?

В своей книге, носящей название «Преступление и наказание „И. Г. Фарбениндустри“», Дж. Боркин рассмотрел преступления крупнейшего германского химического концерна. Как известно, после окончания второй мировой войны американский суд вынес обвинительный приговор руководителям концерна, однако они не понесли в полной мере наказания за свои преступления. В приговоре отсутствовало главное — решение о полном уничтожении концерна, совершавшего не только коммерческие преступления, но и участвовавшего во всех кровавых злодеяниях гитлеровцев, в том числе в уничтожении тысяч людей, ставших жертвами бесчеловечной эксплуатации на заводах «И. Г.» в лагере смерти Освенциме. Поэтому можно с полным основанием сказать, что наказания за эти преступления не последовало. Вместо уничтожения концерна американская администрация разыграла фарс «декартелизации», формально разбив единый концерн на три самостоятельных концерна, которые вскоре восстановили свои старые связи. И не случайно Дж. Боркин заканчивает свою книгу словами, полными горькой иронии: «Герман Шмитц (один из руководителей «И. Г.») может теперь спокойно лежать в своей могиле — его миссия выполнена». Концерн «И. Г. Фарбениндустри» не только возродился в Западной Германии, но и стал

в наши дни одним из ведущих химических концернов капиталистического мира. Формально вместо него возникли три «концерна-наследника», которые составляют единое целое, хотя и имеют разные названия. Это компании «Хёхст» во Франкфурте-на-Майне, «Бадише апилин унд содафабрикен» («БАСФ») в Людвигсхафеле и «Байер» в Леверкузене. Председателями правлений этих монополистических объединений являются крупнейшие промышленники и финансисты, сосредоточившие в своих руках половину торгового оборота всей химической промышленности ФРГ, две трети экспорта и прямых инвестиций в иностранные химические фирмы и три четверти продукции, выпускаемой в других государствах. На заводах этих трех концернов занято 60% рабочих всей химической промышленности ФРГ.

В начале 80-х годов три «концерна-наследника» «И. Г. Фарбениндустри» заняли ведущее место среди крупнейших химических концернов капиталистического мира. Они оттеснили знаменитую американскую компанию «Дюпон де Немур» и английскую компанию «Империэл кемикл индастриз» соответственно на четвертое и пятое места. Первые три места прочно заняли компании «Хёхст», «Байер» и «БАСФ». А если иметь в виду совокупную мощь этих трех концернов, тесно связанных между собой узлами сотрудничества в области производства и противостоящих другим химическим концернам в конкурентной борьбе за прибыли и рынки сбыта, то они намного превосходят иностранные компании и образуют крупную химическую империю, которая оказывает немалое влияние на экономическую стратегию и даже политику капитализма в целом.

Работа Дж. Боркина, показавшего на основе огромного фактического материала деятельность крупнейшего германского химического концерна на протяжении всей истории его существования, принадлежит к числу тех исследований, которые помогают глубже понять механизм возникновения военно-промышленного комплекса, антигуманный характер финансового капитала и современное международное монополия.

И мы не сомневаемся, что советские читатели прочтут ее с большим интересом.

Д. Мельников

Мы должны остерегаться установления в высших правительственных органах неоправданного влияния военно-промышленного комплекса — желанного или нежеланного. Существует и будет существовать потенциальная опасность пагубного усиления неправильно используемой власти. Мы не должны допустить, чтобы сочетание [колоссальных вооруженных сил и крупной военной промышленности] поставило под угрозу наши свободы и демократические процессы.

Из прощального послания президента США Дуайта Д. Эйзенхауэра 17 января 1961 года

Вступление

Мое первое знакомство с концерном «И. Г. Фарбениндустри акциенгезельшафт» состоялось в начале лета 1934 года. Специальная комиссия сената США по исследованию деятельности военной промышленности только что привлекла меня к работе в качестве следователя. К счастью, моим непосредственным начальником был Х. К. Энгельбрехт, чья книга «Торговцы смертью» побудила сенатора Джеральда П. Ная потребовать этого расследования.

Чтобы облегчить мне работу, Энгельбрехт передал мне соглашение, заключенное между «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» и «И. Г. Фарбениндустри». Мне надлежало резюмировать этот сложный контракт, чтобы в нем могли разобраться сенаторы, входившие в состав комиссии. До этого мне не приходилось слышать о «И. Г. Фарбениндустри», который в последующие 44 года был моим Моби Диком*.

Из сенатской комиссии я захватил с собой дело «И. Г. Фарбен» в комиссию палаты представителей по патентам, где работал техническим консультантом по соглашениям о патентных пулах и обмену лицензиями. А в 1938 году перетащил своего «белого кита» в анти-трестовский отдел министерства юстиции. Там, работая начальником сектора патентов и картелей под руководством известного Термана Арнольда, я ввел программу картелей, по которой наступление на «И. Г. Фарбенинду-

---

* Моби Дик, Белый Кит, — персонаж философского произведения американского писателя второй половины XIX века Г. Мелвилла. — *Прим. перев.*

стри» продолжалось в течение всей второй мировой войны. В 1943 году я стал соавтором книги «Генеральный план Германии», в которой эта программа была подробно изложена. После войны, прочитав стенограмму Нюрнбергского процесса над военными преступниками из «И. Г. Фарбениндустри», я понял, что когда-нибудь напишу эту книгу.

От автора

Ценную помощь в подготовке книги мне оказали многие люди. Я хотел бы выразить свою признательность Мег Липри и Энн Грейг, перед которыми я в неплатном долгу; Терри Эллен, Морису Амчану, Карен Дэггл, Эллен Финкелстайн, Ньютону Фролиху, Полу Гэнту, Айрини Гордон, Полу Грину, Айрис Линсон, Джону Мендельсону, Элис Мостофф, Аните Навон, Джону Пеле, Хаймену Ритчину, Джону Тейлору, Роберту Вулфу и покойному Ричарду Бауэру за их особый вклад в мою работу; главному редактору «Фри пресс» Чарлзу Смигу; Мадлен Сэнн, редактировавшей рукопись; заведующему производством Элли Дикасону; художнику Майку Макайверу, оформившему суперобложку, и моей жене Полине за ее преданность и поддержку еще со времени работы в комиссии Ная, когда мы оба впервые столкнулись с делом «И. Г. Фарбениндустри».

Введение

«Без огромных производственных мощностей «И. Г. Фарбениндустри», его широкой программы исследовательской работы, многостороннего технического опыта и всемерной концентрации экономической мощи Германия была бы не в состоянии начать агрессивную войну в сентябре 1939 года»¹ — такой вывод сделала группа гражданских и военных экспертов, которым генерал Эйзенхауэр поручил по окончании второй мировой войны провести всестороннее расследование вклада «И. Г. Фарбениндустри» в военные усилия нацистской Германии. Каким бы экстравагантным такое заключение ни показалось в то время, история подтвердила его правильность.

«И. Г. Фарбениндустри» поистине был могучим промышленным колоссом. Его объявленные и скрытые активы были столь велики, научно-технические знания столь совершенны, а масса его патентов столь грандиозна, что он доминировал над всей мировой химической промышленностью. «И. Г. Фарбениндустри» еще больше укрепил свое коммерческое лидерство, создав сложную сеть картелей, в которую входили такие индустриальные гиганты, как французская фирма «Кульман», британская «Империэл кемикл индастриз», итальянская «Монтекатини», чехословацкая «Ауссигер ферейн», польская «Борута», японская «Мицуи» и американские компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Дюпон» и «Доу кемикл».

Но «И. Г. Фарбениндустри» был не только корпоративной империей. Благодаря исключительному мастерству его ученых и инженеров он добился того жизненно необходимого самообеспечения, которое позволило Германии маневрировать в политике с позиции силы. Из лабо-

ракторий и с заводов этого концерна шел поток стратегического сырья, которое Германия не могла получать за счет собственных природных ресурсов, — синтетических заменителей нефти, каучука, нитратов и волокна. Кроме того, он производил вакцины, сыворотки и такие медикаменты, как сальварсан, аспирин, атакрин, новокаин и сульфамидные препараты, а также отравляющие вещества и ракетное топливо. Лишь немногие университеты могли сравниться с ним по числу Нобелевских премий, полученных его учеными: Паулем Эрлихом за сальварсан, Фрицем Габером за фиксацию азота, Карлом Бошем за синтезирование селитры и бензина и Герхардом Домагом за сульфамидные препараты.

Густав Штресеман, канцлер и министр иностранных дел в период Веймарской республики, сказал однажды: «Без „И. Г. Фарбениндустри“ и угля у меня не может быть никакой внешней политики». Но самую большую услугу «И. Г.» оказал нацистам. Имея «И. Г.» и уголь, Адольф Гитлер собирался покорить весь мир.

Гитлер оказался способным учеником, хорошо изучив слабые стороны Германии, из-за которых она была поставлена на колени в первую мировую войну. Ее поражение заставило его глубоко осознать тот прискорбный факт, что скудные ресурсы Германии лишают ее стратегического сырья, необходимого для современных войн. Разрабатывая планы подготовкой ко второй мировой войне, он покаялся исправить это нарушение равновесия в природе страны с помощью науки и техники.

Результатом этого явился странный альянс между Гитлером и «И. Г.». Гитлер презирал «И. Г.» за его «интернационализм» и за чрезмерно большое число евреев среди его директоров и ученых. Карл Бош, возглавлявший «И. Г.» в тот период, когда Гитлер пришел к власти, был в промышленных кругах самым откровенным антинацистом. В свете последующих событий как иронию можно воспринимать то, что в первые годы существования третьего рейха нацисты официально заклеили «И. Г.» как неарийскую компанию. Но Гитлеру нужен был талант «И. Г.», а «И. Г.» нужна была поддержка Гитлера. По мнению Гитлера, первая и важнейшая задача «И. Г.» состояла в том, чтобы освободить немецкую дипломатию от уз, связывавших ее с нефтяными источниками и каучуконосными плантациями ее врагов.

О том, насколько ей это удалось, свидетельствует самая жестокая и механизированная война из всех войн в мире. В течение пяти с половиной лет горючим для гитлеровских танков, грузовиков и самолетов служил бензин, поставляемый «И. Г.», а потребность в резине удовлетворялась за счет каучука «И. Г.». Успешная деятельность «И. Г.» сделала его необходимым для Гитлера.

Дело, однако, было не только в необходимости. В ходе войны «И. Г.» все крепче сжимал Гитлера в своих объятиях. С помощью вермахта и нацистского аппарата он ограбил химическую промышленность Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии и Франции. Кроме того, он вынашивал планы втянуть в свою орбиту Англию, Соединенные Штаты и Советский Союз.

Но этим моральное падение концерна «И. Г. Фарбениндустри» не закончилось. Понадобилось лишь немного времени, чтобы он примкнул к нацистам в осуществлении широкой программы принудительного труда, в ходе которой миллионы жертв из побежденных стран стали рабами, которых использовали для удовлетворения нужд германской военной промышленности. Но рабство было только одним из шагов на пути к обезчеловечению и победителя и побежденных. «И. Г. Фарбениндустри» обнаружил, что он играет роль некоего промышленного Фауста, не имея ни возможности, ни желания освободиться от заключенной с Гитлером договоренности помочь ему подготовить нацистов к войне. Наивысшей степени их партнерство достигло в Освенциме — лагере смерти, где в соответствии с «окончательным решением еврейского вопроса» — гитлеровским планом истребления целого народа — было уничтожено 4 млн. человек. «И. Г.», который привлекала перспектива почти безграничного использования рабочей силы в этом лагере смерти, решил построить в Освенциме крупнейший промышленный комплекс для производства синтетического каучука и бензина. Это предприятие было так велико, что потребляло столько же электроэнергии, сколько и весь город Берлин. Более 25 тыс. заключенных заплатили своей жизнью за его строительство.

После поражения Германии кошмарная деятельность «И. Г.» в Освенциме не оставляла сомнений в том, что тем, кто был причастен к ней, придется отвечать за свои

действия. Военному трибуналу США в Нюрнберге было представлено обвинительное заключение, в котором 24 члена высшего руководства «И. Г.» обвинялись в совершении военных преступлений. Главный представитель обвинения от США на Нюрнбергском процессе генерал Телфорд Тейлор в своем выступлении так изложил суть обвинительного заключения:

Серьезные обвинения в настоящем судебном деле не были результатом поверхностных или непромышленных действий. Обвинительное заключение возлагает на этих людей основную ответственность за вовлечение человечества в самую опустошительную и катастрофическую войну в истории человечества. Оно обвиняет их в массовом порабощении, грабежах и убийствах. Это страшные обвинения; никто не должен сбрасывать их со счетов, отнесясь к ним легковесно, или исходя из чувства мести, или без глубокого и проникновенного сознания ответственности, каковую он тем самым берет на себя. В настоящем деле нет места для смеха, как нет его и для ненависти.

И все же, несмотря на ужасающую серьезность обвинений, обстановка на суде, когда обвиняемые занимали свои места на скамье подсудимых в нюрнбергском Дворце правосудия, походила скорее на антитрестовский процесс, чем на суд над людьми, обвиняемыми в массовых убийствах людей. 23 обвиняемых (двадцать четвертый обвиняемый, Макс Брюгеман, не присутствовал на суде по состоянию здоровья), принадлежали к промышленной элите Германии, а не к гитлеровским молодчикам в черных и коричневых рубашках. Они представляли собой уникальное в частном промышленном предприятии сочетание научного гения и коммерческой смекалки. Это были именно те руководители, которые обеспечили «И. Г.» главенствующее положение в мире техники и коммерции. Они входили в состав руководства самых престижных корпораций не только в своей собственной стране, но и за границей, где на них взирали с благоговением и восхищением. Когда их призывало к этому правительство, они занимали официальные посты, ссылаясь на необходимость служения обществу. Подобно своим коллегам во всем мире, они принадлежали к числу виднейших лиц, поддерживавших деятелей в области культуры, благотвори-

рительности и религии, используя для этого свое имя, время и деньги.

История о том, как эти люди оказались в конце концов в зале судебных заседаний в Нюрнберге, где их заклеямили как «химиков дьявола» и обвинили в чудовищных зверствах, может послужить серьезнейшим уроком для всего мира.

До 1856 года все красители, которые люди употребляли для окраски одежды, домов и произведений искусства, они получали из насекомых, коры деревьев, ягод, внутренних органов животных и яиц. В 1856 году восемнадцатилетний студент Уильям Генри Перкин, изучавший химию в Королевском колледже в Лондоне, во время опытов с целью получения синтетического хинина из каменноугольной смолы обнаружил нечто гораздо более ценное. Вместо хинина пробирку заполнила ярко-фиолетовая жидкость. А с появлением первого анилинового красителя родилась и новая отрасль промышленности.

Хотя свое замечательное открытие Перкин сделал случайно, у него хватило ума осознать его огромные потенциальные возможности. Сделав заявку на патент, он открыл фабрику для коммерческой эксплуатации нового красителя. Но Перкину суждено было разделить судьбу всех пророков. Его собственные соотечественники не сумели полностью оценить ни будущее значение, ни промышленные возможности его открытия. Немцы же поняли, какое большое будущее у синтетических красителей. Ученые-бизнесмены из Германии поселились на достаточно длительный срок в Англии, чтобы освоить новую технологию, а затем использовать ее у себя на родине.

То, что они сделали, было поистине промышленным чудом. С чисто немецким умением превратив отбросы в источник богатства, эти талантливые плагиаторы преобразовали горы каменноугольной смолы — эти дорогостоящие отходы сталелитейных заводов Рура — в ценнейший продукт, в сырье для новой, перспективной промышленности по производству красителей.

К началу XX века шесть немецких компаний уже господствовали в области мирового производства и распределения синтетических красителей, и в Германии, и

за границей их называли «большой шестеркой». В их число входило три крупнейших предприятия:

«БАСФ» («Бадише анилине унд содафабрик», Людвигсхафен); «Байер» («Фарбенфабрикен», ранее «Фридрих Байер унд К^о», Леверкузен); «Хёхст» («Фабверке», ранее «Мейстер Люциус унд Брюнинг, Хёхст-на-Майне»).

Не намного отставали от них три менее крупные компании: «Агфа» («Акциенгезельшафт фюр анилинефабрикатен», Берлин); «Касселла» («Леопольд Касселла унд К^о», Франкфурт); «Калле» («Калле унд К^о», Бибрик).

Уже сам по себе успех в борьбе за монополию на мировом рынке привел немецких промышленников к ожесточенной дорогостоящей конкуренции за более значительную долю на прибыльных внешних и внутренних рынках. Сбивание цен, длительные патентные тяжбы, премии клиентам и взятки с целью заполучить технические секреты других фирм — по существу, все известные формы беспощадной конкуренции — омрачали работу по всей отрасли промышленности. Связанные с этим потери прибылей и замедление ее развития побуждали руководителей промышленности искать выход из положения. Первый шаг к тому, чтобы навести порядок вместо существовавшего хаоса, сделал управляющий фирмой «Байер», один из виднейших представителей этой отрасли промышленности, Карл Дуисберг.

По своим способностям и профессиональной подготовке Дуисберг очень подходил для этого. Это был уважаемый, даже блестящий специалист по производству красителей, о чем свидетельствовало множество полученных им ценных патентов. О его деловых способностях говорили финансовые успехи его компании и созданная им во всем мире сеть организаций по сбыту продукции фирмы «Байер». По своему характеру Дуисберг был одновременно властным и гибким человеком. Это был надменный пруссак, не терпевший возражений ни в личной, ни в деловой жизни. В политическом отношении он был ярким пангерманистом, страстно верившим в миссию Германии в мировой политике. Приверженец «принципа фюрерства» в политической и деловой жизни, он следовал ему задолго до того, как мир услышал о Гитлере. В то же время Дуисберг был абсолютным оппортунистом и никогда не допускал, чтобы его приверженность принципам мешала интересам дела. Как при кайзере, так и

в период Веймарской республики и при нацистах он всегда осуществлял необходимые коррективы и неизменно преуспевал.

В 1903 году Дуисберг совершил поездку в США, чтобы начать строительство нового завода фирмы «Байер» в Ренселере (штат Нью-Йорк), на котором должно было производиться ограниченное количество красителей и медикаментов. Ему не очень нравился этот проект — главным образом потому, что он шел вразрез с политикой в промышленности по производству анилиновых красителей, направленной на защиту ее монополии путем отказа от строительства заводов за пределами Германии. Эта политика обеспечивала защиту немецких технических секретов и квалифицированных кадров от пиратской тактики иностранных компаний. К сожалению, единственной возможностью обойти положения нового американского закона о тарифах, направленного, как считал Дуисберг, против фирмы «Байер», было строительство завода в Ренселере. Но даже в этих условиях продукция завода ограничивалась несколькими видами красителей и аспирином.

Неожиданно для Дуисберга эта поездка имела для него благоприятные последствия. Ознакомившись с развитием трестов в США, которые, несмотря на принятый за 13 лет до того антитрестовский закон Шермана, процветали, он сразу же составил план действий. Особое его внимание привлек трест Джона Рокфеллера «Стандард ойл компани». Он вернулся в Германию с намерением убедить своих коллег и конкурентов в том, что спасти их может формула, применявшаяся этой компанией.

Все остальные члены «большой шестерки» одобрили основную цель Дуисберга — покончить с расточительной конкуренцией. Однако они возражали против отказа от контроля над делами своей собственной корпорации в такой степени, которая существовала в организациях трестов типа «Стандард ойл». Но притягательная сила предложения Дуисберга возымела свое действие. Фирмы «Байер», «БАСФ» и «Агфа» создали не связывавшее их жесткими обязательствами объединение по типу *Interessen-Gemeinschaft*, применявшемуся в ряде отраслей промышленности Германии, что приблизительно означает «общность интересов». Вскоре аналогичную организацию

Interessen-Gemeinschaft создали фирмы «Хёхст», «Касселла» и «Калле». В обоих случаях «общность интересов» сводилась к ограничению конкуренции между состоявшими в организации фирмами — главным образом с помощью формулы раздела прибылей. Каждое из этих предприятий полностью сохраняло свою самостоятельность и контроль над своей собственной политикой и деятельностью. Важнее всего было то, что положения, регулировавшие деятельность объединения, относились только к производству красителей. Участники соглашения об «общности интересов» имели право использовать и производить другие виды продукции, не считаясь с установленными картелем правилами и ограничениями.

С точки зрения истории и интересов промышленности это исключение из общего правила имело немалое значение. Хотя «товарным производством» этой отрасли промышленности оставались красители, крупнейшие компании развивали и другие немаловажные и очень выгодные направления деловой активности. Эти сопутствующие виды деятельности в конечном счете возобладали над производством красителей. Фирма «Агфа» стала крупнейшим в Европе производителем и поставщиком фотоматериалов. Ее торговую марку «Агфа» можно было видеть в магазинах фототоваров во всем мире. «Байер» и Хёхст» создали исключительно рентабельные фармакологические виды продукции, ставшие ведущими в этой области, и сбытовые организации во всех странах мира. Так, «Хёхст» оказывала поддержку исследовательской деятельности Пауля Эрлиха, которая привела к открытию им сальварсана, препарата для лечения от сифилиса. В результате Эрлих завоевал себе неуываемую славу и получил Нобелевскую премию, а компания «Хёхст» приобрела патент на монопольную торговлю чрезвычайно доходным медикаментом. «Хёхст» разработала также болеутоляющий препарат новокаин, который повсеместно стали применять терапевты и стоматологи. Эта продукция принесла торговой марке «Хёхст» широкое признание.

В еще более крупных масштабах производила медикаменты фирма «Байер». В ее лабораториях был создан аспирин — самое известное в мире домашнее болеутоляющее и жаропонижающее средство. Именно компания

«Байер» несет ответственность за появление на рынке героина, который она продавала как лекарство от морфинизма и средство от кашля, действующее особенно благотворно на детей. Позднее, в период подготовки ко второй мировой войне, байеровские лаборатории разработали метадон в качестве синтетического заменителя морфия. Вначале он получил название «долофин», в честь Адольфа Гитлера. В настоящее время метадон применяется в основном для лечения наркоманов, употребляющих героин. Первоначальные опыты по получению сульфамидных препаратов, как и атабрина, самого эффективного средства для борьбы с малярией, также производились в пробирках байеровских лабораторий. По существу, не было такой больницы или аптеки, где нельзя было бы найти продукции фирмы «Байер».

Но право называться самой предприимчивой из всех компаний «И. Г.», несомненно, принадлежит «БАСФ». Однако в противовес фирмам «Байер», «Хёхст» и «Агфа» «БАСФ» не предназначала своей продукции, не связанной с производством красителей, для широкой публики, вследствие чего торговая марка «БАСФ» длительное время не была широко известна в быту. Но в конференц-залах корпораций и в научных организациях ее название и мощь внушали уважение и вызвали восхищение.

Становление «БАСФ» в качестве концерна происходило на первоначальных этапах развития новой технологии производства красителей. Вначале эта отрасль промышленности выпускала красные и желтые краски, производство которых она освоила довольно быстро. Но открыть секрет производства синтетических синих красителей оказалось более трудным делом, поэтому мир некоторое время вынужден был рассчитывать только на Китай, этого поставщика натурального красителя индиго. Изобретателя приемлемого синтетического заменителя индиго ожидали огромные награды, и роль «БАСФ» в этих поисках стала легендарной в истории производства красителей.

Председатель правления «БАСФ» Генрих фон Брунк, исключительно талантливый и изобретательный химик, специалист по производству красителей, уговорил дирекцию «БАСФ» приложить все усилия, чтобы найти синтетический заменитель индиго. Еще задолго до осуществления

своего проекта Брунк вложил в это предприятие большую часть капитала «БАСФ». Кое-кто из директоров был против этих поисков, заявляя, что требовавшиеся для них огромные капиталовложения стали угрозой для самой структуры концерна. К счастью, технические специалисты и ученые «БАСФ» добились своей цели прежде, чем этот внутренний конфликт достиг кульминации. Из чанов фирмы «Байер» потекли великолепные синтетические краски индиго. Когда прибыли компании стремительно возросли, к Брунку пришло признание. С осуществлением этого проекта для производства натуральных красителей пробил смертный час, а изобретение компании «Байер» и его последующий успех сделали ее лидером в этой отрасли промышленности. Решающими элементами в ее превращении в концерн стали коммерческая смелость и технологическое совершенство.

Готовность «БАСФ» идти на большой риск проявилась еще более отчетливо в другом дерзком проекте, последовавшем за успехом, достигнутым в производстве синтетического красителя индиго. На этот раз дело касалось поисков синтетического нитрата, который избавил бы Германию от зависимости от Чили, монополизировавшей производство природного нитрата. Для «БАСФ» это мероприятие было связано со значительно большим научным и деловым риском, чем тот, на который она пошла в авантюре с индиго. Но Брунк, уверенность которого в успехе упрочилась благодаря победе с индиго, принял решение идти ва-банк.

В конце XIX века многие ученые высказывали подкрепленное фактами и цифрами мнение о том, что бурный рост населения в мире явно угрожает превысить его продовольственные ресурсы. Дух Мальтуса снова стал витать над человечеством. Самое перспективное решение этой проблемы заключалось в расширении применения удобрений. Но, как предупреждал кое-кто из тех, кто бил в набат, такой путь к ее решению осложнялся неравномерным распределением природных ресурсов земного шара. Монополия на мировые запасы натуральных нитратов — самых эффективных удобрений — принадлежала Чили, а Чили, как это свойственно всем монополистам, назначала за них максимальные цены, какие только мог позволить рынок. Однако многие специалисты в этой об-

ласти, такие, например, как сэр Уильям Крукс, выражали опасения, что природные резервы нитратов в Чили будут вскоре истощены. Мрачные перспективы всемирного голода подчеркивали представлявшуюся вследствие этого возможность получения больших финансовых доходов в случае, если удастся наладить производство синтетических нитратов.

Существовала и другая возможность, которая также должна была ускорить попытки лишить Чили этой монополии. Нитраты были необходимым компонентом всех взрывчатых веществ, в том числе и пороха. Но по причинам, которые вполне ясны, германский генеральный штаб как будто не беспокоился о том, что контроль над запасами столь необходимого для военных действий сырья принадлежит Чили. А значение этой монополии Чили на случай войны не вызывало у частных производителей взрывчатых веществ интереса к поискам альтернатив. С коммерческой точки зрения для них было выгоднее ввозить нитраты из Чили, чем предпринимать меры по изысканию синтетических заменителей, которые не обещали определенных результатов и дорого бы обошлись. В мирные времена порох не был источником высоких прибылей.

Иначе обстояло дело в отношении надвигавшегося продовольственного кризиса. Фермеры всего мира обеспечивали огромный рынок сбыта удобрений. Многие научные организации и частные концерны, которых привлекала перспектива завоевания славы и больших прибылей, включились в гонку за получение синтетических нитратов. Отнюдь не на последнем месте среди них была фирма «БАСФ». Опыты с получением синтетических нитратов различными методами проводили не только ее талантливые ученые и инженеры; фирма предоставляла крупные субсидии и отдельным ученым, занимавшимся исследовательской работой в университетах.

В 1909 году «проект азот» фирмы «БАСФ» «сорвал банк». Преподаватель техникума Фриц Габер, получивший субсидию от «БАСФ», добился крупнейшего научного успеха. Применяя очень высокое давление и температуру, он сумел связать атмосферный азот с содержащимся в воде водородом и получить аммиак. Это явилось поворотным пунктом в развитии химии и завоевало Габеру признание ученых всего мира.

Но прежде, чем великое открытие Габера могло стать рентабельным, предстояло совершить еще один шаг: «БАСФ» должна была превратить лабораторное достижение Габера в крупномасштабную промышленную операцию. Старейший Брунк поручил эту задачу своему протеже Карлу Бошу, многообещающему тридцатичетырехлетнему инженеру-металлургу, который одним из первых осознал колоссальное значение работы Габера. У Брунка было мало технических оснований сомневаться, что Бош справится с такой задачей. Но директорат «БАСФ» ставил под сомнение целесообразность финансовых капиталовложений в технически неизведанную область. Поручение этого дела еще неопытному тридцатичетырехлетнему человеку нельзя было считать вполне оправданным деловым решением. Но Брунк не мог мириться с отказом. Он сравнивал это мероприятие с риском, на который фирма пошла ранее в производстве индиго. Директора капитулировали и приняли решение приступить к работе.

Задача, стоявшая перед Бошем, заключалась в том, чтобы спроектировать и построить промышленное предприятие, способное работать в условиях высоких давлений и температур, которых требовал процесс Габера. Чтобы укротить эти «буйные силы», надо было изыскать катализаторы для ускорения процесса и изобрести сплавы, которые обеспечили бы прочность оборудования.

Местом строительства нового завода Бош избрал Оппау, неподалеку от правления «БАСФ» в Людвигсхафене. Он работал как одержимый, понимая, что здоровье Брунка ухудшается, а поддержка со стороны членов правления висит на волоске. По мере роста технических трудностей и расходов беспокойство членов правления усиливалось. После смерти Брунка в конце 1912 года задачи, стоявшие перед Бошем, осложнились еще больше. Но осенью 1913 года, раньше намеченного срока, он добился своей цели. После завершения строительства и пуска в эксплуатацию завода в Оппау началось массовое производство синтетического аммиака. Успех, достигнутый Бошем в области технической термодинамики, получил признание во всем мире как первоклассное техническое достижение. Вскоре ученые всех стран поставили Боша почти на один уровень с Габером, называя новый

метод «процессом Габера — Боша». Для инженера это являлось исключительно высоким признанием его заслуг со стороны представителей «чистой» науки. А двадцать лет спустя это достижение принесло Бошу Нобелевскую премию, которой в его лице впервые был удостоен инженер.

Казалось, «БАСФ» обеспечила себе колоссальные финансовые доходы, и Бош стал одной из звезд в компании. Он был избран членом правления, и ему явно предстояло впоследствии возглавить руководство компании.

1. Первая мировая война

К началу июля 1914 года, за месяц до войны, завод в Оппау выпускал 40 тонн синтетического аммиака в день — в основном в качестве сырья для производства азотных удобрений. Но от внимания Боша не ускользнул и военный потенциал, связанный с работой завода. В течение некоторого времени он получал в своей лаборатории путем окисления выпускаемого заводом в Оппау аммиака небольшие количества селитры (NaNO_3) — основного сырья для производства пороха. Ввиду отсутствия всякого интереса к его работе со стороны правительства Бош не считал нужным тратить деньги или время на ее расширение за рамки лабораторных экспериментов. Полученный им опыт он приберегал на будущее.

Проблема производства селитры настолько мало интересовала германский генеральный штаб и министерство обороны, что после 1 августа 1914 года, когда разразилась война, в Оппау было мобилизовано в армию так много крупнейших специалистов и рабочих, что завод пришлось закрыть. Не прошло и полутора месяцев, как настал час расплаты. Однако закрытие завода в Оппау не было результатом ошибки или легкомыслия германской военной машины. Скорее, оно явилось логическим следствием основной военной стратегии, которой успешно следовал германский генштаб после победы над Францией в 1871 году и которая непрерывно перерабатывалась и совершенствовалась впоследствии, в период подготовки к новой войне Германии с Францией, Англией и Россией. Эта политика, усовершенствованная генералом графом Альфредом фон Шлиффеном, занимавшим пост на-

чальника генштаба с 1895 по 1906 год, стада для германского генштаба своего рода библией.

Конечной целью плана Шлиффена была не просто победа, а скорейшая победа. Такой победы предстояло добиться путем массивного нападения на Францию основными силами германской армии, в то время как Россию должны были сдерживать минимальные силы. Предполагалось, что после поражения Франции Россию легко будет разгромить, обрушив на нее всю мощь германского оружия. У Англии, оказавшейся в изоляции, не осталось бы иного выхода, как просить Германию о мире.

По замыслу Шлиффена при разработке военных планов нечего было и думать о перспективе длительной войны для Германии. Он считал равновесие политической и индустриальной структур современных государств настолько ненадежным, что они не могли бы долго противостоять разрушительной мощи и бурному натиску боевой техники XX века. Последующие за этим социальные потрясения в тылу пагубно отразились бы на военных действиях на фронте. Шлиффена не интересовал производственный потенциал промышленности. От гражданского населения он хотел только соблюдения общественного порядка и невмешательства в военные действия. Проблема обеспечения сырьем издавна была заботой промышленности и поэтому не должна была отвлекать внимание от задачи скорейшего достижения победы. В молниеносной войне промышленность не могла играть особенно важную роль, а в длительной войне она создала бы только дополнительные трудности для армии. Таков был неколебимый завет Шлиффена генеральному штабу. Ни он, ни генеральный штаб не понимали, что именно мобилизация промышленности делала возможными войны на истощение и что ключом к победе было промышленное превосходство. Этот промах с их стороны имел роковые последствия.

Бросить вызов военным планам генштаба пришлось представителю промышленности. Спустя неделю после начала войны глава немецкого концерна по производству электроэнергии и электрооборудования «АЭГ» («Альгейме электрицитетс гезельшафт») Вальтер фон Ратенау явился к военному министру Эриху фон Фалькенхайну с мрачным сообщением. Военное ведомство, даявил Ратенау, совершило такую грубую ошибку, каждая, если она

не будет вскоре исправлена, может привести к поражению Германии¹. Ратенау не был рядовым промышленником. Он был директором ста с лишним крупных промышленных объединений в самой Германии и в других странах Европы и видным представителем интеллигенции; его книги получили серьезное признание в университетских и дипломатических кругах. Не менее важно было то, что Ратенау являлся и политическим деятелем: семь лет спустя он стал министром иностранных дел Германии. Вполне вероятно, что военный министр уже с подозрением относился к эйфории, проявлявшейся его коллегами, которые направляли военные усилия Германии, ибо, несмотря на лежавшее на нем огромное бремя других обязанностей, он нашел время, чтобы выслушать Ратенау.

По словам Ратенау, германский генеральный штаб делал столь большую ставку на молниеносную войну, что не разработал резервного плана ведения длительной войны и полностью игнорировал роль промышленности во всех своих скрупулезных мероприятиях по подготовке к войне. Ратенау указал на отсутствие подготовки к обеспечению непрерывных поставок сырьевых материалов для нужд промышленного производства — даже для заводов, занятых производством пороха и других военных материалов. Еще больше осложнил бы и без того тяжелое положение Германии в ходе войны тот прискорбный факт, что природа обделила ее сырьевыми ресурсами. Целый ряд стратегических сырьевых материалов, таких как нитраты, нефть, каучук и многие металлы, она могла получать только за границей. Без них в военной промышленности Германии сложилось бы опасное положение. Без поступления из-за границы этих сырьевых материалов в течение длительного времени важнейшие отрасли промышленности оказались бы на мели.

Ратенау не понимал, почему генеральный штаб преглядел эту явную слабость Германии. Противник же, разумеется, знал о ней. Основная стратегия союзников учитывала эту ахиллесову пяту германской военной экономики. Задачей британского флота было задушить Германию, заставив ее в конечном счете капитулировать. Если германский генеральный штаб не осознавал полностью значение блокады, то представители германской промышленности, безусловно, понимали это. Они уже

ощущали на себе последствия окружения Германии боевыми кораблями противника, постепенно перерезавшими главные каналы ее снабжения. Вскоре должна была начаться нехватка сырья. Отстраняя промышленников от участия в военном планировании и игнорируя проблему снабжения сырьем, генеральный штаб, как утверждал Ратенау, играл на руку врагу.

Но Ратенау отнюдь не пророчил стране катастрофу. Напротив, он явился с конкретными предложениями о том, как компенсировать недальновидность военных, на которых он совершал свои нападки. Он рекомендовал создать систему контроля, включив в нее нормирование снабжения, а также систему приоритетов в целях экономии ограниченных запасов стратегических сырьевых материалов, импорту которых препятствовал теперь британский флот. Не менее важное значение Ратенау придавал предложенной им программе максимального развития производства синтетических материалов и других заменителей дефицитного сырья.

Генерала Фалькенхайна, человека незаурядного ума, убедили доводы Ратенау. Он занимал достаточно высокий пост, чтобы принять действенные меры, рекомендованные Ратенау. Генерал Фалькенхайн приказал создать в рамках военного министерства Управление по военным сырьевым материалам, руководителем которого он немедленно назначил Ратенау. Последний, не теряя времени, укомплектовал это ведомство группой избранных ученых и промышленников. Первоочередной задачей нового управления было точно установить, каково обеспечение страны сырьем. Под нажимом Ратенау управление немедленно провело обследование работы 900 фирм, производивших военные материалы. Результаты обследования подтвердили худшие опасения Ратенау, а именно что германская промышленность располагала не более чем полугодовым запасом импортного сырья². Ограниченные запасы нитратов делали особенно уязвимым производство пороха. Пока контроль над морями осуществлял британский флот, перспектива пополнения запасов нитратов за счет поставок из Чили была крайне ненадежной. Если бы война затянулась еще на полгода, в стране возник бы серьезнейший кризис в области производства военных материалов. Истощение запасов пороха для армии явилось бы небывалой катастрофой. Чтобы заняться этой

проблемой вплотную, Ратенау назначил руководителем химического отдела нового ведомства Фрица Габера, работавшего в то время в Институте физической химии и электрохимии имени кайзера Вильгельма. Создатель синтетического аммиака привел с собой отборную группу лауреатов Нобелевской премии и других научных светил, и вскоре этот отдел стал известен как «бюро Габера».

Быстрое расширение деятельности «бюро Габера» овидетельствовало о первостепенном значении, которое Ратенау придавал проблеме нитратов. Он предупредил высших офицеров военного министерства, что британская блокада сделала невозможными поставки из Чили. Запасы нитратов резко сократились, и любые крупные наступательные военные действия той или другой стороны сделали бы положение с производством пороха критическим. Бюрократический аппарат военного министерства, все еще находившийся под влиянием политики Шлиффена и убежденный в успешности его так называемого плана, оставался безразличным к призыву Ратенау осуществить конструктивные меры. Незирая на то что Ратенау был крупным промышленником, получившим назначение от самого Фалькенхайна, прусские офицеры в военном министерстве традиционно были настроены против него как еврея и гражданского лица. Они предупредили его, что нехватка нитратов вскоре неблагоприятно отразится на военном положении Германии, и предложили не вмешиваться в чисто военные дела ³.

Но высокомерие предшествует катастрофе, и час расплаты уже близился. В исторической битве на Марне в сентябре 1914 года, когда уже почти виден был Париж, стремительный бросок германской армии к победе был внезапно остановлен неожиданным контрнаступлением французов, сорвавшим расчеты вермахта на скорую победу. План Шлиффена был развеян в прах и похоронен в окопах, которые вынуждены были вырыть противостоявшие друг другу стороны. Столкнувшись с устрашающей перспективой затяжной войны на истощение, военная бюрократия не могла больше игнорировать Ратенау. Жестокие бои поглотили пороха больше, чем предполагалось. Внезапно даже самые тупые офицеры военного министерства осознали грозную опасность британской блокады.

Кризис с военными материалами драматическим образом поднял авторитет Ратенау. Нитраты стали для военного министерства задачей номер один. Вот-вот должна была начаться «война химиков». Ратенау, которого поддерживал Габер, убедил военное министерство как можно скорее вызвать в Берлин Боша⁴. Теперь непосредственным и самым опасным врагом Германии стало время. Сразу же после прибытия Боша его потащили на совещание с представителями военного руководства, занимавшимися проблемой нехватки пороха. Бош был потрясен их невежеством. Некоторые из них и понятия не имели о полной зависимости Германии от Чили в отношении поставок серитры. Бош разъяснил им, что превосходство синтетического аммиака по способу Габера — Боша решает проблему лишь частично. Прежде чем аммиак мог использоваться для производства пороха, его приходилось превращать в азотную кислоту. Хотя в лабораторных условиях этот процесс был хорошо освоен, применение его в заводском производстве требовало колоссальных усилий. В частности, он требовал немедленного возвращения квалифицированных работников завода в Оппау, призванных на военную службу, а также надежного обеспечения производства строительными материалами, техническим оборудованием и грузовыми машинами, которых и так уже не хватало. Бош, не упускавший из виду и интересы акционеров «БАСФ», требовал значительной субсидии. Военное министерство по настоянию Габера и Ратенау согласилось на все его требования.

Бош, пастроенный весьма решительно, вернулся в Оппау, где развернулись широкие работы по осуществлению намеченного им проекта. Это был прототип «манхэттенского проекта», когда воедино объединились усилия правительства, промышленности и ученых, не жалевавших ни денег, ни технических средств, ни людских ресурсов, чтобы разрешить конкретную военно-промышленную проблему, от которой зависел исход войны.

Поскольку имевшиеся достаточные запасы пороха не могли обеспечить победу, все, кто занимался этой проблемой, признавали, что поражение Германии вполне могло зависеть от успеха или провала миссии Боша. Редко случалось, чтобы ответственность за военную судьбу крупной державы в столь большой мере лежала на

одном гражданском лице. Все сходились на том, что, если Бош потерпит неудачу, Германии через полгода придется выйти из войны.

Когда Бош приступил к производству азотной кислоты из аммиака, кризис с военными материалами продолжал усиливаться. Поняв опасность того, что армия может остаться без пороха, военное министерство предпринимало отчаянные усилия по изысканию нитратов в самой Германии и на завоеванных ею территориях. У крестьян реквизировались даже самые незначительные запасы удобрений⁶. На какое-то время положение изменилось в начале октября, когда на грузовых судах в гавани оккупированного Антверпена были обнаружены тайные запасы чилийской селитры в количестве 100 тыс. тонн⁶. Однако, как вспоминал позднее Фриц Габер, «обнаруженные в Бельгии запасы селитры так мало повлияли на положение, что осенью 1914 года все специалисты признали необходимость выхода из войны весной 1915 года»⁷.

Нехватка нитратов стала серьезно отражаться на самой стратегии ведения войны. К несчастью, поскольку германские военные руководители в столь большой мере полагались на Шлиффена, они не были теперь склонны делать ставку исключительно на успех миссии Боша. Осторожность заставляла их безотлагательно изучать другие альтернативы. Будучи военными, члены верховного командования Германии искали решения проблемы военным путем. Поэтому они потребовали разработки плана прорыва британской блокады и возобновления поставок из Чили на пороховые заводы Германии.

Германское адмиралтейство, которому была поручена эта задача, разработало смелый и инициативный план, достойный того дела, о котором шла речь. Этот план предусматривал захват принадлежавших Англии Фолклендских островов, неукрепленной топливной и продовольственной базы для британских боевых кораблей у юго-восточного побережья Южной Америки. Эти мрачные, обдуваемые ветром острова были самым южным опорным пунктом британской блокады, ограждавшим торговые пути с западного побережья Южной Америки в Европу.

Захват Фолклендских островов был поручен командующему мощной военно-морской эскадрой в Индийском океане адмиралу графу фон Шпее. Примерно в то же

время, когда Бош вернулся в Оппау, чтобы начать свою «битву за азот», эскадра адмирала фон Шпее получила приказ отправиться на Южноамериканский театр военных действий.

Но германский генеральный штаб не обладал монополией на недалновидность. Когда британскому адмиралтейству стало известно о прибытии эскадры фон Шпее к побережью Чили, оно решило, что главная задача германского командующего флотом — нарушение торговли между Восточной Азией и Европой. Адмиралтейство даже подозревало, что мишень фон Шпее — Панамский канал. У англичан не было ни малейшего представления о том, что миссия фон Шпее была связана с нитратным кризисом в Германии, или, во всяком случае, такая возможность полностью ускользнула от их внимания. Как бы то ни было, на перехват эскадры фон Шпее была отправлена весьма незначительная группа боевых кораблей, базировавшаяся на Фолклендских островах. Адмиралтейство настолько плохо понимало критический характер миссии фон Шпее, что ответило отказом на настоятельный призыв британского командующего прислать подкрепление. Вскоре об этом пришлось пожалеть. 1 ноября эскадры противников встретились у Коронеля, на побережье Чили. Вследствие превосходящей огневой мощи противника и примененного им маневра англичане были вскоре разбиты. Оставшиеся корабли поспешили отойти через Магелланов пролив к своей базе на Фолклендских островах.

Теперь уже британское адмиралтейство, понимая намеченный фон Шпее план захвата Фолклендских островов, хотя еще и не догадываясь о его цели, стало готовиться к отражению нападения. Оно отдало приказ о затоплении в болотистых низинах Порт-Стэнли, главной гавани Фолклендских островов, старого линкора, который в дальнейшем должен был служить оружейной платформой. Затем англичане отправили значительно подкрепленную эскадру для перехвата кораблей фон Шпее. При приближении германской флотилии наблюдатели заметили с утесов Фолклендских островов десантные группы с мощным вооружением, готовившиеся к вторжению на острова. Однако еще до начала вторжения британская эскадра с подкреплениями достигла района боевых действий. На этот раз британские корабли обладали

подавляющим превосходством. Они отправили на дно все, за исключением одного, германские боевые корабли вместе с самим фон Шпее, не потеряв при этом ни одного своего корабля.

После поражения у Фолклендских островов положение с нитратами в Германии стало еще более отчаянным. Как ни странно, англичане, однако, так до конца и не поняли, какую цель преследовали действия фон Шпее. Даже Уинстон Черчилль, бывший в период битвы у Фолклендских островов первым лордом адмиралтейства, все еще оставался в неведении и десять лет спустя, когда писал свою книгу «Мировой кризис» — историю первой мировой войны. Черчилль, которому, видимо, было неизвестно о критической нехватке нитратов в Германии, смог сказать о миссии фон Шпее только следующее: «Мы не знаем, какие причины побудили его к нападению на Фолклендские острова и каковы были бы его дальнейшие планы в случае успеха. Он, вероятно, надеялся уничтожить эту неукрепленную британскую угольную базу, сделав тем самым менее опасным свое собственное положение в южноамериканских водах»⁸.

Во всяком случае, «битва за азот» — вопрос жизни или смерти для Германии — не ограничилась морским сражением у южной оконечности Южной Америки. Следующий этап этой битвы был связан с лабораториями Оппау, где работы велись круглосуточно. Бош стал последней надеждой Германии.

Фалькенхайн, сменивший фельдмаршала фон Мольтке на посту верховного главнокомандующего после катастрофы на Марне, хорошо понимал, что время не ждет. Пока не удастся обеспечить неуклонное поступление пороха, невозможно предпринять наступательные операции, и положение на Западном фронте будет законсервировано. Необходимо было найти какой-то другой метод, чтобы выйти из тупика. И Фалькенхайн поручил поиски других путей к решению этой проблемы майору Максиму Бауэру, напористому и инициативному офицеру верховного командования по связи с тяжелой промышленностью⁹.

Бауэр обсудил порученную ему миссию с учеными-консультантами военного министерства членами — «бюро Габера». Кроме Габера, в эту внушительную группу входили лауреаты Нобелевской премии Вальтер Нерст,

Эмиль Фишер и Рихард Вильштеттер. От них Бауэру стало известно, что германская промышленность по производству красителей являлась источником таких отравляющих химических веществ, как бром, хлор и фосген, которые легко было превратить в грозное оружие массового отравления¹⁰.

Хотя по Гаагской конвенции 1907 года, участницей которой была и Германия, все химическое оружие было запрещено, притягательная сила химической войны была для немцев слишком велика, чтобы они считали себя связанными этой конвенцией. Напротив, уже тот факт, что применение отравляющих газов запрещалось конвенцией, убедил Германию в преимуществах момента внезапности.

Бауэр и Нернст нанесли визит общепризнанному руководителю германской красочной промышленности Карлу Дуисбергу, который сразу же понял, что химическая война может воскресить эту отмирающую отрасль промышленности, находившуюся с начала войны в состоянии почти полного застоя. Дуисберг, как патриот Германии, осознал также возможное решающее значение этого нового типа оружия. Поэтому он не только поручил Бауэру заняться проектом производства отравляющих газов, но и сам принял участие в экспериментах. В начале 1915 года Дуисберг в письме Бауэру сообщил об имевшихся у него сведениях о действии фосгена: «Лучше всего вы можете судить о том, какие неприятные последствия он вызывает, по тому факту, что я восемь дней был прикован к постели, после того как вдохнул его всего лишь несколько раз... Если воздействовать на противника этим отравляющим газообразующим продуктом несколько часов подряд, то он, по-моему, не сможет медленно покинуть страну»¹¹.

Впервые примененный германской армией отравляющий газ бромид был создан в лаборатории Бауэра. Его секретное кодовое название было «Т-Штофф». Армия решила использовать его против русских войск в конце января. Но новое оружие постигла полная неудача. В России стояла такая холодная зима, что газ замрзал и оседал на снег¹².

Фриц Габер, чье бюро в Управлении по военным сырьевым материалам было тесно связано с осуществлением проекта по производству отравляющих газов,

считал хлор более эффективным оружием, а весну более подходящим временем для его применения. На красильных заводах хлор имелся в изобилии. К тому же Габеру было известно об успешной попытке «БАСФ» хранить хлор в металлических цилиндрах (а не в традиционных стеклянных сосудах), что имело явные преимущества в боевых условиях. Сотрудники Габера в Институте имени кайзера Вильгельма вместе с компаниями «И. Г. Фарбениндустри» приступили к изготовлению хлора для предстоящих испытаний на поле боя. Это был один из наиболее строго охранявшихся германских военных секретов. Взрыв в лабораториях института, во время которого был убит помощник Габера, проводивший опыты с фосгеном, чуть не выявил эту тайну. Серьезная утечка информации была предотвращена только благодаря быстрым и успешным мерам, пресекшим передачу сообщений об этом событии.

Испытания хлорного газа на Западном фронте были назначены на апрель 1915 года. Габер, уверенный в том, что атака с применением хлорного газа нанесет противнику сокрушительный удар, рекомендовал своему руководству выделить крупные войсковые подразделения для использования этой возможности. Однако военные власти, считая намеченную атаку всего лишь испытанием, выделили только одну роту солдат.

На третьей неделе апреля 1915 года Габер со своей небольшой командой солдат и технических специалистов из компаний по производству красителей, «бюро Габера» и Института имени кайзера Вильгельма прибыл на участок Западного фронта близ Ипра в Бельгии. Пять тысяч металлических цилиндров жидкого хлора были установлены на передовой линии вдоль окопов. В конце дня 22 апреля после нескольких задержек, вызванных неблагоприятным направлением ветра, Габер приказал наконец открыть цилиндры¹³.

О том, что затем произошло, сообщал в своем докладе британский фельдмаршал Дж. Френч:

После сильной бомбардировки около 5 часов вечера противник атаковал французскую дивизию, впервые применив удушающие газы. По сообщениям авиации, около 5 часов вечера был замечен густой желтый дым, поднимавшийся из немецких окопов между Лангемарком и Биксхооте. То, что затем по-

следовало, почти не поддается описанию. Действие этих отравляющих газов было столь сильным, что вся линия фронта, удерживавшаяся упомянутой выше французской дивизией, стала практически непригодной для каких-либо операций. Вначале невозможно было понять, что случилось. Дым и пары скрыли из виду все, сотни людей были ввергнуты в коматозное, или предсмертное, состояние и в течение часа пришлось оставить позицию и около 50 орудий¹⁴.

Воздействие хлорного газа под Ипром было поистине опустошительным. Еще до конца дня на поле боя осталось лежать 15 тыс. солдат, треть из которых были уже мертвы¹⁵. В линии союзников была пробита огромная брешь шириной более четырех миль. Между немцами и уязвимыми французскими портами по ту сторону канала не осталось уже никаких преград.

От полного уничтожения союзников спасло то, что германская армия не сумела предугадать ошеломляющего действия ее нового оружия. Габер был крайне рассержен этим. Как он писал впоследствии, соответствующие военные руководители «признали в дальнейшем, что, если бы они последовали моему совету и предприняли вместо эксперимента у Ипра широкое наступление, немцы одержали бы победу»¹⁶.

После атаки у Ипра Габер начал готовиться к газовой атаке на Восточном фронте. Жена Габера Клара умоляла его отказаться от осуществления своего плапа и остаться дома. Он не внял ее мольбам, утверждая, что его долг патриота сделать все возможное для оказания помощи Германии. В ночь, когда Габер выехал на Восточный фронт, Клара Габер покончила с собой¹⁷.

После газовой атаки у Ипра химическая война стала одной из основных частей германской военной машины, а компании по производству красителей совместно с Институтом имени кайзера Вильгельма — германской службой химической войны. Один английский специалист по химической войне в связи с этим писал:

Германия не нуждалась в громоздком правительственном аппарате для разработки новых химических веществ военного назначения, для полупромышленной работы по развитию технологических процессов изготовления уже утвержденных веществ

или для их производства. Опираясь на... германские компании по производству красителей и на Институт имени кайзера Вильгельма... Германия избежала необходимости иметь всеобъемлющую государственную организацию, создание которой повлекло за собой такие трудности для союзных стран...¹⁸ Ей не понадобилось создавать громоздкую и сложную организацию ввиду наличия (в германских компаниях по производству красителей) эффективной организации, готовой выполнять требования правительства¹⁹.

Эти компании тесно сотрудничали между собой, удовлетворяя потребности армии. Судя по одному из союзнических докладов, когда германские власти хотели получить новый отравляющий газ, «в Берлине состоялось совещание с участием нескольких фирм, чтобы определить, как подразделить производство в целях наилучшего использования существующих заводов»²⁰. Поскольку производство отравляющего газа состоит из нескольких этапов, каждый из них был поручен наиболее подходящей для его осуществления компании. Непосредственное участие военных в этом деле было весьма явно. Массы солдат в военной форме непрерывно прибывали на различные заводы, где их учили методам ведения химической войны. Общим результатом этих мероприятий явилось создание промышленного, научного и военного комплекса.

К несчастью для Германии, отравляющий газ не стал тем решающим оружием, которого она добивалась. Атака под Ипром устранила критический элемент внезапности: создание новых, более смертоносных газов уже не могло застать противника полностью врасплох. С ростом реальной перспективы войны на изматывание необходимость в успехе миссии Боша становилась все более срочной. По мере истощения запасов пороха генеральный штаб все с большей тревогой ждал от него известий.

В мае Бош торжественно заявил о том, что он добился успеха. Завод в Оппау был готов приступить к массовому производству синтетических нитратов. Отныне пушки вермахта никогда уже не должны были зависеть от чилийских нитратов. По всей Германии Боша превозносили как героя.

Для Германии успех Боша был равносильен спасению, для «БАСФ» же он в технологическом и финансовом

смысле стал золотым дном. Бош немедленно начал добиваться от правительства поддержки программы колоссального расширения предприятий «БАСФ» по производству синтетических нитратов. Неожиданным, по радостным для него обстоятельством явилась помощь со стороны молодого лейтенанта из Управления по военным сырьевым материалам Германа Шмитца, имевшего внушительное звание полномочного представителя по производству химикалий. С помощью Шмитца Бошу удалось убедить германское правительство построить на реке Лейне, в Центральной Германии, огромный завод химии высоких давлений.

Подбор Шмитцем фактов и цифр с целью преодоления всякого бюрократического сопротивления произвел глубокое впечатление на Боша. Это явилось шагом к тому, чтобы спустя около 20 лет Шмитц заменил Боша на посту главы «И. Г. Фарбениндустри». Со временем новый завод на реке Лейне вместе с заводом в Оппау перегнал Чили по производству нитратов. Теперь Германии уже не надо было беспокоиться об этом сырье. Финансовое вознаграждение, полученное «БАСФ», было достаточным, чтобы оправдать выплату ее акционерам 25%-ных дивидендов на их капиталовложения вплоть до конца войны.

Остальные компании по производству красителей также процветали в период «войны химиков». Летом 1915 года Дуисберг писал Бауэру о бурном росте деловых операций его компании в связи с производством военных материалов: «Вам стоило бы посмотреть, как идут дела здесь, в Леверкузене, как весь завод перевернули вверх дном и реорганизовали, так что теперь он не выпускает почти ничего и осуществляет лишь поставки по военным контрактам... Как отец и создатель этого дела, вы получили бы большое удовольствие»²¹.

Применение Германией отравляющего газа потрясло военные круги всех союзных держав. Монополия Германии на производство красителей обеспечила ей громадные военные преимущества. При наличии новой технологии химической войны положение любой страны, не имевшей промышленности по производству красителей, было уязвимым для ее противников. С такой ситуацией нельзя было мириться, и каждая из союзных стран предпринимала отчаянные усилия по разработке программ, направленных на ликвидацию этого положения.

Хотя США оставались еще нейтральной страной, артиллерийско-техническая служба армии всячески поощряла частные компании приступить к производству красителей. Самый положительный отклик она встретила со стороны «Дюпон компани», крупнейшего поставщика пороха и взрывчатых веществ для нужд армии и самой большой фирмы по производству химикатов. «Дюпон компани» заключила с одной из фирм по производству красителей в Великобритании договор на обмен технической информацией, опытом и патентными правами, а также на коммерческое сотрудничество. Она убедила также одного из руководителей американского отделения «БАСФ», Морриса Пуше, уйти от своего германского хозяина и поступить на работу в «Дюпон компани». Дезертирство Пуше вызвало гнев Карла Боша; он считал этот поступок нарушением деловой этики со стороны «Дюпон компани» и актом предательства со стороны Пуше, причем тот факт, что Пуше был по происхождению американским гражданином, не имел для Боша никакого значения. Летом 1916 года в США были введены преференциальные пошлины как дополнительное поощрение к тому, чтобы американские промышленники вроде Дюпона занялись этой новой отраслью производства.

Карл Дуисберг со все усиливавшимся беспокойством за коммерческие перспективы его компании из-за границы наблюдал рост конкуренции, вызванный военными нуждами. Он предложил германским компаниям по производству красителей объединить свои ресурсы в единое *Interessen-Gemeinschaft*, чтобы укрепить позиции в послевоенном мире для борьбы с новыми конкурентами²². Это обеспечило бы объединение прибылей, совместное использование патентов и тесное сотрудничество различных концернов без потери отдельными фирмами их независимости и собственного лица. По существу, такая «общность интересов» официально закрепила бы сотрудничество, порожденное усилиями по организации химической войны.

Вначале некоторые компании не проявили интереса к предложению Дуисберга. Очень скоро, однако, сопротивление с их стороны прекратилось ввиду неожиданного события на фронте, подобного тому, какое произошло на Марне.

Во время битвы на Сомме в июле 1916 года немцы были потрясены мощью и даже превосходством англичан в людских резервах и военной технике. Их поразила способность англичан нести огромные потери, не прекращая боевых действий. Теперь наконец представители промышленности по производству красителей осознали тот факт, что уже нет никакой уверенности в победе Германии. Для них стали очевидны те последствия, которые это невыносимое обстоятельство могло иметь после окончания войны. В середине августа крупнейшие германские компании по производству красителей во главе с так называемой «большой тройкой» — «БАСФ», «Байер» и «Хёхст», — к которой примкнули еще пять фирм — «Калле», «Касселла», «Агфа», «Тер Меер» и «Грейшам», — приняли предложение Дуисберга и образовали «Интерессенгемайншафт дер дойчен теерфарбениндустри» («Общество интересов германской промышленности по производству красителей из каменноугольной смолы»). Это объединение стали просто называть «И. Г.», а его отдельных членов — компаниями «И. Г.» (несколько лет спустя название «И. Г.» по постановлению суда было сохранено исключительно за «И. Г. Фарбениндустри»).

Битва на Сомме явилась также личной катастрофой и для Фалькенхайна. 28 августа его сняли с поста главы германского верховного командования; вместо него на этот пост был назначен фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, а на пост его заместителя — генерал Эрих фон Людендорф, как начальник квартирмейстерской службы. Эта мера встретила одобрение со стороны крупных немецких промышленников, которые были крайне недовольны тем, что Фалькенхайн не способствовал расширению военной промышленности; Людендорф, как и Бауэр, был давним и верным другом германского «большого бизнеса».

Через три дня после того, как Гинденбург стал верховным главнокомандующим, он объявил о новой программе вооружений, предусматривавшей большой рост производства военных материалов: увеличение вдвое выпуска военных материалов к весне 1917 года и втрое — пулеметов и артиллерийских орудий²³. Она предусматривала также значительное расширение производства отравляющих газов и химикатов. Для выполнения этой ударной программы надо было отбросить в сторону все

финансовые соображения. С точки зрения таких промышленников, как Густав Крупп и Дуисберг, программа Гинденбурга вряд ли могла быть более заманчивой, даже если бы они подготовили ее сами.

9 сентября Бауэр договорился, чтобы Дуисберг и Крупп встретились с Гинденбургом и Людендорфом в поезде верховного командования для переговоров о новой программе вооружений. Оба промышленника решили использовать этот случай, чтобы пожаловаться на критический недостаток рабочей силы. Задачи, намеченные в программе Гинденбурга, не удастся выполнить, заявили они, если эта проблема не будет решена. Реакция Гинденбурга на их заявление, видимо, успокоила Дуисберга. На следующий день он отправил Бауэру восторженную благодарственную записку, в которой писал:

Девятый день девятого месяца 1916 года был в моей жизни днем, полным событий, который я забуду нескоро. Он был похож на день после битвы на Марне в конце осени 1914 года... В то время также имела место нехватка вооружений, причем гораздо более угрожающая, чем сегодня, что... разрешило нам — в практическом смысле слова — ухватиться за спицы колес войны²⁴.

Неделю спустя по настоянию верховного командования военный министр провел тайное совещание с 39 виднейшими представителями германской промышленности, включая и Карла Дуисберга, с тем чтобы они могли выразить свое недовольство по поводу нехватки рабочей силы. Макс Бауэр, присутствовавший на этом совещании в качестве представителя верховного командования, ясно дал понять в своей вступительной речи, что требования промышленников будут приняты во внимание: «То, чего должна добиться промышленность, не менее важно, чем то, что надлежит сделать армии. Идти вперед к победе мы можем только с вашей помощью»²⁵.

Дуисберг снова пожаловался на нехватку рабочей силы, отражающуюся на работе германской промышленности, указав, что заработная плата стремительно возрастает, а продукция военной промышленности падает до опасно низкого уровня. Он предложил верховному командованию «открыть резервуар бельгийской рабочей силы». Ему было известно, что предпринятая ранее попытка завербовать бельгийцев для работы на германских заводах

провалилась, поскольку бельгийцы отказывались помогать своим поработителям. Однако Бауэр заверил Дуисберга, что его предложение будет осуществлено ²⁶. И менее чем через два месяца, в ноябре 1916 года, германская армия приступила к насильственной отправке бельгийских рабочих на германские заводы. Это решение и жестокость его последующего осуществления потрясли бельгийский народ.

Кардинал Мерсье, католический прелат в Бельгии, в волнующих словах рассказал всему миру, что делали немцы:

Отряды солдат силой вторгаются в мирные жилища, отрывая молодых людей от родителей, мужей от жен, отцов от детей. Они штыком преграждают двери, через которые жены и матери хотят пройти, чтобы попрощаться с покидающими их родными. Они сгоняют своих пленников в группы по десять и двадцать человек и заталкивают их в вагоны. Как только поезд заполняется, офицер дает сигнал к отправлению. Тысячи бельгийцев обращаются, таким образом, в рабство ²⁷.

Журналисты из нейтральных стран передавали подобные же сообщения: о мужчинах, которых загоняли штыками в вагоны для скота, о женщинах, в истерике бросавшихся на рельсы, чтобы преградить поездам путь, и о том, что немецкие солдаты силой разгоняли их.

Бельгийцы обратились к правительству США с призывом пресечь действия немцев. После подробного ознакомления с германской программой применения принудительного труда, США направили германскому канцлеру следующую официальную ноту:

Правительство Соединенных Штатов с величайшим беспокойством и сожалением узнало о проводимой германским правительством политике отправки из Бельгии части гражданского населения с целью использования его для принудительных работ в Германии и вынуждено в дружественном духе, но самым серьезным образом протестовать против такой меры, которая не имеет прецедентов и противоречит тем гуманным принципам международной практики, которые уже давно признаны и применяются цивилизованными народами в их обращении с мирным гражданским населением ²⁸.

Немцы отвергли американский протест. Немецкий генерал-губернатор Бельгии заявил, что эвакуация бельгийских рабочих означает для последних не лишения, а благо. Немецкая печать подхватила эту тему: газета «Кёльнер фёльксцейтунг» утверждала, что депортация бельгийских рабочих диктовалась «подлинным гуманизмом, поскольку она спасла тысячи трудоспособных рабочих от разорения из-за безработицы»²⁹.

К середине ноября 1916 года германские власти «захватили» 40 тыс. человек и отправили их на немецкие заводы и шахты, куда каждый день прибывало еще по 2 тыс. человек. Отряды солдат совершали облавы, обыскивая дома, театры и рынки. Всего в Германию было отправлено свыше 66 тыс. бельгийцев.

Однако программа использования рабского труда лишь повредила производству. Несмотря на все угрозы и обещания, перемещенные бельгийцы отказывались работать. Бурные протесты во всем мире препятствовали принятию более жестких мер и в конце концов вынудили германские власти отказаться от этого плана; вывезенные бельгийцы были отправлены домой³⁰.

Осенью 1916 года Дуисберг продолжал свою деятельность от имени компаний «И. Г.» на других «боевых фронтах» внутри страны. Инфляция — экономическая болезнь, которую питает война, — достигла такого высокого уровня, что стала угрожать промышленности. К началу 1917 года она уже грозила перерасти в кризис. Среди рабочих усиливались волнения, сопровождавшиеся «чрезмерными» требованиями повышения заработной платы и последующими забастовками. Стремясь помешать развитию инфляции, Дуисберг как представитель промышленников потребовал ввести максимальный размер заработной платы и лишить рабочих права на забастовки. В то же время он возглавил сопротивление промышленников любым попыткам правительства ввести меры по контролю над прибылями и ценами. Инфляция продолжала неуклонно развиваться.

Новое ведомство, Военное управление, решило использовать свое влияние в целях пресечения чрезмерной инфляции. Созданное за несколько месяцев до этого по предложению Бауэра и при поддержке Людендорфа, оно должно было взять на себя от относительно независимого военного министерства решение всех вопросов, касающихся

экономики. На стратегический пост руководителя управления был назначен генерал Вильгельм Гренер, который до войны служил с Бауэром и Людендорфом в генеральном штабе и в личной преданности которого последние были уверены. Однако они ошиблись в своем ставленнике.

Вначале Гренер предпочитал, чтобы Военное управление не поддавалось нажиму со стороны рабочих и промышленников. Но надвигающаяся финансовая катастрофа заставила его изменить свое мнение. На пересмотр своей позиции он намекнул в своем ответе на требование сталелитейной промышленности сопротивляться повышению заработной платы. Ответ Гренера был не тем, какого промышленники ожидали от немецкого генерала. Он отметил, что «промышленность неслыханным образом охотится за военными прибылями». Затем он привел несколько возмутительных примеров поведения некоторых бизнесменов: «Интересно... известно ли вам, что Военному управлению пришлось пресечь действия компании, стремившейся получить 35 млн. прибылей; известно ли вам, что один немецкий работодатель допускает, чтобы его работницы спали в бараке четвером на одной кровати, которая к тому же полна вшей»³¹.

Подозревали, что Гренер занял такую позицию под влиянием одного из своих адъютантов, капитана Рихарда Мертона, еврея с умеренными политическими взглядами. Однако Мертон не был безрассудным радикалом или академическим реформатором. В деловой жизни он возглавлял империю «Металгезельшафт», ведущего предприятия цветной металлургии Германии и крупнейшей мировой фирмы по торговле металлами, с отделениями и филиалами во всех крупных странах.

Взгляды капитана Мертона на спираль «зарботки — прибыли — цены» произвели сильнейшее впечатление на Гренера, и генерал предложил своему адъютанту изложить их на бумаге. В результате появился «Меморандум о необходимости вмешательства государства в целях регулирования прибылей и заработной платы»³². В этом меморандуме Мертон отмечал, что растущая сила рабочих и недальновидность промышленников, занятых в области военного производства, способствуют инфляционному повышению цен. Контракты на основе «стоимость плюс...», по которым цена определялась после поставки товаров,

побуждали производителей скорее к увеличению расходов, чем к сопротивлению росту цен на сырьевые материалы и повышению заработной платы. Государство, являющееся конечным покупателем, «в существующих обстоятельствах не может делать ничего другого, кроме как соглашаться на цены, которые у него запрашивают». Безусловно обидным для промышленных кругов было утверждение Мертона, что прибыли уже настолько велики, что заработную плату можно повысить без соответствующего повышения цен. Мертон еще больше усугубил свои еретические утверждения следующими тремя рекомендациями: цены, по его мнению, надлежало устанавливать в момент заключения военных контрактов, а не после поставки товаров; прибыли от поставок военных материалов должны облагаться по гораздо более высоким ставкам; и наконец, рейхсканцлера следовало наделить полномочиями реквизировать заводы сопротивляющихся этим положениям владельцев или вмешиваться в тех случаях, когда трудовые конфликты заходят в тупик.

Гренер одобрил этот меморандум и направил его главе правительства рейхсканцлеру Георгу Михаэлису³³. Когда Дуисбергу стало известно о содержании меморандума и о том, что рекомендации Мертона серьезно изучаются на самом высоком правительственном уровне, он начал действовать. В качестве представителя компаний «И. Г.» он пригласил небольшую, но влиятельную группу промышленников на совещание 19 августа в Дюссельдорфском клубе промышленности. В первых же строчках разосланного им приглашения звучал сигнал тревоги: «Меры, означающие наступление на предпринимателей путем ограничения прибылей... рассматриваются. В целях противодействия этому необходима... быстрота». Дуисберг обещал гарантировать поддержку и присутствие союзника промышленников Макса Бауэра, который должен был явиться на совещание в качестве представителя верховного командования³⁴.

Тем временем со стороны промышленников и верховного командования усиливались требования о смещении Гренера. В конце июля Людендорф решил избавиться от непокорного генерала. Через несколько дней после принятия этого решения, но за две недели до того, как о нем узнал сам Гренер, Дуисберг заверил своих коллег по ста-

лелитейной промышленности, что Гренера вскоре освободят от его поста в Военном управлении и отправят командовать дивизией на фронте. Впоследствии Гренер обвинял Дуисберга и Бауэра в сговоре с целью добиться его смещения с поста. Дуисберг упорно отрицал свое участие в таком сговоре. Однако историк Джеральд Фельдман, исследовавший имевшиеся в его распоряжении документы, пришел к выводу, что «в свете существующих данных... абсолютно невозможно не прийти к выводу, что Дуисберг лгал»³⁵.

Гренер официально просил оставить Мертон в его штате, но Людендорф наложил свое вето на его просьбу следующим замечанием: «Этот брак надо расторгнуть»³⁶. Взамен этого Мертон намечалось перевести на опасный участок боев на Западном фронте.

В противовес Гренеру этот молодой промышленник разгадал уловки Дуисберга и Бауэра. Он создал себе собственные каналы разведки и влияния. Его приятель майор Курт фон Шлейхер (который 15 лет спустя стал предшественником Гитлера на посту рейхсканцлера Германии) заранее предупредил Мертон о неминуемом смещении Гренера. Шлейхер устроил также Мертоу более безопасный пост, чем тот, который ему намечался. В результате вмешательства Шлейхера Мертоу были даны директивы «расследовать случаи взяточничества в промышленности оккупированных территорий».

Инфляция была не единственной проблемой, стоявшей перед Германией, а недостаток рабочей силы — не единственной нехваткой, отражавшейся на ее военных усилиях в то время. Темпы механизации войны превзошли все прогнозы каждой из участвовавших в ней сторон. Армады кораблей, грузовиков и самолетов почти полностью истощили запасы жидкого топлива Германии. В августе 1916 года топливная проблема еще больше обострилась вследствие перехода Румынии, от которой Германия получала нефть, на сторону союзников. В результате Германия вынуждена была отвести войска с Западного фронта для подготовки нападения на Румынию, чтобы попытаться захватить контроль над ее нефтяными месторождениями. Хотя немцы быстро разгромили румын, к тому времени, когда они достигли нефти, союзнические войска успели взорвать нефтяные скважины и нефтеперерабатывающие заводы. Без румынской нефти топливные

ресурсы Германии сократились до опасно малых размеров.

В связи с этим были предприняты попытки найти заменитель натуральной нефти. Одним из самых многообещающих результатов этих усилий явился синтетический бензин, получавшийся из угля и водорода при высоком давлении путем процесса гидрогенизации, сходного с процессом Габера — Боша. Фактически его изобрел в 1909 году Фридрих Бергиус, первоначально работавший в области химии высоких давлений в качестве помощника Фрица Габера в период экспериментов по получению синтетического аммиака. В лабораторных условиях процесс Бергиуса позволял ожидать весьма успешных результатов, и в 1916 году Бергиус приступил к использованию своего процесса гидрогенизации для массового производства. Однако до конца войны он так и не добился еще успеха. Ему не хватало талантливого инженера, кого-либо вроде Боша, чтобы приспособить лабораторный процесс к условиям массового заводского производства.

Усиливалась и серьезная нехватка каучука. Британский военно-морской флот поставил каучук на первое место в своем перечне контрабандных продуктов, и Германия вынуждена была прибегать к чрезвычайным мерам, чтобы ускользнуть от блокады. В 1916 году знаменитой подводной лодке «Дойчланд» удалось тайно доставить из портов США партию каучука и олова в обмен на партию красителей и лекарственных средств производства «И. Г. Фарбениндустри», таких, например, как сальварсан и новокаиин³⁷. Вся территория Германии прочесывалась в поисках любого клочка бывшей в употреблении резины, который можно было бы пустить в переработку. Нехватка стала настолько острой, что начали предприниматься попытки использовать для изготовления автомобильных шин даже древесину и веревки.

«Байер» и «БАСФ» расширили свои лабораторные исследования в поисках синтетических заменителей каучука. Им удалось наконец получить вещество, которое, хотя оно и являлось слишком твердым и неэластичным для производства шин, можно было использовать для батарей, магнето и другого электрооборудования подводных лодок. За период войны одна лишь компания «Байер» выпустила 2500 тонн этого твердого синтетического каучука. Но метод изготовления синтетического каучука, при-

годного для столь необходимых стране шин, так и не удалось найти.

В апреле 1917 года США вступили в войну против Германии. Вальтер Нернст, который находился в то время в США и был интернирован на короткий срок, по возвращении в Германию посетил Боша. Он указал на колоссальные сырьевые ресурсы и огромный производственный потенциал, на которые новый противник мог опереться в войне. Особый интерес для воевавшей Германии имел тот факт, что США были крупнейшим мировым поставщиком нефти и бензина. Бош, занимавшийся после кризиса с нитратами поисками синтетических заменителей для решения проблемы нехватки сырьевых материалов в Германии, был обеспокоен сообщением Нернста. Он считал, что вступление США в войну позволит союзникам полностью решить серьезную проблему недостатка нефти. У Германии же не было никаких перспектив на решение этой проблемы. Бош впал в глубокую депрессию — это состояние периодически бывало у него после разочарований и кризисов.

Сырьевой голод, осложненный голодом продовольственным, сломил наконец волю Германии к сопротивлению. В середине августа 1918 года германскому командованию было уже известно, что продолжать войну бесполезно и что поражение является вопросом всего лишь нескольких недель. Людендорф просил Карла Дуисберга и других промышленников довести об этом до сведения кайзера, но все они ответили ему отказом. Фактически Дуисберг уже готовился приспособиться к предстоящим переменам³⁸.

Капитуляция Германии ознаменовалась подписанием соглашения о перемирии 11 ноября 1918 года. Германские власти почти без промедления начали готовиться к конференции, которая должна была привести к заключению официального мирного договора. Для осуществления этого плана был избран Иоганн фон Бернсторф, который в бытность свою послом в Соединенных Штатах установил дружеские отношения с президентом Вильсоном. Некоторое время спустя Дуисбергу было предложено принять участие в предварительных переговорах в качестве представителя химической промышленности. Но Дуисберг, не уверенный в том, что его переход на сторону демократии получит признание со стороны победивших союзников

или революционных немецких рабочих, решил, что не сможет принять это предложение и рекомендовал вместо себя Боша ³⁹.

Бош согласился. Его миссия состояла в том, чтобы спасти компании «И. Г.». Германия могла проиграть войну, но компании «И. Г.» не намеревались утратить свои позиции после войны.

Через несколько дней Дуисбергу из соображений безопасности пришлось покинуть страну. В связи с этим газета «Нью-Йорк таймс» 24 декабря 1918 года писала: «Согласно сообщениям, глава германской анилиновой промышленности Карл Дуисберг из Леверкузена бежал в Швейцарию. По общему мнению, он служил связующим звеном между промышленными кругами и генералом Людендорфом и был одним из самых активных сторонников пангерманизма» ⁴⁰.

Фриц Габер, на которого пала вся тяжесть осуждения ученым миром газовой войны, изменил свою внешность, отрастил бороду и, подобно Дуисбергу, бежал в Швейцарию. Опасения Дуисберга и Габера не были беспочвенны. Через несколько недель после заключения перемирия союзнические войска вторглись в Рейнскую область. Как только оккупационные войска прочно обосновались, их еще только создававшиеся службы химической войны начали проявлять интерес к секретным процессам и производственным методам, применявшимся на различных заводах «И. Г.», которые выпускали отравляющие газы, взрывчатые вещества, красители и нитраты. Компании «И. Г.» отказывались раскрыть свои секреты на том основании, что такое разглашение неблагоприятно отразится на их торговых позициях в послевоенном мире. В противовес французам американцы и англичане старались не слишком тревожить руководителей «И. Г.». Они заверяли их, что лица, которые будут проводить расследования, не станут «выпытывать секреты, имеющие коммерческую ценность в мирное время», и что им не придется раскрывать свои технологические методы или отвечать на какие-либо вопросы, не касающиеся вооружений или военного применения их продукции. «Эти заверения,— сообщил в своем докладе один из офицеров Управления химической войны США,—способствовали установлению между нами более или менее сердечных отношений» ⁴¹.

В соответствии с этим союзническая мирная комиссия дала расследователям указания касаться в своих вопросах исключительно продукции военного назначения. Они сразу же разослали компаниям «И. Г.» приказ о представлении им исчерпывающих данных относительно производства отравляющих газов, противогазов, пороха и других видов продукции военного характера. Невыполнение приказа могло привести к закрытию и даже демонтажу неподчинившихся этим требованиям заводов.

Расследователи, связанные директивами союзнической мирной комиссии, не настаивали на ознакомлении с технологией производства красителей. Но результаты расследования производства отравляющих газов разочаровали их. Ученые из американской группы сообщили, что они не узнали об отравляющих газах ничего такого, что не было уже известно всему ученому миру. Они отметили, что немцы просто очень умело и инициативно отобрали химикаты, которые уже выпускались на основе процессов производства коммерческих красителей. Все преимущества немцев объяснялись их господствующим положением в производстве красителей в мирное время, а не изобретением ими новых отравляющих веществ.

Иначе обстояло дело в отношении завода Габера — Боша по производству нитратов в Оппау. Расследователям вскоре стало понятно, что этот завод являлся не только крупнейшим научным достижением, но и триумфом изобретательности и мастерства, без которого Германия не могла бы так долго воевать. Так, например, они узнали, что в последний год войны завод в Оппау выпустил 90 тыс. тонн синтетических нитратов (что составляло $\frac{1}{5}$ натуральной чилийской селитры, потреблявшейся во всем остальном мире).

Тем не менее, когда французы из следственной комиссии потребовали приступить к эксплуатации завода, с тем чтобы его можно было наблюдать в действии, Бош отказался выполнить их требование. Все попытки заставить его уступить, включая и угрозы неприятными последствиями, оказались тщетными. Возмущенные французы ходатайствовали перед союзнической комиссией о том, чтобы она заставила Боша пустить оборудование в ход и открыть им секреты производства и основные элементы синтеза нитратов. К их негодованию, комиссия вынесла

решение в поддержку Боша, считая, что этот процесс посетит коммерческий, а не военный характер⁴².

Крупнейший английский специалист по ведению химической войны майор Виктор Лифибюр резко возражал против этого решения, как и против данной ранее директивы не запрашивать сведений о секретах производства и технологии «коммерческих» заводов по производству красителей. Впоследствии он подробно изложил свои взгляды в книге «Загадка Рейна». «Только французы,— писал он,— полностью осознали военное значение этих заводов»⁴³.

В апреле 1919 года германская делегация прибыла в Версаль. Члены делегации, включая Боша, были помещены под охрану в «Отель де резервуар», окруженный оградой из колючей проволоки. Бош, входивший в состав делегации в качестве эксперта, присутствовал на мирной конференции для защиты интересов компаний «И. Г.». Самое строгое требование союзников, поскольку оно касалось компаний «И. Г.», выразили французы, предложившие уничтожить все германские военные заводы, в число которых, как они утверждали, входили и заводы по производству красителей и нитратов. Маршал Фош уже ясно указал, что эта проблема не подлежит обсуждению. Единственный хоть сколько-нибудь убедительный аргумент, который Бош смог выдвинуть против этого требования, заключался в том, что союзникам, мол, нужна сильная Германия как «оплот против русского коммунизма».

Американская делегация выдвинула свое требование. Ни для кого не было тайной, что компания «Дюпон», при поддержке артиллерийско-технической службы США и созданного по постановлению конгресса химического фонда, хотела, чтобы перешедшие в руки союзников германские активы и патенты, самые ценные из которых принадлежали компании «И. Г.», не были возвращены прежним владельцам. Свои доводы против требования американцев Бош изложил в подготовленной для германской делегации справке, озаглавленной «Германская химическая промышленность и ее пожелания в ходе мирных переговоров»⁴⁴. Бош утверждал, что, исходя из требований морали и международного права, все конфискованное имущество и патенты должны быть возвращены их немецким владельцам. Но одной лишь «репатриации» ему было мало. Он настаивал, чтобы каждый захваченный

союзниками патент был учтен и служил компенсацией за период конфискации.

В другой справке Бош возражал против возможного требования союзников об отделении восточного и западного берегов Рейна⁴⁵. Такая мера нанесла бы огромный ущерб компаниям «И. Г.», особенно «БАСФ», заводы которой находились на западном берегу. Французы особенно активно добивались передачи им левого берега или по меньшей мере создания «независимой» Рейнской республики. Аннексия Германией в 1871 году Эльзаса — Лотарингии была прецедентом, который вызывал у немцев самые худшие опасения.

Германской делегации, представлявшей сторону, потерпевшую поражение, пришлось ждать выдвижения условий, предлагавшихся победившими союзниками. Для Боша это было мучительное время. 7 мая союзники вручили германской делегации свои условия мирного договора. Карл Бош сразу же заявил: «Эти мирные условия неприемлемы во всех отношениях»⁴⁶. Он говорил от своего собственного имени, от имени промышленности по производству красителей и от имени всей Германии.

Особенно оскорбительными для Германии были пункты, касавшиеся так называемых «вопросов чести». Германскую делегацию потрясло требование о предании кайзера открытому суду международного трибунала «за величайшее преступление против международной морали и священной обязанности соблюдения договоров». Другие «лица, обвиняемые в совершении действий в нарушение законов и обычаев войны», также должны были предстать перед судом военных трибуналов⁴⁷. Члены руководства и ученые из «И. Г.», причастные к производству отравляющих веществ, не могли воспринимать эти положения без чувства отчаяния. Союзники слова «И. Г.» и «отравляющие газы» воспринимали как синонимы. Но даже и в этих условиях процесс над военными преступниками, когда на скамье подсудимых должны были сидеть столь видные ученые и промышленники, представлялся невыносимым.

Жестоко разочаровали Боша и условия союзников, касавшиеся захваченных союзническими властями германских патентов и заводов. Для «БАСФ» и других компаний «И. Г.» их потеря явилась серьезным ударом. Вернуть их

довоенным германским владельцам не предполагалось⁴⁸. Какой бы другой выход из положения ни оставался, его вряд ли удалось бы найти в Версале. Несколько беспокоило компании «И. Г.» и включение красителей в репарационные платежи союзникам за понесенные ими в войне потери⁴⁹. Это требование могло бы иметь неблагоприятные политические последствия, как это и случилось в дальнейшем. Тревоги по поводу Рейнской области не оправдались. Основное положение, касавшееся этой щекотливой проблемы, требовало только демилитаризации, а не аннексии⁵⁰, западный берег Рейна должен был остаться германским.

Но все эти тревоги были не столь значительны в сравнении с более серьезной опасностью. Ужас в сердца и умы руководителей компании «И. Г.» вселили требования разоружения Германии. Союзники настаивали на том, чтобы, за исключением нескольких заводов, необходимых для обеспечения внутренней безопасности, «все другие предприятия по проектированию, разработке, производству и хранению вооружений, боеприпасов или любых других военных материалов были закрыты»⁵¹. Военные руководители Франции и Англии, включая маршала Фоша и фельдмаршала Генри Вильсона, не оставляли никаких сомнений в том, что это положение означало уничтожение заводов «И. Г.», производивших отравляющие газы и нитраты. Если бы эти условия оказалось невозможным изменить, они обрекли бы германскую химическую промышленность на гибель.

29 мая 1919 года германская делегация в официальном меморандуме представила председателю мирной конференции свои контрпредложения. В нем члены делегации жаловались: «Время, выделенное нам для подготовки этого меморандума, настолько мало, что исчерпать все вопросы невозможно». Они повторили свою просьбу о личной встрече и устных переговорах: «Этому мирному договору суждено стать величайшим договором в истории. Беспрецедентно было бы вести столь широкие переговоры исключительно посредством письменных нот»⁵².

Ходатайство германских представителей о каких-либо личных переговорах было оставлено без внимания. 16 июня германской делегации предъявили окончательные условия союзников. Они содержали так мало измене-

ний, что был использован тот же самый экземпляр документа, в который красными чернилами от руки были внесены поправки.

Германское правительство отчаянно пыталось внести поправки с целью смягчить самые жесткие положения договора. Был момент, когда тщетность его усилий заставила немцев подумать о возобновлении войны. Но эта идея оказалась недолговечной. 28 июня 1919 года мирный договор был подписан.

Хотя положения о разоружении, угрожавшие положить конец деятельности компаний «И. Г.», полностью сохранились, оставалось провести еще один дипломатический раунд, чтобы избежать их катастрофических последствий. До вынесения окончательного решения о судьбе «И. Г.» экспертам обеих сторон предстояло снова собраться в Версале, чтобы уточнить и ясно истолковать те положения договора, которые считались туманными.

В перерыве Бош выехал в Людвигсхафен для участия в совещании высшей иерархии «БАСФ», на котором, как и предполагалось, его избрали председателем правления. Наряду с Дюисбергом он стал теперь одной из двух наиболее могущественных фигур в германской химической промышленности. Сразу же после своего избрания Бош вернулся в Версаль, чтобы возобновить свои попытки добиться смягчения позиции французов. Однако последние отказывались идти на уступки. После одного трудного заседания Бош сказал своему другу барону фон Лерснеру, новому руководителю германской делегации: «Диктат Версаля требует полной капитуляции германской химической промышленности». И с уверенностью человека, владеющего большим секретом, добавил: «Верьте мне, германскую химическую промышленность никогда не удастся уничтожить». Эта глубокая уверенность, как намекнул Бош, не глумивая вещи своими именами, объяснялась наличием «особого козыря», который он собирался использовать в нужный момент⁵³. И этот момент настал.

Этим козырем оказался французский чиновник Жозеф Фроссар, которого только что поставили во главе всех конфискованных красочных заводов «И. Г.» во Франции, объединенных теперь во французскую государственную компанию («Компани насьональ де матьер колорант э де прудюи шемик» — Национальную компанию красителей и химических продуктов). Если занимавший столь

важный стратегический пост французский чиновник действительно был козырной картой Боша, то он явно имел возможность помочь Бошу спасти компании «И. Г.» от угрожавшей им ликвидации.

Фроссар был загадочной личностью, о которой и поныне нет еще достаточно точных сведений. В течение нескольких лет до войны он подвизался в русской текстильной промышленности, главенствующую роль в которой играл в то время германский картель по производству красителей. Во время войны как должностное лицо французской службы химической войны он способствовал развитию производства горчичного газа. После войны французы поручили Фроссару наблюдать за работой оккупированных заводов «БАСФ» в Людвигсхафене. Теперь же, в Версале, он оказался советником французской делегации по вопросам производства красителей и химикатов⁵⁴.

При каких-то таинственных обстоятельствах, так и оставшихся невыясненными, Бош договорился о тайной встрече с Фроссаром. На их секретном свидании Бош раскрыл свой план умерить требование французов о демонстрации заводов «И. Г.». Суть его плана заключалась в том, чтобы французское правительство и компании «И. Г.» стали партнерами по эксплуатации французского рынка красителей. Германские компании должны были передать свои ревностно сохраняемые секреты производства, без которых французы, как Фроссар знал, уже сталкивались с затруднениями при эксплуатации конфискованных заводов по производству красителей. Сделать такое предложение Боша могло заставить только отчаяние. Взамен этого компании «И. Г.» должны были получить обратно половину доли в своих довоенных заводах по производству красителей, и, что имело величайшее значение, заводы «И. Г.» в Германии должны были быть сохранены. Как и предполагал Бош, Фроссар согласился с его планом.

Следующим шагом Боша была попытка убедить французские военные власти отказаться от своей непримиримой позиции по вопросу об уничтожении заводов «И. Г.». Фроссар обещал устроить ему встречу с соответствующим французским должностным лицом, неким генералом Паттаром. Бош попросил Фроссара договориться о своей встрече с французским генералом, ведавшим этими делами, и Фроссар обещал незамедлительно сделать это. По

окончании их встречи Бош тайком пробрался в лагерь, куда поместили германских представителей, в надежде, что его отсутствие останется незамеченным.

Однако на следующее утро барон фон Лерспер получил от французского коменданта официальную ноту следующего содержания: «Вчера вечером, в нарушение закона, профессор Бош покинул выделенное для немцев помещение, обнесенное колючей проволокой, и перелез через стену Версальского парка. Через два часа пять минут он вернулся обратно тем же путем»⁵⁵. Этим и ограничился протест французов. Дальнейшего хода делу они не дали.

Бера Боша в Фроссара оказалась не напрасной. Через несколько дней генерал Патар пригласил его в Париж для обсуждения вопроса о дальнейшей судьбе азотных заводов в Оппау и на Лейне. В результате этого Бош оказался одним из первых немцев, которым разрешено было свободное передвижение по Парижу после войны⁵⁶. Хотя Патар был заранее информирован об этих заводах, о репутации Боша как ученого и о его технических достижениях, переговоры вначале шли не очень успешно. Оба их участника резко высказали свое мнение. Патар настаивал на том, что военные заводы в Оппау и на Лейне необходимо уничтожить. Бош со своей стороны утверждал, что ввиду голода, угрожавшего многим из опустошенных войной районов, эти заводы крайне необходимы для производства удобрений. Наконец Бош произвел благоприятное впечатление на Патара своим умом. Генерал смягчил свою жесткую позицию. Если заводы по производству синтетического азота имеют столь важное значение для сельского хозяйства, заявил он, то они нужны Франции не менее, чем Германии. Поэтому, продолжал Патар, если Бош поддержит французский проект производства азота, заводам в Оппау и на Лейне будет разрешено продолжать работу. Патар уточнил свои условия. «БАСФ» должна помочь французскому правительству построить нитратные заводы, поставить необходимое оборудование, предоставить в его распоряжение все свои секреты, производственные методы и технологию, пригласить опытных сотрудников для обучения французских технических специалистов и приложить все усилия, чтобы создать преуспевающую французскую азотную промышленность. В обмен на это французы откажутся от своего

требования об уничтожении германских заводов по производству красителей и нитратов⁵⁷. Бош понимал, какую критику вызовет в Германии отказ от монополии Габера — Боша, однако он охотно согласился на условия Патара. Свою роль при этом сыграло более важное соображение: это была единственная возможность спасти его излюбленные заводы в Оппау и на Лейне, а возможно, и сам «И. Г.». В конце концов Бош и Патар договорились начать в ноябре переговоры о заключении официального соглашения.

До отъезда из Версаля Бошу предстояло выполнить еще одну миссию. Герман Шмитц, способный молодой человек из Управления по военным сырьевым материалам, который помог ему получить разрешение германского правительства на строительство на Лейне весной 1915 года завода химии высоких давлений, присутствовал в Версале как представитель министерства экономики в качестве эксперта по нитратам и удобрениям⁵⁸. Бош добился, чтобы Шмитц перешел на работу в «БАСФ» в качестве руководителя финансовыми и внешнеторговыми операциями этой фирмы.

В состоянии крайнего волнения, вызванного столь большим шагом вверх в иерархии промышленных кругов, Шмитц и представить себе не мог, что ему готовит судьба.

Осенью 1919 года, примерно в то самое время, когда Бош завершал свою сделку с генералом Патаром, вопрос о военных преступлениях — впервые с момента подписания Версальского договора — стал сенсационно освещаться в газетах. Он возник случайно в связи с присуждением Фрицу Габеру Нобелевской премии за синтез аммиака⁵⁹. Ученые мира с величайшим возмущением восприняли это решение. Типичным был отклик ведущего английского научного журнала «Нэйчур»: «Никто не забудет, что тайный советник Габер проводил в Институте имени кайзера Вильгельма эксперименты по получению отравляющего газа до битвы на Ипре, где был впервые применен способ ведения войны, ставший вечным позором для немцев»⁶⁰. Французские ученые были особенно недовольны решением Комитета по Нобелевским премиям, и двое французско-лауреатов официально заявили, что они откажутся принять присужденные им премии, если ее будет удостоен и Габер⁶¹.

Выступая в поддержку французских ученых, газета «Нью-Йорк таймс» писала в редакционной статье 27 января 1920 года:

Итак, хотя д-р Габер, несомненно, имеет на своем счету множество научных открытий, помимо его работы с отравляющими газами, и хотя шведы, которые присудили ему премию, вероятно, не имели оскорбительных намерений, всеобщие симпатии будут на стороне французов, которые не пожелали принять почести в такой компании. Можно лишь удивляться тому, что Нобелевская премия за идеалистические и надуманные произведения не была присуждена человеку, который писал ежедневные донесения от имени генерала Людендорфа⁶².

Шведское правительство, встревоженное широкой волной протестов, попыталось сгладить впечатление от того, что Габер был удостоен премии за свой ужасный вклад в войну. Первый секретарь шведской дипломатической миссии в Вашингтоне Даг Хаммаршельд по указаниям, полученным им из Швеции, написал в газету «Нью-Йорк таймс» письмо, в котором отмечал, что

в докладе, на основе которого была присуждена премия, говорится, что способ получения аммиака, открытый Габером, дешевле всех других, известных до сих пор, что производство дешевых азотных удобрений имеет мировое значение для роста производства продовольствия и, следовательно, изобретение Габера имеет величайшую ценность для всего мира... Чтобы дать толчок росту производства взрывчатых веществ или отравляющих газов, аммиак, продукт, полученный по методу Габера, должен быть превращен в азотную кислоту. Фактически же заводы Габера в Германии строились для производства сельскохозяйственных удобрений⁶³.

Через несколько дней вопрос о роли Габера в применении Германией отравляющего газа в войне был поднят уже официально. В одном из наиболее резко оспаривавшихся положений Версальского договора выдвигалось требование предать суду особого трибунала за военные преступления «лиц, обвиняемых в совершении действий в нарушение законов и обычаев войны»⁶⁴. 3 февраля 1920 года союзники представили барону фон Лерснеру как главе германской мирной делегации список, в котором

фигурировали имена более 900 предполагаемых военных преступников. В этом списке числились военные и политические деятели, включая самого кайзера, Гинденбурга, Людендорфа, Бертstorфа и принцев королевского дома Гогенцоллернов. Был в этом списке и Фриц Габер — единственный человек, отдаленно находившийся в орбите «И. Г.», который обвинялся как военный преступник.

Список имен, представленный союзными державами, оказался абсолютно нереальным. Многих из указанных в нем лиц невозможно было установить, а большое число из них не удалось найти. Общую путаницу еще больше усугубило неправильное написание фамилий. Кайзер находился в Голландии, которая отказалась выдать его. Поняв, что указанное ими число лиц необходимо уменьшить, союзники представили 7 мая 1920 года резко сокращенный список, практически исключив из него все общеизвестные имена. Число лиц, обвинявшихся в военных преступлениях, было сокращено с 900 до 45; теперь список состоял главным образом из малоизвестных людей, например командиров подводных лодок и тюремщиков. Фамилия Габера в списке уже не числилась. Германское правительство согласилось возбудить судебное дело против обвиняемых в немецком суде в Лейпциге.

Процессы состоялись в конце мая 1921 года. Из шести лиц, обвинявшихся англичанами, пятеро были осуждены и приговорены к коротким срокам заключения; из шести указанных в бельгийском и французском списках, был осужден и приговорен к двум годам заключения только один, обвинявшийся в том, что он застрелил военнопленного.

Бесплодность этих процессов стала очевидной, и комиссия в составе союзнических юристов единодушно пришла к заключению, что многие из обвиняемых, которых следовало осудить, были оправданы и что все наказания в целом были слишком мягкими. Комиссия рекомендовала всех лиц, еще не подвергавшихся суду, передать для суда союзникам. Союзники, получив ее доклад, положили его под сукно и забыли о его существовании. Почти полвека спустя один из военных преступников, осужденный на Нюрнбергском процессе, Альберт Шпеер, жаловался, что провал попыток судить военных преступников

после первой мировой войны, возможно, повлиял на комиссию по расследованию военных преступлений в период второй мировой войны.

Применение отравляющих газов на войне вызвало впоследствии в союзных странах по меньшей мере еще одну бурную реакцию. В сентябре 1921 года произошла одна из самых ужасных катастроф в истории промышленности всего мира: взрыв огромной силы разрушил заводы Габера — Боша по производству синтетических нитратов в Оппау. Свыше 600 рабочих были убиты, более 2 тыс. получили увечья, а сам завод был полностью уничтожен. Распространились слухи о том, что «БАСФ» проводит эксперименты с целью получения какого-то грозного химического оружия нового типа. «Нью-Йорк таймс» в своей редакционной статье высказывала следующие догадки:

Почти через три года после подписания перемирия недоброй памяти завод в Оппау разнесен на куски каким-то загадочным взрывчатым веществом и 3 тыс. человек убиты, ранены или пропали без вести, а ученые, в том числе и профессор Габер, не знают, как это случилось и абсолютно ничего не могут понять. Возможно, этот факт так никогда и не получит объяснений, которые удовлетворили бы честных ученых, но, поскольку общеизвестно, что в Германии существует пераскайвавшаяся, реваншистская, милитаристская партия, надеющаяся на новую войну, которая восстановила бы ее злобное могущество, и поскольку мир считает, что эти опасные реакционеры приветствовали бы изобретение их химиками смертоносных газов огромной силы, вполне можно допустить, что катастрофа в Оппау могла быть вызвана тайными экспериментами этих химиков⁶⁵.

Один американский журналист попросил Габера дать возможное объяснение причин этого взрыва. Тот ответил, что взрыв в Оппау не мог произойти в ходе производства синтетических нитратов по способу Габера — Боша, ибо ни нитраты, ни высокое давление, применявшееся при этом процессе, не могли привести к столь сильному взрыву. Вдобавок Габер сделал интригующий намек на то, что «расследование может выявить наличие новых грозных сил»⁶⁶.

Какова бы ни была причина взрыва, стало ясно, что «БАСФ» стоит перед угрозой огромных финансовых потерь, если завод в Оппау не будет быстро восстановлен. Однако, по оценкам инженеров «БАСФ», для его восстановления потребовалось бы не менее года. Бош поручил руководить работами по восстановлению завода в Оппау Карлу Крауху, которого он считал своим самым одаренным протеже, приказав ему не считаться ни с какими расходами⁶⁷.

Самой настоящей проблемой стала вербовка в огромных количествах рабочей силы. Необходимо было набрать не менее 10 тыс. строительных рабочих, главным образом квалифицированных, а также административный персонал. Эта задача казалась невыполнимой. Однако Краух подошел к ее решению смело и инициативно. Он заключил с компаниями по всей Германии договоры, согласно которым они должны были приостановить собственное производство и направить на работу в Оппау полностью укомплектованные бригады рабочих вместе с их руководителями. Этот метод обошелся дорого, однако он дал исключительно успешные результаты⁶⁸. Краух сумел набрать необходимую рабочую силу в невероятно короткий срок, и завод в Оппау был восстановлен всего за три месяца. На следующий день после того, как завод снова начал работать, Бош отблагодарил Крауха, введя его в состав правления «БАСФ»⁶⁹.

Теперь уже триумvirат, которому суждено было править компанией «И. Г.» в грядущие решающие годы,— Бош, Шмитц и Краух — возглавил ее руководство, готовый сыграть предназначенную ему роль.

2. Германия после первой мировой войны и мечта Боша

Статьи Версальского договора, предусматривавшие, что союзнические страны не должны возвращать захваченное ими имущество германских промышленных предприятий, явились ударом для компаний «И. Г.». Однако последние были уверены, что конфискованные заводы и патенты не могут nepользоваться для создания им серьезной конкуренции на послевоенном рынке красителей. Любые данные о важнейшей технической информации и секретах производства доверялись на их заграничных заводах исключительно сотрудникам немецкого происхождения. Заграничные патенты были намеренно сформулированы таким образом, что работать по ним могли только те, кто знал секреты этого производства.

Французы разрешили стоявшую перед ними проблему, вступив с компаниями «И. Г.» в партнерство для производства красителей во Франции — использовав тем самым возможность, предоставленную им сделкой, которую заключили в Версале Бош и Фроссард. Американцы же попытались сначала создать промышленность по производству красителей своими силами, без немцев. Руководство артиллерийско-технической службы США все еще считало, что решающее значение для национальной обороны страны имеет сильная независимая американская красильная промышленность. Фирма «Дюпон», на которую артиллерийско-техническая служба возлагала основные надежды, израсходовала огромные средства в тщетной попытке изготовлять красители по спецификациям конфискованных германских патентов. Однако, как заявила глава фирмы Ирепе Дюпон, «рядовой химик не мог работать по ним. Они готовились для немцев, которые

«освятили всю свою жизнь производству красителей»¹.

Наконец было решено прозондировать Карла Боша, самого интернационалистски настроенного представителя руководства «И. Г.», чтобы узнать его мнение о возможности создания предприятия фирмы «Дюпон» и концерна «И. Г.» по производству красителей. В ноябре 1919 года один из членов руководства фирмы «Дюпон» встретился с Бошем в Париже, но Бош не проявил никакого интереса к этому предложению. Он отверг его, пояснив, что не имеет права договариваться о производстве красителей без единодушного одобрения всех остальных компаний «И. Г.»². Компания «Дюпон» явно не обладала столь сильными позициями для ведения переговоров, какие имели французы: заводам по производству красителей в Германии уже не угрожал демонтаж, предусматривавшийся Версальским договором. Не менее важным было, пожалуй, и то обстоятельство, что фирма «Дюпон» не имела кого-либо вроде Фроссара, чтобы вести такие переговоры.

Поскольку фирма «Дюпон» не смогла получить необходимые ей секреты производства германских красителей путем соглашения о партнерстве, она прибегла к более прямому способу. В конце 1920 года представителю «Дюпон» Э. Кунзе удалось завербовать для работы в компании четырех байеровских химиков. Каждый из них подписал контракт на оклад 25 тыс. долларов в год сроком на пять лет, что было для того времени колоссальной суммой по сравнению с тем, что получали химики в Германии. Э. Кунзе вывез тайком из Германии этих четырех химиков и сундук с чертежами, формулами и другой важной промышленной информацией. Но сундук был захвачен голландскими властями, после того как они случайно обнаружили его содержимое, и по требованию кельнского прокурора был выдан ордер на арест этих четырех химиков по обвинению в промышленном шпионаже³.

Немецкая печать преподнесла этот эпизод как крупнейший скандал. Газеты публиковали статьи под такими заголовками: «Четверо предателей», «Американский заговор против германской красильной промышленности» и «Могущество доллара»⁴. Двоим из этих людей, Иозефу

Флакслендеру и Отто Рунге, удалось добраться до США. Они были задержаны на острове Эллис на основании ордера на арест, но «Дюпон» сумела добиться их освобождения⁵.

На долю двух остальных химиков, Макса Энгельмана и Генриха Йордана, выпали большие трудности. Мид писал Ирене Дюпон:

Компании «Байер» довольно успешно удалось заставить германское правительство выполнить ее волю ввиду того, что она задержала д-ра Йордана в Голландии и теперь, как я полагаю, на основании договора о выдаче преступников добилась его возвращения в Германию. Д-р Энгельман... не может получить паспорт для въезда в нашу страну, согласно положению, которое, как мы полагаем, является общим постановлением германского правительства, запрещающим выдавать паспорта каким бы то ни было германским химикам⁶.

«Дюпон» не собиралась смириться с тем, чтобы ее усилия выведать германскую технологию производства красителей окончились ничем. Она обратилась за помощью к американской армии. В один из майских дней 1921 года вашингтонский юрист Клемент Линкольн Буве явился в штаб американской оккупационной армии в Кобленце. Буве, в прошлом офицер американской оккупационной армии, теперь работал в известной вашингтонской юридической фирме, в состав руководства которой входил Роберт Лансинг, занимавший при Вудро Вильсоне пост государственного секретаря. Буве прибыл не с простой миссией. Командующий американскими войсками в Германии генерал-майор Генри Аллен вызвал начальника военной тайной полиции оккупационной армии США в Кобленце капитана Х. Осанна и отдал в его распоряжение роту солдат для выполнения плана Буве. План этот, как пояснил генерал, заключался в том, чтобы доставить Энгельмана и Йордана с женой из неоккупированной части Германии в американский сектор. Хотя химики находились под наблюдением немецкой полиции, ловкие действия Буве и Осанны обеспечили успех операции. 5 июля вся группа прибыла в Хобокен (штат Нью-Джерси) на американском военном транспортном корабле «Сомм»⁷. Несколько дней спустя они уже находились в Уилмингтоне (штат Делавэр) и работали в дюпоновских лабора-

ториях. Теперь «Дюпон» получила возможность успешно конкурировать с «И. Г.» на мировом рынке красителей.

К осени 1922 года Германии стало все труднее выплачивать репарации по установленным Версальским договором квотам, большая часть которых была в форме сырьевых материалов и промышленных товаров, произведенных в то время в Германии. Французы требовали неукоснительного выполнения этих квот полностью. Они никогда не забывали бисмарковских жестоких условий мирного договора после франко-прусской войны. «Мы оставим им только глаза, чтобы они могли плакать», — злорадно заявлял «железный канцлер». Но французы не плакали. В порыве национальной гордости они уплатили 5 млрд. франков, которые потребовал Бисмарк в виде военных репараций. Это была беда, которую французам суждено было запомнить надолго.

Поэтому они не были склонны легко отнестись к невыполнению немцами своих обязательств по репарациям, обусловленным Версальским договором. В конце сентября 1922 года французы подали в союзническую репарационную комиссию жалобу на то, что немцы задерживают поставки пиломатериалов и телеграфных столбов. После расследования и слушания его результатов комиссия сочла Германию виновной в нарушении сроков поставок и вынесла постановление о возобновлении поставок материалов, указанных в планах репарационных выплат. Немцы, либо не желая, либо не имея возможности выполнить это требование, ответили отказом.

В течение нескольких месяцев французы не принимали никаких прямых мер. Однако 10 января 1923 года президент Гардинг в угоду общественному мнению в США вывел американские оккупационные войска из Рейнской области. Французы, воспользовавшись этой мерой американцев, сразу же ввели свои войска на освобожденную территорию, а также в индустриальный Рур. Этими действиями ознаменовалось начало периода, который получил название «рурской войны». Германское правительство отреагировало на них, объявив политику пассивного сопротивления, и все заводы на берегу Рейна и в Руре полностью прекратили работу.

К середине мая 1923 года заводы «БАСФ» простаивали уже четыре месяца. В результате этого они тоже сильно отстали с поставками красителей и азотных удоб-

рений, требовавшимися согласно положениям о репарационных платежах. 22 мая Бош получил от одного информатора срочное сообщение о том, что на следующий день французские войска оккупируют заводы «БАСФ», а члены правления компании будут арестованы, преданы суду и обвинены в умышленном сопротивлении отправке репарационных товаров⁸. Бош немедленно отдал приказ о безотлагательном демонтаже установки Габера — Боша, работавшей при высоких давлениях, и переброске ее на Лейну на неоккупированной территории Германии. В течение нескольких часов все это массивное оборудование было погружено на паромы и переправлено через Рейн. Одновременно члены правления выехали в Гейдельберг и укрылись там под вымышленными именами.

Полученная Бошем информация оказалась верной. Во второй раз после окончания войны французские войска заняли заводы «БАСФ» в Оппау и Людвигсхафене. Служащие, следуя приказу Боша, отказались сотрудничать с оккупантами.

На вопросы представителей печати, вызванные оккупацией французами людвигсхафенского завода по производству красителей, Бош высокомерно, хотя и с горечью, ответил: «Французы, возможно, умеют делать кирпичи, но красители — не смогут никогда»⁹.

В немецком городе Ландау состоялся французский военный суд, который предъявил должностным лицам «БАСФ» обвинение и судил их заочно за задержку поставок Франции удобрений и красителей. Суд признал всех их виновными, оштрафовал на 150 млн. марок и приговорил к длительным срокам заключения. К самому суровому наказанию — 10 годам заключения — был приговорен главный юрисконсульт «БАСФ» Август фон Книрим за то, что подписывал постановления, приказывавшие рабочим «БАСФ» отказываться от сотрудничества. Остальные директора, в том числе Карл Бош и Герман Шмитц, были приговорены к 8 годам каждый¹⁰. Все члены правления «БАСФ» являлись теперь людьми, бежавшими от французской оккупационной армии.

К лету 1923 года темпы инфляции в Германии, неуклонно повышавшиеся после окончания войны, стали поистине ужасающими. Стоимость германской марки была теперь в пятьсот миллиардов раз меньше, чем в 1918 году, и мир уже привык к изображениям

германских рабочих, везущих заработную плату на ручных тележках. Новый рейхсканцлер Густав Штресеман, занявший этот пост в середине августа, попытался приостановить финансовый кризис. Он понимал, что прежде, чем Германии удастся добиться хоть какой-то стабильности внутреннего положения, ей придется урегулировать свои разногласия с союзниками. В конце сентября Штресеман объявил о прекращении правительственной политики пассивного сопротивления французам и о возобновлении репарационных платежей. Прошло совсем немного времени, и заводы «И. Г.» в Рейнской области вновь приступили к работе. А к ноябрю президент рейхбанка Яльмар Шахт уже сумел добиться стабилизации марки, снискав себе тем самым публичное признание.

Закрытие большинства заводов «И. Г.» в период «рурской войны» создало промышленности по производству красителей в других странах богатейшую возможность. При отсутствии конкуренции со стороны германских фирм американские промышленники удовлетворяли теперь потребности американского рынка почти на 95%. Производство красителей фирмой «Дюпон» получило дополнительный стимул благодаря технической помощи химиков «И. Г.», тайно вывезенных из Германии, а также активному содействию артиллерийско-технической службы армии. Французы тоже использовали закрытие этих заводов в своих интересах. С начала 1921 года компании «И. Г.» в соответствии с соглашением между Фроссаром и Бошем передавали «Компани насьональ» свои секреты производства и информацию о технологии производства красителей, взамен чего они должны были получать по соглашению о партнерстве 50% прибылей на протяжении последующих 45 лет¹¹. Но в 1923 году «Компани насьональ» была поглощена французским химическим и металлургическим концерном «Этаблиссман Кульман». Вскоре после этого фирма «Кульман» аннулировала заключенный между Фроссаром и Бошем договор на том основании, что в период, когда заводы были закрыты, компании «И. Г.» не поставляли французам химические красители, обусловленные договором¹². Фактически немцы снова были выброшены с французского рынка красителей. Это крайне возмутило руководителей «И. Г.»; они утверждали, что одностороннее прекращение действия договора незаконно. Теперь уже французы обладали про-

изводственными секретами «И. Г.», тогда как компании «И. Г.» почти ничего не получили взамен. Однако ввиду щекотливой политической ситуации Бош сразу не принял каких-либо мер.

К осени 1923 года рост мощи иностранных конкурентов убедил Дуисберга в необходимости коренной реорганизации внешнеторговой деятельности компаний «И. Г.». Он предложил слить заграничные сбытовые предприятия всех немецких компаний в единую организацию¹³.

Бош со своей стороны также думал об объединении компаний «И. Г.». Но его замыслы были гораздо шире, а планы — более инициативны. Для него новая технология, а особенно химия высоких давлений, создать которую помог его собственный талант, открывала безграничные возможности. Но Бош учитывал реальную действительность. Ресурсы «БАСФ» были недостаточны, чтобы удовлетворить колоссальные финансовые потребности, вытекавшие из полета его фантазии. Необходима была более широкая и солидная база, основанная на мощном картеле. Оттолкнувшись от умеренного предложения Дуисберга о слиянии заграничных сбытовых предприятий, Бош сделал большой скачок вперед. Он предложил, чтобы все компании «И. Г.» слились в единый картель и сосредоточили всю свою промышленную деятельность и финансовую мощь в гигантской монолитной организации. После того как Бош определил свой курс, его уже невозможно было заставить отклониться от него. Несмотря на нежелание других концернов пожертвовать своими индивидуальными особенностями и независимостью, воля и логика Боша одержали верх. К 1924 году все восемь компаний «И. Г.» пришли к твердому соглашению о слиянии в единую корпорацию¹⁴.

В течение 1924—1925 годов Бош и его консультант по финансовым вопросам Герман Шмитц готовили почву для создания такой новой организации. Некоторое время казалось, что объединение компаний зашло в тупик, возникший из-за непреклонной позиции Боша и Дуисберга в вопросе о наименовании новой организации. Бош хотел отказаться от названия картеля, учрежденного в 1916 году, — «И. Г. Фарбен». Он утверждал, что сохранение этого названия может ввести людей в заблуждение, ибо такое предприятие не имело бы уже характер *Interessen-Gemeinschaft*. Взамен этого он рекомендовал более

подходящее в данном случае название «Ферайн дойчер теерфарбенфабрикен» (Союз немецких фирм по производству красителей из каменноугольной смолы). Дуисберг считал это предложение примитивным с коммерческой точки зрения. Он не хотел отказываться от огромного значения мирового признания названия «И. Г. Фарбен». Это решение относилось к вопросам коммерческого характера, а в этой области голос Боша не имел особого значения. Другие члены руководства «И. Г.» единогласно поддержали Дуисберга, и Бошу пришлось сдаться. 9 декабря 1925 года слияние завершилось процедурой, посредством которой остальные семь компаний были включены в состав «БАСФ». Новое объединение получило название «И. Г. Фарбениндустри акциенгезельшафт». Карл Дуисберг, отказавшийся от активной руководящей роли в новом объединении, был избран председателем наблюдательного совета. Отныне ему предстояло ограничить свою деятельность вопросами основной политики компании. Бош был избран председателем правления, благодаря чему стал главой концерна. С этого момента место за столом, которое занимал Бош, считалось местом председателя «И. Г.».

Впоследствии член руководства «И. Г.» и ученый Фриц Тер Мерс так охарактеризовал значение новой организации: «Основной задачей нового объединения было выявление не исследованных до того областей химии»¹⁵. Открывшиеся перед ним перспективы сразу же привлекли к себе внимание вкладчиков капитала, и, несмотря на крайне низкий уровень экономики Германии, стоимость акций «И. Г.» повысилась в 1926 году более чем втрое. По любым меркам «И. Г. Фарбениндустри» был крупнейшим концерном в Европе и крупнейшим химическим объединением во всем мире.

Новый концерн имел огромные финансовые ресурсы, он стал агрессивно действовать и в уже сложившихся отраслях промышленности. Одним из его первых мероприятий было установление контроля над военной промышленностью Германии, включая такие главенствующие в этой области фирмы, как «Динамит А. Г.», «Рейнише-Вестфалише Шпренгштоф А. Г.» и «Кёльн-Ретвайль А. Г.». Таким путем нитратные заводы «И. Г.» были вертикально интегрированы с ведущими концернами по производству взрывчатых веществ, которые были их

основными клиентами в прошлом. «И. Г.» принял также меры по укреплению своих позиций на внешних рынках красителей. Так, в США он создал «Дженерал дайстаф корпорейшн», а несколько позднее — «Америкэн И. Г. кемикл компани». Действуя через них, он вернул себе почти все активы, отнятые у компаний «И. Г.» в первой мировой войне американским управлением по опеке над имуществом противника.

Однако во Франции усилия «И. Г.» в какой-то мере оставались безуспешными. Летом 1926 года он начал тайно скупать акции компании «Кульман», ставшей к этому времени крупнейшим производителем красителей во Франции. «И. Г.» прикрывал свои операции по закупке акций, действуя через голландских и швейцарских посредников, привлеченных Шмитцем.

За семь недель лихорадочной деятельности фирмы «Кульман» на бирже курс ее акций повысился с 450 до 1000 франков. Расследование показало, что за этим «рейдом» стоял «И. Г. Фарбениндустри», которому фактически уже удалось достичь своей цели — установить контроль над этой фирмой.

Наступление «И. Г.» на фирму «Кульман» вызвало недовольство во Франции. Газета «Нью-Йорк таймс» писала по этому поводу: «Французское военное министерство не перенесло, если бы столь важная часть обороны страны оказалась в руках его недавнего врага, и имеются все основания полагать, что теперь, когда французские компании по производству красителей осознали эту опасность, будет сделано все возможное, чтобы не допустить полного успеха немецких планов»¹⁶.

Что-то и было сделано. Благодаря поддержке со стороны французского военного министерства и быстро принятому палатой депутатов закону, «Кульман» выпустила 100 тыс. новых акций, которые обеспечивали контроль при голосовании и резервировались только для зарегистрированных акционеров, которые должны были быть французскими гражданами. Таким образом, тайные немецкие владельцы акций оказались относительно бессильными, поскольку их акции не давали им права голоса. В результате контроль над фирмой «Кульман» снова вернулся к французам. Эта мера разрушила план присоединения фирмы «Кульман» к «И. Г.». Однако «И. Г.», вместо того чтобы отступить, предложила «Кульман»

восстановить первоначальный картель Боша — Фроссара. В результате в 1927 году между ними было заключено соглашение, предусматривавшее установление цен, создание общих сбытовых организаций, обмен технической информацией и раздел рынков. «И. Г.» обязался не выступать на французском рынке, а французы обязались не выступать на остальных европейских рынках¹⁷. Фактически, хотя «И. Г.» не мог завладеть французскими заводами по производству красителей, он по крайней мере был в состоянии контролировать французов по соглашению о картеле.

Самым амбициозным мероприятием нового концерна «И. Г.» был проект, который больше всего интересовал Боша и фактически побудил его настаивать на слиянии компаний «И. Г.» в единую гигантскую организацию, обладающую большой финансовой мощью. Бош мечтал сделать Германию независимой от иностранных нефтяных источников. Во время войны Германию, не имевшую ни одного нефтяного месторождения, которое заслуживало бы такого названия, буквально задушил британский флот. Бош хотел добиться в отношении нефти того, чего он добился в отношении нитратов. С помощью магических свойств химии высоких давлений и его собственного гения он хотел превратить обильные запасы угля в Германии в потоки бензина. Он надеялся добиться былого триумфа в новых условиях.

События в Германии складывались таким образом, что возникла настоятельная потребность в нефти. В стране происходил тайный процесс перевооружения путем систематических нарушений Версальского договора. В 1924 году планами мобилизации предусматривалось создание армии в составе 63 дивизий. «Черному рейхсверу» требовался «надежный» источник бензина. В механизированной войне будущего необходимость в жидком топливе должна была принять астрономические размеры.

Бош думал также о заманчивых перспективах больших прибылей в мирное время. Уже существовал автомобильный бум, поглощавший значительную долю имевшихся в стране запасов бензина и обещавший поглощать его по все большему количеству. Непосредственно стоявшая перед индустриальными странами мира энергетическая проблема заключалась в том, смогут ли недавно открытые месторождения нефти удовлетворять увеличиваю-

щийся спрос на горючее. Специалисты, как правило, отвечали на этот вопрос отрицательно, а кое-кто из них даже предвещал неминуемое в недалеком будущем истощение мировых запасов нефти. В Соединенных Штатах президент Кулидж официально подтвердил это зловещее пророчество, создав Федеральный совет по сохранению запасов нефти, в состав которого входили министры обороны, военно-морского флота, внутренних дел и торговли. Задачей этого совета был подсчет мировых запасов нефти и подготовка соответствующих докладов¹⁸. Уже сам по себе факт создания такой комиссии считался дурным предзнаменованием. Сведущие люди замечали признаки того, что нефть становится средоточием международной дипломатии и политики с позиции силы. Эти события предвещали время, когда мерилом богатства народов станет нефть.

Наконец, у Боша была и более непосредственная причина для беспокойства. Господство его концерна в мировой промышленности по производству синтетических нитратов приходило к концу. Он передал Франции не только завод, но и секрет производственного процесса Габера — Боша, а остальные крупные индустриальные страны уже создавали свои собственные потенциалы по производству нитратов. Близилось время, когда деятельность этих иностранных заводов могла привести к перенасыщению мирового рынка. Бош сознавал, что вскоре ему придется закрыть на заводах на Лейне и в Оппау значительную часть дорогостоящих установок под высоким давлением. Вопросом первостепенного значения стала необходимость найти для их дорогостоящего оборудования новые способы выгодного применения.

В целях скорейшего осуществления своего проекта Бош решил приобрести патенты на процесс Бергиуса по превращению угля в жидкое топливо при высоких давлениях. Бош знал, что Бергиус, как и Габер, может успешно осуществлять свой процесс только в лабораторных условиях. Все предпринятые во время войны попытки палатить массовое промышленное производство жидкого топлива таким способом оказались тщетными. Он был абсолютно уверен, что может сделать для Бергиуса то, что сделал в свое время для Габера. Перед ним стояло только одно препятствие, но препятствие колоссальное — расходы. Уже само по себе приобретение патентов

Бергиуса обошлось бы достаточно дорого, но издержки, необходимые для приспособления этого процесса к условиям массового промышленного производства, выходили даже за пределы финансовых ресурсов «БАСФ», и без того подорванных поражением в войне. Такой проект мог быть основан только на использовании совместных финансовых ресурсов объединившихся компаний «И. Г.». Видимо, Бош так настойчиво добивался, чтобы пост главного финансового руководителя нового концерна занял его личный финансовый «маг и волшебник» Герман Шмитц, исходя и из этих соображений. Фактически в 1925 году, когда уже было твердо известно, что слияние осуществится в недалеком будущем, Шмитц, действуя по указанию Боша, купил патенты Бергиуса от имени еще не сформированного «И. Р. Фарбениндустри». Чтобы повернуть эту сделку, понадобилась вся ловкость Шмитца в области финансовых махинаций, с использованием швейцарских банков и других прикрытий. Вскоре после этого началась широкая деятельность по переключению завода Оппау с работ по синтезу нитратов на превращение угля в жидкое топливо.

Хотя план Боша предусматривал развитие производства синтетического горючего в стране на базе финансовых ресурсов «И. Г.», он предполагал также привлечь в качестве партнера для применения этого процесса во всем мире какую-либо американскую компанию, например «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси». Эта компания обладала не только колоссальными финансовыми ресурсами; она имела также огромную, хорошо укомплектованную организацию по научным исследованиям и развитию, добившуюся серьезных успехов в технологии переработки нефти.

«Стандард ойл», игравшая господствующую роль в американской нефтяной промышленности, была одним из ее наиболее инициативных представителей. С начала 20-х годов, когда впервые возник тревожный вопрос об истощении мировых ресурсов природной нефти, «Стандард ойл» занималась поисками ее заменителей. Она первой начала эксперименты по получению нефти из сланцев как коммерческого источника, а в 1921 году даже закупила в Колорадо 22 тыс. акров земли в надежде на то, что ей удастся найти коммерчески рентабельный

метод получения нефти из сланцев^{19*}. «Стандард ойл» изучала также вопрос о целесообразности применения процесса Бергиуса, ибо США, как и Германия, обладали богатейшими залежами угля. В 1922 году глава «Стандард ойл девелопмент компани» Фрэнк Хауэрд командировал одного из своих молодых помощников в Германию для изучения процесса Бергиуса, но тот сообщил, что этот процесс еще не достаточно разработан для коммерческой эксплуатации²⁰.

Весной 1925 года Бош направил нескольких членов высшего руководства компании «БАСФ» в США, чтобы выяснить, насколько «Стандард ойл компани» заинтересована в его плане. Для прибывших в США представителей была организована поездка по нефтеперерабатывающим заводам в районе Нью-Йорка, после чего их пригласили на завтрак с директорами «Стандард ойл». От группы представителей «БАСФ» с благодарственной речью на ломаном английском языке выступил Вильгельм Гаус. Он сказал, что на него произвели большое впечатление масштабы и эффективность деятельности нефтеперерабатывающих заводов, а также новая организация «Стандард ойл» по научным исследованиям и опытным разработкам. Затем, как бы случайно, он упомянул о прогрессе, достигнутом Бошем и его сотрудниками в развитии процесса Бергиуса (Бош дал Гаусу указания упомянуть об этом)²¹. Гаус предложил Хауэрду во время его поездки в Европу следующей весной побывать в Людвигсхафене, чтобы лично убедиться в этом, и Хауэрд принял его приглашение.

В марте 1926 года Хауэрд, как и обещал, приехал в Людвигсхафен, и ему была предоставлена возможность посмотреть лаборатории «БАСФ», ставшей теперь уже официально частью «И. Г. Фарбениндустри». Увиденное поразило его. Хотя Хауэрд и возглавлял отдел научных исследований и опытных разработок одной из крупнейших и самых передовых с научной точки зрения корпораций в мире, он, по его собственным словам, «окунулся

---

* В конце 1916 года Служба геологических изысканий США объявила, что после трехлетних исследований ее специалисты пришли к выводу, что месторождения углеводородных сланцев в Колорадо дадут свыше 20 млрд. баррелей нефти, из которой обычными методами можно получить более 2 млрд. баррелей бензина.

в мир научных исследований и опытных разработок, осуществляемых в таких колоссальных масштабах, каких я никогда не видел»²². Особенно его ошеломили эксперименты «БАСФ» по получению синтетического жидкого топлива. Хауэрд немедленно отправил президенту «Стандарт ойл» Уолтеру Тиглу, находившемуся в тот момент в Париже, послание с просьбой безотлагательно приехать в Людвигсхафен:

На основании моих наблюдений и состоявшихся сегодня переговоров я считаю, что это самый важный вопрос, который когда-либо возникал перед компанией после ликвидации [ропуска «Стандарт ойл трест» по постановлению Верховного суда в 1911 году]. «Бадише» (БАСФ) может получать высококачественное моторное топливо из лигнита и других низкосортных углей в количествах до 50% веса угля. Это означает абсолютно полную независимость от Европы в вопросе снабжения бензином. Единственное, что остается,— это прямая конкуренция цен²³.

Срочное послание Хауэрда побудило Тигла через несколько дней приехать в Людвигсхафен. Знакомление с заводом «БАСФ», работавшим при высоких давлениях, произвело на него не менее сильное впечатление, чем на Хауэрда: «Я не знал, что такое исследовательская работа, пока не ознакомился с ней здесь. Мы младенцы по сравнению с теми, кто действует тут»²⁴. Вернувшись домой, Тигл и Хауэрд заявили, что «поразительные научные достижения будут иметь влияние на мировую нефтяную промышленность»²⁵. Ради защиты своих интересов фирме «Стандарт ойл» было необходимо найти пути к более тесному сотрудничеству с «И. Г.». Достаточным стимулом для этого служило зрелище, которое являли собой тысячи устаревших нефтяных скважин.

Вначале Хауэрд и Тигл обсудили вопрос о возможности покупки у «И. Г.» исключительного права на патенты Бергиуса на производство синтетического жидкого топлива. Однако было ясно, что «И. Г.», уже затративший на этот процесс миллионы, согласится лишь на баснословную цену. В тот момент «Стандарт ойл» не собиралась расходовать крупные средства на процесс, который находился на начальных стадиях разработки и еще не мог использоваться коммерчески. Тигл и Хауэрд ре-

шили действовать осмотрительно. Они считали, что по крайней мере временно самым разумным шагом будет простое партнерство в целях развития и усовершенствования этого процесса без больших финансовых обязательств. Бош в принципе согласился на их предложение, хотя и предпочел бы заключить более широкое соглашение; данное же предложение было конкретным доказательством заинтересованности «Стандард ойл».

До этой встречи Бош ограничивался работой нескольких экспериментальных установок при высоких давлениях. Ознакомившись с точкой зрения руководителей «Стандард ойл», он отбросил всякую осторожность и 18 июня отдал приказ построить близ завода Габера — Боша на Лейне громадный завод Бергиуса. Он решил, что этот процесс уже достаточно хорошо разработан и «И. Г.» может приступить к массовому производству синтетического горючего — по 100 тыс. тонн в год. Многие из членов руководства «И. Г.» считали такой шаг неосторожным с финансовой точки зрения, учитывая, что понадобится еще известное время для полного усовершенствования этого процесса. Но Бош был слишком могущественной фигурой, чтобы с ним можно было не считаться.

1 сентября 1926 года на первом собрании акционеров объединенного «И. Г.» было объявлено о планах строительства крупного нового завода синтетического горючего на Лейне²⁶. Правильность решения о быстром осуществлении этого проекта получила, казалось, подтверждение несколько дней спустя, когда назначенный президентом Кулиджем Федеральный совет по сохранению запасов нефти представил свой предварительный доклад о «положении с национальными запасами нефти» в США. Совет нашел, что «общие наличные ресурсы в насосных и фонтанирующих скважинах, согласно подсчетам, составляют около 4,5 млрд. баррелей, которых теоретически хватит всего лишь на 6 лет... Для сохранения в будущем запасов даже на существующем уровне необходимо постоянно выявлять новые месторождения и бурить новые скважины»²⁷. Даже крайних пессимистов эта цифра — 6 лет — застала врасплох.

Вскоре после объявления об открытии «И. Г.» нового завода синтетического горючего Бош прибыл в США, чтобы начать переговоры со «Стандард ойл». Его интере-

совала главным образом финансовая поддержка. К этому времени Тигл и Хауэрд уже поняли, что их энтузиазм и изумленное восхищение процессом гидрогенизации ослабили их позиции в переговорах с Бошем. И они решили устроить контрдемонстрацию. Тигл пригласил Боша сопровождать его в ежегодной инспекционной поездке по обширным владениям «Стандард ойл». В течение трех недель они ездили по стране, инспектируя заводы «Стандард ойл». Во время этой поездки Бошу стало ясно, что руководители «Стандард ойл» не собираются выплатить «И. Г.» такую большую сумму, как он ожидал. В середине декабря он вернулся в Германию без твердого соглашения и финансового обязательства и снова впал в состояние периодически повторявшейся у него депрессии²⁸.

Достичь относительно ограниченного соглашения Тиглу и Бошу удалось только в августе следующего года. «Стандард ойл» согласилась приступить к программе сотрудничества в области исследования и развития процесса гидрогенизации для очистки сырой нефти. Она согласилась также как можно скорее построить для этой цели новый завод в Луизиане. В обмен на это «Стандард ойл» было предоставлено право на использование этого процесса в США и на получение равной с «И. Г.» доли сумм, поступающих за предоставление лицензий другим фирмам²⁹. Однако права на применение этого процесса на любом из ее заводов, разбросанных на большой территории вне пределов США, «Стандард ойл» не получила.

Хотя эти условия были очень скромными, газета «Нью-Йорк таймс» чуть не в состоянии эйфории описывала в сообщении ее корреспондента из Германии возможности, открывавшиеся благодаря процессу производства «И. Г.» синтетического горючего:

Специалисты в различных отраслях химии признают, что мир находится накануне эры нового топлива и что часто предсказывавшееся истощение запасов бензина в настоящее время отодвигается на сотни лет вперед... Открытия в этих отраслях, как заявил один видный промышленник корреспонденту «Нью-Йорк таймс», более поразительны, чем изобретения, позволяющие добиваться огромных успехов в развитии радио, в других областях применения электричества и в самолетостроении.

Согласно подсчетам «консервативных специалистов», 20% общего потребления бензина в 1928 году приходилось бы на долю синтетического горючего, причем через несколько лет Германия уже полностью удовлетворяла бы свои потребности в бензине. В заключение «Нью-Йорк таймс» писала, что уверенность в возможности получения синтетического горючего настолько велика, что, как предполагается, цена на него будет ниже цены природной нефти, импортируемой из США и из Советского Союза ³⁰.

Это была всего лишь мечта журналиста. В действительности положение складывалось совершенно иначе. Работа завода Бергнуса на Лейне, который вступил в эксплуатацию в июне, осложнилась техническими неполадками и чрезвычайно серьезными технологическими проблемами. Расходы увеличились настолько резко по сравнению с первоначальными сметами, что в случае их дальнейшего роста они стали бы угрожать финансовой структуре самого «И. Г. Фарбениндустри».

В последующие месяцы среди членов правления «И. Г.» стали все чаще раздаваться требования полностью отказаться от проекта производства синтетического горючего. Бош не обращал никакого внимания на ропот своих коллег. «Чтобы производство водорода достигло сегодняшнего уровня, потребовалось 15 лет,— говорил он им.— Ясно, что производству бензина надо посвятить больше времени, чтобы оно стало рентабельным» ³¹. Власть Боша в «И. Г.», как и всегда, сыграла решающую роль. Правление согласилось продолжать осуществление дорогостоящего проекта производства синтетического горючего, по крайней мере в ближайшее время. Тем не менее было очевидно, что Бошу придется или найти возможность облегчить тяжелое финансовое бремя, лежавшее на «И. Г.», или столкнуться с дальнейшими нападками со стороны правления.

Тем временем руководители «Стандард ойл», которым не было, вероятно, известно о проблемах, стоявших перед «И. Г.», стали возлагать все больше надежд на процесс Бергнуса — Боша. Исследовательская группа во главе с профессором химической технологии Робертом Хасламом из Массачусетского технологического института приступила к работе по гидрогенизации сырой нефти на новом экспериментальном заводе в Луизиане, и «Стан-

дарт ойл компани» уже было ясно, что этот процесс представляет собой важнейшее научное открытие в истории нефтяной промышленности. Процесс гидрогенизации сырой нефти был поистине поразительным открытием. В прошлом для получения одного барреля бензина требовалось два барреля сырой нефти, тогда как при гидрогенизации для этого потребовался бы только один баррель. Однако по условиям соглашения, заключенного с «И. Г.» в 1927 году, филиалам «Стандарт ойл» во всем мире все еще не разрешалось применять этот процесс. «Стандарт ойл» могла применять его только в США, и то лишь при использовании сырой нефти, а не угля.

В августе 1928 года Тигл и другие представители высшего руководства «Стандарт ойл» отправились в Германию, надеясь убедить Боша и его советников в «И. Г.» расширить условия партнерства между «И. Г.» и «Стандарт ойл», разрешив совместное применение процесса Бергиуса — Боша во всем мире, и предоставить «Стандарт ойл» право использовать этот процесс не только в отношении сырой нефти, но и угля. Бош отклонил требование «Стандарт ойл». Хотя он и не сказал этого прямо, у него хватало неприятностей с его коллегами из «И. Г.» из-за расходов на гидрогенизацию в Германии. Для «И. Г.» это был явно неподходящий момент, чтобы приступить к дорогостоящей программе применения этого процесса во всем мире даже в партнерстве со «Стандарт ойл».

Чего Бош действительно хотел добиться — это получить от «Стандарт ойл» крупную единовременную сумму, которая позволила бы «И. Г.» выйти из тяжелого финансового положения и в то же время дала бы ему возможность продолжить осуществление программы гидрогенизации в Германии. С помощью Германа Шмитца Бош разработал контрпредложение, отвергнуть которое, по его мнению, «Стандарт ойл» не могла. Он предложил продать право на производство бензина во всем мире способом Бергиуса — Боша. Единственным территориальным исключением было то, что право на применение этого процесса в Германии сохранялось за «И. Г.»³². Было ясно, что германское правительство никогда не разрешило бы «И. Г.» уступить иностранной компании немецкие права на процесс, имевший для страны столь важное

военное и экономическое значение. Но даже несмотря на это, «И. Г.» не сообщил германскому правительству о своем намерении продать право на гидрогенизацию «Стандард ойл». Как и предполагал Бош, «Стандард ойл» ухватилась за его предложение.

Обе стороны провели переговоры о соглашении на матер двух великих держав, вырабатывающих договор о разделе мира на сферы влияния, и обязались соблюдать суверенитет каждой из них в своих областях. Один из членов руководства «Стандард ойл» сказал по этому поводу: «„И. Г.“ собирается стоять в стороне от нефтяного бизнеса, а мы намереваемся быть в стороне от химического бизнеса»³³. В целях обеспечения механизма для выполнения условий соглашения стороны договорились учредить «Стандард — И. Г. компани», зарегистрированную в качестве корпорации в США и принадлежащую на 80% «Стандард ойл», а на 20% — «И. Г.». Такой порядок сохранял для «И. Г.» долю меньшинства в любом успешном мероприятии в будущем. Затем «И. Г.» передал новому предприятию патентные права на процесс гидрогенизации во всем мире (за исключением Германии). В обмен на это Бош получил наконец то, к чему он так отчаянно стремился. «Стандард ойл» передала «И. Г.» 2% всех своих обыкновенных акций — 546 акций стоимостью 35 млн. долл. по бухгалтерским книгам «Стандард ойл»³⁴. В качестве небольшой премии для «И. Г.» Тигл дал согласие войти в состав правления новой холдинг-компания «И. Г.» в США — «Америкэн И. Г. кемикл компани».

После подписания этого соглашения Бош задался целью заинтересовать «Стандард ойл» смежным техническим мероприятием. Дело касалось производства синтетического каучука «буна», который, по мнению Боша, мог соперничать с натуральным каучуком в качестве сырья для производства шин и даже заменить его. В то время лаборатории «И. Г.» проводили опыты по получению «буны» из угля, но синтетический каучук обходился еще слишком дорого, чтобы конкурировать с натуральным каучуком. Применение же нефти вместо угля обещало сделать стоимость синтетического каучука более конкурентоспособной. Исходя из этого, Бош отправил в США Карла Крауха, чтобы заинтересовать «Стандард ойл» созданием картеля с целью разработки процессов,

основанных на применении нефти в качестве сырья, уделяв особое внимание каучуку «буна»³⁵.

Миссия Крауха увенчалась успехом. В 1930 году была учреждена «Джойнт америкэн стади компани» (известная как «Джаско»), принадлежавшая на равных правах «И. Г.» и «Стандард ойл». Ее назначением было испытание и лицензирование новых процессов, разрабатываемых каждой из сторон в области нефтехимии. Бош питал большие надежды на то, что успех «Джаско» в деле получения каучука «буна» из нефти приведет к тому, что лицензии на его производство будут предлагаться американской шинной промышленности. Поскольку в США автомобилей было больше, чем во всем остальном мире, потенциальный рынок сбыта продукции этой совместной компании представлялся весьма многообещающим.

Но стоило лишь «браку» между «И. Г.» и «Стандард ойл» оформиться, как ему был нанесен ряд сокрушительных ударов. «Великая депрессия» и обнаружение огромных запасов нефти в Техасе привели к такому резкому падению цен, что «Стандард ойл» утратила все надежды на разработку в ближайшем будущем во всем мире процесса превращения угля в нефть. Еще более стремительно стали падать цены на натуральный каучук. «Буна» не имела никаких шансов на конкуренцию. Интерес «Стандард ойл» к «буне» оставался подспудным, пока не начали собираться тучи, предвещавшие вторую мировую войну; и для того, чтобы снова вызвать заинтересованность «Стандард ойл» в производстве бензина из угля понадобился организованный арабскими странами в 1974 году нефтяной бойкот.

3. «И. Г. Фарбениндустри» готовит Гитлера к войне

Наступившая «великая депрессия» и резкое падение цен на нефть не заставили Боша отказаться от своего проекта гидрогенизации. Однако значительная часть членов правления «И. Г.» были настроены иначе. В июле 1930 года Бош, вернувшись из двухмесячного отпуска, узнал, что оппозиция этому проекту готова была перерасти в бунт. Ему было заявлено, что завод на Лейне надо немедленно закрыть¹. Противники Боша утверждали, что этот завод — тяжелое бремя для «И. Г.», финансовое положение которого и без того подорвано. На строительство завода уже ушло 300 млн. марок, а процесс еще не был разработан для его коммерческого применения². Стоимость одного литра синтетического бензина, заявляли они, достигала 40—50 пфеннигов, тогда как цена бензина, полученного из нефти, составляла на мировом рынке всего лишь около 7 пфеннигов³. Осуществление проекта сдерживали экономические трудности.

Хотя серьезные споры среди членов правления «И. Г.» бывали редко, борьба по поводу синтетического горючего оказалась жестокой. В конце концов противоборствующие стороны решили поручить оценку проекта двум комитетам, один из которых возглавлял Фриц Тер Меер, а другой — главный инженер Фридрих Йене.

В начале 1931 года комитеты представили свои доклады правлению. Комитет Тер Меера рекомендовал продолжать осуществление проекта, а комитет Йене рекомендовал отказаться от него. Последний отмечал в своем докладе, что в обозримом будущем невозможно будет получить синтетический бензин из угля по цене, которая обеспечила бы концерну прибыль. Единственным выходом

из положения было бы предоставление государственной субсидии, против чего Йене, сторонник консервативной политики, категорически возражал. Он был «в принципе против любых субсидий со стороны государства, ибо это неизбежно ведет к осуществлению государством своего влияния. Лучше всего было бы закрыть завод»⁴. Но Бош являлся слишком могущественной фигурой в «И. Г.», и правление в конечном счете проголосовало за принятие рекомендации Тер Меера. Проект гидрогенизации, который отстаивал Бош, был снова спасен.

Вскоре после этого Бергиусу и Бошу была присуждена Нобелевская премия по химии «за их вклад в изобретение и развитие метода производства химикатов при высоких давлениях»⁵. Как уже говорилось, Бош был первым инженером, удостоенным этой премии. Его репутация как национального героя повысилась еще больше.

В тот же период «И. Г.» столкнулся с проблемой, угрожавшей ему извне. По мере укрепления политической власти Адольфа Гитлера его нападки на промышленные концерны, среди членов руководства и директоров которых были евреи, становились все более угрожающими. «И. Г. Фарбениндустри» был главной мишенью для нацистов как «орудие международного финансового капитала», ибо в нем преобладали такие известные еврейские банкиры и промышленники, как Макс М. Варбург, Артур фон Вайнберг, Альфред Мертон, Эрнст фон Симсон, Отто фон Мендельсон-Бартольди и Курт Оппенгейм. «И. Г.» стали называть концерном «Исидор Г. Фарбер» и на карикатуре изображали в виде Шейлока или «И. Г. Молох», злобно намекая на ханаанского бога, в жертву которому приносились дети.

Члены руководства «И. Г.», серьезно встревоженные этими нападками, попытались пресечь их, прибегнув к помощи многообещающего молодого служащего «И. Г.» пресс-секретаря Дуисберга Генриха Гаттино, имевшего большие связи среди нацистов. В свое время Гаттино, будучи студентом, занимался у одного из гитлеровских любимцев среди интеллигенции, нацистского геополитика Карла Гаусгофера, под руководством которого он написал свою докторскую диссертацию «Значение урбанизации Австралии для будущего белой расы»⁶.

В июне 1931 года Гаттино в письме своему старому профессору заметил: «Некоторое время тому назад Вы

писали мне, что я могу явиться к Вам со всеми проблемами, касающимися нацистской партии»⁷. Он выразил надежду, что профессор сможет использовать свое влияние среди нацистов, чтобы прекратить публикацию статей, в которых «И. Г. Фарбениндустри» характеризовался как орудие международного еврейского капитала. Руководство «И. Г.», писал Гаттино, состоит из христиан, самостоятельно пробивших себе путь наверх из среды мелких торговцев, инженеров и ученых. «Было бы хорошо, если бы Вы сумели как-нибудь поговорить с герром Г. [Вероятно, Гитлером.— Дж. Б.] о нашем положении... Я был бы чрезвычайно признателен Вам, герр профессор, если бы Вы могли помочь мне в данном случае». Гаттино в какой-то мере удалось смягчить нападки на «И. Г.» в нацистской печати. В конце 1931 года Бош назначил его руководителем пресс-центра «И. Г.» в Берлине — на более стратегически выгодный пост для общения с нацистской верхушкой.

На протяжении всего следующего года Бош и другие члены руководства «И. Г.» присматривались к продолжавшей расти нацистской партии. На выборах в конце июля 1932 года нацисты стали крупнейшей политической партией Германии, завоевав 230 из 608 мест в рейхстаге. В августе 1932 года Гитлер потребовал себе пост канцлера в коалиционном правительстве. Гинденбург отказался удовлетворить его требование, и тогда нацистские депутаты рейхстага свергли правительство Папена. Гинденбург распустил рейхстаг, и на 6 ноября были назначены новые выборы.

Бош решил, что пришло время установить контакты с Гитлером и прощупать его по вопросу о том, окажет ли он поддержку проекту «И. Г.» по производству синтетического горючего в случае избрания его канцлером. Однако Бош не хотел, чтобы кто-либо из верхушки руководства «И. Г.» был замечен в связях с Гитлером. Он поручил Гаттино договориться о встрече Гитлера с Генрихом Бютефшицем, который, хотя ему не исполнилось еще и сорока лет, был техническим директором завода на Лейне и специалистом по производству синтетического жидкого топлива. Гаттино снова обратился к Гаусгоферу и попросил его организовать такую встречу. Гаусгофер выполнил его просьбу, и секретарь Гитлера Рудольф

Гесс назначил ее на первые дни ноября в Мюнхене, непосредственно перед выборами⁸.

Когда Гитлер прибыл на встречу с Бютефишем и Гаттино, заметно было, что он очень устал — слишком устал, как опасались представители «И. Г.», чтобы понять столь сложную проблему, как процесс гидрогенизации угля для получения бензина. Однако Гитлер уже все знал об этом процессе и стремился обсудить его.

Прежде чем вы сообщите мне свою точку зрения, я бы хотел, чтобы вы знали мое мнение по этому вопросу... Сегодня невозможно представить себе экономикой без нефти в Германии, которая хочет остаться политически независимой. Германское жидкое топливо должно стать реальностью, даже если это потребует жертв. Поэтому крайне необходимо, чтобы работы по гидрогенизации угля продолжались⁹.

Встреча должна была занять всего тридцать минут, однако она продолжалась два с половиной часа, причем Гитлер требовал подробной информации по вопросу о превращении угля в жидкое топливо. Как вспоминал впоследствии Гаттино, «[он] удивил меня своим пониманием технических вопросов»¹⁰. К концу беседы Гитлер наметил программу, на основе которой планировал добиться самообеспечения Германии горючим с помощью «И. Г. Фарбениндустри». Он был твердо намерен превратить Германию с помощью этой программы из страны со скудными природными ресурсами сырья в самообеспеченную военную державу. Гитлер заверил представителей «И. Г.», что они могут рассчитывать на его поддержку, как финансовую, так и политическую. Гаттино и Бютефиш, обрадованные реакцией Гитлера, рассказали о пей Бошу. Выслушав их, Бош заметил: «Этот человек умнее, чем я думал»¹¹.

На выборах, состоявшихся несколько дней спустя, 6 ноября, нацисты потерпели полное поражение. Они потеряли в рейхстаге 34 места, получив всего 196 мест; коммунисты добились еще 11 мест и теперь уже имели в рейхстаге 100 мест. Немецкие промышленники и финансисты, которых больше напугала победа коммунистов, чем поражение нацистов, пришли в этот критический момент на помощь Гитлеру. 38 из них сделали это публично¹², в их числе были такие влиятельные фигуры, как

Шахт и барон фон Шредер из банковской сферы, Купо из «Норт джерман Ллойд лайнз», Крупп, Феглер и Тиссен из сталелитейной промышленности и Сименс и Роберт Бош (дядя Карла Боша) из электротехнической промышленности, но ни одного представителя «И. Г.» среди них не было. Карл Бош еще не был готов принять на себя какие-либо публичные обязательства.

Коалиция крупнейших финансистов и промышленников не заставила Гинденбурга изменить свою позицию. Вместо ее кандидата он выбрал генерала Курта фон Шлейхера. Но Шлейхер оказался не в состоянии создать стабильное правительство. Наконец 30 января Гинденбург сдался и назначил канцлером Гитлера. Однако у Гитлера не было прочных шансов удержать этот пост за собой. На 5 марта были назначены новые выборы в рейхстаг.

20 февраля Яльмар Шахт, ставший одним из самых активных членов финансового сообщества, поддерживавшего Гитлера, созвал крупнейших промышленников и финансистов Германии на тайную встречу в доме Германа Геринга. На этот раз «И. Г.» пожелал быть представленным здесь. В числе присутствовавших находился барон Георг фон Шницлер, один из виднейших членов правления «И. Г.», не являвшихся техническими специалистами, которого прозвали «коммерсантом «И. Г.»». Его присутствие произвело огромное впечатление на деловые круги Германии: ведь «И. Г.» был крупнейшим концерном в стране. Шахт заявил, что он предполагает собрать среди присутствовавших на встрече бизнесменов три миллиона марок на поддержку предвыборной кампании Гитлера¹³. По указанию Боша Шницлер обязался дать 400 тыс. марок — это было крупнейшее пожертвование¹⁴. Теперь уже поддержка Гитлера со стороны концерна «И. Г.» приняла официальный характер.

На выборах 5 марта нацистам повезло гораздо больше, чем на предыдущих выборах. Они получили 5,5 млн. голосов — недостаточно, чтобы обеспечить им большинство мест в рейхстаге, но достаточно, чтобы сохранить за Гитлером пост канцлера в коалиционном правительстве.

Вскоре после выборов Гитлер впервые встретился с Бошем. Вначале их беседа, казалось, шла спокойно. Гитлер твердо заверил, что его правительство полностью

поддержит проект производства синтетического горючего, а Бош согласился расширить завод на Лейне. Целью обоих было самообеспечение Германии бензином. Затем Бош перешел к вопросу, которого его коллеги из «И. Г.» уговаривали не касаться. Он предупредил Гитлера, что, если еврей-ученые вынуждены будут покинуть страну, развитие физики и химии задержится в Германии на сто лет. Не дав Бошу продолжать, Гитлер заявил: «Тогда мы будем работать сто лет без физики и химии!» Когда Бош попытался продолжить разговор на эту тему, Гитлер звонком вызвал своего адъютанта и заявил нарочито оскорбительно: «Тайный советник хочет уйти»¹⁵.

Хотя этот эпизод не отразился на поддержке Гитлером проекта «И. Г.» по производству синтетического горючего, сам Гитлер никогда больше не встречался с Бошем. Однажды, прибыв на совещание и увидев в президиуме Боша, он сразу же удалился. После этого коллеги Боша тщательно следили за тем, чтобы они никогда не сталкивались. Боша не испугала враждебность Гитлера. Он продолжал вести кампанию в защиту евреев-ученых в Германии. В апреле ему стало известно, что Фрица Габера заставили отказаться от должности профессора Берлинского университета, хотя Габер перешел в христианство и был одним из самых авторитетных германских ученых. Бош пытался организовать среди неевреев — лауреатов Нобелевской премии движение сопротивления нацистским преследованиям, но его попытки не дали результатов. Известный физик Макс Планк, который не был противником нацизма и репутация которого была достаточно высокой, чтобы он мог получить аудиенцию у Гитлера, тщетно умолял фюрера отменить приказ о высылке Габера. Гитлер прореагировал на его просьбу настолько бурно, что Планк нескоро пришел в себя¹⁶.

Габер покинул Германию, но через несколько месяцев решил вернуться. На обратном пути он встретился в Швейцарии со Шмитцем, и тот стал уговаривать его не возвращаться в Германию, убеждая, что с нацистским террором нельзя не считаться. Бедняга Габер так и не ступил больше на землю Германии. В январе 1934 года он умер в Базеле. Немцам не разрешили даже оплакивать его кончину.

Однако в первую годовщину его смерти Бош, не считаясь с нацистами, заказал панихиду от имени Институ-

та кайзера Вильгельма¹⁷. Он разослал приглашения видным ученым и деятелям в области просвещения, членам руководства «И. Г.» и государственным чиновникам, в прошлом поддерживавшим отношения с Габером. Когда нацистский министр просвещения узнал, что некоторые его подчиненные приглашены участвовать в церемонии, он запретил им это. «Намерение... организовать панихиду по случаю первой годовщины смерти Габера следует... расценивать как вызов национал-социалистскому государству... Это подтверждается и тем фактом, что организаторы, не колеблясь, призвали приглашенных на эту церемонию явиться в форменной одежде». Зал заполнили более 500 человек, в том числе многие сотрудники «И. Г.» и военные друзья Габера. Однако многие его коллеги по профессии оказались более осторожными и не пришли. Макс Планк, несмотря на урок, полученный им во время беседы с Гитлером, присутствовал на церемонии и, хотя и открыл собрание нацистским приветствием, воздал должное памяти «немецкого ученого и немецкого солдата Фрица Габера»¹⁸.

Сам «И. Г.» все еще оставался объектом преследований со стороны некоторых второстепенных представителей нацистской верхушки. Так, например, фармацевтические отделения в Хёхсте и Леверкузене подвергались нападкам за использование ими животных при испытании медикаментов. Нацисты объявили вивисекцию преступлением, каравшимся смертной казнью. Генрих Херлейн, виднейший ученый-медик компании «И. Г.», пытался разъяснить одному высокопоставленному штурмовику неразумность такого закона. В ответ ему было заявлено, что нацисты не хотят иметь ничего общего с «И. Г.», ибо это «неарийское объединение»¹⁹.

Однако на общем фоне эти проблемы представляли собой относительно небольшие неприятности, так как «И. Г.» достиг больших успехов в упрочении своего положения при новом режиме. Герман Шмитц стал одним из почетных нацистских депутатов рейхстага, что свидетельствовало о его твердой поддержке Гитлера. Шницлер открыл в Берлине салон, куда приглашал видных иностранных представителей промышленных и политических кругов для общения с высокопоставленными нацистскими деятелями. Молодой фаворит Боша Генрих Бютефинш стал полковником гиммлеровских эсэсовских войск, как

и Христиан Шнейдер, который принадлежал к числу крупнейших ученых старшего поколения в «И. Г.», являвшихся сторонниками синтеза при высоких давлениях.

«И. Г.» тщательно культивировал связи с военными властями. Племянник Германа Шмитца Макс Ильгнер уже в течение некоторого времени выполнял роль связного между «И. Г.» и артиллерийско-технической службой армии. У него установились хорошие отношения с молодым офицером из экономического отдела Георгом Томасом, которого он информировал о ходе работ по производству синтетического горючего на Лейне. Отнюдь не случайным моментом в этой дружбе была активная роль Томаса как армейского офицера в деятельности, направленной на самообеспечение Германии сырьевыми материалами, особенно нефтью и каучуком. Еще в 1928 году от имени экономического отдела артиллерийско-технической службы армии он написал секретный меморандум, в котором рекомендовал разрабатывать синтетические материалы «посредством новых открытий и изобретений» в целях замены стратегического сырья, которое Германии приходилось ввозить из-за границы²⁰. Он конкретно упоминал о работе «И. Г.» по производству синтетического горючего на Лейне, отмечая, что в условиях, когда «заменители иностранных сырьевых материалов могут получаться только путем крайне дорогостоящих процессов, эта работа должна производиться при поддержке артиллерийско-технической службы армии». С технической и финансовой точек зрения высказывания Томаса свидетельствовали о его отказе от традиционных установок, что весьма ценилось в «И. Г.». Томас все еще был сотрудником экономического отдела артиллерийско-технической службы армии и имел чин подполковника, когда к власти пришли нацисты.

Вряд ли можно сомневаться в том, что Ильгнер успешно выполнял роль эмиссара «И. Г.». Так, к июню 1933 года «И. Г.» уже стал причастен к одному из самых секретных мероприятий третьего рейха в Германии — незаконному созданию военно-воздушных сил в прямое нарушение Версальского договора. Чрезвычайным совместным декретом министерств финансов, обороны и авиации было учреждено специальное самостоятельное финансовое ведомство для «секретных нужд военной авиации [курсив в оригинале, — Дж. Б.]». Это финансовое ведомство было

поставлено под исключительный контроль министра авиации Германа Геринга, «который один санкционировал акцентования вкладов и платежей». Этот декрет был настолько секретным, что о его существовании знал крайне ограниченный круг лиц из военного и нацистского руководства. В эту избранную группу входил и Макс Ильгнер, принадлежавший к числу очень немногих людей, получивших официальную копию этого сугубо секретного документа²¹.

Спустя некоторое время после издания этого декрета о финансировании «черной люфтваффе» Карла Крауха посетил генерал Эрхард Мильх, статс-секретарь министерства авиации и правая рука Геринга. Мильха направили к Крауху как к эксперту «И. Г.», от которого можно было получить самые точные сведения о потенциале Германии в области производства жидкого топлива. Мильха прежде всего интересовало, пригодны ли синтетическое горючее «И. Г.» для производства авиационного бензина. Краух заверил его, что пригодны. Затем Мильх спросил, какого объема производства можно будет достичь в ближайшие годы. Краух обещал выяснить этот вопрос и послать ему соответствующий доклад.

15 сентября 1933 года Краух изложил свои выводы в монографии, посвященной экономике жидкого топлива в Германии²². Он представил четырехлетний план расширения производства в Германии отечественного жидкого топлива, в котором рекомендовал увеличить в ближайшие четыре года объем производства топлива из отечественного сырья, угля, более чем в 3,5 раза. Центральное место в плане Крауха было отведено предложенному «И. Г.» процессу гидрогенизации угля. Краух подчеркивал, что «было бы вполне возможно изготовлять авиационный бензин, а также смазочные масла, пригодные для самолетов, на базе отечественного производства». Фактически, заявил он, «Люфтваффе» уже проводит широкие испытания в этой области.

На следующий день Мильх показал меморандум Крауха начальнику артиллерийско-технической службы армии генерал-майору фон Бокельбергу и его адъютанту подполковнику Георгу Томасу²³. Он сообщил им, что министерство авиации поддерживает четырехлетний план Крауха, и внес предложение о «совместном энергичном подходе». Армейские офицеры согласились с ним,

В тот же самый период Карл Бош проводил бóльшую часть своего времени на совещаниях с государственными должностными лицами в Берлине, посвященных вопросу расширения производства концерном «И. Г.» синтетического жидкого топлива, как это предусматривалось договоренностью с Гитлером. В июле Бош был уже настолько уверен в успехе этих переговоров, что сообщил двум посетившим его представителям фирмы «Дюпон» о планах увеличения производства в 4 раза, со 100 тыс. до 400 тыс. тонн в год²⁴. Какое бы отращение ни внушало ему все, что проповедовал Гитлер, он почти не сомневался, что поддержка фюрером проекта производства синтетического горючего концерном «И. Г.» была искренней. Только «И. Г.» мог обеспечить Гитлеру полное удовлетворение потребностей Германии в горючем.

В то время кое-кто из членов руководства «И. Г.» заявлял о безоговорочной поддержке нацистского правительства. Одним из них был Карл фон Вейнберг, только что назначенный заместителем председателя наблюдательного совета «И. Г.» и ставший, таким образом, по своему положению вторым человеком в совете после Дуйсберга. Вейнберг, еврей по национальности, заявил представителям «Дюпона», что полностью поддерживает нацистское движение, добавив, что все его деньги инвестированы в Германии и что у него нет ни единого пфеннига за пределами страны²⁵.

14 декабря 1933 года Бош и Шмитц в качестве представителей «И. Г.» и третьего рейха с личного одобрения Гитлера подписали официальное соглашение, по которому «И. Г.» должен расширить завод по производству синтетического горючего на Лейне, с тем чтобы через четыре года, к концу 1937 года, он мог выпускать 300—350 тыс. тонн в год. Третий рейх в свою очередь обязался гарантировать цену, соответствующую заводской себестоимости, включая 5% на инвестированный капитал и значительные амортизационные отчисления, а также принять меры по обеспечению сбыта всего синтетического горючего, не проданного «И. Г.», через его собственные каналы²⁶.

Для того времени это соглашение знаменовало собой монументальное техническое достижение в проведении политики с позиции силы. Теперь уже обеспечение концерном «И. Г.» полной независимости гитлеровской Гер-

мании от иностранной нефти осталось только вопросом времени, что имело величайшее значение с дипломатической и военной точек зрения. Бошу никогда больше не пришлось бы беспокоиться о средствах на осуществление его излюбленного проекта. Гитлеру же не приходилось беспокоиться о горючем до того момента, когда американская 8-я воздушная армия в апреле — мае 1944 года разбомбила заводы «И. Г.» по производству синтетического жидкого топлива.

Когда вопрос о плане самообеспечения Германии горючим был урегулирован, Гитлер переключил свое внимание на каучук — следующую важнейшую статью импорта стратегического сырья. Поскольку натуральный каучук находился в буквальном смысле слова на противоположной стороне земного шара, Германии необходимо было создать его синтетический заменитель, чтобы обеспечить себя на случай эмбарго или морской блокады. К несчастью, некоторые виднейшие представители гражданского и военного руководства страны не разделяли беспокойства Гитлера по поводу «каучуковой автаркии». Многие гражданские экономисты не считали нужным выделять огромные ресурсы и средства на осуществление этой программы, если натуральный каучук для создания стратегических запасов можно было покупать по пониженным ценам на мировом рынке. Военные выдвигали еще одно возражение: ни один из уже имевшихся синтетических заменителей каучука не годился для военных целей, рассчитывать же на решающие достижения в будущем было бы слишком рискованно. Поэтому в 1931—1932 годах «И. Г.» практически приостановил осуществление своей программы производства «буны», когда цены на рынке натурального каучука упали до предельно низкого уровня. В этих условиях исчезли всякие перспективы на то, чтобы сделать «буну» конкурентоспособной. Когда Гитлер пришел к власти, «И. Г.» вел минимальные работы по производству «буны». Но вскоре планы Гитлера, касавшиеся будущего Германии, вдохнули новую жизнь в этот проект. В конце 1933 года, примерно в то же время, когда был заключен договор о производстве синтетического горючего, представители артиллерийско-технической службы армии и министерства экономики обратились к «И. Г.» с предложением возобновить работы по производству «буны». Но одного лишь поощрения

для Боша было мало. Без гарантии достаточных субсидий он боялся новых финансовых трудностей, осложнивших производство синтетического горючего. Чтобы двигаться вперед, необходима была солидная поддержка со стороны государства. Конкретно Бош хотел от правительства гарантии в том, что коммерческие компании по производству шин будут оказывать «эффективную помощь» в изготовлении пробных шин из «буны». Кроме того, он потребовал, чтобы не менее 1000—2000 шин из «буны» прошли испытания на военных и других государственных автомашинах. В меморандуме, адресованном соответствующим государственным ведомствам, «И. Г.» изложил свою позицию самым недвусмысленным образом: «Прежде чем мы возобновим свои усилия в широких масштабах, необходимо, чтобы правительство решило, достаточно ли оно заинтересовано в производстве синтетического каучука в Германии, чтобы быть готовым поддержать этот проект»²⁷.

Это был еще начальный период третьего рейха, и ни артиллерийско-техническая служба, ни министерство экономики не понимали всей глубины приверженности Гитлера идее военного самообеспечения Германии. Когда они отказались уступить требованиям Боша, проект «буны» продолжал пребывать в относительном забвении. Осенью 1934 года Гитлер, обеспокоенный отставанием производства синтетического каучука, лично занялся этим делом. Он назначил своего советника по экономическим вопросам Вильгельма Кеплера уполномоченным по сырью и синтетическим материалам, возложив на него особую ответственность за производство синтетических материалов. Это вызвало конфликт между Кеплером и Яльмаром Шахтом, который в качестве исполняющего обязанности министра экономики официально нес ответственность за «мобилизацию для ведения экономической войны».

Шахт подошел к вопросу об экономическом самообеспечении с точки зрения экономии иностранной валюты, а поэтому решающим фактором в выборе синтетических материалов, производство которых надлежало финансировать и развивать, была для него их стоимость. Кеплер, который более точно отражал собственное мнение Гитлера, выступал за самообеспечение Германии сырьевыми материалами, определявшееся прежде всего военными

нуждами. Проблемы стоимости и экономии иностранной валюты представлялись ему второстепенными. Таким образом, между уполномоченным и министром возникла коллизия. В обычных условиях Кеплер, инженер-механик, владелец небольшой фабрики по производству клея, не был бы равным противником для властного и могущественного Шахта. Но Кеплер был ярким нацистом, пользовавшимся доверием Гитлера. И этот факт более чем уравнивал их положение.

Кеплер созвал совещание представителей «И. Г.», министерства экономики, артиллерийско-технической службы армии и шинной промышленности. Он сообщил собравшимся о недовольстве Гитлера ходом выполнения программы производства синтетического каучука. Фюрер хотел, чтобы этот проект осуществлялся «с непреодолимой силой»²⁸.

От имени «И. Г.» выступил Тер Меер. Он заявил, что восхищен директивой Гитлера, но считает все же необходимым указать на ряд факторов, препятствующих осуществлению этой программы. Владельцы частных шинных заводов не подхватят идею применения синтетического каучука, особенно «буны», в качестве материала для шин. Он упомянул также о сомнениях артиллерийско-технической службы. Тер Меер подчеркнул, что «И. Г.», столкнувшись с отрицательной реакцией, не намерен вкладывать значительные средства и силы в массовое производство «буны». Прежде чем братья за эту задачу, сказал он, необходима гарантия, что владельцы шинных заводов будут производить шины из «буны» в достаточно широких масштабах²⁹. Представители шинной промышленности заявили, что приступать к массовому производству шин из «буны» было бы неразумно из-за их крайне высокой стоимости: себестоимость шины из «буны» достигала 92 марок, тогда как себестоимость шины из натурального каучука не превышала 18 марок. Представители артиллерийско-технической службы армии проявили не больше готовности к осуществлению программы производства «буны», чем владельцы шинных заводов. «Буна», как они утверждали, не отвечала нормам, необходимым для военных целей.

Кеплер отменил все эти возражения. Он напомнил тем, кто занял отрицательную позицию, что развитие производства синтетического каучука — одна из излюбленных

идей фюрера, и ее нельзя откладывать³⁰. У артиллерийско-технической службы армии не осталось иного выбора, кроме как провести в ближайшие полгода ряд широких испытаний. Гитлер, нуждавшийся в «буне» не только с пропагандистской, но и с военной точки зрения, не намерен был ждать результатов испытаний. 11 сентября 1935 года на съезде нацистской партии в Нюрнберге он заявил, что «проблему производства синтетического каучука можно считать окончательно решенной. Строительство первого завода в Германии с этой целью начнется немедленно»³¹.

Через несколько дней Кеплер встретился с Тер Меером и, ссылаясь на заявление Гитлера, категорически потребовал, чтобы завод по производству «буны» был построен как можно скорее. Тер Меер, действуя все еще осторожно, согласился от имени «И. Г.» начать осуществление этого проекта при условии, что финансовый риск для концерна будет сведен к минимуму. От артиллерийско-технической службы армии он хотел получить гарантию на закупку всей продукции завода. Кеплер под впечатлением публичного заявления Гитлера заверил Тер Меера, что это не вызовет никаких проблем. Он обещал лично договориться с военными властями о договоре на куплю и продажу.

Но Кеплер неправильно оценил и ситуацию, и его собственное влияние в армии в тот момент. После шестимесячных испытаний шин из «буны» артиллерийско-техническая служба армии пришла к выводу, что они не годятся для военных целей. Она ответила отказом на требование Кеплера заключить с «И. Г.» договор о купле и продаже или оказать поддержку строительству завода по производству «буны». Вместо этого армия решила удовлетворить военные нужды, создав стратегические запасы натурального каучука³².

Решение артиллерийско-технической службы не приступить к производству шин из «буны» для нужд армии нанесло серьезный удар по «И. Г.». В то же время Шахт не имел никаких намерений помогать «И. Г.» или Кеплеру, поддерживая программу производства «буны» для гражданских нужд. Шины из «буны» будут обходиться слишком дорого, утверждал он, чтобы обеспечивать Германии валюту на экспортном рынке. Мнение армии о невысоком качестве «буны» еще больше укрепило оппози-

цию со стороны Шахта. Казалось, что проект производства «буны» столкнется с серьезными трудностями.

Но Кеплер не собирался позволить Шахту остановить работу по производству «буны». Он поставил этот вопрос перед самим Гитлером и, получив его безоговорочную поддержку, сообщил «И. Г.»: *«Как вам известно, фюрер крайне заинтересован в ускорении, насколько возможно, строительства завода. Поэтому прошу вас продолжать, как и прежде, работу по планированию и приступить к строительству, как только между нами будет заключено соглашение (курсив в оригинале)»*³³.

Именно в таком поощрении и нуждался «И. Г.». Получив от Кеплера заверения в поддержке Гитлера, Бош принял решение построить крупный завод по производству «буны», не дожидаясь официального договора с правительством. Для строительства он выбрал большую площадку в Шкопау, поблизости от установки на Лейне, работавшей при высоких давлениях, и вскоре здесь начались строительные работы. Это был смелый жест в духе традиций Боша.

В начале 1936 года вопрос о нефти выдвинулся в мире на передний план. С октября 1935 года шла итало-эфиопская война, и все попытки Лиги наций пресечь агрессию Муссолини оказались бесплодными. Наконец Лига наций решилась на крайнюю меру. Она создала комитет для рассмотрения вопроса о введении эмбарго на поставки нефти Италии. Подоплека этого решения была простой. Италия, не имевшая собственных нефтяных ресурсов, полностью зависела от импорта. Эффективное осуществление членами Лиги эмбарго на нефть могло полностью положить конец ее военным авантюрам.

А в это время Гитлер разрабатывал собственные агрессивные планы. В середине февраля он опубликовал заявление с целью привлечь внимание своих потенциальных противников и Лиги наций. На открытии ежегодной немецкой выставки автомобилей он заявил, что Германия освоила производство синтетического жидкого топлива и синтетического каучука из угля. «Можете быть уверены, что мы твердо намерены использовать оба эти открытия в весьма практических целях», — сказал Гитлер слушавшей его с энтузиазмом многочисленной аудитории. Явно намекая на предусматривавшиеся Лигой наций меры против Италии, он добавил, что «чудо синтетического

горючего» имеет «политическое значение» для Германии. Гитлер дал понять, что эмбарго на нефть не означает ничего ужасного для Германии³⁴: «И. Г.» творил свои чудеса в установленные сроки.

Тем временем Лига наций продолжала настаивать на введении эмбарго. 22 февраля был создан комитет Лиги наций по санкциям для подготовки решений о принятии этой меры. Муссолини заявил в ответ, что в случае введения нефтяных санкций Италия выйдет из Лиги наций и не будет считать себя обязанной выступать за соблюдение Германией Локарнского договора. Это заявление было рассчитано на то, чтобы оказать давление на Францию, границы которой Италия обязалась защищать как одна из стран — участниц договора.

Угроза Муссолини возымела действие. 2 марта британский министр иностранных дел Антони Иден под нажимом Франции согласился отсрочить принятие решения по нефтяному эмбарго, пока к Италии не обратятся с новым призывом покончить с войной в Эфиопии. Муссолини был дан срок для ответа до 10 марта. Через несколько дней он известил Лигу наций, что «в принципе» согласится с ее призывом начать мирные переговоры с Эфиопией.

Однако в субботу 7 марта агрессию Италии в Эфиопии полностью затмила гораздо более серьезная угроза всеобщему миру. Гитлер в нарушение Версальского и Локарнского договоров ввел свои войска в Рейнскую область. Мир оказался на грани войны, ожидая от Англии и Франции выполнения договорных обязательств. Однако Англия и Франция не склонны были принять вызов Гитлера, и оккупация Гитлером Рейнской области продолжалась осуществляться без всякого вмешательства извне.

Хотя Лига наций установила, что Германия нарушила мир, она уклонилась от применения к ней таких санкций, какими угрожала Италии. Тем не менее две страны, которые удовлетворяли значительную часть потребностей Германии в нефти,— Советский Союз и Румыния — применили по отношению к ней собственные санкции: Советский Союз полностью прекратил экспорт нефти, а Румыния повысила цены на нефть, поставлявшуюся ею Германии³⁵.

Советская и румынская акции вызвали серьезную нехватку топлива в Германии. Чтобы справиться с возник-

шей ситуацией, Гитлер назначил Германа Геринга «царем топлива». Однако прежде, чем Геринг сумел добиться многого в своем новом положении, ему представилась более значительная возможность — стать «царем» всей германской экономики. Эта огромная власть досталась ему в результате того, что между Шахтом и Кеплером сложились натянутые отношения. Чтобы покончить с их спором, Гитлер поручил Герингу роль посредника между этими двумя людьми. Однако к середине марта их отношения настолько ухудшились, что Шахт запретил всему своему персоналу всякое официальное общение с Кеплером.

Шахт принял эти чрезвычайные меры не только из-за личной неприязни к Кеплеру, но главным образом потому, что от исхода этого конфликта зависело, кто будет диктовать финансовую и экономическую политику третьего рейха и будет ли нацистская политика определяться здравыми экономическими принципами или наоборот. Нацистские «радикалы» вроде Кеплера и Геббельса ратовали за увеличение государственных расходов в целях поддержания уровня занятости в стране и подготовки к войне. Шахта же все больше тревожила утечка иностранной валюты вследствие быстрого роста программы перевооружения и его собственной неспособности контролировать государственные расходы и сдерживать расточительность нацистского бюрократического аппарата. Он пришел к заключению, что контроль над валютой и сырьевыми материалами надо сосредоточить в одной организации, возглавляемой каким-либо видным нацистом, политику которого он мог бы направлять. По расчетам Шахта, номинальным главой этой организации было бы лицо, обладавшее достаточным авторитетом среди нацистской верхушки, чтобы иметь возможность осуществить те непопулярные меры, которые он предлагал. Наилучшим кандидатом на роль такого подставного лица он считал Геринга. Шахт надеялся, что, поскольку Геринг абсолютно не разбирается в экономике, формулировать экономическую политику сможет он сам. С помощью Геринга Шахт предполагал избавиться от таких противников, как Кеплер, и осуществлять жесткий контроль над всеми государственными расходами.

Как вспоминал Геринг, Шахт предложил ему возглавить комиссию по сырьевым материалам и иностранной валюте: «Была достигнута договоренность о том, что я не

возьму на себя функции эксперта в области экономики, каковым я и не был, но... что я должен стать движущей силой и использовать свою силу». Геринг догадался о намерениях Шахта: «Его идея была основана на том, что я не очень разбираюсь в экономике и ему будет легко прятаться за моей спиной»³⁶.

Шахт совершил крупный просчет. 27 апреля, когда Гитлер сделал Геринга «царем экономики», назначив его комиссаром по сырьевым материалам и иностранной валюте, официальное правительственное сообщение по этому поводу не оставляло сомнений в том, что фактически Шахт стал подчиненным Геринга. Теперь Геринг получил власть над всеми министерствами по экономическим вопросам. Как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», «генерал-полковник Герман Геринг, по существу, заменил сегодня Яльмара Шахта в качестве диктатора экономической и финансовой политики третьего рейха»³⁷. «Нью-Йорк таймс» правильно поняла подлинное значение этого события.

Шахт, узнав конкретные детали, связанные с назначением Геринга, пришел в ярость. 29 апреля он встретился с Гитлером и Герингом и попытался уговорить Гитлера опубликовать дополнительно «пояснительное» сообщение, в котором ясно указывалось бы, что он, Шахт, ни в каком отношении не подчиняется Герингу. Но «пояснительного» сообщения опубликовано не было: первоначальное заявление осталось в силе³⁸.

Одну уступку Шахту Геринг все же сделал. Он согласился использовать лишь небольшую группу экспертов в своем новом штате организации по сырьевым материалам и иностранной валюте. Во главе этой организации он поставил подполковника Фрица Лэба из министерства авиации. Боша он попросил рекомендовать ему человека из «И. Г.» для руководства управлением по исследованиям и опытным разработкам. Бош выбрал своего ближайшего друга и доверенное лицо Карла Крауха³⁹.

Выбор Крауха на этот пост диктовался логическими соображениями. С сентября предыдущего года Краух возглавлял новое военное бюро связи в Берлине, созданное «для обеспечения систематического сотрудничества в рамках «И. Г.», учитывая развитие военной экономики в настоящее время», особенно в отношении таких стратегически важных сырьевых материалов в области химии высо-

ких давлений, как синтетическое жидкое топливо, синтетический каучук и нитраты⁴⁰. Краух был вторым после Боша крупнейшим специалистом в Германии по химии высоких давлений. Фактически он стал «вторым я» Боша.

Войдя в штат организации Геринга по сырьевым материалам и иностранной валюте, Краух в то же время не отказался от своих высоких постов в «И. Г.». Он остался членом правления «И. Г.» и сохранил свою могущественную роль руководителя отдела «И. Г.» по проблемам химии высоких давлений. Он продолжал также руководить бюро военной связи «И. Г.» в Берлине. Двое из высшего руководства этого бюро, Герхард Риттер и Иоганнес Экелл, были переведены в управление Крауха по исследованиям и опытным разработкам.

Летом 1936 года новая организация Геринга разрабатывала план уменьшения потребности в иностранной валюте и обеспечения местных поставок сырья. Вскоре Геринг и Шахт были уже на ножах, и их борьба за власть отодвинула на задний план конфликт между Шахтом и Кеплером. Шахт все еще настаивал на соблюдении традиционных экономических принципов. Геринг же, подобно Кеплеру и другим нацистским «радикалам», утверждал, что Германия должна значительно увеличить расходы на подготовку к войне, что означало и огромное расширение производства синтетического сырья. «Если война начнется завтра,— говорил Геринг,— нам придется использовать заменители. Тогда деньги уже не будут играть никакой роли. А это значит, что готовиться надо в мирное время...»⁴¹.

Вскоре вопрос о синтетическом каучуке вызвал резкие расхождения между Шахтом и Герингом. Геринг заявил, что «каучук — наше самое слабое место»⁴², и обвинил Шахта в том, что именно он главная причина этого. 27 мая на одном из первых заседаний совета министров, созванном для обсуждения вопроса о синтетических материалах, Геринг, глядя в упор на Шахта, спросил, есть ли у кого возражения против производства синтетического «военного сырья». Шахт сразу заявил, что в принципе у него возражений нет, за исключением «случаев, когда цены на синтетические материалы значительно превышают цены мирового рынка и эти материалы не могут выдержать конкуренцию». В качестве примера он привел «буну», производство которой обходилось настолько

дороже натурального каучука, что было абсолютно неэкономично и неоправданно. Геринг перебил его, пояснив, что проблему эту необходимо рассматривать исключительно «с точки зрения ведения войны»⁴³. Экономические принципы, по его словам, в этом случае не имели никакого значения. Шахт, которого все больше волновали инфляционные последствия перевооружения, оставался непоколебимым и продолжал возражать против производства «буны».

Геринг не посчитался с Шахтом, упорно отстаивавшим свою позицию. Сотрудники его организации по сырьевым материалам и иностранной валюте приступили к разработке планов огромного расширения производства «буны». 15 июня Краух в качестве правительственного чиновника пригласил представителей артиллерийско-технической службы армии, военного министерства и ведомства Кеплера для обсуждения вопроса о сенсационном повышении производственной мощности завода в Шкопаусе 200 до 1000 тонн в месяц. Через несколько недель уже разрабатывались планы строительства второго завода «И. Г.» по производству «буны», производственная мощность которого также должна была составлять 1000 тонн в месяц⁴⁴.

Шахт резко возражал и против другой программы самообеспечения, которую предполагали осуществить Геринг и его организация по сырьевым материалам и иностранной валюте, а именно использовать в производстве стали не богатую шведскую железную руду, а низкосортную железную руду самой Германии. Шахт утверждал, что такой переход потребует крайне дорогостоящей реконструкции доменных печей германской сталелитейной промышленности. Вызванное этим повышение стоимости немецкой стали, утверждал он, лишит Германию возможности экспортировать ее⁴⁵. По словам Шахта, страна не могла согласиться на потерю иностранной валюты. Он продолжал добиваться сокращения военных расходов и настаивать на своем праве решать, как распределить военный бюджет среди различных министерств. Шахт призвал Геринга немедленно принять меры для урегулирования усиливавшегося валютного кризиса, на что тот ответил, что по меньшей мере до конца сентября ничего предпринято не будет. Конфликт между этими могущественными людьми стремительно разгорался.

Наивысшего накала конфликт между ними достиг в конце августа. К этому времени уже стало ясно, что только Гитлер может разрешить их спор. 26 августа тот предпринял необычный для него шаг, подготовив памятную записку (один из немногих случаев в его жизни, когда он отдал письменное распоряжение), в которой излагалось его решение принять четырехлетний план подготовки Германии к войне⁴⁶. План этот в основном касался того, что Гитлер считал главной экономической проблемой Германии,— ее безотлагательной потребности в сырье. Окончательное решение этой проблемы, писал Гитлер, заключается в увеличении жизненного пространства Германии, чтобы расширить ее сырьевую базу. Эта цель должна быть достигнута путем захвата. А пока Германии придется изыскать временное решение на собственной территории. Поскольку она не может сократить импорт продовольствия, равновесия придется добиваться иными способами. Но эти иные способы не должны нанести ущерб перевооружению.

Я должен самым решительным образом отвергнуть здесь концепцию, согласно которой ограничение естественных вооружений, то есть ограничение производства оружия и боеприпасов, приведет к «обогащению» сырьевыми материалами, которое в конечном счете может оказаться выгодным для Германии на случай войны. Такая концепция основана на полном непонимании, мягко выражаясь, задачи и военных нужд, стоящих перед нами.

По его словам, невозможно было решить эту проблему накоплением стратегических запасов сырья. Ни одна страна не могла бы обеспечить стратегические запасы более чем на год военных действий. А накопление иностранной валюты не обязательно создает возможность приобрести такие запасы в ходе войны. Гитлер привел в пример первую мировую войну, когда Германия имела большие валютные активы, но не могла покупать достаточное количество топлива, каучука, меди и олова.

Затем Гитлер наметил программу «окончательного удовлетворения наших важнейших нужд» во время войны. Производство топлива в Германии необходимо было, по его словам, развивать самыми высокими темпами, при-

чем в течение полутора лет и с такой же решительностью, как и ведение военных действий. Не менее спешно надо было организовать и массовое производство синтетического каучука.

Тем самым Гитлер с предельной ясностью показал, на чью сторону он становится в споре между Шахтом и Герингом. (Впоследствии Шахт высказал следующие соображения о том, почему Гитлер взял сторону Геринга: «Моя непрестанная борьба за то, чтобы обеспечить накопление и бережное использование сырьевых материалов и иностранной валюты, и мои упорные настояния на замедлении темпов вооружения стали, вероятно, действовать Гитлеру на нервы»⁴⁷. Этим, однако, дело не ограничивалось.) Наступление Гитлера на Шахта носило конкретный характер. Больше не следовало вести никаких разговоров о том, что проект производства синтетического каучука преждевременен. «Этот вопрос абсолютно не касается министерства экономики. Или мы имеем сегодня частную экономику, и тогда это ее задача ломать себе голову по поводу производственных методов, или мы считаем, что определение производственных методов является задачей государства, и тогда нам не нужна больше частная экономика». Гитлер продолжал свою атаку на Шахта, высмеивая его довод о стоимости: «Вопрос о стоимости этих сырьевых материалов также не имеет значения, поскольку нам все же выгоднее производить дорожные шины в Германии и использовать их, чем поставлять теоретически дешевые шины, на которые министр экономики не может, однако, выделить иностранную валюту». Поскольку в вопросы стоимости синтетического сырья вмешался Гитлер, она перестала быть решающим соображением.

Исходя из тех же соображений, Гитлер решил увеличить производство чугуна в Германии, несмотря на то что содержание железа в немецкой руде не превышало 26%, тогда как в шведских рудах содержалось 45% железа.

Возражение, согласно которому в этом случае придется реконструировать все германские доменные печи, также не имеет значения, и, самое главное, это не касается министерства экономики. Последнее должно лишь определять задачи национальной экономики, а частная промышленность должна

их выполнять. Но если частная промышленность сочтет, что ей это не под силу, то национал-социалистское государство само будет знать, как решить эту проблему.

Гитлер предупреждал упорствующих сталепромышленников, что, если они не пойдут по этому пути и не начнут использовать немецкую железную руду, нацистское правительство построит государственные сталелитейные заводы, которые возьмутся за выполнение этой задачи. Впоследствии оно так и поступило.

В конце своей записки Гитлер подчеркнул, что потеряно почти четыре драгоценных года, в течение которых Германия могла бы стать полностью независимой от иностранных государств в отношении поставок топлива и каучука и частично независимой в отношении поставок железной руды.

Совершенно так же, как мы производим в настоящее время 700—800 тыс. тонн бензина, мы могли бы производить 3 млн. тонн. Совершенно так же, как мы производим несколько тысяч тонн каучука, мы могли бы уже производить 70—80 тыс. тонн в год. Так же как мы довели добычу железной руды с 2,5 млн. до 7 млн. тонн, мы могли бы перерабатывать 20—25 млн. тонн немецкой железной руды, а в случае необходимости и 30 млн.

Эти недостатки надлежало устранить. Гитлер требовал, чтобы в последующие четыре года германские вооруженные силы были приведены в состояние боевой готовности, а германская экономика полностью мобилизована для войны, которую Гитлер считал неминуемой.

Через несколько дней после того, как Гитлер написал эту памятную записку, он информировал Шахта, которому умышленно не была вручена копия, что он собирается объявить свою новую экономическую программу самообеспечения Германии на съезде нацистской партии в Нюрнберге на следующей неделе. Шахт, потрясенный возможными последствиями такой программы для экономики страны, обратился к военному министру Вернеру фон Бломбергу с просьбой уговорить Гитлера не делать этого⁴⁸. Но Бломберг по веским соображениям отказался. Он был одним из тех немногих избранных, которым Гитлер передал свою памятную записку, и решил сделать ставку на Геринга. Бломберг уже просил Геринга,

которому предстояло играть решающую роль в распределении средств на содержание вооруженных сил, увеличить на 42% военный бюджет на 1937 год⁴⁹. Шахт продолжал возражать, но все его усилия были тщетны.

Гитлер, как он и предупреждал Шахта, объявил о своем четырехлетнем плане на съезде нацистской партии. «Через четыре года,— заявил он,— Германия должна стать полностью независимой от иностранных государств в отношении всех материалов, которые могут любым путем производиться в самой Германии, ее химической, машиностроительной и горнодобывающей промышленностью»⁵⁰. Через полтора месяца, 18 октября, Гитлер назначил Геринга уполномоченным по четырехлетнему плану, чтобы «привести всю экономику в состояние боевой готовности»⁵¹. Как писала ведущая нацистская газета «Фелькишер беобахтер», «во всех экономических вопросах будет только одна верховная власть — Геринг»⁵².

В одном из своих первых декретов на новом посту Геринг объявил об организации сил для выполнения четырехлетнего плана. Хотя декрет предусматривал участие Шахта и Кеплера в выполнении плана, Геринг ясно указал в нем, что «все лица и организации партии и государства, участвующие в выполнении четырехлетнего плана, должны подчиняться *моим указаниям* [курсив в оригинале.— Дж. Б.]»⁵³.

Персонал организации Геринга по сырьевым материалам и иностранной валюте был переведен в Управление по выполнению четырехлетнего плана, и на него возлагалась ответственность за разработку конкретной программы капиталовложений для выполнения четырехлетнего плана, что представляло значительный интерес для «И. Г.». Карл Краух остался на посту руководителя бюро по исследованиям и опытным разработкам, штат которого почти полностью состоял из сотрудников «И. Г.». Один из них, Иоханнес Экелл, был назначен руководителем сектора каучука⁵⁴. Отныне «И. Г.» следовало вести переговоры о производстве синтетического каучука почти исключительно с Экеллом⁵⁵, что отнюдь не было для него неприятной перспективой.

Основу предварительного четырехлетнего плана самообеспечения Германии, подготовленного персоналом Лэба летом 1936 года, составили главным образом уголь, железо и химикаты. Было решено, что объем добычи угля

в стране достаточен, и увеличивать его незачем. Что касается железа, то уже к осени 1936 года стало очевидно, что германская сталелитейная промышленность не намерена приступать к разработке залежей низкосортной железной руды в целях самообеспечения Германии, и Геринг стал подумывать о строительстве государственного завода. Оставалась химическая промышленность, которой по четырехлетнему плану в ближайшие несколько месяцев намечалось выделить 90% всех капиталовложений. Из них 72,7% предназначалось для «И. Г.»⁵⁶. Доля «И. Г.» была настолько велика, что начальник химического управления министерства экономики заявил впоследствии: «Четырехлетний план фактически был планом «И. Г.». Некоторые компании возражали против такого господства «И. Г.», а две фармацевтические фирмы, «Шеринг» и «Мерк», отказались сотрудничать с ним, опасаясь, что их производственные секреты станут доступны для «И. Г.», а сами они не будут иметь никаких выгод⁵⁷.

Шахт примкнул к оппозиции против «И. Г.». Если и следовало принять четырехлетний план, то он не должен был стать планом «И. Г.». Шахт изложил свою точку зрения Герингу настолько категорично, насколько это было возможно. Геринг все еще был готов попытаться умиротворить Шахта, поскольку Гитлер хотел сохранить его в составе кабинета как символ «консерватизма». Однако, как отметил один из руководящих сотрудников министерства экономики, Геринг не намеревался «делать как-либо уступки в ущерб «И. Г.»⁵⁸.

Антагонизм Шахта по отношению к «И. Г.» не представлял собой ничего нового. Еще в 1933 году он пытался создать союз независимых химических компаний в целях противодействия «И. Г.». Однако эти независимые компании боялись бросить вызов «И. Г.», даже несмотря на поддержку Шахта⁵⁹. Наконец Шахт высказал свои возражения против доминирующей роли «И. Г.» в четырехлетнем плане непосредственно Гитлеру⁶⁰. Но Гитлер уже имел свой твердый план действий: Германия должна добиться самообеспечения горючим и каучуком за полтора года, а для этого необходимы талант и производственные мощности «И. Г.». Ориентиром в определении экономической политики рейха была для Гитлера подготовка к войне. Требование Шахта об осуществлении

здоровой и традиционной экономической политики не имело для него никакого значения.

Это обстоятельство становилось все более очевидным по мере осуществления планов производства синтетического каучука. Управление по сырью и синтетическим материалам вело с «И. Г.» переговоры о *втором* заводе по производству «буны», хотя Шахт и артиллерийско-техническая служба армии решительно возражали даже против *первого* завода. Несмотря на такую сильную оппозицию, Экелл сообщил «И. Г.», что «верховная власть» хочет иметь второй завод⁶¹. Он добавил, что проблема финансирования будет решена «через голову» армии и министерства экономики. Дни Шахта как влиятельной фигуры в нацистской Германии были сочтены. К концу 1937 года он утратил все свои официальные посты, а в 1944 году его заключили в концентрационный лагерь.

1937 год ознаменовал собой разительную перемену в характере концерна «И. Г.». В этом году он стал полностью нацистским. Прием в нацистскую партию был открыт, и почти все члены правления «И. Г.», которые не были еще членами партии, теперь вступили в нее, включая Карла Крауха, Фрица Тер Меера, Георга фон Шницлера, Макса Ильгнера, Отто Амброза, Фридриха Йене, Христиана Шнейдера, Карла Вурстера, Карла Лаутеншлегера и Эрнста Бюргина. (Герман Шмитц, Генрих Херлейн, Вильгельм Манн, Фриц Гаевский и Ганс Кюне уже были членами нацистской партии.)⁶² Немаловажное значение имел и тот факт, что в 1937 году были отстранены от руководящих постов «И. Г.» все лица еврейской национальности, в том числе треть членов наблюдательного совета: Карл фон Вейнберг, Артур фон Вейнберг, Отто фон Мендельсон-Бартольди, Рихард Мертон, Эрнст фон Симсон, Альфред Мертон, Вильгельм Пельцер и Густав Шлипер⁶³. Прямолинейный Бош уже не был фактическим главой «И. Г.»; в 1935 году Герман Шмитц стал председателем правления, а Бош занял относительно пассивный пост председателя наблюдательного совета. Однако он еще пользовался уважением со стороны многих крупнейших фигур в Германии. Когда Гитлер дал вермахту секретную директиву подготовиться к нападению на Чехословакию к 1 октября 1938 года, двое из представителей верховного командования Германии —

главнокомандующий вооруженными силами генерал Вальтер фон Браухич и командующий армией генерал Людвиг фон Бек — обратились к Бошу как единственному крупному немецкому промышленнику, не боявшемуся выражать свои мысли, с вопросом, готова ли германская промышленность к войне. Бош ответил, что промышленность *не* готова и что война неосуществима. Затем Браухич и Бек спросили, согласится ли Бош сообщить это высшему руководству третьего рейха. Бош ответил утвердительно.

Бош считал, что человеком, с которым ему надо увидеться, является Геринг, и поговорил с Краухом о том, как лучше передать ему об этом. Краух сообщил о просьбе Боша заместителю Геринга Паулю Кернеру, статс-секретарю Управления по выполнению четырехлетнего плана. Он постарался очень точно рассказать Кернеру, что Бош имеет в виду. Через два дня Бошу сообщили, что Геринг его не примет⁶⁴.

Несмотря на отпор, данный Герингом Бошу, сам Краух шел в гору в геринговском Управлении по выполнению четырехлетнего плана. В декабре предыдущего года Кернер заметил некоторые расхождения в цифрах четырехлетнего плана, подготовленных управлением генерала Лэба по сырью и синтетическим материалам, и осведомился у Крауха о сметах управления Лэба по производству синтетического горючего. Краух сказал, что цифры Лэба чересчур консервативны и никак не могут отвечать задачам четырехлетнего плана. Краух подготовил альтернативный план, требовавший принятия ударной программы, которая предусматривала огромное расширение объема производства «И. Г.». Кернер ознакомил с ним Геринга. Лэб был взбешен критическими замечаниями Крауха, и Кернер замял этот вопрос, хотя предложил Крауху ставить его лично в известность, если в будущем возникнут какие-либо расхождения⁶⁵.

В середине 1938 года Краух вновь критически высказался о цифрах, представленных Лэбом. Ему попались на глаза прогнозы Лэба, касавшиеся производства синтетического горючего, «буны» и пороха в 1938—1939 годах. «Я знаю, что они неверны», — заявил он Кернеру⁶⁶. Он считал, что использование этих данных в качестве основы для принятия военного решения приведет к катастрофе.

Кернер немедленно сообщил об этом Герингу. На следующий день Геринг вызвал Крауха, который с уничтожающими подробностями повторил свои замечания по поводу представленных Лэбом цифр. Его сообщение произвело достаточно сильное впечатление на Геринга, чтобы тот считал нужным обсудить этот вопрос с главнокомандующим генералом Вильгельмом Кейтелем. Генерал заверил Геринга в правильности цифр Лэба. Но Краух продолжал отстаивать свою точку зрения. Он, в частности, указал, что возможности производства азотной кислоты в Германии слишком ограничены, чтобы соответствовать уровню производства взрывчатых веществ и пороха, предусмотряемому планом Лэба⁶⁷. Да и кому были известны показатели производства азотной кислоты лучше, чем Крауху: несмотря на свое официальное положение, он все еще оставался руководителем того отдела «И. Г.», который производил почти всю азотную кислоту в Германии.

Личное столкновение между Краухом и Лэбом становилось неизбежным. Произошло оно в роскошном имении Геринга Каринхалле. Впоследствии Кернер, вспоминая спор между Герингом, Краухом и Лэбом, писал:

Краух изложил свои взгляды подробнейшим образом, логично и объективно, ясно доказав, что Лэб неправ. После совещания Геринг сказал мне, что Краух произвел на него прекрасное впечатление, и (он) хочет предоставить ему широкие полномочия для создания химического сектора⁶⁸.

После этой встречи Краух с большей уверенностью приказал своему персоналу пересмотреть программу Лэба. План Крауха предусматривал значительное расширение производства синтетического горючего, каучука и легких металлов, а также взрывчатых веществ, пороха и отравляющих газов. В середине июля Геринг официально санкционировал осуществление этой программы, которую стали называть «Планом Крауха»⁶⁹, что свидетельствовало об усилении влияния Крауха и повышении его статуса в военной экономике.

До этого все производство взрывчатых веществ полностью контролировала артиллерийско-техническая служба армии. По плану же Крауха все взрывчатые вещества, изготовленные по четырехлетнему плану, должны были находиться под контролем самого Крауха. Поскольку ге-

генерал Бекер из артиллерийско-технической службы армии, безусловно, стал бы возражать против передачи такого контроля гражданскому лицу, Кернер сказал Крауху, что было бы, пожалуй, разумным политическим шагом нанести генералу визит. Как Кернер и предполагал, Бекер решительно возражал против передачи этих полномочий Крауху. Он заявил Кернеру, что, считая Крауха человеком «объективным и готовым к сотрудничеству», он предвидит возникновение полной неразберихи, если и артиллерийско-техническая служба и Краух будут иметь свой план производства взрывчатки. Бекер считал, что порох — продукт исключительно военного назначения и контроль над его производством не должен находиться в руках гражданских лиц⁷⁰. Краух со своей стороны направил Кернеру секретную докладную записку⁷¹, в которой указывал, что производство взрывчатых веществ, пороха и отравляющих газов должно осуществляться химической промышленностью, а посему весь химический сектор должен находиться под контролем одного ведомства, связанного с промышленностью.

13 августа Краух пошел еще дальше, представив, как он выразился, «быстрый план», требовавший более значительного увеличения производственной мощности заводов, выпускавших эти химические средства военного назначения⁷². Но артиллерийско-техническая служба армии по-прежнему возражала против доминирующей роли гражданских лиц в вопросах столь явно военного характера. Учитывая предстоящее вторжение в Чехословакию, Геринг поспешил разрешить их спор. 22 августа он поставил Крауха во главе всего химического производства по четырехлетнему плану в качестве генерального уполномоченного по особым вопросам химического производства.

В сентябре 1938 года было подписано Мюнхенское соглашение. Отсрочка войны предоставила Крауху еще год для укрепления его власти. В 1939 году, когда война уже стала реальностью, он отказался наконец от своих повседневных обязанностей в «И. Г.». Тем не менее он удержал за собой ключевой пост члена правления «И. Г.», и независимо от того, какую роль и обязанности он выполнял в нацистском руководстве, он в первую и последнюю очередь был «человеком «И. Г.»».

Теперь уже лидерство «И. Г.» в подготовке промышленности к войне было неоспоримым. Его заводы и лаборатории работали, не считаясь со временем, для подготовки к приближавшемуся наступлению Гитлера на другие страны мира. То, что «четырёхлетний план сделали планом «И. Г.», оказалось выгодным и для Германии, и для «И. Г.». Даже частичный перечень продукции, изготовлявшейся «И. Г.» для целей перевооружения Германии, ясно показывает, насколько необходим был «И. Г.»: он выпускал почти все синтетическое горючее (непосредственно и по лицензии), синтетический каучук, отравляющие газы, магний, смазочные масла, взрывчатые вещества, метиловый спирт, сыворотки, пластификаторы, красители, никель и тысячи других видов продукции, необходимых для германской военной машины.

Краух стал символом вклада «И. Г.» в укрепление военной мощи Германии. На праздновании его дня рождения Геринг, обратившись к Шмитцу, произнес: «Я очень благодарен вам за то, что вы дали мне Крауха». Когда война началась и войска вермахта заполнили всю Европу, Гитлер лично вручил Крауху награду, предназначавшуюся только для героев — «Железный крест», — и назвал его «человеком, одержавшим поразительные победы на поле боя германской промышленности».

Никогда ранее в истории войн промышленник и промышленный концерн не играли такой решающей роли в военном планировании и в подготовке к большой войне. Это было военно-промышленное партнерство в его чистой форме.

Теперь Шлиффен был уже поистине мертв.

4. «Брак» между «И. Г. Фарбениндустри» и «Стандард ойл» при Гитлере

Вскоре после того, как Краух подмял Лэба и стал «царем химии», министерство авиации обратилось к нему по вопросу, имевшему первоочередное значение. Германские воздушные силы не располагали запасами тетраэтилсвинца, необходимой добавки к бензину, в количестве, достаточном на тот случай, если бы Гитлер просчитался в своих планах вторжения в Чехословакию осенью 1938 года и начал большую войну. Собственные заводы Германии по производству тетраэтилсвинца должны были по плану быть готовы к эксплуатации только в конце 1939 года — более чем через год. Министерство авиации, которому было хорошо известно о взаимоотношениях «И. Г.» и «Стандард ойл», просило Крауха использовать свое положение в «И. Г.», чтобы получить займы от его американского партнера 500 тонн крайне необходимой добавки к бензину.

Руководителям «И. Г.» проблема, стоявшая перед министерством авиации, была понятна лучше, чем должностным лицам любой другой частной организации. Как отметил один из них, вести современную войну «без тетраэтилсвинца было бы невозможно»¹. Трое из членов высшего руководства «И. Г.» — Краух, Шмитц и Книрим — сразу же отправились в Лондон, чтобы договориться о получении такого займа. Там они встретились с представителями «Этил экспорт корпорейшн» (филиал «Стандард ойл»), тщательно избегая всякого упоминания о том, что тетраэтилсвинец нужен для германской авиации. Однако представители «И. Г.», несмотря на всю их осторожность, не были твердо уверены, что их попытка сохранить цель своей миссии в тайне увенчается успехом,

особенно учитывая момент, когда они обратились с этой просьбой: кому еще, кроме вооруженных сил, могло так спешно потребоваться столь большое количество тетраэтилсвинца? Книрим впоследствии отмечал в связи с этим: «И. Г.» обычно не закупает горючее на сумму 20 млн. долларов. Наше дело — изготовлять горючее путем гидрогенизации, а не покупать его»². Во всяком случае, представители «И. Г.» выполнили свою миссию без сучка и задоринки. 8 июля министерству авиации было сообщено, что «Этил экспорт корпорейшн» начнет отгружать тетраэтилсвинец в том же месяце³. Поставка была завершена до вторжения в Чехословакию, что существенно укрепило позицию Гитлера в его конфронтации с Чемберленом и Даладье.

Несколько лет спустя американский концерн «Этил газолин корпорейшн» (акционерный капитал которого принадлежал поровну компаниям «Стандард ойл» и «Дженерал моторс») стал главным центром разработки технологии производства тетраэтилсвинца и его крупнейшим, если не единственным, поставщиком. В середине 30-х годов, когда нацисты усилили меры по перевооружению Германии, руководству «И. Г.» стало ясно, что Германии необходимо иметь собственное производство тетраэтилсвинца. Без этого германская авиация оказалась бы в крайне трудном положении. Через своего партнера по картелю «Стандард ойл» «И. Г.» обратился к «Этил газолин корпорейшн» с предложением вступить с ним в партнерство в целях строительства в Германии заводов по производству тетраэтилсвинца. «Этил корпорейшн» положительно реагировала на это предложение и вскоре начала переговоры с «И. Г.». У нее, видимо, не было особых опасений, что военное министерство США станет возражать против передачи Германии информации о технологии производства тетраэтилсвинца. Возражения против такой сделки высказала основной акционер «Дженерал моторс» «Дюпон компани». Как только «Дюпон» стало известно о переговорах между «Этил газолин корпорейшн» и «И. Г.», она сообщила свое мнение президенту «Этил корпорейшн» в выражениях, не оставивших места для сомнений:

Утверждают, что Германия тайно вооружается. Тетраэтилсвинец, производимый «Этил корпорейшн», несомненно, явится ценной помощью для военной

авиации. Заявляем вам, что, по-моему, ни вы, ни совет директоров «Этил корпорейшн» ни в коем случае не должны разглашать какие-либо секреты или техническую информацию в связи с производством тетраэтилсвинца в Германии⁴.

Предупреждение компании «Дюпон» не было принято во внимание, и переговоры продолжались. По их завершении «Этил корпорейшн» и «И. Г.» заключили между собой соглашение об учреждении совместной компании, «Этил Гмбх», для строительства и эксплуатации заводов по производству тетраэтилсвинца в Германии. Военное министерство США не выдвинуло никаких возражений, и совместное предприятие было введено в эксплуатацию. Эти заводы были еще не достроены, когда Гитлер начал готовиться к вторжению в Чехословакию, чем и объяснялась необходимость приобретения тетраэтилсвинца через посредство «Стандард ойл».

Хотя нацистское правительство побуждало «И. Г.» использовать свое соглашение с «Стандард ойл» для приобретения технических знаний и других преимуществ для Германии, оно в то же время тщательно следило за тем, чтобы поток информации шел только в одном направлении. С этой целью германское министерство авиации пересмотрело в июне 1936 года контракты на процесс гидрогенизации, заключенные между «Стандард ойл» и «И. Г.». Оно писало по этому поводу: «Согласно контракту, «И. Г.» обязан осуществлять широкий обмен опытом с «Стандард ойл». Это неприемлемо». Затем оно недвусмысленно добавило: «В связи с этим министерство авиации вскоре проведет обстоятельное обследование заявок на патенты «И. Г.»⁵. Затруднения, причиной которых были международные соглашения о картелях, особенно со «Стандард ойл», побудили «И. Г.» сделать решительную попытку разъяснить положение германским властям.

Осенью того же года Книрим и Карл Краух поставили этот вопрос перед представителем верховного командования полковником Томасом. Они заявили, что в интересах национальной обороны утечка технической информации за границу должна прекратиться. Книрим подчеркнул, однако, что решить эту проблему легко и просто не удастся.

Было бы, конечно, просто настаивать на секретности в интересах национальной обороны во всех случаях, когда имеются какие-то сомнения. Но такие действия имели бы крайне серьезные последствия... Прежде всего это означало бы, что другие страны не стали бы больше делиться с нами своими техническими знаниями. Но и для нас такие технические знания других стран имеют иногда решающее значение.

В поддержку своей позиции Киприм указал на исключительно большие преимущества, которые обеспечивал заключенный с «Этил газолин корпорейшн» контракт на поставку тетраэтилсвинца: «...Военное министерство в Вашингтоне после длительного обсуждения дало разрешение на предоставление американской тяжелой промышленностью технологии этого процесса, столь важного для ведения войны, в распоряжение «И. Г. Фарбениндустри» в Германии»⁶. Впоследствии, когда война приняла неблагоприятный для Германии оборот и договорные отношения с «Стандард ойл» могли иметь для «И. Г.» серьезные последствия, Киприм снова вспомнил о тетраэтилсвинце. «Без тетраэтилсвинца,— писал он в защиту отношений «И. Г.» со «Стандард ойл»,— современный метод ведения войны не был бы возможен. Тот факт, что мы могли производить тетраэтилсвинец с самого начала войны, объясняется лишь тем, что незадолго до того американцы предоставили нам свои производственные планы со всей технической информацией»⁷.

Несмотря на заявления «И. Г.» о том, что слишком большой секретностью можно нанести вред самим себе, германское правительство оставалось неколебимым. Оно вынудило «И. Г.» предпринять решительные действия по обеспечению секретности на своих заводах и ввести строгие меры предосторожности против утечки технической информации. В циркуляре, разосланном всем служащим, работавшим в области изобретательства, секретных патентов и экспериментальной работы для нужд армии для выполнения четырехлетнего плана, «И. Г.» предупреждал, что в случае нарушения этих мер они будут караться в соответствии с нацистским уголовным кодексом. Это предупреждение было необходимо «не только для действенной защиты от шпионажа и измены, но и... для того, чтобы оградить сотрудников

«И. Г.» от возможного в дальнейшем судебного преследования за халатность»⁸. Поскольку нарушения таких законов карались смертной казнью, вопрос этот по меньшей мере вызвал тревогу.

Так как горючее и каучук имели решающее значение для вооружения Германии, соглашения между «И. Г. Фарбениндустри» и «Стандард ойл» требовали к себе самого большого внимания со стороны властей. Чтобы иметь твердую уверенность в соблюдении полной секретности, представители геринговского министерства авиации встретились в июле 1937 года с руководителями «И. Г.». Они хотели удостовериться, что «Стандард ойл» не получает информации о работе, которую ведет «И. Г.» по подготовке к массовому производству синтетического жидкого топлива, и дали «И. Г.» следующие директивы, которыми она должна была руководствоваться в своих отношениях с американским партнером:

Учитывая заключенные «И. Г. Фарбениндустри» соглашения об обмене технической информацией, ей разрешается сообщить своему партнеру по этим соглашениям незадолго до начала массового производства, с соблюдением осторожности, о своем намерении приступить к производству определенного количества изооктановой и этиленовой смазки. *Необходимо, однако, создать впечатление, что речь идет о широких экспериментах. Ни при каких обстоятельствах нельзя делать какие-либо заявления о производственной мощности* [Курсив мой.— Дж. Б.]⁹.

В конце 1937 года, когда вероятность войны была уже более реальной, «Стандард ойл» стала понимать, что соглашения с «И. Г.» могут создать для нее серьезные неприятности со стороны правительства США. В случае войны проблема производства синтетического каучука оказалась бы особенно щекотливым вопросом. «Стандард ойл» стала требовать от «И. Г.» передачи ей прав и технической информации для производства каучука «буна», хотя обе стороны договорились, что, по соглашению с «Джаско», «И. Г.» не несет такого обязательства. С другой стороны, «И. Г.» потребовал от «Стандард ойл» предоставления ему патентных прав и технической информации для производства многообещающего нового синтетического каучука, получившего название «бутил», поскольку по первоначальному соглашению между «И. Г.»

и «Стандард ойл» все права в области производства химических веществ предоставлялись «И. Г.».

В марте 1938 года, сразу же после того, как гитлеровские войска вступили в Австрию и война приблизилась еще на шаг, Фрэнк Хауэрд прибыл в Берлин для переговоров с Тер Меером о «буне». Он ходатайствовал о передаче ему технической информации о ее производстве. Тер Меер разъяснил ему, что, пока его правительство не даст соответствующего разрешения, он не может удовлетворить просьбу «Стандард ойл», но заверил Хауэрда, что в интересах обеих компаний «Стандард ойл» должна передать «И. Г.» все технические данные на производство бутила. Тер Меер обещал, что взамен этого «И. Г.» будет и впредь добиваться разрешения нацистского правительства на предоставление «Стандард ойл» технической информации о «буне». Хауэрд, отнесясь с сочувствием к стоявшей перед «И. Г.» проблеме, осветил трудности, с которыми сталкивался Тер Меер, в своем письме руководителям «Стандард ойл» в Нью-Йорке:

Имеются еще известные трудности, которые мешают нашим друзьям из «И. Г.» предоставить нам полную техническую информацию и продолжать нормальным путем коммерческую разработку («буны») в Соединенных Штатах. Следует надеяться, что в ближайшем будущем эти трудности будут преодолены, а мы здесь стремимся сделать все возможное, чтобы добиться таких результатов.

Учитывая чрезвычайно искренний дух сотрудничества, проявленный Тер Меером, я убежден, что со всех точек зрения было бы не только правильно, но и лучше всего, что можно сделать, — передать им в настоящий момент полную информацию о (бутиле). Не думаю, что мы можем потерять что-либо в результате такой меры, которая в максимальной степени отвечала бы всем нашим интересам¹⁰.

Итак, «Стандард ойл» передала технические данные на производство бутила, не получив взамен информации о «буне». К сожалению, Хауэрд не имел возможности присутствовать на состоявшемся несколько дней спустя сверхсекретном совещании, на котором Тер Меер сделал представителям германского правительства сообщение о состоянии американской программы производства каучука¹¹. Он был бы потрясен, если бы получил представ-

ление об «искреннем духе сотрудничества» Тер Меера. На совещании присутствовали бригадный генерал Лэб из Управления по выполнению четырехлетнего плана, эксперт по топливу из министерства экономики Бото Мюлерт, Иоханнес Экелл и сам Тер Меер. Целью этого совещания, как указано в хранящейся в архиве служебной записке Тер Меера, было «застопорить развитие в США» [Курсив мой.— Дж. Б.] производства синтетического каучука. В соответствии с этим состоялось длительное обсуждение вопроса о том, можно ли задержать дальнейшие достижения американской промышленности в области производства синтетического каучука, утаив информацию о процессе производства «буны». Тер Меер утверждал, что пытаться долго соблюдать секретность было бы нереально. Он говорил, что во многих отношениях технология изготовления синтетического каучука не менее хорошо известна американским производителям каучука, чем немецким. Он настаивал на том, что «попытка задержать развитие производства синтетического каучука в США скрытностью означает лишь предаваться иллюзиям». Тем не менее, сказал он, «И. Г.» делал все возможное, чтобы задержать прогресс в производстве каучука в США. Он проводил совещания с компаниями «Стандард ойл», «Гудийр» и «Гудрич» «с единственной целью — успокоить заинтересованные круги в Америке, а возможно, и помешать им проявить собственную инициативу». «И. Г.» подходил к запросам американских фирм о предоставлении им лицензий, «оттягивая время, чтобы не подтолкнуть их к принятию нежелательных мер». Но Тер Меер считал, что такие проволочки нельзя будет осуществлять длительное время: «У нас создалось впечатление, что невозможно будет долго препятствовать развитию событий в США, не... рискуя внезапно оказаться в неприятном положении». Если американским каучуковым компаниям будут слишком долго ставить палки в колеса, они начнут осуществлять свою собственную программу и обойдутся без «И. Г.» и его патентов. Нельзя ожидать, что американское правительство даст задушить себя с помощью своей собственной патентной системы.

Тер Меер сумел, видимо, убедить представителей германского правительства в преимуществах своего подхода к этой проблеме. Мюлерт поддержал предложенный Тер

Меером маневр «сотрудничества», а генерал Лэб даже дал понять, что он, возможно, согласится на предложение Тер Меера рассмотреть вопрос о начале переговоров в Соединенных Штатах осенью 1938 года.

В соответствии с принятым на этом совещании решением Тер Меер написал Хауэрду 9 апреля 1938 года письмо. Поблагодарив его за «подробную информацию» о бутиле, он известил его о своей встрече с Лэбом и Мюлертом:

В соответствии с нашей договоренностью в Берлине я предпринял переговоры с компетентными органами власти, чтобы получить необходимую свободу действий в США в отношении каучукоподобных продуктов. Как и предполагалось, эти переговоры оказались нелегкими, и пройдет несколько месяцев, прежде чем обсуждение приведет к желаемым результатам. Я не премину известить Вас об этом¹².

20 апреля Хауэрд ответил Тер Мееру, пожелав ему «скорейшего успеха в переговорах» с германским правительством. Он выразил надежду на то, что,

не ожидая окончательных выводов по всем вопросам, о которых идет речь, Вам, возможно, удастся предоставить нам полномочия провести здесь в предварительном порядке довольно длительные переговоры, которые должны состояться с различными заинтересованными в этом вопросе каучуковыми компаниями для подготовки к тому, чтобы организовать их в кооперативную группу... По моему мнению, мы не можем без риска для себя откладывать определенные меры, направленные на организацию нашего дела в Соединенных Штатах... далее чем до осени, причем добиться даже такой отсрочки, возможно, будет не очень легко¹³.

Весной 1938 года «Гудийр раббер компани» и «Доу кемикл компани», стремясь создать собственное производство синтетического каучука, стали добиваться от «Стандард ойл» лицензий по патентам «И. Г.» на «буну». «Стандард ойл», будучи не в состоянии получить разрешение от «И. Г.», прибегла к той же тактике проволочек по отношению к американским каучуковым компаниям, какую «И. Г.» применял по отношению к ней самой. «Стандард ойл» была еще не в состоянии выдавать

лицензии, в то же время она не хотела вынуждать компании действовать по собственной инициативе. Как писал Хауэрд Фридриху Бедфорду-младшему, влиятельному и давнему директору «Стандард ойл» и президенту дочерней компании «Стандард ойл», занимавшейся реализацией резиновых продуктов, *«нашей первоочередной задачей в переговорах с представителями «Гудийр» и «Доу» было убедить их в нашей добросовестности и готовности сотрудничать с ними, чтобы они не приступили преждевременно к самостоятельной разработке [курсив в оригинале]»*.

Стоявшие перед «Стандард ойл» проблемы с каучуком породила, конечно, бездеятельность «И. Г.». «Обстоятельством, которое фактически задерживает нас,— пояснил Хауэрд,— является... неспособность наших партнеров [«И. Г.»] получить от своего правительства разрешение продолжать разработку в Соединенных Штатах. Пока они не получают такого разрешения, мы не имеем возможности брать на себя какие-либо обязательства»¹⁴. Через несколько дней Хауэрд в письме Бедфорду заверил его, что он будет продолжать добиваться от «И. Г.» разрешения хотя бы провести неофициальные переговоры с представителями каучуковой промышленности по вопросу о синтетическом каучуке.

Пока мы не получим такого разрешения, мы абсолютно ничего не сможем сделать, и мы должны особенно стараться не предпринимать никаких мер — даже на чисто неофициальной, личной или дружеской основе — без согласия наших друзей. Нам известно о некоторых трудностях, с которыми они сталкиваются как из-за деловых осложнений и взаимоотношений с каучуковой и химической промышленностью в Соединенных Штатах, так и с национальной точки зрения в Германии, но мы не знаем всей обстановки, и, поскольку они по соглашению обладают полным контролем над применением этого процесса, единственное, что мы можем сделать,— это продолжать добиваться предоставления нам полномочий действовать, лояльно придерживаясь в то же время ограничений, которые они на нас наложили [курсив мой.— Дж. Б.]¹⁵.

В первую неделю октября 1938 года, сразу же после того, как Германия вторглась в Судетскую область и

война стала еще ближе, Хауэрд снова приехал в Берлин для переговоров с Тер Меером о синтетическом каучуке. Тер Меер обещал приехать в США, как только у него будет свободное время, однако вначале ему придется, заявил он, разрешить несколько важных вопросов, касающихся «расширения» деятельности «И. Г.»; он имел в виду недавно приобретенные активы в Судетской области. Несколько дней спустя он написал в Нью-Йорк сыну Карла Дуисберга Вальтеру, что, по всей вероятности, сможет приехать в Соединенные Штаты не раньше середины ноября.

Аннексия Судетской области создает для нас некоторые новые проблемы... Я уверяю, что если Вы объясните это «Стандард ойл» надлежащим образом, наши американские друзья, которые рассчитывают на мой приезд в США, поймут ситуацию, особенно если Вы упомянете, что я готов даже пожертвовать рождественскими праздниками в Германии, чтобы положить шину из «буны» под американской рождественской елкой¹⁶.

Наконец в последний четверг ноября 1938 года Тер Меер прибыл в Соединенные Штаты. На совещании, состоявшемся на высоком уровне, он и Хауэрд встретились с членами исполнительного комитета «Стандард ойл». Поскольку Тер Меер не получил еще от своего правительства разрешения на урегулирование проблемы «буны», они договорились, что переговоры с пятью ведущими американскими шинными компаниями («Ю. С. раббер», «Файрстон», «Гудийр», «Гудрич» и «Дженерал») будет вести Тер Меер, а не «Стандард ойл». В меморандуме исполнительного комитета о совещании говорилось: «Комитет считал, что [Тер Мееру] следует связаться с шинными компаниями от имени «Стандард ойл оф Нью-Джерси» как инициатора этого процесса, дав понять этим компаниям, что переговоры между «И. Г.» и «Стандард ойл оф Нью-Джерси» еще не привели к окончательным результатам, а находятся в процессе развития»¹⁷. Об отказе нацистского правительства выдать соответствующее разрешение упоминать не следовало. Тер Меер объехал все пять каучуковых компаний и сообщил им, что переговоры между «И. Г.» и «Стандард ойл» вскоре будут завершены, хотя указать конкретный срок он не мог. Проволочки продолжались.

К августу 1939 года уже стало ясно, что предотвратить войну в Европе не удастся. Если бы она привела к войне между Соединенными Штатами и Германией, для «И. Г.» и «Стандард ойл» могли бы возникнуть серьезные последствия. Активы «И. Г.» в «Стандард ойл — И. Г. компани» и в «Джаско», безусловно, были бы захвачены Управлением США по опеке над имуществом иностранцев как активы, принадлежащие противнику. Учитывая это, Вальтер Дуисберг, вернувшись из Германии после совещаний с «И. Г.», высказал Уолтеру Тиглу свое мнение о необходимости принять меры по продаже американским гражданам активов «И. Г.» в обеих совместных компаниях¹⁸. Тигл согласился с ним и заявил некоторым из членов высшего руководства «Стандард ойл», что «ввиду беспокойной обстановки» было бы целесообразно, чтобы активы «И. Г.» приобрела сама «Стандард ойл». Переговоры, добавил он, придется вести с Дуисбергом, поскольку он является теперь «единственным немецким представителем «И. Г.» в этой стране¹⁹.

Напряженная ситуация в Европе привела к быстрому завершению переговоров. Через несколько дней «Стандард ойл» согласилась купить принадлежавшие «И. Г.» 20% акций «Стандард — И. Г. компани» за 20 тыс. долл., а сам Дуисберг, ставший уже натурализованным американским гражданином, приобрел 50% доли акционерного капитала «Джаско» всего лишь за 4 тыс. долл. Участвовавшие в переговорах представители «Стандард ойл» не выразили никакого беспокойства по поводу странного выбора, в результате которого Дуисбергу, сыну основателя «И. Г.», предстояло обеспечить иммунитет активов «И. Г.» на случай союзнических попыток захвата их Управлением по опеке над имуществом иностранцев. Напротив, они наивно заявили, что покупка Дуисбергом принадлежащих «И. Г.» акций в «Джаско» «предотвратит захват их Управлением по опеке над имуществом иностранцев, поскольку [Дуисберг] — американский гражданин и готов купить акции на собственные средства». Они подчеркнули также, что, как предполагается, когда Дуисберг купит акции, он заключит сделку с опционом в пользу «Джаско», «чтобы в случае его смерти эти акции не попали в руки недругов»²⁰.

На следующий день, 1 сентября, именно в тот момент, когда германские войска вторглись на территорию

Польша и началась вторая мировая война, исполнительный комитет «Стандард ойл» спешно провел совещание, чтобы санкционировать меру, предпринятую ее представителями, участвовавшими в переговорах. В своем докладе комитету участники переговоров высказали свое мнение вполне откровенно: «Мы имеем в виду защиту этой доли меньшинства на случай войны между нами и Германией, поскольку было бы крайне нежелательно, чтобы эти 20% акций «Стандард — И. Г.» перешли к опекуну над имуществом иностранцев, который может продать их недружественным кругам»²¹. Как только исполнительный комитет проголосовал за одобрение этих действий, в берлинское отделение «И. Г.» была послана телеграмма с предложением купить акции «И. Г.» в «Стандард — И. Г.» за 20 тыс. долл.²² «И. Г.» немедленно телеграфировал о своем согласии.

Во взаимоотношениях «Стандард ойл» и «И. Г.» оставались неразрешенными две проблемы. Первая касалась острого вопроса — как защитить принадлежащие «И. Г.» во всем мире патенты, на которые «Стандард ойл — И. Г. компани» и «Джаско» имели права, но которые номинально все еще оставались за «И. Г.». Второй проблемой были повторные и почти отчаянные требования «Стандард ойл» о предоставлении ей «И. Г.» патентов на производство каучука «буна» и технической информации, необходимой для их использования. Возникновение войны серьезно осложнило возможность получения ею положительного ответа.

1 сентября, когда разразилась война, Хауэрд находился во Франции. Это была, пожалуй, последняя возможность изыскать пути к решению вопроса о передаче заграничных патентов «И. Г.» компаниям «Стандард ойл — И. Г.» и «Джаско» и получить технические данные о производстве «буны». Хауэрд телеграфировал Уильяму Фарису, преемнику Тигла на посту президента «Стандард ойл», попросив разрешения отсрочить свое возвращение в США, чтобы встретиться с представителями «И. Г.»²³. Поскольку из-за войны между Францией и Германией Хауэрд не мог непосредственно связаться с «И. Г.», он договорился, чтобы нью-йоркское отделение «Стандард ойл» организовало эту встречу в нейтральной Голландии²⁴,

Встретиться с Хауэрдом в Гааге для переговоров Киприм поручил Фрицу Рингеру, молодому инженеру, компетентному в вопросах, касающихся патентов. Но прежде, чем Рингер мог приступить к таким переговорам, необходимо было получить разрешение от соответствующих германских властей — в данном случае от верховного командования, ибо дело касалось продукции военного назначения.

13 сентября Бютефиш совещался по этому вопросу с представителями верховного командования. Он сообщил им, что «Стандард ойл» предлагает «И. Г.» передать свои заграничные патенты фирмам «Стандард — И. Г. компани» и «Джаско». Этим патентам, заявил он, угрожает непосредственная опасность захвата правительствами вражеских стран, если они официально сохранятся за «И. Г.». Он пояснил, что «И. Г.» рассчитывает на «существенные преимущества в результате скорейшей передачи» и заверил верховное командование, что «интересам Германии не будет нанесен ущерб». Бютефиш дал заверения и в том, что «И. Г.» «сможет в любой момент беспрепятственно восстановить существующие ныне отношения»²⁵. Поэтому он настаивал, чтобы «И. Г.» было дано разрешение осуществить эти операции. Речь шла всего лишь о том, чтобы замаскировать принадлежащие «И. Г.» активы на время войны.

В конце совещания присутствовавшие на нем представители верховного командования дали «И. Г.» «зеленый свет» на проведение намечавшейся встречи в Гааге. Исходя из этого, «И. Г.» дал знать ожидавшему в Англии Хауэрду, что Рингер встретится с ним в Гааге 22 сентября и привезет документы для передачи патентов.

Пока Хауэрд, ожидая встречи, находился в Англии, у него возникли новые соображения, и он явился в американское посольство, чтобы выяснить, насколько законной будет встреча с представителем «И. Г.» в Голландии. Хершель Джонсон, бывший в то время советником американского посольства, выразил серьезные сомнения в том, насколько уместной и благоразумной явится поездка американского гражданина из Англии в Голландию для переговоров с врагами Англии²⁶. Хауэрд пытался убедить Джонсона, что англичанам и американцам было бы очень выгодно, если бы патентные права на ценные процессы, разработанные в Германии, можно было передать «Стандард ойл». В существующих условиях, заявил

он, только немцы могут извлечь из этой ситуации какие-либо военные преимущества. Джонсон, сомневаясь в справедливости его слов, направил Хауэрда к послу Джозефу Кеннеди. В противоположность своему советнику посол Кеннеди не усмотрел в предложении Хауэрда ничего сомнительного и никаких оснований для возражений против него со стороны англичан. Он сразу же получил для Хауэрда необходимое разрешение от британского министра иностранных дел ²⁷.

После того как их правительства дали разрешение на переговоры, оба представителя встретились в Гааге 22 сентября. Прошло уже три недели с начала войны, и обстановка, в которой проходило совещание, определялась именно этим. Рингер прибыл на встречу с незаполненными бланками на распределение примерно 2 тыс. патентов, которые «И. Г.» намеревался передать «Джаско» и «Стандард — И. Г. компани», то есть, видимо, всех заграничных патентов на виды продукции и процессы, входящие в сферу деятельности каждого из этих концернов, за одним лишь знаменательным исключением. Хауэрд с разочарованием отметил, что патенты на производство «буны» в их число не входили. Поскольку в Европе уже шла война, Соединенным Штатам неизбежно стало бы ясно через некоторое время, насколько уязвимыми сделало бы их запасы натурального каучука распространение войны на район Тихого океана. Без патентов или технической информации о производстве «буны» «Стандард ойл» попала бы в крайне невыгодное положение. Вполне понятно, что Хауэрд оказывал на Рингера сильнейший нажим в вопросе о «буне». Правительство Соединенных Штатов, утверждал он, в любой момент может занять предвзятую позицию в отношении договоренности между «И. Г.» и «Стандард ойл». Рингер ответил, что, хотя у него нет при себе патентов на производство «буны», он может заверить Хауэрда, что «И. Г.» твердо намерен выполнить свое устное обязательство включить вопрос о патентах на «буну» в новую договоренность с «Джаско».

При обсуждении вопроса об изменениях в отношении активов «И. Г.» в «Джаско» оба представителя были потрясены фактом продажи акций Дуисбергу и пришли к единому мнению о том, что эта передача явилась громадной ошибкой. Рингер заверил Хауэрда, что она будет исправлена и Дуисберг будет следовать любому курсу, ко-

торый предпишет ему «И. Г.»²⁸. Дунсберг поступил именно так, как пожелал «И. Г.». Он продал 50% акций «Джаско» компании «Стандард ойл» по той же цене, которую он уплатил «И. Г.»²⁹.

Затем Хауэрд и Рингер в ходе своей беседы перешли к вопросу о том, какими должны быть отношения между «Стандард ойл» и «И. Г.» в новых условиях, вызванных войной. Они договорились, что «Стандард ойл» будет считать США и союзнические страны исключительно своей территорией для использования продукции и процессов по патентам «Джаско», тогда как остальные страны мира останутся за «И. Г.»³⁰. Ирак был включен в территорию, предназначавшуюся для «Стандард ойл», исходя из ошибочного представления о том, что он объявил войну Германии³¹. Было договорено, что, если это соглашение приведет к неравноправному финансированию, распределение территорий может быть в любое время изменено.

К частичному удовлетворению Хауэрда, новое соглашение обеспечивало компании «Джаско» права на патенты «И. Г.» на «буну». Но одними патентами дело не ограничивалось. Еще более важное значение для «Стандард ойл» имела техническая информация, которую «И. Г.» не включил в соглашение. Когда последняя встреча двух представителей подходила к концу, Хауэрд снова поднял вопрос о «буне», Он спросил, имеются ли какие-либо шансы на то, что «И. Г.» предоставит «Стандард ойл» техническую информацию о производстве «буны». Без этой технической информации, подчеркнул он, «Стандард ойл» окажется в крайне невыгодном положении. Рингер не имел полномочий ответить на этот вопрос. Однако в своем отчете «И. Г.» он отметил, что Хауэрд предвидел возможность отказа, «ибо в случае войны Соединенные Штаты будут зависеть от импорта натурального каучука»³². Поэтому, писал в заключение Рингер, Хауэрд не обусловил одобрение компанией «Стандард ойл» пересмотренного соглашения с «Джаско» передачей «И. Г.» технической информации. По мнению Рингера, Хауэрд не ожидал, что германское правительство разрешит предоставить техническую информацию о производстве «буны» потенциальному противнику, которому она может понадобиться, если он потеряет доступ к натуральному каучуку, как это могло бы произойти в случае войны с Японией, партнером Германии по «оси».

25 сентября Рингер и Хауэрд закончили свои дела и отправились по домам, увезя с собой по экземпляру Гаагского меморандума — проекта соглашения — для рассмотрения и одобрения его соответствующими компаниями. Для «И. Г.» вопрос теперь заключался в том, чтобы добиться одобрения германского правительства. Тер Меер и Бютефиш нанесли визит представителю верховного командования генералу Томасу и министериал-директору Мюлерту из министерства экономики, чтобы вручить ходатайство «И. Г.» о правительственном разрешении на подписание пересмотренного соглашения с «Джаско». Тер Меер снова подчеркнул крайнюю необходимость как можно скорее изъять заграничные патенты на «буну» из номинального владения «И. Г.», чтобы избежать возможности захвата их врагом. В случае передачи этих патентов «Джаско» они попали бы под контроль «Стандард ойл» — концерна, дружеские отношения с которым «И. Г.» мог рассчитывать восстановить после войны.

Томас и Мюлерт были согласны, но ясно указали, что дадут «И. Г.» разрешение на передачу патентов только при условии, что техническая информация о «буне» передана не будет. Тер Меер и Бютефиш заверили их, что этот запрет станет строго соблюдаться³³.

К 12 октября и германское верховное командование, и министерство экономики уже выдали «И. Г.» письменное разрешение на передачу «Стандард ойл» патентов на производство «буны». 16 октября, когда были получены все необходимые правительственные разрешения, «И. Г.» телеграфировал «Стандард ойл девелопмент компани», что в принципе он готов подписать соглашение с «Джаско», намеченное в Гаагском меморандуме. Формулировка телеграммы была аналогична формулировке проекта, предварительно подготовленного за три недели до того, за исключением одной дополнительной фразы: «Касаясь статьи 2 Гаагского меморандума, мы просим, чтобы «Джаско» передала «И. Г.» также и Ирак»³⁴. Это было сделано с целью исправить ошибку, допущенную Рингером, когда он включил Ирак в число территорий, предназначенных «Стандард ойл», исходя из ошибочного представления о том, что Ирак находится в состоянии войны с Германией. «И. Г.» явно не собирался уступать без необходимости какую-либо территорию,

«И. Г.» послал вторую телеграмму компании «Стандард ойл девелопмент компани», чтобы урегулировать вопрос о «буне»: «Согласно договоренности, мы переведем патенты на «буну» в сферу деятельности «Джаско». Документы готовятся... что касается вашего вопроса относительно технической информации о «буне», то сообщаем вам, что при существующих обстоятельствах мы не сможем дать такую информацию»³⁵.

Получив от «И. Г.» две эти телеграммы, Хауэрд немедленно написал докладную записку для исполнительного комитета правления «Стандард ойл», где объяснил причины, по которым понадобилось заключить соглашение с «Джаско». Изложив вкратце содержание Гаагского соглашения, он отметил:

Считаю, что это соглашение, учитывая положение о возможности его пересмотра в будущем, является абсолютно справедливым, и, не говоря уже о возможности добиться соблюдения этого положения оно в такой же мере удовлетворяет нас, как и «И. Г.». Попытка облечь это положение о пересмотре по суду в форму, которая придала бы ему полностью исковой характер, может вызвать множество трудностей, и поэтому в наши намерения (я говорю как от своего имени, так и от имени участвовавших в переговорах представителей «И. Г.») не входило включать в нашу договоренность подобные положения».

Далее он предостерегал:

«У нас, вероятно, возникнут какие-то юридические трудности в Англии и Франции в связи с вопросом об установлении нашего права на эти изобретения «И. Г.», но, поскольку мы считаем, что можем установить право на передачу нам собственности задним числом, до войны (причем мы, во всяком случае, безусловно, располагаем всей технической информацией, без которой было бы трудно действовать), ситуация не так уж плоха»³⁶.

Утром 18 октября исполнительный комитет в присутствии Хауэрда одобрил пересмотренное соглашение с «Джаско», после чего Хауэрд телеграфировал «И. Г.» в Берлин о своем принципиальном согласии «с процедурой, изложенной в вашей телеграмме от 16 октября».

В декабре Хауэрду после долгого размышления пришла в голову новая мысль. Он предложил «И. Г.» датировать соглашение с «Джаско» задним числом, 1 сентября 1939 года³⁷, то есть двумя днями ранее официального объявления Великобританией и Францией войны Германии. Новая дата делала Гаагский меморандум довоенным документом.

К лету 1940 года «И. Г.» официально перевел последние патенты на «буну», около 50 документов о переуступке, компании «Джаско». Однако, как и подразумевалось обеими сторонами, техническая информация переведена не была. А к концу 1941 года это упущение обернулось личной трагедией для Хауэрда, Тигла и Фарриша и общей катастрофой для «Стандард ойл». Хуже всего было то, что это привело Соединенные Штаты к крупной военной неудаче.

7 декабря 1941 года Япония совершила нападение на Перл-Харбор, и Соединенные Штаты внезапно столкнулись с серьезным каучуковым кризисом. Они были отрезаны от своего главного источника натурального каучука в Юго-Восточной Азии, подобно тому как Германия оказалась отрезанной от своего источника селитры в Чили во время первой мировой войны. Были приняты отчаянные меры, и вскоре снабжение каучуком стало строго нормироваться. Патриотически настроенные граждане организовали кампанию по сбору всякого рода резиновых изделий в целях их переработки для производства шин. То была похвальная, но бесплодная попытка. К своему огорчению, эти энтузиасты узнали, что из резиновых половичков для ванн можно делать новые резиновые половички, но отнюдь не шины. В производстве шин Соединенные Штаты могли рассчитывать только на синтетический каучук. Но американские каучуковые и химические компании были абсолютно не подготовлены к массовому производству синтетического каучука.

Хотя каучуковые и химические компании развернули лихорадочную деятельность по разработке синтетического каучука, из которого можно было бы делать шины, на успешное производство «буны» не было, казалось, никаких надежд. «И. Г.» удалось помешать тому, чтобы Соединенные Штаты получили техническую информацию

об ее производстве. Для Соединенных Штатов и «Стандард ойл» это имело пагубные последствия.

С начала 1941 года антитрестовский отдел министерства юстиции занимался расследованием деятельности картеля «Стандард — И. Г.», и к концу года правительство, после нападения Японии на Перл-Харбор, готовилось к тому, чтобы обвинить компании «Стандард ойл», «И. Г. Фарбениндустри» и их высший административный персонал в сговоре с целью ограничения торговли и коммерческой деятельности нефтяной и химической промышленности во всем мире, включая производство синтетического каучука и синтетического бензина.

«Стандард ойл» заявила военному министерству протест, утверждая, что защита против такого обвинения в ходе судебного процесса будет отвлекать многих из ее руководящих сотрудников от участия в военных усилиях. Военное министерство, которое вопросы производства военных материалов беспокоили больше, чем судебное преследование компаний на основании антитрестовских законов, согласилось с этим. Однако министерство юстиции, опираясь на поддержку нескольких влиятельных сенаторов и членов правительства, настаивало на том, что единственно эффективный способ избавиться от ограничений, установленных картелем «Стандард — И. Г.», и открыть путь к разработке и производству синтетического каучука — внедрение в жизнь антитрестовского законодательства. 20 марта 1942 года помощник министра юстиции Терман Арнольд, министр юстиции Биддл, военный министр Стимсон и военно-морской министр Нокс подписали докладную записку на имя президента Рузвельта, в которой рекомендовали временно отложить рассмотрение вопроса об антитрестовских расследованиях и судебных процессах, которые могли бы помешать военным усилиям. Они утверждали, что длительное судебное разбирательство будет «неизбежно отнимать время у руководителей и служащих корпораций, которые занимаются оборонной работой»³⁸. Рузвельт одобрил такую политику, но в виде уступки Арнольду и персоналу его антитрестовского отдела согласился просить конгресс принять меры по продлению действия закона о давности срока в отношении таких антитрестовских судебных дел, чтобы судебное разбирательство по ним можно было возбудить после войны³⁹.

То, что антитрестовское дело «Стандард — И. Г.» ускорило решение изменить политику, было общеизвестным фактом. Однако «Стандард ойл» не хотела, чтобы решение по этому делу было принято после войны. Стороны договорились, что антитрестовский отдел возбудит уголовное дело против «Стандард» и ее высшего административного состава и что все обвиняемые согласятся с формулой «*Nolo contendere*» [не хочу оспаривать]. Была достигнута договоренность и о том, что министерство юстиции возбудит против «Стандард» гражданский иск и та признает его справедливым, обязуясь отказаться от всех контрактов и действий, против которых возражает правительство.

24 марта, когда представители сторон встретились в кабинете помощника министра юстиции Арнольда, чтобы выработать официальное соглашение, нерешенным остался только один вопрос. Арнольд хотел, чтобы суд установил штрафы на общую сумму свыше 1,5 млн. долл., что являлось одной из крупнейших финансовых карательных мер в истории антитрестовского законодательства. Этот штраф надлежало распределить среди большой группы обвиняемых — «Стандард ойл оф Нью-Джерси», нескольких дочерних компаний «Стандард ойл» и всех директоров основной компании. Юриисконсульт «Стандард ойл» Джон Дейвис отверг это предложение как абсолютно неприемлемое, указав, что такой огромный штраф поставит под сомнение патриотизм «Стандард ойл». Он со своей стороны выдвинул контрпредложение: штраф на общую сумму 50 тыс. долл., который надлежало распределить среди обвиняемых любым путем по усмотрению Арнольда. Арнольд возразил, что равное распределение столь незначительного штрафа будет означать, что индивидуальные штрафы составят всего лишь 600—700 долл.— абсурдную сумму, учитывая серьезный характер обвинений. Поскольку документы надлежало представить в суд на следующий день, а время уже близилось к полуночи, Арнольд наконец капитулировал — по крайней мере в тот момент. Число обвиняемых было сокращено до десяти человек, так что индивидуальные штрафы выразились в сумме 5 тыс. долл.

В конце заседания Арнольд обратился к юриисконсульту компании и некоторым из предполагаемых обвиняемых, присутствовавших на заседании, с кратким за-

явлением. «Вы, разумеется, понимаете,— сказал он,— что я на основании полученной мною повестки должен предстать послезавтра перед комиссией Трумэна (сенатской комиссией по обследованию военной промышленности), чтобы изложить ей все факты, касающиеся этого дела». Дейвис ответил ему безразличным тоном: «Господин Арнольд, для нас это не имеет ни малейшего значения».

Следующий день, 25 марта 1942 года, стал черным днем для «Стандард ойл». Случилось именно то, чего «Стандард ойл» и «И. Г.» всячески пытались избежать, осознав неизбежность войны. Новый американский руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев Лео Краули издал свой первый приказ о передаче, конфисковав все активы «вражеской корпорации» «И. Г. Фарбениндустри» в акциях, патентах и контрактах «Джаско» и «Стандард катализатор компани». (Осенью 1940 года название «Стандард — И. Г. компани» было изменено на «Стандард компани», поскольку англичане протестовали против контактов с компанией, в названии которой фигурировала аббревиатура «И. Г.».)

Через два часа после того, как Краули конфисковал предполагавшиеся активы «И. Г. Фарбениндустри» в «Джаско» и «Стандард катализатор компани», министерство юстиции возбудило крупный процесс против «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» и ее шести дочерних компаний, а также против Уолтера Тигла, Уильяма Фарриша и Фрэнка Хауэрда. «И. Г. Фарбениндустри» был назван соучастником в заговоре, не указанным в официальном обвинении⁴⁰. В соответствии с выработанным двумя днями ранее компромиссным решением, десять обвиняемых по уголовному иску заявили, что не станут его оспаривать, и были оштрафованы на 5 тыс. долл. каждый.

В иске, возбужденном на основе антитрестовского законодательства, подробно излагалась история взаимоотношений «Стандард ойл компани» и «И. Г. Фарбениндустри». Естественно, конечно, что пристальное внимание прессы привлекла та часть искового заявления, где говорилось о синтетическом каучуке. Из иска нетрудно было понять, что создавшийся кризис с каучуком можно объяснить, хотя бы частично, действиями картеля «Стандард — И. Г.».

Чтобы исправить положение, суд в своем постановлении о соглашении сторон потребовал от «Стандард ойл» порвать все отношения с «И. Г.» и обеспечить всем тем, кто ходатайствовал о предоставлении им патентов в США, доступ ко всем патентам, на основании которых «Стандард ойл» и «И. Г.» монополизировали торговлю химикатами и нефтепродуктами, а также передать в их распоряжение соответствующую техническую информацию.

Интересно отметить, что руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев выступал на процессе в качестве законного представителя интересов концерна «И. Г.». Основная его роль сводилась к обеспечению «Стандард ойл» правовой защитой на тот случай, если «И. Г. Фарбениндустри» возбудит впоследствии судебное дело по поводу невыполнения заключенных с ним соглашений.

Арнольд, выступавший обычно с яркими заявлениями, на этот раз сделал краткое и бессодержательное сообщение для печати: «Поскольку сотрудники антитрестовского отдела получили повестки с требованием явиться завтра в комиссию Трумэна для дачи подробных показаний как по иску, так и по постановлению о соглашении, в настоящем заявлении такие подробности не содержатся»⁴¹. «Стандард ойл» также опубликовала сообщение для печати, чтобы объяснить, почему она предпочла не оспаривать иск.

Компания сознает,— говорилось в сообщении,— что для того, чтобы добиться реабилитации путем судебного разбирательства, потребовалась бы затрата времени и сил большинства ее административных сотрудников и многих из ее служащих в течение нескольких месяцев. Ее оборонная работа имеет гораздо более важное значение, чем судебная реабилитация. У компании нет также никакого желания сохранять положение, которое министерство юстиции считает хоть в какой-то мере сомнительным⁴².

В сообщении отмечалось, что соглашения между «Стандард ойл» и «И. Г.» фактически способствовали прогрессу американской промышленности, расширив ее возможности удовлетворять военные нужды страны.

На следующий день Терман Арнольд выступил на заседании специальной сенатской комиссии по обследованию программы национальной обороны, возглавлявшейся Гарри Трумэном. Арнольд самым подробным образом изложил историю взаимоотношений «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» до прихода к власти Гитлера и при его режиме. Свой рассказ он подтвердил документами из архивов самой «Стандард ойл». Его сообщение потрясло присутствовавших на заседании сенаторов и представителей прессы.

Вот как описал атмосферу, царившую в зале заседаний комиссии, репортер издательского концерна «Скрипс-Говард», лауреат Пулитцеровской премии Томас Стоукс:

Члены сенатской комиссии по программе обороны сидели мрачные и явно потрясенные, когда Терман Арнольд... давал показания... (Трумэн) был особенно возмущен меморандумом Фрэнка Хауэрда... подписанным в Гааге (Нидерланды) 12 октября 1939 года, уже после возникновения войны, в котором мистер Хауэрд заявил: «Представители «И. Г. Фарбениндустри» вручили мне документы на распределение около 2 тыс. заграничных патентов, и мы приложили все усилия, чтобы разработать модус вивенди, который должен был действовать в течение всей войны независимо от того, вступят ли в войну США»... «Эта последняя фраза заставила содрогнуться всех находившихся в зале заседаний комиссии.

Далее Стоукс перешел к обсуждению доказательств, на которых были основаны показания Арнольда: 40 тыс. документов, просмотренных расследователями из министерства юстиции.

Терман Арнольд выкладывал на стол заседаний комиссии одно вещественное доказательство за другим, зачитывая подготовленное им заявление на 27 страницах, чтобы доказать лежащий в его основе тезис о том, что применение каучука «буна» оттягивалось в его стране, «поскольку гитлеровское правительство по военным соображениям не желало допустить использования этого каучука здесь»⁴³.

Фариш и Хауэрд давали показания комиссии через несколько дней. Вот что сообщил Фариш:

Я с уверенностью заявляю, что независимо от того, подпадало или не подпадало несколько заключенных с «И. Г.» контрактов под ограничения, установленные законом Шермана, они в большой мере способствовали развитию американской промышленности и более чем что-либо другое сделали возможной нашу теперешнюю военную деятельность в области производства авиационного бензина, толуола и взрывчатых веществ, а также и самого синтетического каучука⁴⁴.

Затем он представил комиссии письма военного и военно-морского министерств, свидетельствовавшие о вкладе «Стандард ойл» в военные усилия страны.

Испытание, которому подверглась «Стандард ойл» в конгрессе, не закончилось слушаниями в комиссии Трумэна по вопросу о каучуковом кризисе. 13 апреля сенатская комиссия по патентам под председательством сенатора Хомера Боуна приступила к слушаниям, касавшимся роли патентов в национальной программе обороны. Как только комиссия собралась, сенатор от штата Висконсин Роберт Лафолет выступил с нападками на международные картели вообще и особенно на договоренность между «И. Г.» и «Стандард ойл». Он заявил:

Недавно антитрестовским отделом министерства юстиции было установлено, что компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси» находится в сговоре с германским концерном «И. Г. Фарбениндустри», который через свою сложную сеть международных патентных соглашений является головным отрядом в нацистской экономической войне. Своими картельными соглашениями со «Стандард ойл оф Нью-Джерси» он успешно противодействовал разработке и производству значительного количества синтетического каучука.

Мерой наказания, установленной для «Стандард ойл» за ее обструкционистскую деятельность явилось судебное постановление о соглашении, предусматривавшее штраф на сумму 50 тыс. долл. и временное, сугубо временное, и только частичное прекращение действия монопольных патентных привилегий, препятствовавших полному использованию Соединенными Штатами переданных патентов...

Я считаю, что постановление о соглашении в отношении «Стандард ойл оф Нью-Джерси» является для нее реальной победой... Все, что дает постановление о соглашении... это гарантия, что «Стандард ойл» будет держать эти патенты для «И. Г. Фарбениндустри»... до того дня, когда «Стандард ойл» сможет отчитаться перед «И. Г. Фарбениндустри» и вернуть ей патенты ⁴⁵.

Неблагоприятный результат проведенных конгрессом расследований и распространение нежелательных для «Стандард ойл» слухов убедили членов ее правления в том, что ситуация стала критической. Вскоре этот вопрос принял настолько серьезный характер, что привлек к себе внимание крупнейшего акционера «Стандард ойл» Джона Рокфеллера-младшего, которого особенно обеспокоили несколько адресованных ему открытых писем, опубликованных И. Ф. Стоуном в газете «ПМ». Письма призывали Рокфеллера использовать свое влияние, чтобы добиться отставки Тигла, Фариша и Хауэрда.

После скандала с Типот-Дом * вы вмешались в дело и заставили уйти в отставку председателя правления «Стандард ойл компани оф Индиана» полковника Роберта Стюарта... Мы считаем, что ради вашего доброго имени, ради вашей компании и вашей страны, вы обязаны принять такие же меры в связи со скандалом, разразившимся вокруг головной компании «Стандард ойл». Вы неизбежно несете личную ответственность за политику «Стандард ойл»... Какие бы намерения ни лежали в основе этой политики, результаты ее свелись к тому, что «Стандард ойл» стала союзником Гитлера, экономическим агентом врага в самих США... Мы считаем вашим долгом снять Уолтера Тигла с поста председателя правления, Уильяма Фариша — с поста президента, а Фрэнка Хауэрда — с поста вице-президента «Стандард ойл компани» и коренным образом изменить политику, которая поставила их в положение международных экономических сообщников третьего рейха ⁴⁶.

---

* Типот-Дом — район нефтяных месторождений в штате Вайоминг, с названием которого связаны скандальные разоблачения имевшихся там злоупотреблений. — *Прим. перев.*

После опубликования писем Рокфеллер категорически потребовал от правления компании принять необходимые меры, чтобы повысить репутацию «Стандард ойл» в глазах общественности⁴⁷.

Изыскать их правление поручило Роберту Хасламу, ранее исполнявшему обязанности главного управляющего «Эссо маркетирз» и незадолго до того предупредившему правление, что его организация не сможет успешно выполнять сбытовые операции, если не будут предприняты какие-либо меры для поднятия престижа «Стандард ойл» в глазах общественности. Для опроса общественного мнения «Стандард ойл» наняла организацию Элме Роупера, и Роупер пришел к заключению, что в тот момент компания страдала от последствий острого приступа «арнольдитиса» и что, по мнению общественности, «Стандард ойл» позволила Германии отодвинуть ее в деловом мире на последнее место⁴⁸.

Правление решило установить над деятельностью «Стандард ойл» более жесткий контроль. Оно заявило, что в прошлом важнейшие решения слишком часто принимались и проводились в жизнь без ведома правления. Так, например, Фрэнк Хауэрд, в течение многих лет осуществлявший переговоры с «И. Г. Фарбениндустри», часто информировал правление «Стандард ойл» уже после принятия соответствующих мер. Правление твердо решило, что в дальнейшем оно само будет заниматься такими делами.

Хауэрд проработал в «Стандард ойл девелопмент компании» еще два года, но в результате этого решения правления от его прежнего влияния и власти фактически ничего не осталось. В ноябре 1942 года два других должностных лица в «Стандард ойл», обвиненные по антитрестовскому судебному делу, — Тигл и Фариш — исчезли со сцены «Стандард ойл». Тигл вышел из состава правления, а менее чем через неделю умер от сердечного приступа Фариш.

5. Насилие над европейской химической промышленностью

В течение пяти лет после того, как Бош договорился с Гитлером о подготовке Германии к войне, «И. Г.» все быстрее приобщался к нацистской идеологии. За это время он стал крупнейшей промышленно-финансовой опорой нацистской партии, освободившись от «опознанных» еврейских директоров и администраторов; оставшиеся в компании должностные лица арийского происхождения вступили в нацистскую партию, а кое-кто и в ряды эсэсовцев. «И. Г.» объявил принципом всей деятельности незыблемость нацистской доктрины. Но он далеко еще не дошел в своем падении до самых глубин нацистской пророчности.

Весной 1938 года гитлеровцы сделали в своей программе военных завоеваний большой скачок вперед. На смену риторике уже готовились действия; время для разговоров прошло, стремления к насильственной территориальной экспансии вот-вот должны были осуществиться. Противники Гитлера, устрешенные его дипломатическим напором, в беспорядке отступали. По мере того как одна страна за другой сдавалась перед лицом гитлеровской «операции террор», объятия, в которые «И. Г.» заключил нацистов, становились все более крепкими. В то время как страны одна за другой падали под натиском вермахта, «И. Г.» играл роль шакала при гитлеровском льве.

Несмотря на кажущуюся непобедимость Гитлера, «И. Г.» продолжал взвешивать все шансы и готовиться к любым случайностям. Захватам, какими бы жестокими способами они ни совершались, неизменно пытались

придать вид законности — это была мера, рассчитанная на защиту интересов «И. Г.» даже в том «маловероятном случае», если бы Германия проиграла войну. Но такая видимость законности не могла скрыть ужас, который применявшиеся «И. Г.» методы внушали его жертвам. Тех же людей в «И. Г.», которые могли бы усомниться в разумности такого курса, заставлял молчать не только страх перед возмездием со стороны нацистов, но и огромные успехи «И. Г.».

Вторжение в Австрию 11 марта 1938 года ознаменовало собой начало осуществления гитлеровской политики насильственных захватов. Через несколько дней после того, как немецкие войска двинулись в поход, «И. Г.» уже был готов играть свою роль. Он представил нацистским оккупационным властям меморандум под названием «Новый порядок для химической промышленности Австрии»¹. По существу это была просьба к правительству присоединить к нему крупнейший химический концерн Австрии «Шкода верке Вецлер». Для обоснования своего ходатайства он красноречиво ссылался на национальные интересы Германии. Этот концерн, созданный некогда химиками-евреями, теперь был готов маршировать вместе с Гитлером. «И. Г.» обещал, что поглощение австрийского концерна поможет выполнить задачи, намеченные в четырехлетнем плане, и ликвидировать еврейское влияние в австрийской промышленности. Господствующую роль в «Шкода верке Вецлер» играл Ротшильд, еврей по национальности, и «И. Г.» использовал это обстоятельство.

Ротшильды не были наивными людьми. Они угадали намерения «И. Г.» еще до «аншлюса» и через главного управляющего «Шкоды» Айседора Поллака пытались сорвать захватнические планы «И. Г.»². Поллак старался выяснить возможность слияния «Шкоды» с двумя другими европейскими химическими организациями — итальянской «Монтекатини» и чехословацкой «Ауссигер ферейн». Но «И. Г.» был слишком грозным соперником, и ни чешская, ни итальянская компания не задумывалась всерьез о возможности такого слияния.

После захвата гитлеровской Германией Австрии в стране начался террор, коснувшийся и химической промышленности. Сразу же после «аншлюса» все лица еврейского происхождения, входившие в состав высшего

руководства «Шкоды», были уволены на основании правительственного приказа. Освободившиеся места «И. Г.» заполнил арийскими специалистами³. Чтобы оградить этот захват от возможных в будущем юридических претензий, «И. Г.» вступил в переговоры с личным представителем Ротшильдов Йозефом Йохамом⁴, который, будучи евреем по национальности, вряд ли мог противиться требованиям «И. Г.», а эти требования в ходе так называемых переговоров все возрастали. При необходимости «И. Г.» прибегал к антисемитским угрозам, стремясь добиться подходящих для себя условий. Осенью 1938 года после преодоления целого ряда трудностей, создававшихся для него бюрократией в Австрии, «И. Г.» объявил наконец «Шкоду» своей собственностью⁵. К этому времени Йохам уже бежал из страны⁶, а Поллак, не успевший бежать, буквально был затоптан насмерть нацистскими штурмовиками⁷.

Следующим номером в программе Гитлера была Чехословакия. «И. Г.», предвкушая еще одну промышленную добычу, подготовил специальное исследование о химических заводах в Судетской области⁸. Он особенно стремился захватить два завода, принадлежавших крупнейшей химической компании Чехословакии «Ауссигер ферейн», участнице европейского картеля по производству красителей (доминирующую роль в котором играл «И. Г.») и уважаемому члену мирового химического сообщества⁹. И здесь опять-таки «И. Г.» рассчитывал использовать «особое обстоятельство» при переговорах с «Ауссигер ферейн». В соответствии с нюрнбергскими законами «Ауссигер ферейн» можно было отнести к категории еврейских промышленных объединений¹⁰. Двадцать процентов ее директоров были неарийцами.

Летом 1938 года требования, предъявлявшиеся Гитлером Чехословакии в отношении Судетской области, стали настолько вопиющими, что война представлялась уже неизбежной. Перепуганный премьер-министр Англии Невиль Чемберлен с помощью премьер-министра Франции Эдуарда Даладье вынудил Чехословакию капитулировать перед участниками империалистического сговора. Унизительная процедура была закреплена 29 сентября подписанием Мюнхенского соглашения и немедленной оккупацией Судетской области германскими войсками.

Чтобы замаскировать свои планы, Гитлер заявил, что это его последнее территориальное требование к другим странам в Европе. На следующий же день Герман Шмитц, ставший главой «И. Г.», в поздравительной телеграмме Гитлеру писал: «Нахожусь под глубоким впечатлением возвращения рейху Судетской области, которого вы, мой фюрер, добились. «И. Г. Фарбениндустри акциенгезельшафт» предоставляет полмиллиона рейхсмарок в ваше распоряжение для использования их на территории Судетской области»¹¹.

Вскоре «И. Г.» уже вел с «Ауссигер фёрейн» переговоры о «покупке» заводов в Судетской области¹². Единственной, пожалуй, возможностью защиты директоров «Ауссигер фёрейн» была тактика затяжки так называемых переговоров в надежде, что произойдет нечто непредвиденное, что сможет их спасти. Наконец крупнейший германский промышленник и банкир Шницлер объявил представителям «Ауссигер фёрейн», что их непреклонная позиция и нежелание добросовестно вести переговоры заставляют его сообщить германскому правительству, что «беспорядки и нарушения общественного мира» в Судетской области неизбежны. Шницлер заявил, что Гитлер вполне может использовать это обвинение в качестве предлога для оккупации остальной части Чехословакии¹³.

Приведенные в отчаяние директора «Ауссигер фёрейн» апеллировали к правительству Чехословакии, которое лишь подтвердило возможность осуществления угрозы Шницлера. Им было рекомендовано в силу своих возможностей решить этот вопрос самостоятельно. Рассчитывать на официальную поддержку было невозможно, и директора «Ауссигер фёрейн» на следующий же день решили «продать» свои заводы на условиях, выдвинутых «И. Г.»¹⁴. Однако это никак не отразилось на судьбе их страны. Несколько месяцев спустя, в марте 1939 года, гитлеровские войска вступили в Прагу и вскоре оккупировали всю Чехословакию.

Следующей в гитлеровском плане завоеваний была Польша. И снова «И. Г.» начал готовиться к тому, чтобы не упустить добычу. Он составил перечень предполагаемых трофеев, озаглавив его «Важнейшие химические заводы в Польше»¹⁵. Особенно интересовали «И. Г.» три компании по производству красителей: крупнейшая—

«Борута», небольшая компания «Бола»¹⁶ и «Винника» (председателем которой был Жозеф Фроссар), принадлежавшая швейцарскому филиалу «И. Г.» «И. Г. Хеми» и французской компании «Кульман».

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. Шницлер, следовавший непосредственно за войсками, телеграфировал берлинскому агенту «И. Г.», чтобы тот поддерживал контакт с имперским министерством экономики и постоянно был в курсе дел, касающихся польской химической промышленности. «На [польских] заводах имеются значительные и ценные запасы первичных, промежуточных и конечных продуктов,— телеграфировал Шницлер,—...мы считаем чрезвычайно важным, чтобы они использовались экспертами в интересах германской национальной экономики. Только «И. Г.» в состоянии обеспечить услуги таких экспертов [курсив мой.— Дж. Б.]¹⁷.

Вернувшись неделю спустя из Польши в Германию, Шницлер явился в министерство экономики и заявил, что руководить работой польских заводов способен только концерн «И. Г.»¹⁸. Министерство в лице генерала Герман фон Ханнекена согласилось на то, чтобы «И. Г.» взял на себя временное руководство работой этих трех польских компаний. Однако Ханнекену не понравились алчность и методы «И. Г.». Будучи осведомлен о деятельности «И. Г.» в Австрии и Чехословакии, он предупредил «И. Г.», чтобы тот не рассчитывал получить польские заводы в свое постоянное владение. Ханнекен четко и недвусмысленно заявил: «В характер владения заводами, о которых идет речь, не будет внесено никаких изменений, и в этом назначении не следует усматривать подготовки к изменению условий владения»¹⁹.

Позиция Ханнекена потрясла Шницлера, ибо «И. Г.» стремился контролировать и эксплуатировать крупные заводы «Боруты» с «известным постоянством»²⁰. Поэтому Шницлер через голову Ханнекена обратился к покровителю «И. Г.» Герингу, который непосредственно перед этим создал организацию для конфискации и распределения принадлежащей Польше собственности с учетом четырехлетнего плана²¹.

Но для власти Геринга в Польше возникла угроза со стороны звезды, восходящей на нацистском небосклоне, руководителя СС Генриха Гиммлера, у которого были

свои планы в отношении распределения польской собственности. Представителю Геринга не удалось помочь «И. Г.», и причины этого вскоре выяснились. «И. Г.» обнаружил, что представитель Гимmlера в Польше бригаденфюрер СС Ульрих Грейфельт был уполномочен налагать вето на любую продажу конфискованной польской собственности, санкционированную ведомством Геринга.

Изменение политического климата не прошло незамеченным для «И. Г.»; он сразу же перенес свои симпатии с Геринга на Гимmlера и Грейфельта. Грейфельт был достоин доверия Гимmlера и осуществлял свои полномочия в Польше с такой жестокостью, что его шеф гордился им: в числе его «заслуг» были насильственная стерилизация мужчин и женщин, политика онемечивания оторванных от родителей польских детей, порабощение населения и массовые расстрелы заложников ^{21a}.

Шницлеру было поручено «культивировать дружбу» с Грейфельтом. Спустя некоторое время «И. Г.» завладел польскими заводами на своих собственных условиях, снова доказав таким образом свою способность процветать в мире нацистских интриг ²². На этот раз выбранному «И. Г.» союзнику предстояло оказать не совсем обычное влияние на его судьбу. В небольшом городке Освенцим в Польской Силезии уже намечался очередной шаг в его союзе с Гимmlером.

По мере того как «И. Г.» и Гитлер становились все более необходимы друг другу для выполнения намеченных ими задач, все более заметными становились упадок физических сил и ослабление умственных способностей Боша. Повторяющиеся приступы депрессии принимали все более глубокий характер, когда он размышлял над тем, что война — прямое следствие его великих достижений, порождение жизненно важных синтетических нитратов, горючего и каучука. Он отказывался видеть кого бы то ни было из персонала «И. Г.», кроме Крауха; единственным его утешением стал алкоголь.

К февралю 1940 года Бош не мог больше оставаться в Германии. Он решил перебраться на Сицилию. Перемена в жизни не принесла Бошу никакого облегчения, и его физическое состояние продолжало ухудшаться. В апреле он вернулся в Германию без всяких надежд на выздоровление. Находясь при смерти, он предрек поражение

Франции. Но это, сказал он своему врачу, будет только прелюдией. Безумие Гитлера приведет к уничтожению Германии и гибели «И. Г.», что для него было равнозначно катастрофе.

Бош не дожид до того, чтобы убедиться в справедливости своих предсказаний. 26 апреля 1940 года, за две недели до нападения Германии на Францию, не достигнув 66 лет, он скончался²³.

После смерти Боша с его высоким престижем и огромным личным влиянием в концерне Герман Шмитц фактически занял пост главы «И. Г.», который уже принадлежал ему номинально. Краух, избранный преемником Боша в качестве председателя наблюдательного совета²⁴, отказался от административной работы, чтобы уделять больше времени своим обязанностям уполномоченного по четырехлетнему плану. Отныне тон в «И. Г.» стал задавать Шмитц.

В начале мая Германия совершила нападение на Францию, а 22 июня Франция капитулировала. Вся Европа, за исключением Англии и Советского Союза, была крепко зажата Гитлером в тиски. Концерн «И. Г.» был готов урвать свою долю добычи. Он уже подготовил для мировой химической промышленности такой план «нового порядка», который обеспечил бы «восстановление и утверждение во всем мире уважения к германской химической промышленности»²⁵. В своих подробно разработанных планах «И. Г.» описал, как будет происходить поглощение химической промышленности Франции, Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга и Бельгии²⁶. Но этим его аппетиты не исчерпывались. «И. Г.» распространил свои планы и на Советский Союз, заключивший к тому времени с Германией пакт о ненападении, Швейцарию, невраждебное нейтральное государство, Англию и союзника Германии — Италию. Вскоре в этот список была внесена и химическая промышленность недружественных тогда Германии, но формально еще нейтральных Соединенных Штатов.

По мнению «И. Г.», ключом к контролю над химической промышленностью Европы была Франция. В общих чертах в плане «нового порядка» для Франции рекомендовалось, чтобы «И. Г.» и германское правительство вступили в партнерство с целью завладеть французской промышленностью по производству красителей и установить

над ней свой контроль в соответствии с принятой третьим рейхом программой территориальной и экономической экспансии. Этот план обещал «наилучшее обеспечение единого регулирования французского производства и сбыта на все времена (Курсив мой.— Дж. Б.)»²⁷.

Подготовленный «И. Г.» план для Франции в начале августа был вручен представителю министерства экономики Густаву Шлоттереру. Шлоттерер полностью согласился с необходимостью восстановления лидерства «И. Г.» при так называемом «новом порядке» и заявил, что, по его мнению, предложение «И. Г.» в отношении Франции отнюдь не является чрезмерным и, вероятно, вполне будет соответствовать нацистскому «новому порядку»²⁸.

Пока рассматривался подготовленный «И. Г.» план «нового порядка», нехватка угля и электроэнергии привела к прекращению работы на французских заводах по производству красителей²⁹. Руководители французской промышленности быстро осознали, что от «И. Г.» зависит не только возобновление производства, но и вся дальнейшая судьба французской промышленности. Они начали добиваться встречи с представителями «И. Г.» через комиссию по перемирию в Висбадене³⁰. Французы заблуждались, ожидая от своего бывшего партнера по картелю благоприятного отношения. Шлоттерер, занимавший высокий пост в министерстве экономики, согласившись в принципе на организацию встречи между представителями «И. Г.» и французской промышленности, тем не менее дал понять «И. Г.», что в его интересах было бы затянуть решение этого вопроса. К фактическим переговорам, указывал он, не следует приступать, пока французы не поймут, что они приедут не выторговывать себе благоприятный для них статус, а, скорее, для того, чтобы уступить «первое место» германской промышленности по производству красителей³¹. Период неуверенности в сочетании с отчаянием должен был, по его мнению, смягчить позицию французов. Руководитель экономической группы германской комиссии по перемирию Ганс Хеммен поддержал его рекомендацию. Он также советовал проводить политику проволочек, а не поспешных действий, конкретно указав, что «И. Г.» должен затянуть переговоры по меньшей мере до конца осени или до начала зимы, когда положение во Франции станет еще более критическим³². «И. Г.» согласился с этим.

Тем временем «И. Г.» через своих служащих в Париже собирал сведения о руководящих деятелях французской промышленности, с которыми ему предстояло иметь дело. Самая интригующая информация касалась Жозефа Фроссара, «козырной карты» Боша в Версале. Теперь он и Рене Дюшмен были крупнейшими фигурами в компании «Кульман». Фроссар, находившийся в то время вместе с другими директорами «Кульман» в неоккупированной части Франции, заявил представителям «И. Г.», что не сможет прибыть в зону, оккупированную немцами, ибо его как «немецкого дезертира» там ждут неприятности³³. Эти опасения признанного лидера французской химической промышленности казались странными. Как мог француз Фроссар быть немецким дезертиром? Но ни немцы, ни французы так никогда и не дали никаких объяснений по поводу этого непонятого заявления, которое, возможно, помогло бы понять высказывание Боша о Фроссаре как о тайной «козырной карте»*.

Фроссар и другие французские промышленники продолжали требовать от французской комиссии по перемирию организовать им встречу с представителями «И. Г.» Однако «И. Г.» по-прежнему проводил политику проволок. Один из его представителей заявил: «Мы считаем, что время для начала таких переговоров еще не настало, и наше мнение разделяют правительственные и военные представители в Париже, а также Хеммен»³⁴. Последний, выполняя свою роль в соответствии с планом «И. Г.», информировал французскую комиссию по перемирию, что с переговорами придется повременить до окончательного определения демаркационной линии между оккупированной и неоккупированной территорией Франции³⁵.

Как и рассчитывал «И. Г.», положение французской химической промышленности продолжало ухудшаться. В начале октября Фроссар разыскал руководителя

---

* Фроссар играл ведущую роль во франко-германском промышленном альянсе в годы второй мировой войны и оккупации Франции нацистским вермахтом. Так как в первую мировую войну Фроссар служил в кайзеровской армии, его переход на сторону Франции, где он вскоре стал фактическим лидером французской химической промышленности, мог быть воспринят нацистами как «дезертирство». Однако ему вряд ли грозили какие-либо «неприятности» с их стороны, поскольку он проводил линию на полное подчинение французской химической промышленности Германии. — *Прим. ред.*

сбытовой организации «И. Г.» во Франции Ганса Крамера. Поскольку Боша уже не было в живых, Фроссар не смог установить эффективный контакт с «И. Г.» ранее. Фроссар умолял Крамера устроить ему встречу с кем-либо из высшего руководства «И. Г.». Положение французской химической промышленности, по его словам, делало необходимым скорейшее установление сотрудничества с немцами. Ему, заявил он, абсолютно ясно, что Германия выиграет войну и что организация европейской промышленности должна осуществляться под руководством немцев. Фроссар предложил Германии поддержку всей французской химической промышленности в ее войне против Англии³⁶. По его мнению, исход войны был предрешен. Англия была обречена.

Фроссар добавил, что он сожалеет о мерах против германской химической промышленности, принятых до заключения в 1927 году соглашения о создании картеля, пояснив, что это были вынужденные меры, навязанные французским правительством. (Он имел в виду попытки компании «Кульман» в 1926 году помешать «И. Г.» перекупить всю французскую промышленность по производству красителей.) Теперь Фроссар предлагал Крамеру секретное сотрудничество с французской промышленностью под руководством «И. Г.» — тайный «брак» в области производства красителей и химикатов³⁷.

Фроссар буквально умолял Крамера выяснить, согласится ли «И. Г.» на переговоры. «И. Г.», заявил он, может рассчитывать на него во всех отношениях. Если «И. Г.» станет возражать против любого из административных сотрудников компании «Кульман», тот будет уволен³⁸. Достаточно было только подать знак Фроссару, чтобы он снова стал действовать.

Тем временем происходили крупнейшие политические события. 24 октября 1940 года Гитлер и Петен встретились в Монтуаре и договорились о сотрудничестве Франции и Германии. В их секретном соглашении говорилось: «Державы оси и Франция в равной мере заинтересованы в разгроме Англии в возможно короткий срок. Поэтому французское правительство будет в силу своих возможностей поддерживать меры, которые державы оси могут предпринять в этих целях»³⁹. В обмен на это Франция должно было быть предоставлено в новой Европе «место принадлежащее ей по праву»⁴⁰.

Теперь принцип «сотрудничества» должен был распространиться на весь частный сектор экономики. Фактически Гитлер и Петен договорились о том, чего в частном порядке Фроссар добивался для «И. Г.» и французской промышленности двумя неделями ранее. Германское правительство должно было не конфисковать французские предприятия, а, скорее, разрешить французским и немецким компаниям договариваться между собой на частной, добровольной основе. «И. Г.» приветствовал такую перемену в политике. Он получил бы свободу действовать, не вступая в партнерство с рейхом с целью использования французской промышленности. Поскольку партнерами «И. Г.» теперь стали бы частные французские фирмы, он действительно мог узаконить свои притязания на лидерство и потребовать контрольной доли активов французской промышленности по производству красителей⁴¹.

Теперь «И. Г.» был готов «вести переговоры» с французами. Через неделю после заключения соглашения в Монтуаре Хеммен с санкции «И. Г.» информировал французскую комиссию по перемирию, что настало время для совещания, которого добивались представители французской химической промышленности. «И. Г.» заранее провел предварительные встречи в Париже с Фроссаром и Рене Дюшменом, которые уже открыто становились коллаборационистами. Согласно хранящимся в архивах «И. Г.» материалам об этих совещаниях, «обстановка была уже подготовлена и максимально уточнена в соответствии с германскими планами»⁴². Французским компаниям по производству красителей предстояло слиться в компанию «Франколор», 51% активов которой должно было принадлежать немцам, а 49% — французам. Сбыт своей продукции «Франколор» должна была ограничить французским рынком, экспорт же в остальные страны Европы был ей запрещен⁴³.

Когда все основные вопросы были как будто согласованы в частном порядке, настало время для официальных переговоров. Шницлер решил, что встреча должна состояться в Висбадене, под непосредственной эгидой комиссии по перемирию, ибо «совершенно очевидно, что наша позиция по отношению к французам будет значительно сильнее, если первое фундаментальное обсуждение произойдет в Германии — в частности, там, где находится

комиссия по перемирию, — и если изложенная нами программа будет представлена официальными кругами»⁴⁴.

Как и намечалось, встреча состоялась в Висбадене 21 ноября 1940 года. Делегацию «И. Г.» возглавляли Шницлер и Тер Меер, представителем французской стороны был Дюшмен. Фроссар отсутствовал на встрече, его французским коллегам было сообщено, что он болен и находится дома⁴⁵.

Шницлер просчитался. Дела пошли не столь гладко, как это обещали предварительные встречи с Фроссаром и Дюшменом в Париже. Один из представителей «И. Г.» отмечал: «Перенос встречи в Висбаден предоставил французам возможность «изменить тактику» и в силу обстоятельств подал им надежду достичь в «официальном окружении» чего-то большего, чем то, что было неофициально подготовлено в Париже»⁴⁶.

Члены французской делегации предложили возобновить франко-германское соглашение о картеле по производству красителей, заключенное в 1927 году. Французские юристы, заявили они, сообщили им, что соглашение о картеле было не аннулировано в связи с возникшей в 1939 году войной, а лишь временно приостановлено. Поскольку мир восстановлен, соглашение может быть опять введено в силу. Промышленники, подчеркнули они, должны следовать принципам сотрудничества, о которых Петен и Гитлер договорились в Монтуаре. Теперь они стали союзниками и партнерами, а не просто победителями и побежденными⁴⁷.

Реакция немцев на это предложение ошеломила французов. Хеммен прервал их выступление неистовой тирадой. Стуча кулаком по столу, он кричал, что оскорбительно настаивать на том, что соглашение от 1927 года о создании картеля остается в силе после победы Германии в 1940 году, ибо картель — это лишь результат Версальского договора. Хеммен запретил любое обсуждение этого предложения. Французы должны прийти в себя и признать, что они проиграли войну и что настало время согласиться на лидерство «И. Г.» в химической промышленности. Хеммен не оставил у французов никаких сомнений в том, что «И. Г.», выдвигая такие требования, имеет полную поддержку рейха⁴⁸.

Выступивший затем Шницлер говорил в более спокойном тоне, однако и он прибегал к не менее жестким

выражениям. Французы, заявил он, игнорируют в своих предложениях политическую и экономическую реальность. В конечном счете Франция объявила Германии войну, а теперь французской промышленности придется оплатить цену своего поражения и признать лидерство «И. Г.». Фактически речь идет об отношениях между победителями и побежденными⁴⁹.

Один из французских представителей набрался смелости задать последний вопрос: что именно означает лидерство «И. Г.»? Шницлер ответил без обиняков. Лидерство означает, заявил он, что «И. Г.» будет осуществлять неограниченный контроль над французской химической промышленностью в финансовой и производственной областях, а также в вопросе о том, кому принадлежат ее активы⁵⁰.

В конце заседания Хеммен заявил, что представители французской стороны и «И. Г.» встретятся на следующий день без членов комиссии по перемирию, чтобы выработать подробные положения соглашения. Германский посол, сказал он, выразил пожелание, чтобы стороны пришли к соглашению, которое послужило бы образцом для всех отношений между немцами и французами в области промышленности⁵¹.

В тот же вечер Шницлер написал Герману Шмитцу:

Мы только что вернулись с первого совещания с представителями французской красильной промышленности в Висбадене. Благодаря весьма продуманному и энергичному исполнению председательских обязанностей министром Хемменом мы смогли сразу же приступить к делу и теперь завтра утром услышим, что французская красильная промышленность... думает о наших «притязаниях на лидерство»⁵².

На совещании, состоявшемся, как и было намечено, на следующий день, Шницлер предъявил от имени «И. Г.» ультиматум. «И. Г.» должен был получить 51% акционерного капитала новой франко-германской компании по производству красителей; французы должны были признать контроль «И. Г.» над всем производством и сбытом⁵³ и отказаться от экспорта товаров «И. Г.» в другие страны. Французы решительно протестовали против условий, выдвинутых «И. Г.», заявив, что считают их слишком суровыми. Однако они понимали, что под

нажимом «И.Г.», по прихоти германских властей вся французская химическая промышленность может перестать существовать. Жесткая позиция Хеммена и Шницлера делала такую альтернативу реальной⁵⁴. Французы, надеясь спасти хоть что-нибудь, постарались затянуть переговоры, заявив, что им придется отправиться домой и проконсультироваться со своим правительством.

Несколько дней спустя Крамер снова встретился в Париже с Фроссаром, который «довольно откровенно высказывался о вопросах, связанных с соглашением»⁵⁵. Фроссар заверил Крамера, что сам он «глубоко понимает позицию «И. Г.». Крамер впоследствии писал в своем докладе «И. Г.»: «Он не только в известной мере мыслил в немецком духе в силу своего происхождения и образования, но и понимал уже, что Германия выиграла войну. Правда, не все его коллеги думали так же, как он»⁵⁶. Фроссар, видимо, был готов прийти к соглашению. Французы, как он говорил, колебались, согласиться ли им на создание совместной производственной компании под контролем «И. Г.», поскольку это означало бы официально отказаться от принципа «национальной» промышленности по производству красителей, возглавляемой французом. Фроссар высказал мысль о том, что компания, занимающаяся исключительно *сбытовыми операциями* и находящаяся в совместном владении, но под контролем «И. Г.», будет отвечать тем же требованиям, но все же поощрит самолюбие французов.

Французские промышленники, вернувшись с висбаденского совещания в Париж, обсудили предложение «И. Г.» с французским правительством. Они понимали, что переход французской промышленности по производству красителей под контроль немцев будет связан с множеством трудностей. Заводы, необходимые для обороны Франции, окажутся в руках немцев. Кроме того, создается опасный прецедент, и немцы потребуют установить свой контроль и над другими отраслями французской промышленности⁵⁷.

Представители французской промышленности поняли, однако, что нельзя давать слишком резкий отпор требованиям «И. Г.». Они опасались, что, если переговоры будут прерваны, «И. Г.» примет меры, чтобы их заводы, и без того находившиеся в трудном положении, полностью остановились из-за нехватки сырья, угля и электроэнер-

гии. Тем не менее, несмотря на эти тревоги, в декабре французское правительство категорически отвергло требование немцев о предоставлении им контрольного пакета в 51% акций⁵⁸.

Затем французские промышленники подготовили контрпредложение. Они вернулись к мысли о создании совместной «сбытовой организации», или агентства по продаже, вместо совместной производственной компании. Немцам намечалось предоставить только 49% акционерного капитала, а контрольный 51%-ный пакет должны были получить французы. Президентом предлагалось избрать человека, которого сочтут подходящим и французы, и немцы. Каждая группа должна была иметь право избрать равное число директоров. С одобрения французского правительства было принято решение представить «И. Г.» этот новый план⁵⁹.

Дюшмен встретился с Крамером и другими представителями в штаб-квартире германских оккупационных войск. Предварительно он ознакомил их с французским предложением. Немцы заявили, что считают его абсолютно неприемлемым⁶⁰. Дюшмен решительно ответил, что, поскольку переговоры между представителями германской и французской промышленности продолжаются на свободной, добровольной основе, французы никогда не согласятся на предоставление немцам 51% акций. «Я скорее позволю отрезать себе руку, чем подпишу такое соглашение», — сказал он⁶¹.

При таких обстоятельствах, сказал Крамер, в дальнейших переговорах нет смысла. Он указал, однако, что прекращение переговоров может иметь «пагубные» последствия. Затем, изменив свой тон, Крамер внес в дискуссию новый элемент. Он предпочел использовать пряник, а не кнут. Не изменят ли французские промышленники свою позицию, спросил он, если «И. Г.» предложит им компенсацию? Дюшмен был заинтригован. В этом случае, ответил он, сделка могла бы оказаться более приемлемой⁶². В тот момент характер или размер компенсации определен не был.

Крамер сделал вид, что ужесточил свою позицию благоразумия предупреждением о том, чтобы Дюшмен и его соратники избегали получения от французского правительства каких-либо инструкций, ограничивающих их свободу действий. Таким образом, переговоры можно будет

удерживать в рамках «частного предпринимательства». В ином случае, добавил он строго, вопрос вновь будет передан комиссии по перемирию и «на милость» посла Хеммена⁶³.

Переговоры возобновились 20 января в Париже. Несмотря на предупреждения, сделанные Крамером Дюшмену, французы снова настаивали на своем контрпредложении о создании совместной сбытовой организации, контрольный пакет акций которой должен был принадлежать французам. Они заявляли, что ни на какие дальнейшие уступки не пойдут⁶⁴. Представители «И. Г.» продолжали утверждать, что приемлемым для них будет только контрольный пакет акций. В этот момент представители «И. Г.» официально предложили свой «пряник», на который Крамер намекнул Дюшмену. «И. Г.» предложил передать французским промышленникам один процент своего акционерного капитала⁶⁵.

Однако «щедрость» «И. Г.» сочеталась с весьма многозначительной угрозой. Дюшмену было сообщено, что, если он не согласится принять план «И. Г.», немцы объявят компанию «Кульман» «неарийским» концерном, а все ее заводы конфискуют. Для этого достаточно было того факта, что до оккупации Франции немцами одним из директоров-распорядителей ее заводов был Раймон Берр, еврей по национальности⁶⁶. В условиях нажима, становившегося все более наглым и агрессивным, сопротивление французских промышленников начало ослабевать. Они нехотя согласились в принципе на требование «И. Г.» о создании совместной производственной компании, все еще возражая против требования о предоставлении ему контрольного пакета акций. Они заявили, что эта уступка должна быть санкционирована французским правительством⁶⁷.

Однако все их протесты оказались тщетными. На «мирной конференции», состоявшейся 12 марта, было официально объявлено о предстоящем создании новой компании — «Франколор» и о том, что «И. Г.» предоставит французам компенсацию в виде одного процента своих акций; взамен этого «И. Г.» должен был получить контрольный пакет «Франколор» в размере 51%. Чтобы заверить французское правительство, что это соглашение не послужит примером для перехода других отраслей французской промышленности под контроль немцев,

была достигнута договоренность о том, что случай с «Франколор» будет рассматриваться как особое обстоятельство, а не как прецедент для дальнейших мер подобного рода со стороны немцев⁶⁸. «И. Г.» и французским акционерам предоставлялось право назначить равное число административных должностных лиц. В виде уступки, которая на первый взгляд казалась весьма значительной, «И. Г.» согласился, чтобы президентом «Франколор» всегда был француз⁶⁹.

Однако к маю немцы уже стали понимать, что добить-ся капитуляции французов им будет отнюдь не так легко, как казалось ранее. Французы осложняли сдачу своих позиций рядом контрпредложений. Крамер жаловался Шницлеру: «Французы нарушают свои обещания практически по всем вопросам, имеющим для нас важнейшее значение... Таким образом, на нашей следующей встрече нам придется заново решать все эти проблемы». Дюшмен и сам признался Крамеру, что французы ужесточают свою позицию⁷⁰.

Камер снова обратился к Фроссару, и тот извиняющимся тоном объяснил ему, что различные контрпредложения его французских коллег не отражают его собственных взглядов, и стал описывать свое трудное положение. Фроссар сказал, что во французской химической промышленности, и особенно в самой компании «Кульман», «набрали силу» менее гибкие элементы. По словам Фроссара, сопротивление французской химической промышленности становилось несколько более упорным, чем можно было судить на основании договоренности, достигнутой 12 марта⁷¹.

Несмотря на то что концерн «И. Г.» мог прибегнуть к крайним мерам, чтобы сломить сопротивление французов, переговоры все еще тянулись. Тем не менее Фроссар заверил «И. Г.», что, поскольку это касается его, учреждение «Франколор» является реальностью, и он не будет предпринимать никаких серьезных действий без санкции «И. Г.»⁷².

Чтобы доказать свою преданность, Фроссар занялся теперь искоренением всех «неарийских» элементов на французских заводах, пока сам Дюшмен временно взял на себя обязанности, ранее исполнявшиеся Раймоном Берром⁷³. Но даже в этом случае Фроссар оставался непонятым. Он приложил искренние усилия к тому, чтобы

не допустить «судебных ошибок», вызванных неправильной информацией о том, кого следовало считать «неарийцем». По меньшей мере в двух случаях Фроссар выразил нацистам решительный протест в отношении служащих «Кульман», обвинявшихся в том, что они евреи. Одним из них был Серж де Кап-Эрр, сын которого женился на дочери французского писателя Андре Моруа⁷⁴. Фроссар утверждал, что Кап-Эрр — ариец. Ему удалось убедить в этом немцев, и Кап-Эрр не был снят со своего поста. Вторым служащим был давний соратник и близкий личный друг Фроссара М. Рейн. Рейн, как и Фроссар, родился в Эльзасе, когда Эльзас входил в состав Германии. Но в отличие от Фроссара он оставался в Германии, работая химиком в «БАСФ» до и во время первой мировой войны. После войны он, как эльзасец, предпочел стать французским гражданином и вместе с Фроссаром работал в государственной компании «Компани насьональ франсэз». С тех пор он был связан с французской промышленностью по производству красителей.

Фроссар заявил представителям «И. Г.», что отец Рейна был христианским священником из Гамбурга, и утверждал, что у Рейна «нет ни капли еврейской крови и к нему не имеют никакого отношения законы, касающиеся евреев»⁷⁵. Однако все старания Фроссара остались тщетными, и Рейн был уволен⁷⁶.

К середине лета 1941 года сопротивление представителей французской промышленности по производству красителей было сломлено и были продуманы почти все подробности окончательного соглашения. «И. Г.» должен был получить контрольный пакет акций французских заводов по производству красителей и всех заграничных активов французской компании, которые находились на территории, оккупированной немцами⁷⁷. Сюда входили и французские активы в «Виннике», польском заводе по производству красителей, который Фроссар возглавлял в качестве председателя правления. «И. Г.» согласился уступить французам один процент своего собственного акционерного капитала, но и эта уступка была связана с одним строгим условием: эту долю акционерного капитала нельзя было продать ни одному покупателю, не входящему в состав французской группы представителей химической промышленности, и она никогда не могла

быть использована в качестве закладной в целях дополнительного обеспечения ⁷⁸.

Оставалось разрешить еще только одну, последнюю проблему. «И. Г.» возражал против французского варианта преамбулы к соглашению о «Франколор», ибо в нем подчеркивался «тот факт, что французское правительство отказалось от участия во французской промышленности по производству красителей... под давлением» ⁷⁹. «И. Г.» беспокоился, что в том с его точки зрения маловероятном случае, если Германия не выиграет войну, «преамбула в существующей формулировке может... оказаться для нас крайне невыгодной» ⁸⁰. Она могла служить французам основанием для того, чтобы «аннулировать конвенцию, когда произойдет перемена обстановки» ⁸¹. Чтобы предотвратить возможность того, что французы смогут когда-либо в будущем «потребовать прекращения действия конвенции» под тем предлогом, что она была заключена «под принуждением», юрисконсульт «И. Г.» настаивал на формулировке, которая указывала бы на согласие французского правительства. Предложенная в конечном счете преамбула удовлетворила представителей «И. Г.». В ней говорилось: «Французское правительство должно признать законность... настоящего контракта, который может противоречить существующим или принятым в будущем законам Франции» ⁸².

На одном из последних заседаний, на которых обсуждались подробности соглашения, Тер Меер подсознательно отразил обстановку, в которой происходили переговоры. На папке с надписью «Франция. 1940—1941: германо-французские переговоры о красителях» он машинально написал строфу из популярной в то время в Германии песенки «Ведь в лесах водятся грабители» ⁸³.

18 ноября 1941 года, через год после совещания в Висбадене, соглашение о «Франколор» подписали в Париже Шницлер и Тер Меер от имени «И. Г.», а Дюшмен, Тесмар и Фроссар как представители французской химической промышленности ⁸⁴. По договоренности между обеими сторонами президентом «Франколор» был избран, как и предполагалось, Фроссар. Шницлер уже заранее заявил: «Естественно, не может быть никаких сомнений, что президентом станет Фроссар» ⁸⁵.

В соответствии с договоренностью в состав наблюдательного совета «Франколор» вошло равное число фран-

цузов и немцев: Шницлер, Тер Меер, Амброз и Герман Вайбель от «И. Г.»; Фроссар, Дюшмен и еще два петеновских коллаборациониста от французской промышленности⁸⁶.

Подписание соглашения было отпраздновано на обеде, устроенном примерно для дюжины главных участников переговоров — французов и немцев. Присутствовавший на обеде Тер Меер так писал о нем:

Фроссар произнес речь, которая, по-моему, выходила за рамки простой вежливости, ибо он был явно тронут и глубоко потрясен. Он сказал, что хочет выразить свою личную благодарность за оказанное ему большое доверие и веру в него, о чем свидетельствует назначение его президентом новой фирмы⁸⁷.

По мнению Фроссара, договор о «Франколор» можно было назвать идеальным.

Ежегодное собрание акционеров «Этаблиссман Кульман», на котором соглашение должно было быть утверждено, состоялось в Виши. Когда один из акционеров взял слово, чтобы выразить протест против уступки «И. Г.» 51% акций «Франколор», ему объяснили, что передача контрольного пакета акций немцам компенсируется назначением в качестве президента француза Фроссара⁸⁸. После этого акционеры проголосовали за одобрение соглашения, хотя, как ни странно, 50 акционеров голосовали против, а еще 406 акционеров воздержались при голосовании⁸⁹. Новый порядок для французской химической промышленности был утвержден уже юридически.

«И. Г.» находился на вершине власти. От Баренцева моря до Средиземного, от Нормандских островов до Освенцима он осуществлял контроль над промышленностью.

Фроссар, «козырная карта», которую Бош столь успешно разыграл в Версале, продолжал выполнять свою особую роль для Крауха и «И. Г.». Летом 1942 года, когда война все больше истощала трудовые резервы Германии, нацисты обратили свой взгляд на покоренные ими страны Европы. Краух в качестве уполномоченного попытался набрать иностранных рабочих в Европе. Вначале его попытки завершились полным провалом. Из ожидавшихся 350 тыс. французских рабочих в Германию были отправ-

лены только 36 тыс.⁹⁰ Чтобы исправить положение, Краух использовал свой успешный опыт восстановления завода в Оппау после взрыва в 1921 году. Тогда, как читатель помнит, ему удалось убедить компании во всей Германии послать комплексные бригады рабочих, чтобы восстановить разрушенный завод.

В письме к Шницлеру Краух, выступая в качестве должностного лица «И. Г.» и нацистского уполномоченного, отмечал, что решение применить систему комплексных отрядов увеличит приток рабочих с французских заводов в германскую промышленность⁹¹. Он пояснил, что французские рабочие «останутся служащими французской головной компании и по окончании работы вернутся во Францию»⁹².

Из состоявшихся переговоров я узнал, что Фроссар полностью придерживается того мнения... что использование комплексных отрядов — верный путь к тому, чтобы привлечь массы французских рабочих (на) германские заводы. Фроссар по собственной инициативе участвовал в заключении первого контракта на работу отряда с «И. Г. Людвигсхафен». Поэтому я надеюсь, что в Германию и в дальнейшем будут направляться рабочие «Франкolor»⁹³.

В ответном письме Шницлер отмечал, что на Фроссара можно надеяться как на человека, способного оказать помощь в деле удовлетворения потребности Германии в рабочей силе: «Можете быть уверены, что генеральный директор Фроссар подходит к вопросу об отправке рабочих в комплексных отрядах на заводы «И. Г.» не только с пониманием, но и с желанием»⁹⁴.

Французские рабочие вскоре поняли, что комплексные отряды фактически означали принудительный труд. Один из членов административного персонала «И. Г.» с отвратительным юмором висельника презрительно отзывался о тех французах, с которыми компания имела дело при наборе таких трудовых батальонов, как о «работорговцах»⁹⁵. Теперь это преступление — установление системы рабского труда — совершалось более изощренно, более эффективно и в значительно более широких масштабах, чем в первую мировую войну. Но это было лишь начало. Вскоре подобная практика достигла таких масштабов, каких человечество не могло ни представить себе, ни понять.

6. Рабский труд и массовые убийства

В августе 1942 года появились первые сообщения о том, что третий рейх вступил на путь, который можно было назвать только безумным: последние восемь месяцев германское правительство «решало еврейский вопрос», осуществляя план массовых убийств. Целью его было полное уничтожение еврейского населения. В Польше были созданы центры по убийству людей, где сотни тысяч евреев отравляли газом в герметических камерах специальной конструкции.

В конце августа 1943 года было опубликовано сообщение союзных стран о военных преступлениях держав оси. В нем Германия и ее союзники обвинялись в «осуществлении все нарастающими темпами программы массового отравления и убийств людей, пыток и варварства, не имевших себе равных в истории человечества»¹, в том, что фашисты умышленно уничтожили 1 702 500 человек. Какой бы невероятной эта цифра ни казалась в то время, она была значительно меньше подлинного числа убитых.

Преступления германских фашистов вскоре вызвали большую обеспокоенность у руководителей союзных стран. Во время совещания в Москве в конце октября 1943 года представителей Советского Союза, США и Великобритании была опубликована подписанная главами трех правительств «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства»². В ней говорилось о том, что гитлеровцы будут отправлены обратно в места их преступлений и судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия.

О Московской декларации гитлеровцам, их сателлитам и населению оккупированных стран сообщалось в пост-

янных передачах по радио, в сбрасывавшихся с самолетов листовках и в подпольных газетах. В них прямо и недвусмысленно говорилось:

В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии³.

Однако третий рейх продолжал осуществлять политику массового уничтожения людей.

В связи с этим президент Рузвельт 24 марта 1944 года опубликовал предостережение Германии:

В период самых черных злодеяний во всей истории, начатых нацистами в мирные дни и стократно умноженных ими во время войны, продолжается массовое систематическое убийство евреев в Европе... Поэтому мы считаем необходимым вновь решительно заявить, что никто из тех, кто принимает участие в этих актах варварства, не останется безнаказанным... Все, кто разделяет эту вину, понесут и наказание⁴.

К ноябрю 1944 года гитлеровцы уничтожили уже миллионы людей. Исполнительный директор Управления по делам беженцев Джон Пили решил предать гласности сообщения двух заключенных, которым удалось бежать из крупнейшего концлагеря Освенцим. Пили передал их сообщения газетам, поручившись за достоверность содержащейся в них информации. В сообщениях подробнейшим образом описывалась организация концлагеря в Освенциме, ужасающие условия, в которых жили и умирали заключенные, жестокость немецких властей, здания,

в которых тысячи людей ежедневно уничтожали отравляющими газами, крематории, где сжигали их трупы,— почти все кошмарные факты нацистской программы истребления людей⁵.

Руководитель Управления военной информации Элмер Дейвис предложил Пили отказаться от публикации сообщений, утверждая, что они принесут больше вреда, чем пользы. Американская общественность, заявил он, не поверит и воспримет их только как мифы о зверствах, подобные тем, какие распространялись в период первой мировой войны.

Пили, относившийся к Дейвису с большим уважением и считавшийся с его мнением, все же полагал, что отчаянное положение требовало сделать ставшие известными факты достоянием общественности. Убежденный, что только гласность может спасти еще оставшихся в Европе евреев, Пили отказался забрать обратно эти сообщения, и мир впервые узнал о чудовищных преступлениях в Освенциме.

В числе разоблачившихся потрясающих фактов было сообщение о существовании в Освенциме огромного промышленного предприятия, принадлежавшего и эксплуатировавшегося «И. Г. Фарбениндустри». Люди, сообщившие это, были заключенными, работавшими в отделе по производству «буны», и изложенные ими подробности показали, как далеко зашло сотрудничество «И. Г.» с Гитлером.

Мы работали на огромном заводе по производству «буны», куда нас стогнали каждый день около 3 часов утра. На обед нам давали похлебку из картофеля или брюквы, а вечером — немного хлеба. Обращались с нами ужасно. Поскольку наше место работы находилось за пределами большой цепи караульных постов, оно было разделено на маленькие участки в 10×10 метров, каждый из которых охранял эссовец. Любого, сделавшего хоть шаг за пределы этих квадратов в рабочее время, без всякого предупреждения убивали выстрелом на месте за «попытку к бегству». Часто случалось, что эссовец исключительно по злобе приказывал заключенному принести какой-либо предмет, находившийся вне его квадрата. Если он выполнял этот приказ, эссовец убивал его за то, что тот отошел от отведенного ему

места. Работа была очень тяжелой, без перерывов для отдыха. На работу и с работы надо было бежать быстро, как бегут солдаты; любого, кто выбивался из строя, убивали выстрелом на месте. Когда я прибыл, в этом месте работало около 3 тыс. человек. Лишь очень немногие могли вынести такое напряжение, и, хотя побег был невозможен, попытки бежать бывали ежедневно. В результате каждую неделю вешали по несколько человек ⁶.

В американских деловых кругах, особенно в компаниях, которые до войны имели деловые отношения с «И. Г.», эти разоблачения были встречены с недоверием. Тем не менее сообщения о причастности «И. Г.» были абсолютно точными. «И. Г.» строил в Освенциме гигантские заводы по производству синтетического горючего и каучука.

Пили, который в качестве главы Управления по делам беженцев спас от смерти десятки тысяч евреев, был первым официальным лицом во всем мире, кто потребовал заняться вопросом о бомбардировке промышленных предприятий и оборудования для массового истребления людей в Освенциме. Он написал доклад по этому поводу военному министерству США. В ответ военное министерство разъяснило ему, что бомбардировка Освенцима требует необоснованного отвлечения самолетов, необходимых для других операций. Пили ответил, что Освенцим — крупный поставщик военных материалов. Тем не менее военное министерство и на этот раз ответило отказом*.

Затеяв «битву за Англию» в конце лета 1940 года, почти месяц в месяц через 26 лет после решающей битвы на Марне, Германия снова просчиталась. Несмотря на заверения Геринга, что германская авиация сломит волю англичан к сопротивлению за несколько недель, если не дней, Англия отказывалась признать себя побежденной.

---

* Вопрос о том, почему американская авиация щадила при бомбардировке Германии заводы концерна «И. Г. Фарбениндустри», как и промышленные предприятия других крупных германских концернов, следует рассматривать в тесной связи с политикой американского монополистического капитала, направленной на возрождение германских монополий после окончания войны. Несмотря на ожесточенные бомбардировки Германии, ее промышленный потенциал был относительно мало подорван воздушными налетами. Поэтому после войны германские монополии в западных зонах оккупации сумели быстро восстановить свою силу. — *Прим. ред.*

Британские острова оставались «непотопляемым авианосцем», нацеленным в сердце Германии.

Гитлер, игнорируя трагический опыт Германии с войной на два фронта, не пожелал изменить свой агрессивный план из-за неудачи с Англией. Его планы нападения на Советский Союз оставались твердыми. Уверенный в неуязвимости военной мощи Германии и безупречности своих военных суждений, он приказал своим генералам готовиться к скорейшему наступлению. Но гитлеровские генералы были настроены не столь оптимистично. Проблемой в данном случае опять-таки была нехватка сырья. Они информировали Гитлера, что военные действия с Польшей, Францией и Англией серьезно истощили количество боеприпасов и таких важнейших энергетических и сырьевых материалов, как нефть и каучук. Любое нападение на Советский Союз, подчеркивали они, было бы крайне опрометчивым, пока не будут созданы новые мощности для производства синтетического каучука и горючего и пополнены резервы. Масштабы военных действий требуют расходования запасов в количествах, никогда ранее не предусматривавшихся. Гитлер нехотя согласился выждать и отдал приказ начать наступление на СССР весной.

Опираясь на личное мнение Гитлера об автаркии в области стратегического сырья, военные плановики стали немедленно готовиться к строительству заводов по производству синтетического каучука, необходимых для удовлетворения огромных военных потребностей в связи с предстоявшим нападением на Советский Союз. Министерство экономики немедленно вызвало Фрица Тер Меера и Отто Амброза на крайне важное сверхсекретное совещание, на котором представителям «И. Г.» было сообщено, что необходимо «самым срочным образом добиться роста производства «буны»⁷. Чтобы достичь намеченной производительности, требуемой министерством, следовало построить два новых завода. Эти заводы совместно с существовавшими уже заводами в Гуэльсе и Шкопау должны были довести потенциал «И. Г.» по производству «буны» до солидного количества — 150 тыс. тонн в год, — достаточного для нападения на СССР.

Представителей «И. Г.» заверили, что германское правительство готово оказать всемирную поддержку такому расширению производства. Им были даны заверения и в

том, что досадные моменты, возникавшие в их отношениях с армией в прошлом, будут устранены. Это подтвердилось в данном верховным командованием обещании оказывать «всю надлежащую помощь»⁸. Решающее значение имело время, и Краух в качестве государственного генерального уполномоченного по особым вопросам химической промышленности отдал распоряжение о немедленном строительстве одного из новых заводов, который должен был взаимодействовать с существовавшими уже заводами «И. Г.» в Людвигсхафене, работавшими при высоких давлениях. Строительство второго завода, отметил он, начнется, как только будет выбрано подходящее для него место. Краух имел в виду Норвегию и Польскую Силезию.

Ознакомиться с положением в Силезии Краух поручил Амброзу, одному из самых талантливых специалистов «И. Г.» по производству «буны». Амброз пришел на работу в «И. Г.» в 1926 году, и его сразу же отправили на год на Суматру для изучения химии натурального каучука. В 1935 году он был уже крупнейшим экспертом «И. Г.» по производству синтетического каучука. Компетентность Амброза в этой области получила официальное признание со стороны Боша, который поручил ему возглавить строительство и эксплуатацию первого крупного завода по производству «буны» в Шкопау.

Амброз был специалистом «И. Г.» по производству не только «буны», но и отравляющего газа. Кроме того, в 1932 году у него первого зародилась мысль об основных принципах, которые в конечном счете привели к разработке современной технологии производства магнитной ленты. Учитывая дальнейшую судьбу Амброза, стоит отметить, что он был протеже лауреата Нобелевской премии Рихарда Вильштеттера, под руководством которого написал свою докторскую диссертацию.

При осмотре территории Польской Силезии Амброз лично обследовал площадки, намеченные для строительства. Место, которое он рекомендовал, особенно подходило для такого завода. Поблизости от него находилась угольная шахта и протекали три реки, что обеспечивало наличие большого количества воды. Вместе с тремя реками германская железная дорога и автострада являлись превосходными путями сообщения, связывавшими этот район с остальными. Однако не в этом заключались главные

преимущества этого места по сравнению с площадкой для строительства завода в Норвегии. Район, выбранный в Силезии, имел одно величайшее преимущество: эсэсовцы рассчитывали на огромное расширение находившегося поблизости концентрационного лагеря. Перспектива неисчерпаемого источника рабского труда казалась настолько заманчивой, что сопротивляться ей было невозможно⁹.

Краух с радостью согласился на выбор Силезии вместо Норвегии, население которой уже высказывало свое возмущение жестокостью немецких оккупантов. Крауху никогда и в голову не пришла бы мысль об историческом характере сделанного им выбора. *Название польского городка, избранного им для строительства завода по производству «буны», было — Освенцим*¹⁰.

Как только проект и место для строительства завода были официально одобрены рейхом, руководство «И. Г.», полное энтузиазма в связи с предстоявшим расширением его операций, присвоило своему новому отделению название «И. Г. Аушвиц», которое впоследствии стало официальным обозначением в скрупулезно систематизированном штатном расписании концерна «И. Г. Фарбениндустри».

В техническом и экономическом отношении было вполне естественно построить завод по производству синтетического горючего в комплексе с каучуковым заводом. Общей основой процесса Бергиуса и процесса производства «буны» была химия высоких давлений. В соответствии с этим было начато строительство и большой гидрогенизационной установки для перегонки угля в горючее с производственной мощностью 778 тыс. тонн в месяц.

Дирекция «И. Г.» назначила Амброза руководителем каучукового, а Генриха Бютефিশа — бензинового завода в Освенциме. Для этих двух молодых членов совета директоров компании, которым не было еще и сорока лет, эти назначения явились шагом вверх в руководстве «И. Г.». Это обеспечило Амброзу и Бютефিশу власть над крупнейшими в мире заводами по производству каучука и жидкого топлива. Поскольку Гитлер и «И. Г.» шли теперь рука об руку, перспективы на будущее представлялись им безграничными.

Именно в этот момент концерн «И. Г.» принял другое важнейшее, даже роковое решение. Учитывая пред-

стоящее нападение на СССР, «И. Г.» приступил к изучению вопроса о колоссальных возможностях, связанных с экспансией на Востоке. Вероятные выгоды такой экспансии казались ему также безграничными. Все, что было известно об освенцимском проекте, говорило о том, что он ниспослан ему небом.

Советский Союз, включая советскую Среднюю Азию, представлял для Германии такой потенциальный рынок, который увлекал даже коммерческое воображение директоров «И. Г.». Для «И. Г.» гитлеровский «натиск на Восток» обещал создать новый обширный район для прибыльной эксплуатации. «И. Г.» придавал настолько большое значение послевоенному потенциалу освенцимского проекта, что решил сделать необычно высокую ставку на его будущее. Директора «И. Г.», не желая допустить, чтобы строительство новых заводов финансировало германское правительство, проголосовали за мобилизацию средств, необходимых, чтобы сделать «И. Г. Аушвиц» частным предприятием, взяв связанный с этим риск на себя. Не встретив почти никакого сопротивления, они выделили более 900 млн. рейхсмарок (более 250 млн. долларов)¹¹ на строительство этого крупнейшего объекта в системе «И. Г.». Учитывая такой колоссальный риск, члены руководства «И. Г.» позаботились об осуществлении контроля над своими огромными капиталовложениями.

Существовали и другие факторы, подтверждавшие необходимость пойти на такой риск и целесообразность, с точки зрения директоров «И. Г.», этих капиталовложений. Проекты «И. Г. Аушвиц» имели столь важное значение для военных планов Германии, что «И. Г.» сумел заручиться поддержкой со стороны самых могущественных лиц в нацистском правительстве. В сверхсекретном письме Амброзу Краух писал:

В новом порядке очередности, установленном по приказу фельдмаршала Кейтеля, ваш строительный проект стоит на первом месте... По моей просьбе Геринг несколько дней назад направил специальные постановления соответствующим высшим органам власти... Этими постановлениями рейхсмаршал обязал данные ведомства немедленно удовлетворить ваши потребности в квалифицированных рабочих и чернорабочих, даже за счет других важных строи-

тельных объектов или планов, необходимых для военной экономики¹².

Краух уже принимал меры по обеспечению достаточного резерва рабочей силы для строительства заводов «И. Г. Аушвиц». Он договорился о том, чтобы Геринг в письме Гиммлеру от 18 февраля 1941 года попросил его выделить «возможно большее число квалифицированных и неквалифицированных строительных рабочих... из соседнего концентрационного лагеря для строительства завода по производству «буны»¹³. Речь шла о 8—12 тыс. строительных рабочих и монтажников. Геринг просил Гиммлера информировать его и Крауха «как можно скорее о приказах, которые вы будете отдавать по этому вопросу»¹⁴. В соответствии с этой просьбой Гиммлер приказал эсэсовскому инспектору концентрационных лагерей и экономическому административному отделу Главного управления безопасности «немедленно связаться с начальником строительства завода по производству «буны» и помочь... осуществлению проекта путем широкого использования заключенных концентрационного лагеря»¹⁵. После этого приказа Гиммлера Краух писал Амброзу: «Это настолько далеко идущие приказы, что я предлагаю вам применять их самым широким образом»¹⁶.

Чтобы исключить возможность недопонимания важности срочного осуществления проекта «И. Г. Аушвиц», Гиммлер уполномочил начальника своего личного штаба генерал-майора СС Карла Вольфа действовать в качестве офицера связи между СС и «И. Г.»¹⁷. 20 марта генерал Вольф встретился с Бютефишем, чтобы обсудить «во всех подробностях пути и средства, которыми концентрационный лагерь мог бы помогать в строительстве завода»¹⁸. Бютефиш был избран для осуществления контакта с генералом Вольфом не только из-за его высокого положения как специалиста по синтетическому горючему, но и из-за его чина штурмбанфюрера СС. Бютефиш и Вольф договорились о том, что «И. Г.» будет платить СС по три марки в день за каждого неквалифицированного рабочего — заключенного концлагеря и по четыре марки — за квалифицированного¹⁹. В дальнейшем эсэсовцы согласились поставлять «И. Г.» детей за 1,5 рейхсмарки²⁰. Все эти деньги поступали в распоряжение СС; заключенные, разумеется, ничего не получали. Вольф гарантировал, что в оплату будет входить «все, то есть

транспортировка, питание и т. п., у «И. Г.» не будет никаких других расходов на заключенных, за исключением случаев, когда в качестве стимула будет даваться маленькая премия (сигареты и т. п.)»²¹. При подсчете оплаты обе стороны понимали, что заключенные концлагеря не могут обеспечить такой производительности труда, как свободный, нормальный, хорошо питающийся немецкий рабочий; поэтому они подсчитали в ходе своей беседы, что максимальная работоспособность заключенных не превысит 75%²².

Через неделю после этого предварительного совещания в Освенциме состоялась встреча различных технических специалистов «И. Г.», на которой присутствовали главный инженер строительства «И. Г. Аушвиц» Дюррфельд, его старший инженер Макс Фауст и комендант концлагеря Освенцим Рудольф Гесс²³. В своем кратком сообщении о ходе совещания Дюррфельд заверил своих начальников, Амброза и Бютефиша, что «концентрационный лагерь проявил готовность помогать строительству завода в меру своих возможностей»²⁴. Однако его беспокоила одна серьезная проблема. Этой проблемой, как он докладывал, была задача обеспечения «капо» — набранных среди заключенных концлагеря помощников прорабов, обладавших «особыми талантами». Однако Гесс сообщил Дюррфельду, что «И. Г.» будут предоставляться в первую очередь такие лидеры из числа заключенных, особым талантом которых был садизм. «Эти «капо», — писал Дюррфельд, — отбираются из числа профессиональных уголовников и будут доставляться в Освенцим из других концлагерей»²⁵. По предварительным расчетам, на каждых 20 заключенных требовался один «капо».

Несколько недель спустя Гиммлер, совершая инспекционный осмотр концентрационного лагеря, обещал оказывать личную поддержку проекту «И. Г.». Он гарантировал «И. Г.» немедленное поступление в его распоряжение 10 тыс. заключенных концлагерей²⁶. Амброз писал Тер Мееру: «Наша новая дружба с СС оказывается весьма выгодной»²⁷.

Но вскоре характер взаимоотношений изменился. С личного благословения таких нацистских руководителей, как Гитлер, Гиммлер и Кейтель, «И. Г. Аушвиц» должен был бы стать исключительно успешным предприятием. Однако, несмотря на сотрудничество с нацистской

верхушкой, и особенно с СС, строительство объекта постоянно нарушалось из-за всяческих нехваток, поломок и простоев. По мере нарастания трудностей усиливались и опасения, что заводы по производству каучука и бензина не удастся построить вовремя, чтобы поддержать военные усилия Германии. Казалось, что над всем этим довлеет чье-то враждебное влияние.

Административные сотрудники «И. Г.» на месте больше всего винили в этом СС. По их словам, командование СС в Освенциме не понимало «методов... свободного предпринимательства»²⁸. Обращение эсэсовцев с узниками концлагерей, составлявшими основную часть рабочей силы «И. Г. Аушвиц», снижало их работоспособность. Свои жалобы сотрудники «И. Г.» подробно излагали в еженедельных отчетах «И. Г. Аушвиц», отправлявшихся во Франкфурт правлению «И. Г.». Так, в отчете за 3—9 августа говорилось:

Мы... обратили внимание официальных лиц концентрационного лагеря на то обстоятельство, что последние несколько недель «капо» все чаще жестоко секут заключенных на строительной площадке, причем это всегда касается самых слабых заключенных, которые действительно не могут работать более интенсивно. Исключительно неприятные сцены на строительной площадке начинают оказывать деморализующее влияние на свободных рабочих (поляков) и на немцев. Поэтому мы просили воздержаться от таких порок на строительной площадке и производить их... в концентрационном лагере²⁹.

Через несколько месяцев в еженедельном отчете «И. Г. Аушвиц» уже более четко говорилось о трудных проблемах, стоящих перед СС:

Работа, особенно поляков и заключенных, все еще оставляет желать лучшего... Наш прежний опыт показывает, что на этих людей можно воздействовать только грубой силой... Комендант постоянно утверждает (это касается обращения с заключенными), что добиться от них работы без телесных наказаний невозможно³⁰.

Трудности, вызванные строительством, продолжались, и в конце отчета высказывалось беспокойство по поводу экономических последствий этого положения для руководства «И. Г.». Трудности, с которыми приходится сталки-

Ворота с надписью «Труд дает свободу» в концлагере Освенцим

ваться, «приведут к значительному повышению производственных издержек»³¹.

Однако большее понимание эсэсовских методов не решило проблем, стоявших перед «И. Г.». На совещании в «И. Г. Аушвиц» по вопросам строительства, на котором присутствовал технический персонал, включая Амброза, Дюррфельда и Фауста, обсуждался целый ряд тревожных проблем³², таких, как жилищные условия, транспорт, топливо, водопроводная система, задержки в поставках всех необходимых материалов. Замедление в работе объяснялось также перегрузкой железнодорожной станции и нехваткой автомашин. Фауст сообщал, что производительность труда свободных поляков вдвое ниже, чем у немецких рабочих, а у заключенных концлагеря она ниже, чем у немцев, более чем на две трети.

Но жизнь в Освенциме не ограничивалась только нехватками, избиениями заключенных, низкой производительностью их труда и другими проблемами. В конце 1941 года в еженедельных отчетах звучали более оптимистические нотки: «20 декабря представители «И. Г.» приняли участие в рождественской вечеринке офицеров войск СС, которая проходила в весьма праздничной обстановке и закончилась застольем»³³. Несмотря на то что трудности осуществления освенцимского проекта продол-

жали нарастать, сердечные отношения между руководством «И. Г.» и должностными лицами из СС сохранялись. Дюррфельд и комендант выезжали вместе на охоту и часто вместе с женами наносили друг другу визиты. Однако трудности в строительстве каучукового и бензинового заводов продолжались, и темпы строительства завода все больше отставали от графика. «И. Г.» считал результаты первого года работы в Освенциме отнюдь не удовлетворительными — по существу, они означали почти что катастрофу.

Самой острой проблемой при строительстве объекта «И. Г. Аушвиц» оказался труд заключенных. Рабочие должны были проходить строевым шагом более четырех километров от главного освенцимского лагеря до строительной площадки «И. Г.» в самые жаркие летние и самые холодные зимние дни. Недостаток коповиров создавал проблему с обеспечением безопасности. В результате было решено, что «заключенные могут покидать лагерь только в дневное время и возвращаться они должны также в дневное время. В туманные утра заключенным также не разрешается покидать лагерь»³⁴.

Люди страдали и от болезней, плохого питания, напряженных темпов работы и садизма эсэсовских охранников и «капо». Административные работники «И. Г.» наблюдали, как рабочие носили своих покойников туда и обратно, чтобы на перекличках в начале и в конце рабочего дня можно было проверить наличие всех заключенных. Это был странный способ вести дела.

Объекту «И. Г. Аушвиц» грозил финансовый и технический кризис. Поскольку под угрозой находились капиталовложения в сумме около 1 млрд. рейхсмарок, дирекция «И. Г.» решила пойти на радикальную меру. Она совершила еще один драматический шаг по пути в нацистский ад. В июле 1942 года, после очередных поражений Гитлера на Восточном фронте, правление «И. Г.» начало создавать собственный концлагерь, чтобы решить проблему с рабочей силой в Освенциме. Первоначально на его строительство было выделено 5 млн. марок³⁵ — скромная сумма, если иметь в виду, что она предназначалась для защиты капиталовложений в сумме около 1 млрд. марок. Строительство частной компанией собственного концлагеря для обеспечения притока рабочей силы было, пожалуй, странным мероприятием, но стоявшая

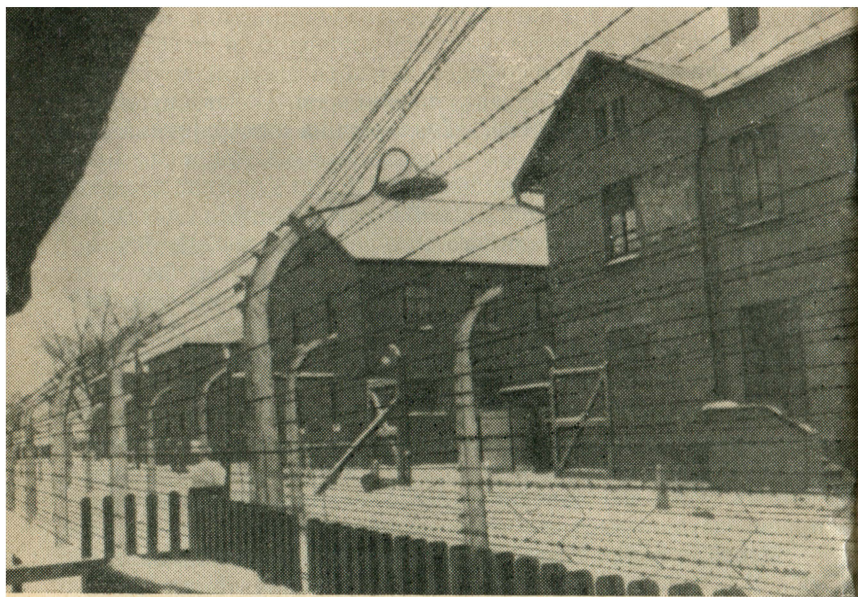
перед компанией проблема требовала инициативного подхода, поскольку размеры капиталовложений и несомненные последствия недовольства Гитлера делали перспективу отказа от этого проекта нереальной. Совет директоров — насколько известно, без всяких возражений — считал, что с экономической и политической точки зрения иного выхода у «И. Г.» не было.

При сложившихся обстоятельствах строительство собственного концентрационного лагеря обещало «И. Г.» и явные преимущества. заключенные не стали бы лишаться последних сил из-за длительных переходов из главного концлагеря к строительной площадке. Повысилась бы безопасность и потребовалось бы меньше конвоиров-эсэсовцев, которых и без того не хватало. Меры по обеспечению дисциплины и наказания были бы более эффективны, и «И. Г.» мог бы осуществлять более широкий и непосредственный контроль над использованием заключенных. Немалое значение имело и снижение издержек производства.

Место, выбранное для строительства концлагеря «И. Г.», называлось Моновиц. При эксплуатации этого «уникального» сооружения «И. Г.» должен был нести ответственность за обеспечение заключенных жильем и питанием и за их состояние здоровья, а на эсэсовцев возлагалось обеспечение безопасности, карательных мер и притока новых заключенных.

Строительство принадлежавшего «И. Г.» концлагеря Моновиц закончилось летом 1942 года. Он был оборудован так же, как и любой другой концлагерь: в нем имелись сторожевые башни с прожекторами, сигнальные сирены, пулеметы, вооруженная охрана и специально натасканные полицейские собаки. Весь лагерь был обнесен колючей проволокой, по которой проходил электрический ток. В лагере существовала «стоячая камера», в которой человек не мог стоять ни во весь рост, ни на коленях, ни лежать³⁶. Была и виселица, на которой часто висели один-два трупа для устрашения остальных заключенных. Над сводчатыми воротами была надпись — девиз Освенцима: «Труд дает свободу».

«И. Г.» управлял Моновицем по принципу, изложенному Фрицем Заукелем, уполномоченным по распределению рабочей силы для выполнения четырехлетнего плана. «Всех заключенных надо кормить, предоставлять им кров

Лагерь смерти Освенцим, в котором нацистами было уничтожено свыше 4 млн. человек. На его территории руководители концерна «И. Г. Фарбениндустри» построили свои заводы, где работали узники концлагеря

и обращаться с ними так, чтобы эксплуатировать их в максимальной степени при самых минимальных расходах»³⁷.

Теперь все сооружения Освенцима состояли из четырех отдельных объектов: Освенцим I — первоначальный огромный концентрационный лагерь с сотнями тысяч заключенных; Освенцим II — центр истребления заключенных, с газовыми камерами и кремационными печами в Биркенау; Освенцим III — заводы «И. Г.» по производству «буны» и синтетического горючего; Освенцим IV — собственный концлагерь «И. Г.» в Моновице.

Заняв свое место в промышленном рабочем комплексе Освенцима и приняв предложение Гимmlера об использовании труда заключенных концлагерей, «И. Г.» вступил на путь, приведший его к участию в одном из самых чудовищных преступлений в истории цивилизованного об-

щества, в так называемом «окончательном решении еврейского вопроса»³⁸.

Еще до января 1942 года, когда уничтожение евреев стало официальной политикой германского рейха, Генрих Гиммлер положил начало выполнению этой эсэсовской программы. После захвата Польши Гиммлер создал специальные эсэсовские отряды, которые должны были осуществлять массовые убийства. Первый центр истребления был создан осенью 1939 года в Польше, в Хелмно³⁹. Первыми орудиями массовых убийств стали три газовых автофургона, в которых для убийства жертв использовались выхлопные газы двигателя, содержащие окись углерода. Каким бы примитивным ни был этот концлагерь, в нем уничтожали по 1000 человек в день⁴⁰. Вскоре после усовершенствования методов массового уничтожения людей, гитлеровцы создали концлагерь с газовыми камерами, где также применялась окись углерода. Один из них был построен в Трешлинке, близ Варшавы, в начале 1941 года.

В июне 1941 года Гиммлер дал коменданту Гессу указание приступить к уничтожению евреев в Освенциме. Гесс посетил Трешлинку, чтобы ознакомиться со способом применения окиси углерода и затем использовать его в Биркенау⁴¹. Вскоре, однако, он понял, что окись углерода недостаточно эффективна и действует слишком медленно, чтобы можно было выполнить поставленные Гиммлером задачи⁴².

Гесс стал искать более действенный способ. То, что он нашел, сделало его самым изобретательным убийцей больших масс людей. В августе 1941 года, используя для экспериментов группу из 500 советских военнопленных, Гесс применил в герметических камерах Биркенау новое отравляющее вещество, «циклон Б»⁴³. «Циклон Б», основой которого являлась синильная кислота, был новым только в отношении его применения к людям; традиционно, в коммерческом плане он использовался в качестве инсектицида. Его применение в Биркенау обеспечило беспрецедентную эффективность.

Поставляла это смертоносное химическое вещество только одна фирма — «Дойче гезельшафт фюр шедлигунксбекемпфунг» (Германское общество по борьбе с сельскохозяйственными вредителями), известная под названием «Дегеш». 42,5% акционерного капитала этой

фирмы с самым ее ценным активом — монополией на производство «циклона Б» — принадлежали «И. Г. Фарбениндустри», 42,5% — компании «Дойче гольд унд зильбершейденанштальт», известной как «Дегусса» (треть капитала которой принадлежала «И. Г.»), и 15% — концерну «Тео Гольдшмидт»⁴⁴. То, что доминирующая роль в «Дегеш» принадлежит «И. Г.», было известно всей химической промышленности. По существу, в своих официальных корпоративных декларациях «Дегеш» называла себя единственным агентом «И. Г.» по сбыту продукции. Кроме того, «И. Г.» занимал господствующее место и в контрольном совете «Дегеш»: пятеро из его одиннадцати членов были представителями «И. Г.», включая и председателя Вильгельма Манна⁴⁵.

Через 5 месяцев после того, как Гесс применил «циклон Б», гиммлеровская личная программа истребления еврейского народа стала официальной политикой третьего рейха. Ее официальное утверждение под названием «окончательное решение еврейского вопроса» произошло в берлинском пригороде Ванзее на совещании под председательством рейхсфюрера СС начальника главного управления имперской безопасности Рейнгарда Гейдриха, на котором присутствовали заместители министров из различных министерств и члены высшего руководства СС⁴⁶.

В ходе совещания Гейдрих подробно изложил программу полного уничтожения еврейского народа. До того как эта программа была оглашена в Ванзее, только Геринг, Геббельс, Гиммлер и Борман знали об окончательных планах Гитлера, касавшихся этого вопроса⁴⁷. Теперь в осуществление этих планов активно включился и государственный аппарат. В ходе подготовки к осуществлению «окончательного решения», эсэсовцы в огромных масштабах закупали «Циклон Б».

До этого эсэсовцы закупали у «Дегеш» небольшие партии «циклона Б» для уничтожения в помещениях концлагерей животных-паразитов. Когда же стала осуществляться программа «окончательного решения еврейского вопроса», прибыли «Дегеш» намного увеличились. В 1942, 1943 и 1944 годах дивиденды «И. Г.» на ее капиталовложения в «Дегеш» удвоились по сравнению с 1940—1941 годами⁴⁸.

По меньшей мере одному высшему должностному лицу «Дегеш», ее директору-распорядителю Герхарду Пе-

терсу, было хорошо известно о новом способе применения «циклона Б». Его информировал о подробностях «окончательного решения еврейского вопроса» начальник службы дезинфекции СС Курт Герштейн, который закупал «циклон Б»⁴⁹.

Явным намеком на чудовищное применение «циклона Б» эсэсовцами стало для руководителей «Дегеш» следующее обстоятельство. Когда «циклон Б» изготавливали для использования в качестве инсектицида, он обладал специфическим запахом, предупреждавшим о его опасном присутствии. Наличие такого предупреждающего запаха необходимо было по немецким законам. Когда же эсэсовцы потребовали, чтобы в заказанной ими новой крупной партии «циклона Б» запах отсутствовал, любой человек, знакомый с методами эсэсовцев, понимал причину столь странного требования. Вначале руководители «Дегеш» не хотели его выполнять. Но их отказ объяснялся не соображениями гуманности. Беспокоило их то обстоятельство, что требование СС ставило под угрозу монопольное положение «Дегеш». Срок действия патента на «циклон Б» уже давно истек. Однако «Дегеш» сохранила свою монополию благодаря наличию у нее патента на предупреждающий запах. Убрать запах было невыгодно, ибо это открывало возможности для нежелательной конкуренции⁵⁰. Эсэсовцы быстро покончили с этими возражениями, и компания устранила предупреждающий запах. Теперь обреченным не суждено было даже знать, что смерть им несет «циклон Б», выпускаемый компанией «Дегеш».

Лагерь «И. Г.» в Моновице начал работать в сентябре 1942 года; его заполнили узники Освенцима, которые должны были работать на строительстве заводов «И. Г.» по производству каучука и горючего. Несмотря на то что «И. Г.» использовал их труд, перед ним все еще стояла проблема обеспечения рабочей силы. Эсэсовские врачи отбирали из числа людей, вывезенных в Освенцим из всех стран Европы, достаточно крепких для работы в «И. Г. Аушвиц». Тех, кого считали слишком слабыми, отправляли в газовые камеры и крематории Биркенау. «Отбор» был здесь самым страшным словом.

Вскоре стало ясно, что при «отборах» недостаточно учитываются нужды военного производства. Слишком многих квалифицированных и еще достаточно крепких

рабочих отправляли в печи, хотя их можно было использовать еще несколько месяцев. Так, в первые месяцы существования Моновица тем, кто ведал строительством «И. Г. Аушвиц», было обещано выделить рабочих, тщательно отобранных из более чем 5 тыс. человек. Однако, когда транспорты с прибывшими были разгружены неподалеку от кремационных печей, лагерное начальство, не считаясь с потребностями «И. Г. Аушвиц» в рабочей силе и педантично выполняя программу «окончательного решения еврейского вопроса», 4092 человек из 5022 отправило в газовые камеры. Когда руководители строительства стали возражать против этого, им объяснили, что мужчины были слишком слабы, а большинство лиц женского пола составляли маленькие девочки, непригодные для работ⁵¹. Некоторое время спустя, когда стало известно, что доставлена новая партия квалифицированных рабочих, офицер-эсэсовец, ведавший распределением рабочей силы, предложил способ, который позволил бы избежать слишком рьяного отбора. Он рекомендовал разгружать поезда вблизи заводов «И. Г.», а не в «обычном месте», около крематория. Положение заметно изменилось. Из следующей партии, насчитывавшей 4087 человек, подлежащих уничтожению, было отобрано только 2398 — значительно меньше, чем раньше. Жалобы, однако, продолжались: «Если в эшелонах, прибывающих из Берлина, будет так же много женщин, детей и стариков, — заявил один из административных работников, — нам нечего ждать хорошего в смысле предоставления рабочей силы»⁵².

Те, кому посчастливилось не быть отобранными в Моновице для отравления газом, жили в постоянном страхе перед отправкой в Биркенау. Когда темпы строительства отставали от намеченных, административные работники «И. Г.» жаловались, что причина этого — плохое физическое состояние заключенных, отобранных для работы в «И. Г. Аушвиц». Поэтому, отмечал один из свидетелей, офицер по распределению рабочей силы в Освенциме отправлялся в Моновиц рано утром, когда команды выводили на работу, становился у ворот и отбирал из числа рабочих, которые шагали к месту работ шеренгами по пяти человек, тех, кого считали слабыми. Этих людей сразу же отправляли в газовые камеры⁵³.

Таким образом, для тысяч узников Моновиц был лишь краткой остановкой на пути к уничтожению в Биркенау.

Условия жизни в Моновице были таковы, что все заключенные страдали от болезней. Больничные палаты, построенные «И. Г.», настолько не удовлетворяли самым необходимым требованиям, что даже эсэсовцы предложили построить дополнительные палаты. Чтобы не иметь лишних расходов, «И. Г.» отказался сделать это⁵⁴. Впоследствии он все же расширил больничные помещения, но ввел правило, по которому одновременно могли болеть не более 5% заключенных Моновица, тем самым применив принцип «прокрустова ложа» в отношении не только коек, но и болезней. От лишних больных избавлялись, отправляя их в Биркенау. Даже при соблюдении правила 5% тех заключенных, которых направляли в больницу, следовало возвращать на работу не позже, чем через 14 дней. Тех, кто не выздоравливал за это время, считали неизлечимыми, и в историях болезни, которые велись «И. Г.», дописывалась последняя фраза: «Nach Birkenau» («В Биркенау»)⁵⁵.

Узники Освенцима страдали от голода. Еда, которую получали заключенные, работавшие на объекте «И. Г. Аушвиц», включавшая знаменитый «суп буна» (это дополнительное питание не предоставлялось другим заключенным), была такова, что в среднем каждый заключенный терял в весе от 2,5 до 3,5 кг в неделю. Через месяц внешний вид узников заметно менялся, через два месяца их невозможно было узнать: они напоминали скелеты — только кожа и кости. Через три месяца они были или мертвы, или настолько непригодны для работы, что их отправляли в газовые камеры в Биркенау. Два врача, изучавшие вопрос воздействия пищевого рациона «И. Г.» на заключенных, отмечали, что «заключенные нормальной упитанности могли возмещать недостаточное питание за счет запасов собственного организма в течение трех месяцев... и были обречены умереть если не от болезни, то от истощения»⁵⁶.

Спали заключенные на трехъярусных деревянных нарах с перегородками. В каждом боксе, где едва мог лежать один человек, фактически помещалось трое. Один из свидетелей писал: «Спать было практически невозможно, ибо, если один человек полулежал, остальным приходилось

или сидеть, или ложиться на него»⁵⁷. Заключенных лишали самых элементарных удобств: почти полностью отсутствовали даже столы и стулья. Санитарные условия в помещениях были нечеловеческими. Летом стояла гнетущая, почти невыносимая духота, а зимой они совсем не отапливались.

Если узники нарушали правила, десятники «И. Г.» направляли эсэсовской администрации письменные требования о соответствующем наказании. Эсэсовцы выполняли эти требования, подробно отмечая на своих бланках обвинения «И. Г.» и свои распоряжения. Типичными проступками, в которых «И. Г.» обвинял заключенных, были такие, как «ленится», «уклоняется от работы», «отказывается подчиниться», «медленно подчиняется», «работает слишком медленно», «ел кости из мусорного ведра», «просил хлеба у военнопленных», «курил сигарету», «оставил работу на 10 минут», «сидел в рабочее время», «украл дрова для костра», «украл кастрюлю супа», «имел при себе деньги», «разговаривал с заключенными» и «грел руки». Часто десятники предлагали то или иное «суровое наказание»⁵⁸. В ответах эсэсовцев отмечались такие наказания, как «лишение пищи», избивание палкой или кнутом, повешение или «отбор»⁵⁹.

Чтобы уложиться в намеченные сроки, руководство «И. Г.» заставляло заключенных работать почти убийственными темпами. Так, например, оно ввело для ускорения темпа работы «эсэсовский бег», так что даже цемент и другие тяжелые строительные материалы стали доставляться к месту работы «вдвое быстрее»⁶⁰. Заводская полиция «И. Г.» и десятники, как и «капо», постоянно угрожали и избивали заключенных, которые не выполняли установленных эсэсовцами рабочих норм.

Бывало, что заключенных доводили на работе буквально до смерти. «Нередко случалось, что группы в 400—500 человек приносили вечером обратно в лагерь от 5 до 20 трупов»⁶¹. Два-три раза в неделю тех, кто умирал на строительной площадке, и тех, из которых уже были выжаты все силы, сваливали на открытые платформы для всеобщего обозрения и свозили в Биркенау. Десятники «И. Г.» и эсэсовские конвоиры часто прибегали к этому для устрашения заключенных.

Строительство объекта «И. Г. Аушвиц» завесало «И. Г.» уникальное место в истории делового мира. Восприняв теорию и практику нацистской морали, он отошел от традиционных норм экономики, когда рабов обычно рассматривали как живой капитал, который надо содержать и обслуживать с целью его оптимального использования и списывать через «нормальный» срок службы. «И. Г.» свел рабский труд на уровень потребляемого сырья.

Когда у узников уже не оставалось энергии, которую можно было бы использовать, этот живой шлак отправляли в газовые камеры и в кремационные печи Биркенау, откуда эсэсовцы перекачивали его в германскую военную экономику: золотые зубы отправляли в государственный банк, волосы шли на изготовление матрацев, а жир — для производства мыла. Даже стоны обреченных использовали как стимул для работы, выпуждая остальных заключенных работать интенсивнее.

Краух был доволен применявшейся в Освенциме системой использования рабочей силы. В июле 1943 года он писал Гиммлеру:

Мне особенно приятно было услышать... что вы, возможно, сумеете помочь в деле расширения еще одного завода по производству синтетических материалов, который я считаю абсолютно необходимым для обеспечения запасов каучука, таким же образом, как это делалось в Освенциме, предоставляя, в случае необходимости, заключенных из ваших лагерей. Я... был бы признателен, если бы вы продолжали оказывать нам покровительство и помощь в этом вопросе ⁶².

Полгода спустя, в феврале 1944 года, Краух все еще активно выступал за использование освенцимского метода при решении проблемы рабочей силы. Советуя, как решить вопрос о нехватке рабочей силы на одном из заводов «И. Г.» в Хейдербреке, он писал его руководителям: «Чтобы восполнить постоянный недостаток рабочей силы, Хейдебрек должен как можно скорее создать большой концентрационный лагерь *по примеру Освенцима* (Курсив мой. — Дж. Б.)» ⁶³.

Можно лишь поражаться энтузиазму Крауха и вызвавшим его причинам. Имеющиеся скудные данные сви-

детельствуют, что через «И. Г. Аушвиц» прошло 300 тыс. рабочих из концлагерей, из числа которых не менее 25 тыс. были замучены на работе до смерти⁶⁴. Построенные заводы оказались столь огромными, что потребляли электроэнергию больше, чем весь Берлин. Однако в конечном счете проект «И. Г. Аушвиц» закончился полным провалом. Несмотря на затраченные на его осуществление почти 900 млн. марок и тысячи погубленных человеческих жизней, за все время своего существования он дал лишь небольшое количество горючего, но ни одного фунта каучука «буна» получить так и не удалось⁶⁵.

7. «И. Г. Фарбениндустри» проигрывает войну

12 мая 1944 года американская 8-я воздушная армия направила 935 самолетов для бомбардировки германских заводов по производству синтетического горючего; только в налете на завод «И. Г.» на Лейне участвовало 200 бомбардировщиков. Эта бомбардировка ознаменовала начало операций, которые разведка стратегической бомбардировочной авиации США назвала «битвой за Лейну»¹.

На следующий день министр вооружений и военной промышленности Альберт Шпеер вместе с Бютефисшем осмотрел развалины, оставшиеся после налета на Лейне. Увиденное убедило его, что «вопрос о технологической войне решен... Это означало конец германского производства вооружений»². Для Шпеера это был поворотный момент в войне. Он немедленно направился в ставку Гитлера в Оберзальцбурге, чтобы доложить ему о масштабах и значении этой катастрофы. «Противник нанес удар по одному из наших слабых мест,— сообщил он фюреру.— Если он и впредь будет так действовать, у нас вскоре не останется горючего, о котором стоило бы говорить. Единственная наша надежда заключается в том, что генеральный штаб ВВС противника не умнее нашего!»³

После его доклада Гитлер вызвал четырех крупнейших экспертов «И. Г.» по жидкому топливу, в том числе Крауха и Бютефисша, для обсуждения вопроса о последствиях воздушного налета 12 мая. Вместе с ними на совещание прибыли Геринг и Шпеер. Перед тем как пройти к Гитлеру, Шпеер посоветовал четырем экспертам по топливу сообщить ему «правду без прикрас». Однако Геринг настаивал, чтобы они не проявляли чрезмерного пессимизма. «Он, вероятно, боялся, что Гитлер возложит

вину за этот разгром главным образом на него», — писал впоследствии Шпеер ⁴ *. Краух был твердо намерен следовать совету Шпеера. Он заявил Гитлеру, что положение Германии безнадежно, если воздушные налеты противника на заводы синтетического топлива будут продолжаться. Для подтверждения мрачного прогноза он представил Гитлеру внушительную подборку фактов и цифр.

Геринг, взбешенный его поступком, который он считал грубым нарушением субординации, напал на Крауха в присутствии Гитлера. Вина за успешные налеты авиации противника лежит целиком на Краухе, заявил он в гневе, ибо именно он отвечает за противовоздушную оборону ⁵. К этому времени Геринг уже не имел влияния на Гитлера, который пропустил мимо ушей его тираду против Крауха. По мнению Гитлера, успешные бомбардировки союзниками промышленных центров Германии объяснялись более глубокой причиной. «На мой взгляд, — сказал он, — заводы по производству горючего, каучука «буна» и азота представляют собой наиболее уязвимое место в ходе войны» ⁶. Из-за монополии «И. Г.» производство этих важнейших военных материалов осуществляли весьма немногочисленные заводы ⁷.

Но для Гитлера было уже слишком поздно вводить антитрестовский закон на немецкий лад. Единственное, что можно было сделать, — это попытаться как можно скорее восстановить заводы, а затем обеспечить их защиту авиацией ПВО. Основное внимание Шпеера было уделено теперь восстановительным работам и вопросам обеспечения рабочей силой и материалами: для возобновления производства горючего было выделено 350 тыс. рабочих. Благодаря этому на Лейне производство удалось частично восстановить за десять дней. Но 28 мая американская 8-я воздушная армия возобновила «битву за Лейну», и заводу снова был нанесен удар, который вдвое уменьшил производство горючего в Германии.

---

* Роль Шпеера в нацистской империи изображается в буржуазной литературе в ложном свете. Его представляют чуть ли не противником нацистского режима. В действительности Шпеер служил Гитлеру в течение всего пребывания того у власти. Лишь тогда, когда стала очевидной катастрофа фашистской Германии, он пытался противодействовать Гитлеру в вопросе, касавшемся подрыва германского промышленного потенциала. — *Прим. ред.*

Теперь и Геринг полностью осознал серьезность положения. Он обещал Крауху и другим немецким специалистам по топливу, что значительная часть новых самолетов, выпускавшихся в Германии, будет предназначаться исключительно для защиты заводов, производящих топливо, и не станет перебрасываться на фронт⁸. Но высадка союзнических войск на континенте 6 июля 1944 года вынудила Геринга нарушить свое слово. Самолеты и зенитные орудия, обещанные им для защиты заводов, были использованы в борьбе с непосредственной опасностью. В конце июня Шпеер в отчаянии писал Гитлеру, прося его о помощи:

Производство авиационного бензина было сильно подорвано в мае и июне. К 22 июня врагу удалось довести наши потери авиационного бензина до 90%. Только благодаря быстрейшему восстановлению поврежденных заводов оказалось возможным частично возместить эти страшные потери. Однако, несмотря на это, в настоящее время производство авиационного бензина абсолютно недостаточно... Если нам не удастся защитить эти заводы, мы будем вынуждены сократить в сентябре поставки армии, а это может привести к самым трагическим последствиям...

Я сожалею о необходимости информировать моего фюрера об этих трагических событиях, и прошу вас издать все необходимые приказы о дополнительной защите наших заводов⁹.

Ход «битвы за Лейну» свидетельствовал о состоянии немецкой топливной промышленности. К началу июля изобретательным специалистам «И. Г.» удалось на 75% восстановить производственную мощность лейнского завода. Однако 7 июля 8-я воздушная армия опять разбомбила завод, заставив его прекратить работу. Через два дня завод снова начал работать, и к 19 июля выпуск продукции достиг 53% производственной мощности¹⁰. Так бомбежки чередовались с восстановительными работами. Но общий результат воздушных налетов был катастрофичным для производства топлива в Германии. Краух пришел к выводу, что восстанавливать топливные заводы после каждого налета можно только за счет других заводов. При осуществлении этого плана, имевшего целью предотвратить полный срыв производства горючего, производственная мощность Германии сокращалась после

каждого восстановления. К сентябрю производство горючего упало уже до 15%. Изменить это положение Германии так и не удалось¹¹.

Интенсивная бомбардировка Лейны привела к любопытному конфликту между Бютефишем, который ведал работой лейнского завода, и Паулем Хартеком, одним из крупнейших ученых-атомщиков, работавшим над проектом производства атомной бомбы в Германии. Часть завода на Лейне была отведена для производства тяжелой воды, необходимой для получения атомной энергии. После того, как на Лейну упали первые бомбы, Бютефш заявил Хартеку, что от установки для производства тяжелой воды придется отказаться. Он утверждал, что массивные бомбовые удары не могли быть нацелены на производство горючего, ибо между представителями тяжелой промышленности в Германии и за границей существовало «джентльменское соглашение» о том, что заводы синтетического бензина «И. Г.» не будут подвергаться бомбардировке. Воздушные налеты па Лейну, считал он, преследовали лишь одну цель: вывести из строя установку для производства тяжелой воды¹².

Истории о подобных соглашениях между союзническими и немецкими концернами стали частью легенд военного времени. За исключением этого поразительного заявления Бютефиша, которое подтвердил и Хартек, никогда не было обнаружено ни крупицы заслуживающих доверия данных в поддержку любой из них*. Кроме того, устранение установки для производства тяжелой воды не привело к прекращению бомбежек лейнского завода авиацией союзников, они продолжались до тех пор, пока завод полностью не вышел из строя.

Примерно в то же время у Бютефиша возникла еще одна причина для беспокойства, касавшаяся его лично. В газете «Петролеум таймс» от 23 декабря 1923 года было опубликовано подробное выступление Роберта Хаслама из «Стандард ойл», в котором Хаслам утверждал, что техни-

---

* Как уже сказано в предисловии, соглашения между союзническими и германскими концернами во время второй мировой войны отнюдь не были легендой. Настоящая книга содержит богатые материалы, свидетельствующие о международном альянсе промышленных магнатов в различных капиталистических странах. Такой альянс существовал и между германскими и американскими промышленниками во время второй мировой войны. — *Прим. ред.*

ческая война США не была бы эффективной, если бы «И. Г.» не представил «Стандард ойл» до войны ценную информацию¹³. Бютефиш, на которого генерал Томас возложил личную ответственность за предотвращение утечки технической информации в компанию «Стандард ойл», пришел в ужас от статьи в «Петролеум таймс». Он поднял этот вопрос перед Книримом, самым, казалось бы, рассудительным человеком в «И. Г.». Книрим сразу же понял, что «положение опасно и следует считаться с перспективой того, что нас могут обвинить в измене»¹⁴. Такая перспектива никогда не была приятной в нацистской Германии, а в период союзнических воздушных бомбардировок она могла иметь самые грозные последствия. «Вообразите себе, — сказал Книрим, — положение германской фирмы в 1944 году, представшей перед народным судом»¹⁵.

Руководители «И. Г.» самым спешным образом подготовили ответ на статью Хаслама, опровергая ее пункт за пунктом, на тот случай, если германское правительство станет вникать в этот вопрос. Но нацисты, слишком озабоченные другими неприятностями, не предприняли такого расследования. Если бы нацистам стало известно о выступлении Хаслама в защиту соглашений между «Стандард ойл» и «И. Г.», Бютефишу, Тер Мееру, а также, вероятно, и другим должностным лицам «И. Г.» могла бы угрожать самая серьезная опасность.

К осени 1944 года военное положение Германии стало настолько отчаянным, что Борман, Геббельс и Лей — трое самых ярых и беспощадных нацистов в третьем рейхе — начали убеждать Гитлера применить против противника «табун» — газ нервно-паралитического действия, обладающий такой смертоносной силой, что одна его капля, попавшая на кожу, разрушала нервную систему и приводила через несколько минут к смерти¹⁶. «Табун», как и сходный с ним газ нервно-паралитического действия «зарин», был получен в ходе работ «И. Г.» по исследованию и разработке пестицидов и стал одним из наиболее охраняемых военных секретов Германии, о которых в документах упоминалось только под кодовым названием «N-Stoff».

Уже не впервые эти трое уговаривали Гитлера использовать против врага полученный «И. Г.» газ «табун».

В мае 1943 года, после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, они настаивали на его применении на русском фронте. В своей ставке в Восточной Пруссии Гитлер созвал совещание, чтобы обсудить это предложение. Шпеер, который был решительно настроен против применения «табуна», отправил на совещание Отто Амброза, специалиста «И. Г.» по отравляющим веществам и по синтетическому каучуку. Гитлер спросил у Амброза: «Что делает противник в области производства отравляющих веществ?»¹⁷ Амброз ответил, что у противника, имеющего более широкий доступ к этилену, вероятно, больше возможностей производить горчичный газ, чем у Германии. Гитлер перебил его, пояснив, что он имеет в виду не традиционные отравляющие вещества: «Я понимаю, что страны, обладающие нефтью, в состоянии производить больше [горчичного газа], но у Германии имеется особый газ, «табун». В этой области мы в Германии имеем монополию»¹⁸. Гитлер хотел конкретно знать, имеет ли противник доступ к такому газу и что он предпринимает в этой области. К разочарованию Гитлера, Амброз ответил: «У меня имеются веские основания предполагать, что «табун» известен и за границей. Я знаю, что публикации о «табуне» появлялись еще в 1902 году, что «зарин» был запатентован и что эти вещества упоминались в патентах»¹⁹.

Амброз ставил этим Гитлера в известность о поразительном факте, касавшемся одного из самых секретных видов оружия Германии. Основные свойства «табуна» и «зарина» были описаны в технических журналах еще в 1902 году, а «И. Г.» получил на них патенты в 1937 и 1938 годах. Затем Амброз предупредил Гитлера, что в случае применения «табуна» Германией она должна учесть возможность того, что союзники могут производить этот газ в гораздо более широких масштабах²⁰. Получив столь обескураживающее сообщение, Гитлер сразу же покинул совещание. Было решено не применять хотя бы временно нервно-паралитические газы, продолжая в то же время их производство и испытания²¹ *.

---

* Морских свинок и белых крыс, обычно используемых для опытов, сочли непригодными для определения воздействия нервно-паралитических газов на человеческий организм. В начале войны было решено заменить их обезьянами, поскольку их биологические реакции на такие газы ближе к человеческим. Од-

Однако полностью интерес Гитлера к такому оружию не пропал. После высадки войск союзников на континенте в июне 1944 года Гитлер разочаровался в испытаниях N-Stoff, проводившихся артиллерийско-технической службой. Он информировал Шпеера о том, что намерен переложить «ответственность за производство и испытания «N-Stoff» на СС»²². Шпеер возражал, видимо испугавшись передачи СС столь больших полномочий. К тому же концерн «И. Г.» имел слишком важное значение для этой программы, чтобы его можно было отстранить в тот момент. Шпеер убедил Гитлера ограничить власть СС испытаниями нервно-паралитического газа, решив «И. Г.» сохранить контроль над его разработкой и производством²³.

Гитлер позволил убедить себя и издал соответствующий приказ. 7 июля 1944 года Шпеер получил по телеграфу следующее послание от генерала Кейтеля:

Фюрер приказал, чтобы рейхсфюрер (Гиммлер) немедленно продолжил опыты с «N-Stoff». С этой целью Управление артиллерийско-технической службы немедленно передаст рейхсфюреру СС все собранные до сих пор справочные материалы и техническую информацию, касающуюся «N-Stoff» и будет всемерно поддерживать его усилия²⁴.

После того как Гитлер издал этот приказ, Шпеер постарался разъяснить свою позицию в письме Гиммлеру. Было бы ошибкой, указывал он, если бы

нако в Германии получить обезьян было нелегко, и ведомство Шпеера выделило 200 тыс. швейцарских франков в драгоценной иностранной валюте для закупки их в Испании. Обезьяны были с трудом доставлены в Германию, и много их погибло до завершения опытов. (TWC, p. 351, Brandt Document Book, 12, Defence, Exhibit 11). Тогда было решено проводить опыты на евреях — узниках концлагерей.

Есть подозрение, что высшим руководителям «И. Г.» было известно об опытах по проверке воздействия отравляющих веществ на людей. После войны Георг фон Шнидлер клялся, что Амброс, Шмитц и Тер Меер знали об этом. Согласно данным английской разведки, один из них «оправдывал эти эксперименты не только тем, что заключенные концлагерей все равно были бы убиты нацистами, но и тем, что они проводились с «гуманной» целью, поскольку помогли спасти жизнь бесчисленному множеству немецких рабочих». (Слушания в подкомиссии комиссии сената США по военным делам. Сенат США, 79-й конгресс, 1-я сессия (1945), во исполнение резолюций сената 107 и 146. Elimination of German Resources for War, Part X, p. 1276).

силы СС взялись за производство «N-Stoff», в то время как квалифицированные специалисты имеются только у «И. Г.». Шпеер выразил сожаление по поводу того, что в рамках четырехлетнего плана не была создана ни одна фирма, способная конкурировать с «И. Г. Фарбениндустри», когда это легко можно было сделать: «В настоящее время развитие химической промышленности полностью зависит от работы «И. Г. Фарбен»²⁵. Гиммлер, явно удовлетворившись этим объяснением, заявил, что СС займутся испытанием «N-Stoff», а вопросы производства оставят за «И. Г.»²⁶.

Осенью 1944 года, когда снова было выдвинуто предложение о применении «табуна», Гитлера все еще беспокоил вопрос о возможности ответных действий противника. Он вновь спросил Шпеера о предполагаемом наличии у противника аналогичного оружия. Шпеер выяснил это у Амброза, который сообщил ему, что все осталось без изменений и никакого средства защиты от нервно-паралитического газа не разработано. Гитлер снова запретил его применение²⁷.

Оценка Амброзом возможности химической войны со стороны союзников оказалась ошибочной. Они не располагали ничем, что могло бы сравниться с первно-паралитическими газами «И. Г.», чтобы нанести ответный удар. Страшно подумать о чудовищных последствиях, которые могли бы произойти, если бы Гитлеру было об этом известно, и он приказал осуществить массированное нападение на Лондон, Москву или Вашингтон с применением нервно-паралитического газа.

Вопрос о «табуне» возник еще на один короткий момент в конце войны. Чтобы поскорее покончить с войной, Шпеер намеревался в феврале 1945 года использовать этот газ, чтобы убить Гитлера²⁸. Он предполагал ввести «табун» в вентиляционную систему его бункера. Но связанные с этим технические проблемы оказались непреодолимыми, и Шпеер отказался от своего плана. Война продолжалась еще три месяца.

8 мая 1945 года Германия подписала безоговорочную капитуляцию. В августе уже шла подготовка к судебным процессам над главными военными преступниками, а в ноябре начался первый процесс.

Руководители «И. Г.» вели себя так, будто предчувствовали, что сулит им будущее. Еще в сентябре 1944 года Тер Меер и секретарь правления Эрнст Штресс готовили планы уничтожения архивов «И. Г.» на случай оккупации Франкфурта американскими войсками. Следующей весной, когда американские войска должны были войти во Франкфурт, они организовали массовое уничтожение архивов и сожгли около 15 тонн бумаги. Большая часть архивов в Освенциме также была уничтожена до прихода Советской Армии. Когда союзники попытались воссоздать связную картину по оставшимся после нацистского периода архивам «И. Г.», в них оказались огромные пробелы. Не один наблюдатель высказывался о том, что история «И. Г.» была бы гораздо более обличительной, если бы эти архивы были целы. Однако и те документы, которые удалось захватить, производили жуткое впечатление.

8. «И. Г. Фарбениндустри» в Нюрнберге

8 августа 1945 года представители Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза и Франции собрались в Лондоне с целью учреждения Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками¹. Членами трибунала были избраны видные юристы четырех великих держав; каждое из четырех государств назначило своего главного обвинителя.

6 октября составление Обвинительного акта было закончено и он был передан Международному военному трибуналу². Суду были преданы оставшиеся в живых руководители нацистской Германии. Им предъявили обвинение в трех главных военных преступлениях: составлении и осуществлении общего плана подготовки и ведения агрессивных войн; разграблении и уничтожении собственности в захваченных ими странах; порабощении и массовых убийствах людей.

В число обвиняемых предполагалось включить крупного промышленника, который олицетворял бы собой участие германских монополий в гитлеровских планах. Для этого был избран владелец сталелитейных заводов Густав Крупп фон Болен. Хотя «И. Г.» имел гораздо более важное значение для военно-экономической подготовки Германии к войне, именно имя Круппа было больше всего связано с военной мощью Германии.

Когда видный американский юрист Джеймс Роу-младший попытался в качестве представителя Международного военного трибунала вручить стальному магнату копию Обвинительного акта, он обнаружил, что престарелый Крупп по своему умственному и физическому состоянию неспособен защищать себя сам³. Поэтому было решено исключить его из числа обвиняемых. Главные

обвинители, твердо намеренные включить в число главных военных преступников кого-либо из немецких промышленников, внесли ходатайство о замене Густава Круппа его сыном Альфредом. Трибунал отклонил их ходатайство⁴, и процесс начался 20 ноября 1945 года без промышленника в качестве обвиняемого*. Чтобы успокоить общественное мнение союзных стран, французы и англичане опубликовали совместную декларацию о том, что в дальнейшем несколько крупнейших немецких промышленников будут обвинены как военные преступники и предстанут перед судом другого Международного военного трибунала⁵.

5 апреля 1946 года, когда процесс близился к концу, главные обвинители вернулись к вопросу о судебном процессе над ведущими германскими промышленниками на втором международном военном трибунале¹⁰. Было договорено, что список обвиняемых промышленников должен насчитывать примерно шесть — восемь человек. Одним из обвиняемых был Альфред Крупп. Фактически было отобрано только четыре человека. Соединенные Штаты назвали Германа Шмитца и Георга фон Шницлера из «И. Г. Фарбениндурии». Французы выбрали Германа Рехлинга, угольного и стального магната Саара. (Суд над Рехлингом должен был стать вторичным — за четверть века до того, после первой мировой войны, французы заочно осудили его как военного преступника.) Англичане назвали кельнского банкира Курта фон Шрёдера.

Однако план проведения Международным военным трибуналом второго процесса провалился. Судебный процесс над главными военными преступниками показал, что суд в составе представителей четырех союзных держав является чересчур громоздким. Поэтому было решено, что

---

* По окончании этого суда 31 августа 1946 года были приговорены к смертной казни Герман Геринг, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Альфред Розенберг, Эрнст Кальтенбрунер, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Артур фон Зейс-Инкварт и Мартин Борман (заочно)⁶. Все они были повешены, за исключением Геринга, который покончил жизнь самоубийством утром в день казни, и Бормана, которого так и не удалось разыскать⁷. Рудольф Гесс, Вальтер Функ и Эрих Редер были приговорены к пожизненному заключению. Альберт Шпеер и Бальдур фон Ширах — к 20 годам тюремного заключения⁸, Константин фон Нейрат — к 15 годам, Карл Дениц — к 10 годам, Яльмар Шахт, Франц фон Папен и Ганс Фриче были оправданы⁹.

каждая из четырех союзных держав может по своему усмотрению провести суд над промышленниками, обвинявшимися в военных преступлениях, в своей зоне в Германии¹¹.

США разработали планы проведения нескольких судов над военными преступниками, в числе которых были ведущие представители руководства концернов «И. Г.», «Крупп» и «Флик»¹². В качестве председательствующих на эти процессы были привлечены представители федеральных судов и судебных органов штатов, а также члены профессорско-преподавательского состава юридических колледжей. Был утвержден персонал для отбора документальных данных, подготовки проектов обвинительных актов и вообще для всей необходимой подготовки к процессам.

Главным обвинителем на процессе по «И. Г.» был Джосайя Дюбуа-младший, заместитель бригадного генерала Телфорда Тейлора, ставшего преемником судьи Джексона в качестве члена трибунала от США на процессах военных преступников. 3 мая 1947 года обвинители после нескольких месяцев, в течение которых они собирали доказательства, допрашивали свидетелей и собирали тысячи документов, представили Обвинительный акт от имени Соединенных Штатов¹³. В нем были перечислены в качестве обвиняемых 24 члена руководства «И. Г.»: Карл Краух как председатель наблюдательного совета «И. Г.», Герман Шмитц как председатель правления «И. Г.», все остальные члены этого правления (Георг фон Шницлер, Фриц Гаевский, Генрих Герлейн, Август фон Книрим, Фриц Тер Меер, Христиан Шнейдер, Отто Амброз, Макс Брюгеман, Эрнст Бюргин, Генрих Бютефиш, Пауль Хефлигер, Макс Ильгнер, Фридрих Йене, Ганс Кюне, Карл Лаутеншлегер, Вильгельм Манн, Генрих Остер и Карл Вурстер) и четыре других высших административных сотрудника «И. Г.» (Вальтер Дюррфельд, Генрих Гаттино, Эрих фон дер Хейде и Ганс Кюглер).

Обвинительный акт, насчитывающий шестьдесят с лишним страниц, состоял из пяти разделов, каждый из которых отражал причастность «И. Г.» к деятельности нацистов. Главными пунктами обвинения были «Планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивных войн и вторжение в другие страны», «Ограбление и уничтожение собственности» и «Порабощение и массовые убийства».

В разделе Обвинительного акта, касавшемся ведения агрессивной войны, был перечислен целый ряд преступлений: союз «И. Г.» с Гитлером и нацистской партией; координация всей деятельности «И. Г.» с военными планами германского верховного командования; участие в соответствии с четырехлетним планом в подготовке экономической мобилизации Германии для ведения войны и в руководстве ею; участие в создании и снаряжении нацистской военной машины для ведения агрессивной войны; обеспечение и накопление стратегических запасов важнейших военных материалов для захватнических действий нацистов; участие в работе по ослаблению потенциальных противников Германии; осуществление пропаганды, разведывательных действий и шпионажа; подготовка и участие в планировании и осуществлении агрессивных действий нацистов и захват полученных в результате этих действий трофеев, а также участие в ограблении, уничтожении собственности, порабощении и массовых убийствах вследствие агрессивных войн и оккупации других стран.

В разделе Обвинительного акта об ограблении и уничтожении собственности указывалось, что «„И. Г.“ действовал заодно с вермахтом и играл важную роль» в проводившейся Германией программе приобретения имущества путем захвата: «С этой целью он замыслил, предлагал и готовил подробные планы приобретения с помощью германской военной силы предприятий химической промышленности Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии, Франции, России и других стран».

Обвинение в порабощении людей и массовых убийствах было главным пунктом Обвинительного акта, без которого вряд ли вообще состоялся бы суд над военными преступниками.

Все обвиняемые, действуя через посредство «И. Г.»... участвовали в... порабощении заключенных концентрационных лагерей... использовании военнопленных на фронте... и жестоком обращении, запугивании, пытках и убийстве порабощенных лиц. В результате их деятельности миллионы людей были изгнаны из своих домов, высланы, порабощены, подвергнуты жестокому обращению, террору, обречены на пытки и убиты.

В Обвинительном акте перечислялись бесчеловечные действия нацистов (в которых свою роль сыграли и обвиняемые из «И. Г.»), особенно в Освенциме.

«И. Г. Фарбениндустри», отбросив в сторону все соображения гуманности и человечности, эксплуатировал рабский труд своих рабочих, заставляя их, в частности, выполнять чрезмерно длительную, напряженную и изнурительную работу и абсолютно не считаясь с их здоровьем и физическим состоянием. Единственным критерием права на жизнь или смерть была производительность труда заключенных. Вследствие недостаточного отдыха, неудовлетворительной пищи (которую заключенные получали на нарах в бараках) и плохих условий жилья (они спали на нарах с грязной соломой, где помещалось от двух до четырех заключенных) многие из них умирали на работе или от вызванных этой работой болезней. После первых же признаков снижения производительности труда таких рабочих — независимо от того, вызывалось оно болезнью или истощением — подвергали широко известному процессу «отбора», а это значило, что, если при беглом осмотре узника становилось ясно, что производительность его труда не восстановится через несколько дней, его отправляли в освенцимский лагерь Биркенау на уничтожение. Значение слов «отбор» и «Биркенау» было известно в Освенциме каждому и стало известно всему миру.

Условия работы на заводе по производству «буны» были настолько невыносимыми, что заключенные очень часто кончали жизнь самоубийством, либо прорываясь через цепь охранников, убивавших их выстрелом из винтовки, либо бросаясь на ограду из колючей проволоки, по которой проходил ток высокого напряжения. Текучесть рабочей силы на заводе составляла не менее 300% в год. Помимо тех, кого убивали или кто кончал жизнь самоубийством, до 100 человек, а иногда и больше ежедневно умирали на работе от истощения. Недостаток в рабочей силе в результате уничтожения или смерти узников возмещали за счет новых заключенных. Таким образом, «И. Г. Фарбениндустри» обеспечивал себе постоянный приток новой рабочей силы для поддержания производительности на должном уровне.

Деятельность «И. Г. Фарбениндустри» в Освенциме лучше всего можно охарактеризовать кошунственной реп-

ликой Гитлера (скорее, ее должен был бы произнести Гиммлер): «Какое нам до этого дело? Смотри в сторону, если тебя тошнит»¹⁴.

Возможные судебные приговоры могли означать что угодно — от оправдания до смертной казни.

Законность судов над военными преступниками с самого начала оспаривали несколько американских ученых-юристов и политиков, утверждавших, будто такие суды представляют собой «правосудие победителей». В числе самых известных участников этого спора были председатель суда Харлан Стоун, судья Уильям Дуглас и сенатор Роберт Тафт.

Судья Дуглас писал:

Сколько бы ни было написано книг или найдено материалов по этому делу, как бы юристы ни анализировали его, преступление, за которое судили нацистов, никогда не было официально названо преступлением с той определенностью, какой требуют наши правовые нормы, и не объявлено человечеством вне закона с наказанием их смертной казнью. По нашим нормам это преступление возникло на основе закона, принятого задним числом. Геринг и другие заслуживали сурового наказания. Но их вина не оправдывала нас в том, что мы заменили принцип силой¹⁵.

Председатель суда Стоун высказался более категорично. В частном письме он писал: «Джексон отсутствует, верша свой суд Линча в Нюрнберге. Мне безразлично, как он поступает с нацистами, но мне претят претензии на то, что суд и судебное разбирательство ведутся по нормам общего права»¹⁶.

Сенатор Тафт заявил: «Облекая политику в форму судебной процедуры, мы можем дискредитировать всю идею правосудия в Европе на многие годы в будущем»¹⁷.

В 1947 году, когда было предпринято судебное преследование должностных лиц «И. Г.», уже началась «холодная война». Германская администрация в западных зонах стала для США желанным союзником, а СССР, бывший союзник, рассматривался уже как противник. Выступая в палате представителей, конгрессмен от штата Миссисипи Джон Рэнкин заявил:

То, что происходит в Нюрнберге, — позор для Соединенных Штатов. Все другие страны уже умыли руки и отошли от этой вакханалии преследований. Но расовое меньшинство через два с половиной года после окончания войны находится в Нюрнберге, не только вешая немецких солдат, но и верша суд над немецкими бизнесменами от имени Соединенных Штатов¹⁸.

Конгрессмен от штата Мичиган Джордж А. Дондеро продолжил эти нападки в палате представителей, заявив, что десять человек, сочувствующих коммунистам, привлекли на ключевые посты в органы американских военных властей в их зоне оккупации Германии. Он особенно резко критиковал заместителя главного обвинителя по делу «И. Г.» Джосайю Дюбуа как «известного представителя левых элементов из министерства финансов, который усердно изучал политику коммунистической партии»¹⁹. Дюбуа потребовал, чтобы Дондеро повторил свои обвинения вне стен конгресса, с тем чтобы его можно было привлечь к судебной ответственности за клевету, но Дондеро отказался сделать это²⁰.

Процесс начался в назначенное время, 27 августа 1947 года, во Дворце правосудия в Нюрнберге. Членами суда были избраны бывший член верховного суда штата Индиана Кэртис Гроувер Шейк, который должен был председательствовать на суде; член верховного суда штата Северная Дакота Джеймс Моррис и декан юридического колледжа Луизианского университета Поул Хеберт. Друг судьи Шейка, юрист из штата Индиана Клэрэнс Меррел, был назначен заместителем члена суда²¹.

Большой зал суда был переполнен. Представители общественности заняли выделенные им 300 мест, а помещение для представителей печати было набито битком. Защиту 23 обвиняемых (Брюгеман, как было объявлено, не смог присутствовать на суде по болезни) вели более 60 германских адвокатов, 20 бухгалтеров и других специалистов. Сторону обвинения представляли 12 человек юристов и экспертов. На суде присутствовали клерки, стенографистки, полицейские и конвоиры, а также техники и синхронные переводчики, обеспечивавшие перевод на два языка с помощью электронной аппаратуры.

В своем вступительном заявлении генерал Телфорд Тейлор задал тон обвинению.

Обвинительный акт возлагает на этих людей главную ответственность за то, что человечество было ввергнуто в самую опустошительную и катастрофическую войну в истории. Он обвиняет их в массовом порабощении людей, их ограблении и убийствах. Это страшные обвинения: ни один человек не должен подписаться под ними из легкомыслия или из чувства мести...

Обвиняемые, несомненно, скажут нам, что они были лишь чересчур ревностными, а возможно, и заблуждавшимися патриотами, что все, что они сделали, сделал бы в подобных обстоятельствах любой патристически настроенный бизнесмен... Что же касается кровавой бойни войны и массового убийства ни в чем неповинных людей, то все это чудовищные деяния Гитлера и нацистов, диктатуре которых и они вынуждены были подчиняться²².

Тейлор правильно разгадал один из главных стратегических приемов защиты: рассматривать обвиняемых как обычных бизнесменов. Вначале представители обвинения излагали дело так, что это играло как будто на руку защите. Они представили организационные схемы, картельные соглашения, патентные лицензии, корреспонденцию, производственные планы и отчеты промышленных корпораций в таком духе, как это делается на антитрестовских процессах, а не на процессах военных преступников, обвиняемых в массовых убийствах.

Член суда Моррис выразил свое недовольство ходом судебного разбирательства:

Г-н прокурор, данная организация, поскольку об этом свидетельствуют здесь материалы дела, была просто крупным химическим, коммерческим и деловым концерном, каких множество во всем мире... Я никак не могу понять, в какой мере документы такого рода имеют хоть малейшее отношение к обвинениям. Настоящий процесс затягивается массой контрактов, протоколов и писем, которые, как представляется, имеют весьма небольшое значение для любой возможной концепции доказательств в данном деле²³.

Представитель обвинения Эмануэль Минскофф обратился к своему начальнику Джосае Дюбуа с просьбой изменить порядок и ход обвинения. «Мы должны были в

первый же день начать с рассмотрения вопроса об Освенциме,— заявил он,— начать с обвинения в порабощении людей и массовых убийствах». Поскольку обвинение не сделало этого, «суд просто не может поверить, что эти люди могут быть повинны в ведении агрессивной войны». Дюбуа ответил, что теперь уже слишком поздно менять порядок рассмотрения вопросов. Минскофф упорствовал: «И все же я заявляю, что начинать надо было с Освенцима, тогда бы они увидели, кого судят, и поняли остальное»²⁴. Но следовать рекомендации Минскоффа было уже слишком поздно, как бы Дюбуа ни хотел этого. Суд продолжал последовательно разбирать пункты обвинительного заключения.

Критический момент в ходе процесса настал лишь тогда, когда представители обвинения начали рассматривать вопрос о порабощении и массовых убийствах. Теперь уже ход разбирательства не напоминал процедуру антитрестовского процесса. В доказательство правильности своих выводов обвинение привлекло десятки очевидцев, побывавших на объекте «И. Г. Аушвиц», включая узников, а также врачей и сотрудников «И. Г.», испытавших угрызения совести. Все они рассказывали о вещах, казавшихся невероятными, однако рассказы их были правдивы. Одним из свидетелей был Норберт Йене, сын обвиняемого Фридриха Йене, инженер, работавший в «И. Г. Аушвиц» с января 1943 года до конца войны. Старший Йене несколько раз приезжал в лагерь повидаться с сыном. Положение, которое Норберт Йене занимал в «И. Г. Аушвиц», и его родство с одним из обвиняемых делали его свидетельские показания еще более убедительными.

Из всех работавших на объекте «И. Г. Аушвиц» самому жестокому обращению подвергались заключенные. Их избивали «капо», которые должны были следить за тем, чтобы работа, порученная им и их командам десятниками «И. Г.», была выполнена. В противном случае их наказывали, избивая по вечерам в лагере Моновиц. На строительной площадке «И. Г.» практиковалась общая потогонная система, так что нельзя сказать, что виноваты были одни лишь «капо». «Капо» крайне жестоко подгонял заключенных, работавших в их командах, в целях самозащиты, они не гнушались применять любые спо-

собы, чтобы повысить производительность труда заключенных, лишь бы добиться выполнения работы ²⁵.

Не менее убедительными были и показания секретаря правления «И. Г.» Эрнста Штрасса, несколько раз посетившего «И. Г. Аушвиц».

Прокурор: Верно ли, что главный инженер завода по производству «буны», с которым вы беседовали в 1943 году, сказал вам, что в Освенциме сжигают людей?

Штрасс: Да, по-моему, он также сказал мне, что прежде чем сжечь, их отравляли газом...

Прокурор: И летом 1943 года вам уже было известно, что людей сжигают и отравляют газом?

Штрасс: Да.

Прокурор: И вы сообщили об этом Амброзу и Тер Мееру?

Штрасс: Да» ²⁶.

На основании показаний бывших заключенных Освенцима представители обвинения выявили условия, существовавшие в «И. Г. Аушвиц» и в Моновице. Типичным было показание бывшего заключенного, врача с мировым именем профессора Страсбургского университета Роберта Элио Вайца. Этот человек, пользовавшийся доброй репутацией и известностью, работал в больнице Моновица, и его выступление произвело большое впечатление.

Очень скоро я понял, что Моновиц был лагерем для уничтожения людей. Заключенные, условия жизни которых были очень тяжелыми, подвергались медленному процессу физического и духовного распада, жизнь большинства их заканчивалась в газовых камерах. Конечная цель его организаторов не вызвала сомнений: лишить людей человеческого облика и уничтожить тех, кто работал на строительстве завода «И. Г.» в Освенциме. Я слышал, как один эсэсовский офицер заявил им: «Все вы осуждены на смерть, но она произойдет не сразу». А до этого СС и «И. Г.» эксплуатировали заключенных, заставляя их работать сверх всяких сил ²⁷.

Свидетель Рудольф Витек, также врач по специальности, бывший узник, рассказал:

«Капо», десятники и надзиратели «И. Г.» подгоняли заключенных во время работы самым бес-

человечным образом, не проявляя никакого милосердия. Широко применялись порки, самое жестокое обращение и даже убийства. Губительные темпы работы приводили к тому, что во время работы многие заключенные внезапно вытягивались пластом, синели, судорожно глотали воздух и умирали как животные...

Нередко случалось, что команды численностью 400—500 человек вечером приносили обратно от 5 до 20 трупов. Мертвых доставляли к месту переклички и считали присутствующими ²⁸.

Бывший заключенный, чех по национальности, утверждал, что

директорам «И. Г. Фарбен» было известно об отборах... Служащие «И. Г. Фарбен» косвенно способствовали отборам... Мастера жаловались начальникам, а те направляли жалобы руководству, д-ру Дюррфельду, а от него — СС. Затем офицер по распределению рабочей силы в Освенциме отправлялся рано утром в Моновиц, когда отряды выходили на работу, становился у ворот и отбирал тех, кого считали больными; их сразу же отправляли в газовые камеры. Эти письменные жалобы поступали от «И. Г.». Я сам видел их ²⁹.

Крайне драматичным было появление в качестве свидетелей обвинения военнопленных англичан. Их показания произвели особенно сильное впечатление.

Положение узников концентрационных лагерей было плачевным. Я не раз видел, как умерших от голода, холода или истощения ночью приносили обратно. В концлагерях люди выполняли тяжелую физическую работу: таскали стальные балки, трубы, кабель, кирпичи и мешки цемента весом около 100 фунтов. Как правило, узники весили меньше этих мешков. Я видел, как они волокли их, спеша выполнить эту работу вдвое быстрее, но это им не удавалось, и они падали в изнеможении.

...Нам приходилось видеть людей, висевших на воротах IV лагеря, и рабочие отряды должны были проходить под ними, направляясь на работу. Я сам видел эти трупы ³⁰.

Перекрестный допрос не помог защитникам обвиняемых.

«Вопрос: Вы лично видели, как заключенных вешали в IV лагере [Моновице]?

Ответ: Я видел троих людей, висевших на воротах IV лагеря, примерно в феврале 1944 года.

Вопрос: Вы знаете, почему этих людей повесили?

Ответ: Я не знал, что для этого нужна причина»³¹.

Другой англичанин, бывший военнопленный, показал:

В Освенциме я бывал почти каждый день. Жители Освенцима хорошо знали о том, что людей в лагере отравляют газом и сжигают. Однажды они пожаловались на смрадный запах горящих трупов. Разумеется, все служащие «И. Г. Фарбен» знали, что там происходит. Нельзя было жить в Освенциме и работать на заводе или даже приходить на завод и не знать того, что было известно всем и каждому³².

Пытаясь нейтрализовать убийственное впечатление от показаний свидетелей обвинения, защита представила 86 письменных показаний, данных под присягой. Пятнадцать из них, принадлежавших бывшим заключенным Моновица и «И. Г. Аушвиц», вызывали сомнения у представителей обвинения. От имени последних Эмануэль Минскофф вызвал этих людей для перекрестного допроса в качестве свидетелей. Ему исключительно успешно удалось подорвать доверие к этим свидетелям. Следующий отрывок отражает общую атмосферу, которую сумел создать Минскофф:

«Вопрос: Свидетель, правда ли, что зимой со строительной площадки «И. Г. Фарбен» обратно в Моновиц уносили до 20 человек, так как сами они уже не могли идти?

Ответ: Правда.

Вопрос: Могли бы вы сказать, каков был средний вес заключенных?

Ответ: 45—55 кг.

Вопрос: Правда ли, что десятники «И. Г. Фарбен» каждый вечер заполняли ведомости?

Ответ: Правда.

Вопрос: И правда ли то, что, если десятники «И. Г.» докладывали, что команда выполнила работу менее чем на 70%, каждого заключенного наказывали 25 ударами плети?

Ответ: Да, если десятник докладывал об этом, так было.

Вопрос: Имелось ли в Моновице место для наказания, которое гитлеровцы называли столбом позора?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: Свидетель, вы говорите, что в Моновице не существовало орудий пыток. А разве в Моновице не было камеры, где можно было только стоять?

Ответ: Была.

Вопрос: Виселицы в Моновице были?

Ответ: Да.

Вопрос: Не проходили ли вы часто мимо таких виселиц, когда вешали заключенных?

Ответ: К сожалению, проходил.

Вопрос: В своих письменных показаниях вы утверждаете, что выжили после трех лет в «И. Г. Аушвиц». Верно ли, что вы были, как там говорилось, «старым заключенным» и поэтому, а особенно потому, что во время вашего пребывания в лагере вас «сделали арийцем», вы находились в совершенно ином положении, чем остальные заключенные?

Ответ: Да, это так»³³.

После окончания допроса, свидетель, испытавший чувство глубокого потрясения, безудержно рыдал.

Одним из главных моментов в тактике защиты, стремившейся противодействовать таким дискредитирующим обвиняемым заявлениям свидетелей, было предъявление письменных показаний, в которых подробно описывались усилия обвиняемых из «И. Г.» защитить еврейских служащих от нацистов. Особенно интересны в этом отношении были попытки защитить Карла и Артура фон Вейнбергов. В письменных показаниях зятя Карла фон Вейнберга Рихарда фон Сцильвиньи и зятя Артура фон Вейнберга графа Рудольфа фон Шпрети говорилось, что Шмитц, Краух, Шницлер и Тер Меер пытались спасти Вейнбергов от нацистов. Шмитц, например, снабдил Шпрети деньгами для уплаты крупной суммы одному высокопоставленному нацистскому должностному лицу, чтобы Артуру фон Вейнбергу не пришлось носить желтую «еврейскую звезду». Впоследствии, когда Вейнберг был арестован и заключен в страшный концлагерь в Терезиенштадце, Шмитц и Краух заступились за него

перед Гиммлером. Было договорено, что Вейнберга освободят на двух сравнительно мягких условиях: остаток жизни он проведет со своей единственной дочерью, принцессой Шарлоттой Лобкович, в Серране, и это будет санкционировано местным гаулейтером Мекленбурга. Однако прежде, чем удалось получить санкцию мекленбургского гаулейтера, Вейнберг умер: ослабев от голода, он не перенес операцию по удалению желчного пузыря³⁴.

Карлу фон Вейнбергу повезло больше, чем его брату. При содействии должностных лиц «И. Г.» он бежал в Италию, где получал финансовую поддержку в виде выплат от компании в Милане, контролируемой «И. Г.». В период нацистского режима он получал пенсию в сумме 80 тыс. рейхсмарок, что было сопряжено с большим риском для представителей высшего руководства «И. Г.», одобрявших такую выплату³⁵.

Однако устные и письменные показания свидетелей-евреев не всегда достигали желаемого эффекта. Ушедший в отставку заместитель члена правления «И. Г.» Герхард Оллендорф представил письменные показания в защиту обвиняемого Фрица Гаевского. Оллендорфа арестовали в феврале 1939 года, как он полагал, во время нацистской облавы на евреев. Гаевский сумел добиться его освобождения у начальника районного гестапо. В своих письменных показаниях Оллендорф рассказал об этом случае и привел другие данные в доказательство того, что Гаевский был настроен против нацистов и помогал служащим-евреям.

Однако перекрестный допрос Гаевского представителем обвинения Моррисом Амчаном выявил его истинное отношение к аресту Оллендорфа.

«Вопрос: Верно ли, что, когда ваш коллега (из правления «И. Г.») Оллендорф пришел к вам как друг и по секрету поделился с вами, что из-за своего еврейского происхождения он собирается эмигрировать из Германии, вы сразу же сообщили гестапо, что его надо арестовать, а в его доме устроить обыск?

Ответ: Нет. Можно мне объяснить? Дело было так. Оллендорф не говорил мне этого по секрету. Все знали, что он собирается эмигрировать. Я говорил об этом... с Бошем, и он сказал мне: «Будьте осторожны. Позаботьтесь, чтобы таким образом в другие

страны не проникли технические секреты, иначе у вас будут неприятности». Мы сказали: «В доме Оллендорфа надо устроить обыск, чтобы быть спокойным в этом отношении». Это все, что мы сделали.

Вопрос: Я предъявляю вам (документ) и хочу спросить вас, не напоминает ли он вам о том, что в тот же день, когда Оллендорф сказал вам, что собирается эмигрировать из Германии, вы сообщили об этом в гестапо, предложив арестовать его и обыскать его дом? Напоминает он вам об этом?»³⁶

Затем Амчан передал Гаевскому письмо, в котором тот сообщал гестапо об Оллендорфе.

Оллендорф информировал Управление экономического развития рейха, что намерен уехать за границу. Мы полагаем, что Оллендорфу известно о некоторых секретных вопросах, и поэтому в общих интересах экономики в настоящее время его не следовало бы выпускать. Поскольку у Оллендорфа могут иметься документы, было бы целесообразно произвести в целях предосторожности обыск в его доме и передать нам любые обнаруженные там документы для изучения и анализа.

Просим сохранить это в абсолютной тайне. Хайль Гитлер³⁷.

Вопрос: Еще один вопрос. Говорили ли вы когда-либо Оллендорфу, что сообщили о нем гестапо и потребовали его ареста?

Ответ: Нет, не говорил»³⁸.

Еще одной относительно безуспешной уловкой защиты была попытка показать, будто обвиняемые не знали, что представлял собой Освенцим. Представители обвинения доказали, что за три с половиной года его существования Амброз побывал в этом лагере 18 раз, Бютефиш — 7, Йене — дважды, Тер Меер — дважды, а Краух, Книрим и Шнейдер — по одному разу. Дюррфельд жил на территории лагеря в течение всего периода его существования. Кроме того, и правление, и технический комитет «И. Г.» получали подробные доклады о количестве, характере и распределении различных категорий рабочей силы в «И. Г. Аушвиц» и на других заводах «И. Г.» в Германии, где также применялся рабский труд. Эти циф-

ры сводились в разноцветные диаграммы, которые вывешивались в соответствующих залах заседаний. С 1941 года, когда проблема рабочей силы стала более острой, диаграммы начали отражать новую классификацию. Руководителям «И. Г.» уже было известно, что более половины его «служащих» — военнопленные, временные иностранные рабочие, отбывавшие наказание бывшие служащие вермахта и заключенные концлагерей. Перед лицом таких улик показаниям обвиняемых о том, что они ничего не знали об использовании рабочей силы и о зверствах в Освенциме, вряд ли можно было поверить. Любой побывавший в Освенциме не мог не видеть, что там истребляют людей. Из его труб поднимались клубы человеческого пепла, усеивавшего землю на многие километры вокруг. Поэтому попытки охарактеризовать царившие там порядки как хорошие просто нелепы.

Гораздо более эффективной юридической тактикой была «защита в условиях крайней необходимости». Защитники подчеркивали, что немецкие промышленники вынуждены были действовать в период нацизма по принуждению. Предписания рейха, утверждали они, были настолько чреватые серьезными последствиями, а меры по их соблюдению настолько суровы, что отказ подчиниться им мог повлечь за собой для промышленника тюремное заключение и даже смерть. Под угрозой нацистского террора обвиняемые совершили некоторые из деяний, упомянутых в обвинительном заключении. Чтобы остаться в живых, необходимо было выполнять даже самые вопиющие требования гитлеровского правительства³⁹.

В связи с этим защита вызвала двух важных свидетелей. Фельдмаршалу Эрхарду Мильху, который сам был осужден и приговорен к пожизненному заключению за участие в германской программе введения рабского труда, задали вопрос, каковы были бы для немецкого промышленника последствия, если бы он отказался использовать заключенных концлагеря или военнопленных, выделенных в его распоряжение для нужд военного производства. Мильх ответил, что он был бы немедленно арестован и ему пришлось бы предстать перед судом за «подрыв боевого духа». «Это был общеизвестный и очень страшный пункт. Обычно обвинение по этому пункту означало смертную казнь»⁴⁰.

Другим свидетелем, давшим показания о «защите на

основе принципа необходимости», был глава концерна «Флик» Фридрих Флик, который был осужден и приговорен к семи годам заключения за применение системы рабского труда, разграбление и уничтожение собственности, а также за то, что он был членом СС. Защитник обвиняемого Шницлера спросил, мог ли крупный промышленник отказаться присутствовать на совещании в феврале 1933 года, которое Геринг созвал для сбора средств на избирательную кампанию нацистов и на котором Шницлер присутствовал.

«*Ответ:* Он мог бы так поступить, если бы пренебрег последствиями, но, естественно, он пожалел бы об этом»⁴¹.

На некоторых членов суда произвела впечатление попытка защиты поставить знак равенства между обвиняемыми из «И. Г.» и их коллегами-промышленниками в Соединенных Штатах и в других странах как людьми богобоязненными, порядочными и решительно настроенными против коммунизма. Эта тактика оказалась более эффективной. «Замените «И. Г.» такими наименованиями, как «И. К. И.» («Империл кемикл индастриз») в Англии, или «Дюпон» в Америке, или «Монтекатини» в Италии,— сказал на суде защитник Крауха,— и вам сразу же станет ясна аналогия между ними»⁴². По существу, заявил он, обвиняемые были бизнесменами мирного времени, и трансформация их деятельности в усилия по обороне их страны не должна рассматриваться как участие в подготовке агрессивной войны или в ее ведении.

Представитель защиты использовал в своих интересах существовавшую тогда атмосферу «холодной войны», которая нашла свое отражение в высказываниях и позиции некоторых членов суда. Стараясь объяснить отмечавшийся в показаниях свидетелей энтузиазм, с которым их подзащитные поддерживали политику нацистов и сами участвовали в них, защитники ссылались на борьбу Гитлера против коммунизма. Защитник Крауха особенно нажимал на то, что его подзащитный, как и любой добропорядочный американский бизнесмен, опасался распространения «коммунистической угрозы», что выступления Гитлера по вопросам внешней политики произвели на него глубокое впечатление. Через все эти выступления «красной нитью» проходят заверения в любви к миру и «страх перед большевистской угрозой». Затем, как бы невероятно это ни

авучало, защитник Крауха, взывая к чувствам, порожденным «холодной войной», с одобрением отозвался о Гитлере как о пророке. «Насколько прав был Гитлер в этом направлении его политики... могла бы подтвердить политическая ситуация, сложившаяся за последние месяцы в Европе»⁴³. На этом мрачном заявлении фактически и строилась защита «отца» «И. Г. Аушвиц».

Процесс закончился 12 мая 1948 года, истощив силы всех, кто в течение 152 дней, пока длился суд, имел к нему отношение. На суде выступили 189 свидетелей. Стенограммы протоколов заняли почти 16 тыс. страниц. В качестве доказательств было представлено свыше 6 тыс. документов и 2800 письменных показаний⁴⁴. Кроме того, на суде фигурировало множество справок, ходатайств, постановлений и других документов.

Члены суда, расхопившиеся во мнениях и уже уставшие, должны были на основе этой колоссальной документации юридически обосновать решение, которое имело бы историческое значение. 29 июля 1948 года, почти через год после начала процесса, суд собрался, чтобы вынести приговор и осудить виновных. Член суда Хеберт, которого, видимо, поддержал заместитель члена суда Меррелл, попросил членов суда Шейка и Морриса предоставить ему дополнительное время, чтобы окончательно продумать и изложить свое мнение, как совпадающее, так и расходящееся с заключением суда. Ему в этом было отказано.

Прежде чем перейти к судебному разбирательству, председатель суда Шейк коснулся того, о чем сообщили в тот день утренние газеты: загадочным взрывом был разрушен работавший при высоких давлениях гидрогенизационный завод в Людвигсхафене, во французской зоне оккупации. Этот взрыв, в результате которого около 200 рабочих было убито и несколько тысяч ранено⁴⁵, явился грозным напоминанием о взрыве в Людвигсхафене в 1921 году, причины которого так и остались невыясненными. По поводу этой трагедии судья Шейк заметил: «Трибунал получил неофициальную информацию об ужасной трагедии, которая произошла вчера вечером в Людвигсхафене. От имени не только трибунала, но и всех собравшихся в этом зале я выражаю соболезнование по поводу гибели людей, воздавая должное их памяти, а также сочувствие семьям тех, кто пострадал во время этого прискорбного инцидента». В протоколе судебного заседания

появилась запись: «Все присутствовавшие молча почтили память погибших вставанием»⁴⁶.

Адвокату Германа Шмитца Рудольфу Диксу, выступившему в качестве представителя защиты, было разрешено сказать ответное слово: «Позвольте мне выразить вам и трибуналу нашу сердечную благодарность и самую сердечную благодарность от имени присутствующих здесь людей, от имени защиты и от имени несчастных пострадавших»⁴⁷.

После этой краткой и грустной церемонии началось чтение судебного решения на основе приговора, вынесенного на процессе главных военных преступников в октябре 1946 года; суд быстро рассмотрел первый и четвертый разделы Обвинительного акта, в которых обвиняемым ставились в вину подготовка и ведение агрессивных войн и участие в заговоре.

В той степени, в какой деятельность обвиняемых... существенным образом способствовала перевооружению Германии, обвиняемым надлежит поставить в вину знание непосредственного результата... Однако обвинение сталкивается с трудностью установления у обвиняемых знания не только о перевооружении Германии, но и о том, что целью этого перевооружения было ведение агрессивной войны. В данном случае улики из доказательств становятся лишь предположениями⁴⁸.

По первому и четвертому разделам суд оправдал всех обвиняемых.

По второму разделу, о разграблении и уничтожении собственности, суд установил основные принципы для определения вины или невиновности.

Мы считаем сутью преступления разграбления или уничтожения то, что владелец был лишен своей собственности не добровольно, а против своей воли... Когда действия владельца не являются добровольными, поскольку его согласие получено путем угроз, запугивания, нажима или путем использования положения и власти военных оккупантов при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что владельца вынуждают расстаться со своей собственностью против его воли, имеется налицо явное нарушение положений Гаагской конвенции⁴⁹.

На основании этого девять обвиняемых, включая таких главных членов правления «И. Г.», как Герман Шмитц, Георг фон Шницлер, Фриц Тер Меер, Фридрих Йене и Макс Ильгнер, были признаны виновными. Остальные четырнадцать обвиняемых были оправданы⁵⁰.

Третий раздел Обвинительного акта, по которому обвиняемым ставились в вину установление системы рабского труда и массовые убийства, был важнейшим на процессе; таким он и остался в приговоре суда. Принимая во внимание неоспоримые факты террора, практиковавшегося нацистами даже по отношению к собственным согражданам, суд признал истинной последствия, угрожавшие тем, кто не подчинялся приказам нацистского государства. Поэтому суд «не был готов сказать, что эти обвиняемые не говорили правду, когда утверждали, что, осуществляя программу использования рабского труда, они не имели иного выхода, кроме как выполнять приказы гитлеровского правительства»⁵¹. Отказываясь стать угнетателем, «И. Г.» мог бы сам стать жертвой.

Вряд ли можно сомневаться в том, что дерзкий отказ кого-либо из руководителей «И. Г. Фарбен» выполнять производственную программу рейха или использовать в этих целях рабский труд рассматривался бы как предательский саботаж и имел бы следствием немедленные и крутые меры возмездия. Имелись достоверные данные о том, что Гитлер приветствовал бы возможность сделать кого-либо из руководителей «И. Г. Фарбен» примером в этом смысле⁵².

Оставался лишь вопрос о том, при каких обстоятельствах обвиняемые могли бы прибегнуть к «защите в условиях крайней необходимости». В своем ответе на этот вопрос суд абсолютно ясно указал, что:

приказ вышестоящего должностного лица, или закон, или правительственный декрет не оправдывает защиту в условиях крайней необходимости, если при его осуществлении он по своему характеру не будет лишать того, на кого он направлен, морального выбора своей линии поведения. Это значит, что защита в условиях крайней необходимости не может применяться в случаях, когда лицо, стремящееся прибегнуть к ней, само несло ответственность за существование или выполнение такого приказа или декре-

та или когда его участие выходило за необходимые рамки или осуществлялось по его собственной инициативе ⁵³.

Определив, таким образом, главный аргумент в защиту обвиняемых, суд приступил к довольно краткому изложению фактов, относящихся к Освенциму. И тем не менее эти факты вызвали временами такой накал страстей, что его едва мог сдерживать даже характер судебной процедуры.

На территории завода иногда происходили бесчеловечные акты. Заводская полиция и надзиратели, наблюдавшие за работавшими заключенными, избивали их. Временами рабочие падали от изнеможения. Основной причиной этого были голод и истощение вследствие длительной тяжелой работы.

...Было широко известно о том, что тех, кто уже не мог работать, отбирали и отравляли газом. Страх заставлял многих рабочих продолжать работать до тех пор, пока они не сваливались. В лагере Моновиц эсэсовцы открыли больницу. Мнения о том, насколько удовлетворительным было там медицинское обслуживание, резко расходятся. Однако независимо от этого ясно одно: многие рабочие не обращались за медицинской помощью, боясь, что эсэсовцы отберут их для отправки в Биркенау. Узники концлагеря, работавшие на строительстве в Освенциме, жили и работали под страхом смерти ⁵⁴.

Хотя суд ясно подчеркнул, что «И. Г. Фарбен» «не осуществлял и не поощрял намеренно бесчеловечную политику по отношению к рабочим» ⁵⁵, на него тем не менее произвели глубокое впечатление выявившиеся в ходе процесса факты, свидетельствовавшие о прямой ответственности Амброза, Бютефиша и Дюррфельда за поставки рабочей силы, и он счел, что «они хоть в какой-то мере должны разделить с СС и строительными подрядчиками ответственность за жестокое обращение с рабочими» ⁵⁶. Кроме того, суд установил, что «И. Г. Аушвиц» и «Фюрстенгрубе», близлежащая угольная шахта «И. Г.», где применялся рабский труд ⁵⁷, были исключительно частными предприятиями,

управлявшимися «И. Г. Фарбен» в условиях значительной свободы и возможностей для проявления инициативы со стороны связанных с ними должно-

стных лиц «И. Г. Фарбен»... Применение труда заключенных концлагерей и иностранных рабочих в Освенциме по инициативе должностных лиц «И. Г. Фарбен» — преступление против человечества, а в той мере, в какой это касалось граждан немецкой национальности, также и военное преступление, в отношении которого программа рейха, касавшаяся применения рабского труда, не может оправдать аргумента о защите в условиях крайней необходимости⁵⁸.

Суд, не трата много времени, вынес обвинительный приговор обвиняемым, которые были наиболее тесно связаны с работой объекта «И. Г. Аушвиц».

Рассмотрение фактов об «Аушвице» и «Фюрстенгрубе» убеждает нас в том, что обвиняемые Дюррфельд, Амброс и Бютефиш несут за это прямую ответственность. Поэтому в дальнейшем обсуждать вопрос об этих обвиняемых нет необходимости, поскольку действия, за которые они ответственны, подтверждают их вину по третьему разделу (использование рабского труда и массовые убийства), не оставляя места для сомнений⁵⁹.

Хотя суд не сделал никаких оговорок или ограничений по поводу вины Амброза, Бютефиша и Дюррфельда по третьему разделу, формулировка решения по делу Крауха и Тер Меера была более умеренной:

Имеющиеся данные не убеждают нас в том, что Краух был инициатором или важным участником первоначального порабощения рабочих в иностранных государствах. Тем не менее он действительно и, как мы думаем, сознательно участвовал в принудительной отправке рабочих в Освенцим и в другие места, где их труд применялся в области химической промышленности. Имеющиеся данные не доказывают, что он знал о жестоком обращении с рабочими на местах или что он был причастен к этому. Ввиду того, что ему, безусловно, должно было быть известно об использовании принудительного труда и о роли, которую он добровольно играл в его распределении и предоставлении, мы вынуждены считать его добровольным участником преступления, заключающегося в порабощении людей...⁶⁰

Наш окончательный вывод таков: Краух, в силу его деятельности, связанной с распределением заключенных концлагерей и насильно завербованных иностранных рабочих, виновен по разделу третьему ⁶¹.

Тер Меер, самый высокопоставленный ученый в составе правления «И. Г.» и председатель технического комитета, был также признан виновным в использовании рабского труда и в осуществлении массовых убийств. Фактами, компрометировавшими Тер Меера, были два его посещения Освенцима и то обстоятельство, что Амброз направлял ему доклады.

Захваченные документы... подтвердили тот бесспорный факт, что при строительстве «Аушвица» предусматривалось использование в качестве рабочей силы заключенных концлагеря. Важную роль в разработке такого плана играл Амброз. Непосредственным начальником, с которым он часто встречался и которому представлял подробные доклады, был Тер Меер, который играл активную и главную роль на этом строительстве. Было бы неразумно думать, что в случаях, когда Амброз обращался к Тер Мееру за советами и представлял ему подробные доклады, их разговоры ограничивались вопросами транспорта, водоснабжения и наличия строительных материалов и не касались рабочей силы — важного для строительства фактора, в котором значительное место отводилось концентрационному лагерю. Для Тер Меера его посещения Освенцима, несомненно, позволяли видеть не меньше того, что видит наш трибунал... У нас нет ни малейших сомнений в том, что должностные лица, руководившие строительством «Фарбен», выходили за рамки, созданные нажимом со стороны правительственных чиновников, и им по справедливости можно вменить в вину то, что они взяли на себя инициативу по планированию и использованию труда заключенных концлагерей. Самым большим авторитетом среди этих должностных лиц пользовался Тер Меер. Нельзя сказать, что он потворствовал жестокому обращению с рабочими или сам был к этому причастен. Но само по себе это обстоятельство не оправдывает его твердо установленной вины по разделу третьему ⁶².

Остальные обвиняемые были оправданы по этому разделу ⁶³.

В конце заседания суд огласил приговоры осужденным ⁶⁴.

Отто Амброз по разделу третьему Обвинительного акта — использование рабского труда и массовые убийства — приговорен к 8 годам тюремного заключения.

Вальтер Дюррфельд по разделу третьему — использование рабского труда и массовые убийства — приговорен к 8 годам тюремного заключения.

Фриц Тер Меер по разделам второму — разграбление и уничтожение собственности — и третьему — использование рабского труда и массовые убийства — приговорен к 7 годам тюремного заключения.

Карл Краух по разделу третьему — использование рабского труда и массовые убийства — приговорен к 6 годам тюремного заключения.

Генрих Бютефиш по разделу третьему — использование рабского труда и массовые убийства — приговорен к 6 годам тюремного заключения.

Георг фон Шницлер по разделу второму — разграбление и уничтожение собственности — приговорен к 5 годам тюремного заключения.

Герман Шмитц по разделу второму — разграбление и уничтожение собственности — приговорен к 4 годам тюремного заключения. Макс Ильгнер по разделу второму — разграбление и уничтожение собственности — приговорен к 3 годам тюремного заключения. Генрих Остер по разделу второму — разграбление и уничтожение собственности — приговорен к 2 годам тюремного заключения.

Пауль Хефлигер по разделу второму — разграбление и уничтожение собственности — приговорен к 2 годам тюремного заключения.

Фридрих Йене по разделу второму — разграбление и уничтожение собственности — приговорен к полутора годам тюремного заключения.

Ганс Кюглер по разделу второму — разграбление и уничтожение собственности — приговорен к полутора годам тюремного заключения.

Представители обвинения были возмущены решением суда и вынесенными им приговорами. Главный обвини-

Краух, Шмитц, Ильгнер, Шницлер, Гаевский, Гаттино и фон дер Хейде на скамье подсудимых

тель Джосайя Дюбуа назвал их «достаточно мягкими, чтобы угодить вору, таскающему кур». Покидая зал заседаний, он заявил: «Я напишу об этом книгу, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни»⁶⁵. Спустя четыре года вышла в свет его книга «Химики дьявола: 24 заговорщика из международного картеля «Фарбен», которые фабрикуют войны». Это мрачное, страстное повествование о беспрецедентных фактах в истории коммерции, войн и юриспруденции.

Почти через пять месяцев после вынесения приговора член суда Хеберт заявил о своем согласии с обвинениями руководителей «И. Г. Фарбениндустри» в преступлениях против мира (подготовка и ведение агрессивных

войн) и о несогласии с обвинением в использовании рабского труда и в массовых убийствах. Несмотря на то что он выразил свое согласие с обвинениями по разделам первому и пятому, изложенное им на 124 страницах особое мнение — это резкая критика в адрес большинства членов суда за их неправильное толкование документов «с целью полного оправдания и снятия даже моральной вины в той мере, которую я считаю необоснованной»⁶⁶. По мнению Хеберта, огромное множество свидетельских показаний в ходе длительного судебного процесса изобличает «И. Г.» в том, что его деятельность выходила далеко за рамки нормальной коммерческой деятельности «из-за сочувствия и приверженности нацистскому режиму»⁶⁷.

Судья Хеберт значительно больше, чем его коллеги, подчеркивал историческое значение этого судебного процесса: «Важно не только установить вину или невиновность подсудимых, но и точно зафиксировать установленные наиболее существенные факты»⁶⁸. Именно это и сделал Хеберт, тщательно изложив все подробности. Однако если действия обвиняемых по оказанию помощи нацистам в подготовке и ведении агрессивной войны и их «отношения к преступлениям против мира»⁶⁹ нельзя было простить или преуменьшить, то Хеберт тем не менее считал своим долгом оправдать обвиняемых по разделам первому и пятому. Это оправдание было правомерным, заявил Хеберт, независимо от того, в какой мере поддержка обвиняемыми «нацистского режима способствовала, во-первых, тому, чтобы сделать войну возможной с точки зрения производства, и, во-вторых, тому, чтобы продолжать войну после того, как она была развязана»⁷⁰.

Что касается обвинения в использовании рабского труда и в массовых убийствах, то член суда Хеберт резко расходился в своем мнении с коллегами. Он считал, что виновны были все подсудимые.

На основании доказанных на суде фактов я убедился, что обвиняемые, которые были членами (правления «И. Г.»), являлись пособниками в совершении военных преступлений и преступлений против человечества и по своей воле принимали в них участие, как указано в разделе третьем обвинительного заключения⁷¹.

...По моему мнению, проект «Аушвиц» не был бы осуществлен, если бы в его утверждении и одобрении

не участвовали остальные обвиняемые, зная, что на строительных и иных работах будет использован труд заключенных концлагерей и другой рабский труд...⁷²

Согласившись принять широкое участие в использовании заключенных концлагерей на работах в Освенциме и проявив через посредство некоторых из своих агентов инициативу в переговорах с представителями СС с целью обеспечения себе все большего притока рабочей силы, «Фарбен» неизбежно прибег к бесчеловечным методам, применявшимся при использовании такого труда... Имеющиеся данные доказывают, что условия, в которых узники концлагерей вынуждены были работать на территории строительства «Фарбен» в Освенциме, являлись в высшей степени бесчеловечными. Не будет преувеличением сказать, как утверждают представители обвинения, что условия работы косвенно вызвали смерть многих тысяч людей...⁷³

Установлено, что «Фарбен» избрал местом строительства Освенцим, зная о существовании там концлагеря, и предусматривал возможность использования заключенных концлагеря на строительных работах; что об этих вопросах неизбежно приходилось докладывать (правлению) и ТЕА (техническому комитету) и обсуждать их; что инициатива, проявленная «Фарбен», обеспечила ему заключенных для работы в Освенциме; что этот проект постоянно находился на обсуждении технического комитета в связи с необходимостью выделения на него средств; что технический комитет должен был получать информацию о положении с рабочей силой на объекте в целях надлежащего выполнения своих функций; что об условиях, в которых находились заключенные концлагеря, доводилось до сведения членов технического комитета и (правления) в ходе различных обсуждений и в докладах; что некоторые обвиняемые фактически были очевидцами существовавших в Освенциме условий во время своих личных посещений его; что, как было доказано, обвиняемые Краух, фон Книрим, Шнейдер, Йене, Амброс, Бютефиш и Тер Меер бывали на строительстве «И. Г. Аушвиц», когда там происходили описанные

выше факты; что условия в Освенциме были крайне ужасающими и невозможно поверить, что о них не было известно обвиняемым — главным директорам корпорации, на которых лежала ответственность за связь «Фарбен» с этим объектом⁷⁴.

По мнению Хеберта, не только Амброза, Дюррфельда, Тер Меера, Бютефиша и Крауха, но и всех членов правления «И. Г.» следовало признать виновными в использовании рабского труда и в массовых убийствах. Можно с уверенностью сказать, что, если бы приговоры вынес он сам, они не «угодили бы вору, таскавшему кур». Однако к тому времени, когда Хеберт заявил о своем несогласии с постановлением суда, заинтересованность печати и общественности в наказании за военные преступления почти исчезла, и «холодная война» стала быстро усиливаться.

9. «И. Г. Фарбениндустри» выигрывает мир

Вопрос о том, как поступить с концерном «И. Г. Фарбениндустри», стал предметом серьезного беспокойства для союзников сразу же после разгрома Германии. Его решающая роль в обеспечении Гитлеру возможности более пяти с половиной лет вести самую кровавую войну в истории человечества не осталась незамеченной для правительств союзных стран. Еще до официальной капитуляции Германии генерал Эйзенхауэр приказал рассмотреть роль «И. Г.» в военных усилиях Германии. После подробного анализа деятельности «И. Г.» — от создания и производства синтетического жидкого топлива и каучука до его соглашений о международных картелях — группа экспертов пришла к заключению, что «И. Г.» был необходим для военных усилий Германии. Без него Гитлер никогда не смог бы развязать войну или одерживать временные победы¹.

Доклад, представленный экспертами, произвел на Эйзенхауэра глубокое впечатление. Он решил, что стратегическое положение «И. Г.» в германской экономике необходимо подорвать в качестве «одного из способов обеспечения международного мира»². Конкретные рекомендации Эйзенхауэра были бы бальзамом для маршала Фоша, его предшественника на посту главнокомандующего силами союзных стран в первую мировую войну: 1. Сделать заводы и другие активы «И. Г.» пригодными для выплаты репараций. 2. Разрушить заводы «И. Г.», используемые исключительно для военных целей. 3. Ликвидировать монопольный контроль «И. Г.», рассредоточив право собственности на его остальные заво-

ды. 4. Положить конец участию «И. Г.» в международных картелях. 5. Перенять у «И. Г.» исследовательские программы и сооружения ³.

В тот же день, когда рекомендации Эйзенхауэра были переданы прессе, командование американской армии объявило о своих планах взорвать в американской зоне три завода «И. Г.» по производству бездымного пороха и нитроцеллюлозы. Эти заводы должны были стать «первыми из многих сотен заводов... намеченных к полному уничтожению» ⁴.

В ноябре 1945 года Союзный контрольный совет принял постановление «обеспечить, чтобы Германия никогда больше не могла угрожать своим соседям или международному миру... принимая во внимание, что «И. Г. Фарбениндустри» сознательно и активно участвовал в создании и сохранении военного потенциала Германии» ⁵. Все заводы и другие активы «И. Г.» в Германии подлежали конфискации, а право собственности на них передавалось Контрольному совету. В каждой зоне оккупации предстояло выделить офицеров по руководству конфискованными заводами и осуществлению проводившейся Контрольным советом политики.

Несмотря на строгую формулировку постановления Контрольного совета, немецкие спекулянты, казалось, не принимали всерьез новое постановление и планы союзных стран. За три месяца, с 20 октября и до 20 января, стоимость акций «И. Г.» на мюнхенской фондовой бирже удвоилась. Директору экономического отделения Управления военной администрации генералу Уильяму Дрейперу был задан на пресс-конференции вопрос, чем объяснить стремительное повышение цен этих акций. С кривой усмешкой он заявил, что спекулянты, вероятно, «покупают кусок Контрольного совета» ⁶, поскольку совет в настоящее время обладает официальным правом собственности на все активы «И. Г.».

Через несколько дней американская военная администрация отнеслась к этому вопросу серьезнее, приказав положить конец всякой торговле ценными бумагами «И. Г.». Любой нарушивший это постановление мог быть приговорен к пяти годам тюремного заключения или к штрафу в размере 10 тыс. долл. Предполагалось, что эта мера убедит немецких спекулянтов в том, что «И. Г.» ликвидируется навсегда ⁷.

В конце февраля 1947 года американская военная администрация издала постановление, которое должно было стать юридическим обоснованием ликвидации «И. Г.» в американской зоне оккупации. «Запрещение чрезмерной концентрации германской экономической мощи»⁸ явилось широким антитрестовским законом, рассчитанным на предотвращение монопольных методов. Оно предусматривало расследование деятельности всех немецких фирм с числом служащих более 10 тыс. человек; если в каких-либо из этих фирм отмечалась «чрезмерная концентрация экономической мощи, они подлежали реорганизации и расчленению на несколько экономических единиц»⁹.

Первой мишенью действия этого постановления — и, как оказалось, единственной — стал «И. Г. Фарбен». 17 июня начальник отдела декартелизации американской военной администрации Филлип Хоукинс объявил, что все предприятия «И. Г.» в американской зоне разделены на 47 самостоятельных единиц, которые будут управляться немецкими опекунами впредь до окончательного решения вопроса об этих заводах¹⁰. По любым критериям рассредоточение «И. Г.» на 47 частей фактически представляло собой ликвидацию.

Большинство немецких опекунов уже были назначены, и их предупредили о широком распространении в Германии деловых методов, которые теперь в соответствии с новым антитрестовским законом считались незаконными. Были запрещены установление цен по своему усмотрению, бойкоты, дискриминация в отношении любого производителя или торговца-оптовика, раздел рынков или отраслей промышленности, сокрытие новой технологии или изобретения независимо от того, запатентованы ли они, установление квот и другие приемы и методы, направленные на ограничение торговли или производства¹¹.

Прошло немного времени, и стало ясно, что все эти прекрасные декларации — иллюзия. В середине 1947 года американская внешняя политика приняла такое направление, которое резко сказалось на процессе декартелизации в Германии. Эта новая политика нашла свое отражение в докладе 14 крупнейших американских бизнесменов, назначенных военным министерством для пересмотра политики американской военной администрации по отношению к германской промышленности. Эти бизнесмены

особенно нападали на закон о декартелизации, заявляя, что он представляет собой

ряд мер по контролю и постановлений, многие из которых сводятся к экономическим принципам, абсолютно несвойственным духу немцев и развитию промышленности страны в прошлом. Сталкиваясь с острой необходимостью как можно скорее добиться восстановления экономической жизни голодающего народа, мы считаем, что слишком строгое соблюдение этого закона в жизни серьезно задержит выполнение этой первоочередной задачи¹².

В условиях начавшейся «холодной войны» ликвидация «И. Г.» была отложена. За все время существования Союзного контрольного совета ничего больше в западных зонах предпринято не было. Однако, когда по вине западных держав Союзный контрольный совет перестал существовать, контроль четырех держав над Германией закончился в июне 1949 года и был заменен в западных зонах Союзной контрольной комиссией (в составе гражданских представителей Соединенных Штатов, Великобритании и Франции), акционеры старого «И. Г.» принялись за дело. Они возродили акционерное общество и потребовали, чтобы вместо 47 самостоятельных единиц, управляемых опекунами, заводы «И. Г.» были объединены в три компании: «Байер», «БАСФ» и «Хёхст». Затем акционерное общество потребовало, чтобы весь акционерный капитал старого «И. Г. Фарбениндустри» был соответственно превращен в акционерный капитал предлагаемых трех компаний-правопреемников. Крупные акционеры каждой компании остались бы теми же. Скептикам это представлялось хитроумным способом сохранить общий контроль над каждой из этих трех компаний¹³ за прежними основными акционерами «И. Г. Фарбениндустри».

Акционерное общество развернуло широкую лоббистскую и пропагандистскую кампанию, стремясь добиться поддержки своего плана боннским правительством. В 1950 году не было предпринято ничего для решения судьбы самостоятельных организаций «И. Г.». Представитель Союзной контрольной комиссии заявил, что прежде, чем осуществить какие-либо меры в отношении «И. Г.», необходимо принять новое постановление от имени Союзной контрольной комиссии трех держав взамен старого постановления, принятого Союзным контрольным

советом четырех держав. Он отметил, что от прежних планов широкой программы ликвидации «И. Г.» придется отказаться; программа продажи отдельных заводов «окончательно канула в прошлое». Ему незачем было подчеркивать, что теперь акцент делается уже на «холодную войну» и на возрождение германской промышленности, а не на рассредоточение чрезмерной экономической мощи и демилитаризацию.

Новое постановление № 35 Союзной контрольной комиссии, «Рассредоточение активов «И. Г.», было опубликовано в августе 1950 года. В нем говорилось, что «Союзная контрольная комиссия примет такие меры, которые она считает необходимыми, чтобы завершить ликвидацию «И. Г. Фарбениндустри» и упразднить ее как юридическое лицо». Активы компании в американской, британской и французской зонах предстояло «рассредоточить между таким числом экономически жизнеспособных и независимых компаний, которое обеспечило бы рассредоточение права собственности и контроля и способствовало бы конкуренции в германской химической и смежных с ней отраслях промышленности». Конкретно число таких компаний указано не было. Для претворения в жизнь нового постановления Союзная контрольная комиссия должна была назначить комитет по ликвидации «И. Г. Фарбен» из немецких граждан. Любой человек, осужденный как военный преступник, должен был быть отстранен от прямого или косвенного участия в управлении какой-либо из намечавшихся новых компаний; постановление исключало возможность участия в их руководстве таких видных представителей «И. Г.», как Краух, Шмитц, Шницлер, Тер Меер, Йене, Амброз и Бютефш. Новое постановление позволяло надеяться, что старому порядку контроля над «И. Г.» положен конец.

В середине января 1951 года Союзная контрольная комиссия согласилась наконец на рассредоточение права собственности. 159 заводов «И. Г.» предстояло распределить между 9 компаниями: «большой тройкой» («Байер», «БАСФ» и «Хёхст») и шестью более мелкими фирмами, в том числе «Агфа», «Калле», «Касселла» и «Хюэльс».

Те представители союзных стран, которые требовали ликвидации «И. Г.» «в качестве одного из способов обеспечения международного мира» были жестоко разочаро-

ваны. Однако подобный план не удовлетворил и акционеров «И. Г.». Они все еще настаивали на принятии формулы «большой тройки». В этом их поддерживали немецкие опекуны заводов «И. Г.» (в числе которых был кое-кто и из должностных лиц «И. Г.» прежних времен), а также боннское правительство. Результатом этого явились затянувшиеся переговоры между западными союзниками и западногерманскими промышленниками. Время работало на акционерное общество. В недалеком будущем союзники должны были уйти из Германии.

К концу 1951 года вопрос о том, что делать с более мелкими компаниями, еще не был решен. Никто, однако, не оспаривал того, что фирмы, входившие в «большую тройку», должны возродиться как корпорация, существовавшая до 1926 года. Фактически эти фирмы восставали в то время, когда между Союзной контрольной комиссией и западногерманскими промышленниками продолжались переговоры о том, какие еще компании надлежит создать. В декабре были объявлены имена членов правления и должностных лиц компаний «большой тройки». В их число вошли многие бывшие административные сотрудники «И. Г.», но пока что среди них еще не было осужденных военных преступников¹⁴.

Некоторые представители союзных властей, имевшие отношение к программе декартелизации, начали открыто поговаривать о том, что контроль ускользает из рук союзников и переходит к бывшим сотрудникам «И. Г.». Они предполагали, что, когда союзники покинут Германию, «большая тройка» может вернуться к своим прежним методам. Беспокоило их и другое обстоятельство. Они считали, что акционерный капитал вновь учрежденных компаний «большой тройки» станет доступным в первую очередь для бывших акционеров «И. Г.», а это создавало возможность того, что «большая тройка» будет принадлежать тем же акционерам¹⁵. Тем не менее никто не был особенно склонен предотвратить такую ситуацию.

И все же союзники отказывались капитулировать по одному пункту, а именно в отношении требования западногерманских промышленников регистрировать акции новых компаний только на «предъявителя», настаивая, чтобы каждая акция была зарегистрирована на имя фактического владельца в качестве гарантии против установления тайного контроля. Западногерманские промышленники

отвечали, что регистрировать все акции будет слишком трудно и обойдется это слишком дорого. Но в этом вопросе Союзная контрольная комиссия отказалась пойти на компромисс. Акции на предъявителя были запрещены.

В марте 1953 года Союзная контрольная комиссия обнародовала наконец план распределения оставшихся в Западной Германии активов «И. Г.», значительная часть которых была передана «большой тройке». «Байер» получила 100% акционерного капитала фирмы «Агфа»¹⁶. Из всех мелких фирм сохранялись в качестве независимых компаний только «Касселла» и «Хюэльс». Акционеры «И. Г.» должны были в обмен на свои старые акции получить акции в 5 компаниях, ставших преемниками «И. Г.»¹⁷.

Полтора года спустя, в октябре 1954 года, в Париже были подписаны соглашения о прекращении оккупационного режима в Западной Германии. После ратификации соглашений подписавшими их странами Федеративной Республике Германии предстояло вскоре получить суверенитет и войти в систему западного военного союза¹⁸. Канцлер Аденауэр в письме верховному комиссару США Джеймсу Конанту подтвердил готовность ФРГ следовать антитрестовской политике, которую проводили союзнические оккупационные власти¹⁹.

Но не все представители оккупационных властей были настроены оптимистически в отношении эффективности такой передачи власти. Как писала «Нью-Йорк таймс», «должностные лица США признают, что у них нет уверенности в том, что немцы не изменят вскоре эту тенденцию, воссоздав империю «Фарбен» и другие предприятия, которые обладали огромной политической и экономической властью в довоенной Германии»²⁰.

В начале мая Парижские соглашения вступили в силу. Через три недели 450 акционеров старого «И. Г. Фарбен» впервые после поражения Германии собрались, чтобы заслушать доклад об истекшем десятилетии. Лица, которым была поручена ликвидация «И. Г.», информировали их, что до официальной ликвидации «И. Г.» пройдет «еще немало лет»²¹. Было подано множество претензий в отношении активов «И. Г.», в том числе требования компенсации за рабский труд людей, работавших на заводах «И. Г.» в период войны.

Весной 1955 года компании-правопреемники «И. Г.» созвали первое годовое собрание акционеров после отмены контроля со стороны союзников. Фирма «Байер», вновь обретя свободу, сразу же пересмотрела свои уставные нормы, разрешив выпускать акции на предъявителя. Отныне владельцы «Байер» могли оставаться анонимными²². Вскоре ее примеру последовали и другие компании.

Более того, компании-правопреемники отнюдь не намеревались считать себя связанными принятым Союзной контрольной комиссией постановлением о запрещении осужденным военным преступникам занимать административные посты. Фридрих Йене, военный преступник, который был приговорен на Нюрнбергском процессе к полтора годам тюремного заключения, в июне 1955 года стал членом контрольного совета «Хёхст», а в сентябре его избрали председателем²³. В 1956 году Фриц Тер Меер, единственный военный преступник, который был признан виновным и в разграблении, и в использовании рабского труда, был избран председателем контрольного совета «Байер»²⁴.

«Большая тройка» вновь начинала процветать. Ее прибыли уже превысили прибыли ее монолитного предшественника, «И. Г.». В 1956 году все три компании повысили свои годовые дивиденды, оплачиваемые акциями, с 9 до 10%. Совокупная стоимость акций «БАСФ», «Байер» и «Хёхст» достигала более 15% стоимости всех акций, зарегистрированных на западногерманской фондовой бирже²⁵.

В начале 1956 года «Байер» увеличила свои капиталы более чем втрое²⁶. Три месяца спустя она приобрела 28% акций «Хьюэлс». «Нью-Йорк таймс» писала по этому поводу:

Одна из компаний — правопреемников «Фарбен» стала теперь владельцем другой части старой германской химической империи...

Таким образом, силы экономики начинают стягивать в одно целое части раздробленной империи «Фарбен». По мнению многих местных наблюдателей, события прошлой недели наряду с другими аналогичными событиями, происходившими в последние месяцы, свидетельствуют о предстоящем возрождении картеля гигантских монолитных промышленных

предприятий, доминировавших в деловой жизни Германии до второй мировой войны ²⁷.

Вскоре «Байер» проглотила последний кусок, фирму «Касселла». «Большая тройка» снова заслужила право на свое название. В 1977 году «Хёхст», «БАСФ» и «Байер» входили уже в число тридцати крупнейших промышленных компаний мира. «Хёхст» — крупнейшая западно-германская компания. «Хёхст» и «Байер» — более крупные компании, чем «Дюпон», а «БАСФ» лишь немногим меньше ²⁸. Каждая из них крупнее, чем был «И. Г.» в период своего расцвета.

10. Корпоративный камуфляж

Корпоративный камуфляж — искусство скрывать заграничные активы от внимания враждебных стран занимает особое место в истории «И. Г.». Если участие «И. Г.» в политике массовых убийств и в использовании рабского труда связано с периодом войны, то его программа камуфляжа существовала задолго до войны и надолго пережила ее. Политические последствия этого будут ощущаться еще много лет.

Поскольку «И. Г.» замыслил и проводил корпоративный камуфляж втайне, подробности его осуществления в значительной мере ускользнули от внимания обвинителей в Нюрнберге. Поэтому описание маскировочной кампании «И. Г.» в Обвинительном акте ограничилось несколькими невразумительными параграфами сомнительной точности. Во всяком случае, в Обвинительном акте говорилось, что начиная с 1937 года «И. Г.»

стал проводить широкую программу, направленную на камуфляж и маскировку своих заграничных активов, чтобы защитить их от конфискации опекунами противника в будущих войнах. Эти меры не только отвечали интересам «И. Г.», но и позволили его заграничной империи выполнять значительно активизировавшиеся усилия нацистского правительства по укреплению Германии за счет других народов.

Непосредственно перед капитуляцией Чемберлена в Мюнхене в сентябре 1938 года, когда уже достаточно ясно вырисовывалась перспектива войны, говорилось далее в обвинении, «официальными представителями германского правительства после консультации с «И. Г.» была разработана специальная процедура, санкционировавшая

маскировку германских зарубежных активов путем передачи их нейтральным доверенным лицам в качестве меры защиты от захвата в военное время»¹.

Для иллюстрации того, какие нейтральные «фасады» использовал «И. Г.», чтобы скрыть принадлежность своих активов от опекунов противника, в обвинении приводился случай с фирмой «Дженерал анилайн энд филм компани» — самой ценной собственностью «И. Г.» в США. «И. Г.» использовал свою швейцарскую холдинг-компанию «И. Г. Хеми» в качестве прикрытия для своего главного американского актива. Камуфляж, примененный «Дженерал анилайн энд филм компани», был лучшим примером корпоративного обмана «И. Г.» и, по всем данным, самым удачным. «И. Г.» плел корпоративную сеть настолько ловко, что не только обвинители и члены суда в Нюрнберге были не в состоянии найти концы ее нитей, но и многие должностные лица в США в течение ряда лет не могли ее распутать. Прежде чем дело «Дженерал анилайн энд филм компани» прошло через государственный бюрократический аппарат и суды США, оно оставило за собой полосу коррупции и скандалов; ни одно, даже самое высокое место не осталось незапятнанным.

Исключительным успехом камуфляжа «И. Г.» был обязан фактически одному человеку — Герману Шмитцу, которого Карл Бош избрал в 1935 году своим преемником в качестве руководителя «И. Г. Фарбен». С момента учреждения «И. Г.» и до того времени, когда он перестал быть самостоятельной организацией, Шмитц ведал его зарубежной империей и был главным инициатором маскировки его обширных зарубежных владений. Стимулом для него в данном случае было недоверие к аутсайдерам, склонность к конспирации и талант к притворству. Он редко стремился к популярности и никогда не умел ее завоевывать. Большинство коллег Шмитца относились к нему с чувством антипатии, смешанным со страхом. Однако никто никогда не ставил под сомнение его опыт в смысле корпоративной ловкости или его своеобразный метод держать все подробности самых сложных сделок и запутанных финансовых операций в голове, не доверяя их бумаге. Бывали случаи, когда Шмитц не полагался в таких вопросах даже на своих ближайших соратников.

Человек по своему характеру подозрительный и скрытный, Шмитц установил над международной импе-

рией «И. Г.» жесткий личный контроль и осуществлял его через ближайших родственников, давних сослуживцев и личных друзей, которых он расставил на стратегических постах в самом «И. Г.» и на всех его заграничных передовых позициях. Эти кадры испытанных и верных приверженцев сыграли решающую роль в выполнении генерального плана Шмитца, направленного на защиту заграничных активов концерна.

Однако характеристика Шмитца не исчерпывалась «портретом в двух измерениях» — коварством и изворотливостью, отмеченными в Нюрнберге обвинителями. То, что Бош избрал его своим преемником, было актом «посвящения в рыцари», с которым нельзя не считаться. Кроме того, Шмитц был близким другом многих влиятельных людей своего времени, уважавших его за глубокое знание международной обстановки и способность решать самые сложные экономические задачи. Многие власть имущие обращались к нему за советом и поддержкой. Канцлер Брюнинг предложил ему пост министра экономики в своем кабинете. После того как Шмитц ответил отказом, Брюнинг уговорил его стать своим неофициальным советником и брал его с собой на совещания с главами иностранных государств, в том числе на совещание с президентом Гербертом Гувером в Белом доме. Когда немецкая либеральная газета «Франкфуртер цейтунг» переживала финансовые трудности, Шмитц спас ее своими крупными капиталовложениями. Позднее, при нацистском режиме, когда усилились преследования евреев, Шмитц лично находил для евреев — как высокопоставленных административных служащих, так и среднего персонала «И. Г.» — места в заграничных отделениях компании. Кое-кто из них утверждал, что длительная поддержка Шмитцем гитлеровской внутренней и внешней политики объяснялась необходимостью делать это, а не его личной убежденностью. Показательным в этом отношении можно считать случай, который произошел летом 1938 года. Один из юрисконсультов «И. Г.» сообщил Шмитцу, что «И. Г.» в соответствии с недавно принятым рейхом законом о гражданстве юридически является «неарийским» концерном. Точно так же как по законам, действующим на Юге США, человеку достаточно иметь каплю негритянской крови, чтобы его считали негром, так и по новому нацистскому закону одного еврея-директора

было достаточно, чтобы объявить концерт «неарийским». Шмитц ответил своему дрожавшему от страха подчиненному: «А вы возражаете против того, чтобы работать в «неарийской» компании?»² Удивленный юрисконсульт рассказал об этой истории в своих письменных показаниях в защиту Шмитца в Нюрнберге.

Шмитц был сложной личностью. Всю жизнь стремившийся добиться успеха, он умер в 1960 году относительно нищим, в возрасте 79 лет. Никто и поныне не может объяснить, что случилось с его состоянием. Мало кто из знавших его людей может поверить, что это состояние не существовало.

Герман Шмитц родился в 1881 году в бедной рабочей семье в городе Эссене. Он был наделен недюжинным умом, но, поскольку рос в бедной семье, мог учиться только в коммерческой школе. Однако ему потребовалось немного времени, чтобы полностью использовать представившиеся ему возможности. В 1906 году он стал работать клерком в франкфуртской фирме «Метальгезельшафт», крупнейшей компании мира по производству цветных металлов; здесь он скоро проявил свои способности.

Умение Шмитца обращаться с цифрами и его предприимчивость в сочетании с огромным честолюбием и упорным трудом вскоре привлекли к нему внимание Вильгельма Мертона, старейшего руководителя и главного владельца фирмы. После этого началось его быстрое продвижение по служебной лестнице. Шмитцу не было и тридцати лет, когда он уже руководил всеми международными операциями «Метальгезельшафт» в странах, где добывались, обрабатывались, покупались и продавались цветные металлы. Больше всего Шмитца интересовал весьма прибыльный и важный аванпост Мертона в Соединенных Штатах, «Америкэн метал компани». Он часто пересекал Атлантику, чтобы проверить, как идут дела в этом американском владении его компании. А поскольку Шмитц был умелым наблюдателем, он стал экспертом Мертона по вопросам, связанным с характером и обычаями, присущими политике и промышленности Америки.

Под руководством Шмитца международные операции «Метальгезельшафт» быстро расширялись, и он стал осуществлять контроль над все возрастающим притоком иностранной валюты в головную компанию во Франк-

фурте. Рост введенных германским правительством налоговых ставок на эти доходы стал беспокоить Мертона-старшего. Он решил изыскать какой-либо способ, чтобы освободиться от значительной части этого бремени, к чему стремятся вообще все бизнесмены, и поручил это дело Шмитцу. Тот сразу же показал, на что он способен. Шмитц предложил учредить в Швейцарии самостоятельную холдинг-компанию в качестве хранителя значительной части заграничных авуаров фирмы. Соблюдение швейцарских законов о тайне финансовых операций должно было, по его мнению, обеспечить хранение этих фондов вне пределов досягаемости германских налоговых органов. Мертон дал себя убедить. Результатом этого явилось создание принадлежавшей Мертону холдинг-компании, зарегистрированной в Цюрихе под немецким названием «Швейцерише гезельшафт фюр метальверке» и французским — «Сосьете суисс пур валер де мето» (Швейцарская компания драгоценных металлов). Это был первый шаг Шмитца в создании корпоративного камуфляжа. Хотя первоначальной целью Шмитца было скрыть авуары «Метальгезельшафт» от германского правительства, созданный им механизм нейтрального прикрытия должен был впоследствии скрыть эти авуары и от правительств враждебных стран. Это ознаменовало также начало «любовной интрижки» Шмитца со Швейцарией, страной с надежной валютой и удобными законами о тайне финансовых операций.

В связи с началом первой мировой войны Шмитцу было присвоено звание лейтенанта вермахта. В самом начале войны он получил серьезное ранение, а после выздоровления был направлен на работу в Ратенау, в Управление военных сырьевых материалов, где впервые встретился с Карлом Бошем, которому активно помогал добиться от германского правительства поддержки в строительстве завода по производству нитрата на Лейне. После смерти Вильгельма Мертона в 1916 году его сыновья Рихард и Альфред унаследовали не только руководство компанией «Метальгезельшафт», но и Германа Шмитца.

Хотя тогда США еще не участвовали в войне, Мертон, следуя, вероятно, совету Шмитца, решил замаскировать контроль немцев над «Америкэн метал компани». Поэтому 49% зарегистрированных акций были записаны

на имя нескольких доверенных членов руководства «Америкэн метал компани», которые все без исключения были американскими гражданами. Однако владение акциями, дающими преимущества, оставалось за Мертонами.

В 1917 году, когда Соединенные Штаты вступили в войну, конгресс принял закон о торговле с противником, который требовал разглашения данных о принадлежащих противнику активах в Соединенных Штатах. Президент «Америкэн метал компани» Карл Лэб сообщил руководителю Управления по опеке над имуществом иностранцев, что подлинными владельцами акций, зарегистрированных на имя американских подставных лиц, являются Мертоны³. Сразу же после этого руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев конфисковал замаскированный акционерный капитал «Америкэн метал компани». Однако Мертон не собирался сдавать свои позиции. Несмотря на состояние войны между США и Германией, он начал искать пути к тому, чтобы продать закрепленные за номинальными владельцами акции американскому правлению и вернуть себе возможно большую часть стоимости конфискованной собственности. Когда Управление военной торговли США, ко всеобщему удивлению, разрешило двум официальным представителям «Америкэн метал компани» поехать в Швейцарию и договориться с Рихардом Мертоном о покупке контрольного пакета акций, казалось, что это дело завершится успешно. Была достигнута договоренность о выплате Мертонам за конфискованные акции 7 млн. долл.⁴

Когда о мере, принятой Управлением военной торговли, узнал главный следователь Управления по опеке над имуществом иностранцев Фрэнсис Гарван (который впоследствии стал его руководителем), он выдвинул серьезные возражения против переговоров американских граждан с противником по вопросу о конфискованном имуществе и заставил Управление военной торговли аннулировать выданное им разрешение. Сделка не состоялась.

В то время в Управлении военной торговли служил молодой армейский майор, который из-за плохого зрения не попал на строевую службу⁵. Это был Джон Фостер Даллес, племянник государственного секретаря Роберта Лансинга. Через два года Рихарду Мертону предстояло стать клиентом Даллеса, и его ждали более серьезные потрясения.

В 1919 году оба члена руководства «Металлгезельшафт», Рихард Мертон и Шмитц, присутствовали на Версальской мирной конференции как представители министерства экономики Германии: Мертон в качестве высокопоставленного уполномоченного, а Шмитц в качестве эксперта. Карл Бош находился на конференции как эксперт, представлявший химическую промышленность.

Помимо личной совместимости, этих троих людей связывали общие интересы, а именно стремление вернуть компании ее активы, конфискованные во время войны американским Управлением по опеке над имуществом иностранцев. Мертона и Шмитца больше всего интересовали акции, принадлежавшие «Америкэн метал компани», а Боша — десятки ценных патентов «БАСФ», захваченные американским Управлением по опеке над имуществом иностранцев, включая патенты на процесс Габера — Боша, а также активы «Куттроф энд Пикхардт компани» — американского сбытового агента «БАСФ». В Версале все трое использовали свое официальное положение, чтобы добиться своих целей. Бошу и Мертону удалось войти в состав комитетов, которые занимались вопросами, касавшимися их непосредственных интересов, причем Мертон даже внес официальный запрос о статусе конфискованных акций «Америкэн метал компани». Эта их деятельность возмутила главу германской делегации Вальтера Симонса. Он горько сетовал по поводу того, как трудно «сотрудничать с 50, если не более, экспертами, которых на нас взвалили. Для каждого из них благополучие Германии зависит, видимо, от того, как будут ограждены его собственные интересы, и ожидать от них каких-либо жертв было бы, по их мнению, предательством»⁶.

Однако все попытки в Версале Боша, Мертона и Шмитца добиться включения в мирный договор положения о возвращении конфискованного имущества не увенчались успехом. Тем не менее результатом их пребывания в Версале явилось заключение союза между двумя немецкими промышленными гигантами — «БАСФ» и «Металлгезельшафт». Бош и Мертон вошли в организации, которые каждый из них представлял, в качестве директоров, причем по просьбе Боша Мертон освободил Шмитца, чтобы тот мог возглавить финансовую службу

«БАСФ» и ее международную сеть. Однако Шмитц сохранил тесные личные и деловые связи с Мертоном, оставив за собой директорский пост в системе «Метальгезельшафт» и продолжая выполнять обязанности советника Мертона по финансовым и международным вопросам.

В ноябре 1919 года Мертону стало известно, что руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев продал с аукциона конфискованные акции «Америкэн метал» одному уолл-стритовскому синдикату за 5,5 млн. долл.— самую крупную сумму, полученную когда-либо за конфискованное имущество⁷. Мертон, отчаянно пытаясь защитить свои интересы, разыскал и нанял в качестве адвоката Джона Фостера Даллеса, ставшего к тому времени компаньоном в уолл-стритовской адвокатской фирме «Салливен энд Кромуэлл»⁸. Даллес, как и Мертон, был членом делегации на Версальской конференции.

В декабре 1920 года, через месяц после избрания президентом Уоррена Гардинга, Даллес получил от Рихарда Мертона письмо, в котором говорилось, что продажа с аукциона акций «Америкэн метал» Управлением по опеке над имуществом иностранцев в ноябре 1919 года незаконна, ибо эти акции принадлежали гражданину нейтральной Швейцарии, а не враждебной Германии⁹. Он утверждал, что за шесть дней до аукциона швейцарская холдинг-компания «Сосьете суисс пур валер де мето» купила эти акции у «Метальгезельшафт». Мертон исходил из того, что «Сосьете суисс пур валер де мето» — национальная фирма нейтральной Швейцарии и что США, учитывая швейцарские законы о тайне собственности, не имели законного права искать за корпоративной маскировкой интересы противника — Мертона. Таким образом, механизм, созданный Шмитцем, чтобы скрывать прибыли «Метальгезельшафт» от германских налоговых органов, предполагалось использовать теперь в качестве камуфляжа, чтобы замаскировать активы противника в «Америкэн метал компани».

Со стороны Мертона было бы, казалось, нереально ожидать, что Соединенные Штаты не распознают, чего стоят его сравнительно прозрачные замыслы. Однако Мертон не был в коммерции и политике ни глупцом, ни невеждой. Возможно, что в голове он уже строил планы

как убедить США, и не собирался делиться ими с Даллесом.

Ранней весной 1921 года Даллес обсудил претензию Мертона с представителями министерства юстиции США, не называя своего клиента и компаний, о которых шла речь, и излагая факты как «гипотетические». Реакция представителей была неутешительной, и Даллес сообщил Мертону, что правительство США даже не станет рассматривать его претензию на основании фактов, изложенных в его письме. По мнению министерства юстиции, «Сосьете суисс» опоздала с покупкой акций «Америкэн метал» в ноябре 1919 года на два с половиной года; единственные притязания такого рода, которые мог бы рассмотреть руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев, могли бы касаться активов, приобретенных гражданами нейтральных стран *до того*, как Соединенные Штаты порвали дипломатические отношения с Германией в марте 1917 года, но, уж безусловно, не активов, приобретенных после объявления ими войны в апреле.

Сообщение Даллеса о неудаче его миссии побудило Мертона отправиться вскоре в Соединенные Штаты, чтобы лично выяснить, как обстоят дела. Он прибыл спустя некоторое время после того, как Гардинг назначил новым руководителем Управления по опеке над имуществом иностранцев Томаса Миллера. Мертон, бывший в военное время «следователем по вопросу о взяточничестве в оккупированных районах», очень быстро разобрался в изменившейся политической обстановке. То, что он увидел, убедило его не считаться с советами Даллеса и нанять нового политического посредника, с более влиятельными связями — члена комитета Республиканской партии Джона Кинга из штата Коннектикут. Кинг не был адвокатом, но все знали, что он имеет большое влияние на администрацию Гардинга, и особенно на нового министра юстиции Гарри М. Догерти. Весь персонал министерства юстиции относился к Кингу как к члену официальной «семьи» министра юстиции, хотя он и не занимал официального поста. От Кинга Мертон узнал, что новый руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев не испытывает особого уважения к Даллесу. Антипатия Миллера к нью-йоркскому адвокату возникла, очевидно,

еще тогда, когда оба они были на Версальской конференции.

После ряда неудачных попыток Мертон, знакомившийся с политической жизнью при новой администрации, заключил наконец с Кингом сделку. Он уплатил ему гонорар в сумме 50 тыс. долл. наличными и обещал, кроме того, уплатить 5% от суммы, которую ему удастся получить обратно, если его претензия будет удовлетворена в течение двух с половиной месяцев после ее подачи, или 2,5%, если она будет принята в течение трех с половиной месяцев. Кинг сразу же дал делу ход, разделив полученные им наличными 50 тыс. долл. с Джессе Смитом, «посредником» Догерти по грязным делам. Так была дана первая взятка, к которой имела отношение администрация Гардинга.

По завершении этих формальностей представитель Управления по опеке над имуществом иностранцев проинструктировал Мертона, как оформить свою претензию. Ему нужны были надлежащим образом заверенные под присягой документы, «удостоверяющие», что «Сосьете суисс» получила от «Метальгезельшафт» и ее банковского филиала «Металлбанк» преимущественное право собственности на конфискованные акции «Америкэн метал» до апреля 1917 года на основе устного договора. Мертона предупредили, что претензия и обосновывающие ее документы должны быть заверены под присягой в присутствии официального лица, уполномоченного по закону приводить свидетелей к присяге — обыкновенного нотариуса в данном случае было недостаточно.

Мертон вернулся в Европу и собрал документы и заявления, необходимые для предъявления претензии «Сосьете суисс». Присягу принимал Феликс Иселин, служащий «Сосьете суисс», не имевший на это законного права. Мертону было известно, что это обстоятельство сделало данные под присягой показания недействительными.

Мертон подал свою претензию 20 сентября 1921 года. Через три дня было дано указание удовлетворить ее. К этому времени общая сумма, на которую он претендовал, составила уже около 7 млн. долл.: к 5,5 млн. долл., вырученным на аукционе, добавилось еще 1,5 млн. долл. в виде процентов и дивидендов. Согласно договоренности Мертона с Кингом, он должен был теперь уплатить последнему почти 350 тыс. долл.¹⁰

Неделю спустя, 30 сентября, Мертон, Кинг, Смит и Миллер отпраздновали это событие на роскошном обеде с шампанским в нью-йоркском отеле «Ритц-Карлтон». Шампанское поставил Кинг — по своим политическим высказываниям рьяный сторонник сухого закона. Мертон, оплативший остальные расходы, преподнес каждому приглашенному по золотому портсигару стоимостью 200 долл. Чтобы завершить дело, Миллер, соблюдая должную церемонию, вручил Мертону 6,5 млн. долл. в чеках государственного казначейства США и облигации «Займа свободы» на 514 тыс. долл.¹¹ 123 тыс. долл. Мертон передал на депозит своему банковскому компаньону Эдуарду Грейтерту. Затем он выполнил свое обязательство по договору с Кингом, презентовав посреднику облигации «Займа свободы» на нарицательную сумму 391 тыс. долл. (Поскольку рыночная стоимость облигаций «Займа свободы» была в тот момент ниже нарицательной, Кинг потребовал достаточное количество облигаций, чтобы получить 350 тыс. долл., о которых они договорились.)

Затем Мертон вернулся в Германию, став богаче более чем на 6,5 млн. долл. и уверенный в том, что он усвоил элементы традиционной американской политики. Он оценил также мудрость Германа Шмитца. Швейцария действительно оказалась полезной страной.

Очень скоро после званого обеда с шампанским в отеле «Ритц-Карлтон» наступило похмелье. Газеты концерна Пулитцера «Сент-Луис диспетч» и «Нью-Йорк уорлд», у которых возникли подозрения по поводу столь быстрого удовлетворения претензии Мертона, поручили нескольким корреспондентам расследовать вопрос о роли Миллера в деле «Америкэн метал». Понадобилось совсем немного времени, чтобы подозрения по поводу коррупции администрации Гардинга вызвали бурные выступления в печати и в конгрессе. 22 августа 1923 года, когда разоблачения достигли высшей степени, президент Гардинг умер. Новый президент Кальвин Кулидж назначил министром юстиции Харлана Стоуна вместо Догерти, чья причастность к этому делу с каждым новым разоблачением выявлялась все отчетливее. Боясь разгоравшегося скандала, Стоун поручил прокурору по особо важным делам Хайрему Тодду возглавить комиссию по уголовному следствию в отношении роли Миллера в деле «Америкэн метал». 30 октября 1925 года Большое жюри осудило Миллера,

Рихарда и Альфреда Мертонов, «Металлгезельшафт» и ее филиал «Металлбанк», «Сосьете суисс» и ее президента, а также президента престижного Швейцарского банка. Джон Кинг был назван соучастником в сговоре, но не осужден; Джессе Смит еще раньше при крайне подозрительных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством.

В обвинительном заключении были изложены все подробности, касавшиеся выплаты Рихарду Мертону нескольких миллионов долларов и данной им Миллеру через Кинга и Смита взятки. В обвинении указывалось, что Мертоны предъявили руководителю Управления по опеке над имуществом иностранцев фальшивые документы в поддержку претензии «Сосьете суисс». В нем говорилось также, что документы, подтверждавшие «словесную передачу собственности», были заверены под присягой в присутствии лица (Феликса Иселина), не уполномоченного принимать присягу, и что обвиняемые знали о незаконности такой присяги.

Объясняя, почему Кинг не был осужден, прокурор по особо важным делам Хайрем Тодд предал огласке то обстоятельство, что, представ перед судом, Кинг отказался от своего права на неприкосновенность. Намек был ясен: Кинг заключил сделку с Тоддом и должен был стать главным свидетелем обвинения. Тодд заявил также, что Миллер отказался явиться по вызову на заседание Большого жюри.

Тот факт, что Тодд не вынес обвинительного приговора министру юстиции Гарри Догерти, ушедшему в отставку «под огнем», вызвал серьезные запросы в печати и в сенате. Высказывались подозрения, что Тодд замечает следы, стараясь защитить Догерти, а возможно, и более высокопоставленных лиц. Все больше данных свидетельствовало о том, что Тодд был близким приятелем Догерти и не очень стремился представить Большому жюри все факты по этому делу. Именно Догерти назначил Тодда прокурором северного округа Нью-Йорка в начале президентства Гардинга. Слухи о том, что Тодд не прилагал особых усилий для расследования деятельности Догерти, возымели наконец свое действие. Прокурор по особо важным делам ушел в отставку, и дело взял в свои руки прокурор южного округа Нью-Йорка Эмори Бакнер, который вскоре заподозрил, что проведенное Тоддом следствие явилось фактически укрывательством. Он поручил

расследовать этот вопрос своему помощнику Кеннету Симпсону. И когда тот доложил ему о своих выводах, Бакнер понял, что его подозрения обоснованны. Он выделил десять человек, чтобы поглубже покопаться в этом деле.

Очень скоро они выяснили, что из переданных Кингу Мертоном облигаций «Займа свободы» на сумму 391 тыс. долл. Тодд обнаружил след облигаций всего лишь на 50 тыс. долл. Эти облигации были проданы через посредников за счет Миллера. Бакнер обратил свое внимание на остальные облигации.

Теперь он имел основания полагать, что бывший министр юстиции Догерти получил часть облигаций и депонировал их в «Мидленд нэшнл бэнк оф Уошингтон корт хаус» в штате Огайо, президентом которого был его брат Мэл. Мэл предстал перед Большим жури Тодда всего на 20 минут, и от него не потребовали каких-либо отчетных документов. Гарри Догерти вообще не вызывали для дачи показаний.

Бакнер исправил эту оплошность, вызвав обоих Догерти, Мэла и Гарри, на заседание нового Большого жури. Мэлу предложили представить отчетные документы, которые, как считал Бакнер, помогли бы выяснить, куда делись облигации. Мэл заявил, что Гарри уничтожил их после вызова Мэла на заседание предыдущего Большого жури. Гарри Догерти был задан вопрос об этих документах, и его ответ можно считать классическим для Америки:

Поскольку я был личным адвокатом Уоррена Гардинга до того, как он стал сенатором от штата Огайо, и пока он был сенатором, а также и после, до его смерти,

и адвокатом г-жи Гардинг в течение нескольких лет, до того, как ее муж был избран президентом, и после его смерти,

и адвокатом «Мидленд нэшнл бэнк оф Уошингтон корт хаус», Огайо, а также моего брата М. С. Догерти,

и министром юстиции Соединенных Штатов при президенте Гардинге,

а также в течение некоторого времени после его смерти, при президенте Кулидже

и так как со всеми этими лицами мои отношения

как адвоката, личного друга и министра юстиции были самые доверительные,

я отказываюсь давать показания и отвечать на заданные мне вопросы, ибо мои ответы и показания могут в какой-то мере инкриминироваться мне¹².

Накопившиеся новые улики против Догерти наряду с его отказом дать показания заставили Бакнера изменить свое отношение к этому делу. Поскольку Рихард Мертон находился вне пределов досягаемости, в Германии, и у правительства Соединенных Штатов было мало шансов получить обратно 7 млн. долл., Бакнер стал подумывать, не удастся ли ему выторговать у Мертона согласие дать показания на суде таким образом, чтобы сделать ответчиком вместо него Гарри Догерти. В качестве приманки он даже готов был разрешить Мертону оставить себе 7 млн. долл.

Бакнер отправил Кеннета Симпсона в Германию, чтобы обсудить эту сделку с Мертоном. В то время Бакнер писал своему бывшему профессору в Гарвардском университете Феликсу Франкфуртеру: «У меня есть надежда кое-чего добиться, хотя, признаюсь, не понимаю, зачем им говорить, учитывая, что они легко могут остаться за пределами этой страны до конца жизни»¹³.

Тем не менее небольшая надежда, которую питал Бакнер, оправдалась. Ричард Мертон предстал перед Большим жюри в Нью-Йорке, и его показания удовлетворили Бакнера. 7 мая 1926 года Большое жюри представило новое обвинительное заключение, в котором в качестве ответчиков указывались Гарри Догерти, Джон Кинг и Миллер. Знаменательно, что в нем не фигурировали Рихард и Альфред Мертоны и все остальные обвиняемые немцы и швейцарцы, осужденные ранее. Бакнер выполнил условия сделки, заключенной им с Мертонами.

Адвокат Миллера Роберт Джонстоун выступил с нападками на этот новый приговор:

Между старым и новым обвинительными заключениями имеется одно странное различие — ни Мертон, ни кто-либо из его соратников-иностранцев не фигурируют в новом обвинении. А почему? Почему в нем не указаны лица, которые получили шесть с лишним миллионов долларов? Почему те, кто, по теории стороны обвинения, мошенническим путем выманили у правительства эти деньги, не осуждены?

Какая сделка была заключена с Мертоном и почему? ¹⁴

Получить объяснения от Кинга было невозможно. Теперь у него существовало больше неприятностей, чем у остальных ответчиков. Бакнер обвинил его в том, что он дал ложные показания Большому жюри. Его обвиняли и в нарушении Закона о внутренних доходах, он не сообщил о своей доле в полученных Мертоном облигациях «Займа свободы» в налоговой декларации за 1921 год.

Через пять дней после его осуждения Кинг, согласно врачебному диагнозу, заболел двусторонним воспалением легких. Через день он скончался. Вскрытие тела произведено не было.

Суд над Догерти и Миллером начался 7 сентября 1926 года. Впервые в истории Соединенных Штатов министра юстиции США судили за взяточничество. Зал заседаний суда был переполнен; многие юристы и представители широкой публики явились, чтобы присутствовать на состязании, которое должно было состояться между защитником Догерти Максом Стейером и государственным обвинителем Эмори Бакнером.

В своем вступительном заявлении Бакнер дал ясно понять, что самый важный свидетель обвинения — Рихард Мертон. Обвинение, заявил Бакнер, намеревалось заставить Мертона изложить развитие событий с момента, когда был «нанят» Кинг, и до момента передачи «взятки» на обеде с шампанским в «Ритц-Карлтон». Бакнер поставил перед собой щекотливую задачу. Газета «Нью-Йорк таймс» писала по этому поводу:

Значительный интерес проявляется к вопросу о том, в какой мере Мертон оправдывает ожидания государственного обвинителя... Его миссию считают довольно трудной, ибо ему будет предложено очернить успех, которого достиг он сам, заключив «сделку» между «Сосьете суисс» и «Америкэн метал» ¹⁵.

В ходе непосредственного допроса его Бакнером Мертон показал себя корректным, эрудированным и исключительно словоохотливым человеком. Он не скрывал своего видного положения, упомянув несколько раз о том, что был членом делегации на Версальской конференции, и о своей репутации в финансовых и промышленных кругах

Германии. В ходе допроса Мертона Бакнер неоднократно подчеркивал, что Кинг не юрист и ему нечего было «продать», кроме своего влияния и близких отношений с министром юстиции, что Мертон сфабриковал свою претензию после инструктажа и «натаскивания» со стороны министерства юстиции и что государственным чиновникам были тайно переданы крупные денежные суммы.

Рассказывая об обстоятельствах, которые предшествовали урегулированию его претензии, и о том, во сколько это ему обошлось, Мертон не проявил особого энтузиазма как свидетель. Но его ответы на вопросы вполне удовлетворяли прокурора Бакнера. Однако в ходе перекрестного допроса Мертона защитник Миллера полковник Уильям Рэнд воспользовался случаем, чтобы спросить немецкого свидетеля, насколько обоснованна его претензия. Когда Рэнд задал ему конкретный вопрос: «Отражала ли эта претензия абсолютно добросовестные требования?» — Мертон решительно ответил: «Да!»¹⁶ Его ответ поразил Бакнера, и он явно встревожился.

На следующий день, когда Рэнд продолжал перекрестный допрос Мертона, тот категорически заявил, что это была его идея заключить сделку с Кингом и уплатить ему гонорар. Более того, он утверждал, что ему абсолютно ничего не известно о передаче какой-либо части облигаций «Займа свободы» стоимостью 391 тыс. долл. и суммы в 50 тыс. долл., врученной Кингу в качестве «гонорара» Миллеру и Догерти.

Бакнер не мог оставить это показание без возражений. Он заявил, что ответы Мертона в ходе перекрестного допроса поразили его, и представил судье Мэку юридическую справку, в которой утверждал, что Рэнд сделал Мертона своим свидетелем и поэтому Бакнеру должно быть разрешено подвергнуть его перекрестному допросу. Судья Мэк удовлетворил ходатайство Бакнера.

Получив разрешение на перекрестный допрос своего свидетеля, «Бакнер буквально проскочил через открывшуюся снова дверь»¹⁷. Он вырвал у Мертона дискредитировавшее его признание в том, что, попросив Джона Фостера Даллеса сообщить в министерство юстиции о возможности такого случая, он не информировал его о какой-либо «устной» передаче акций, состоявшейся в марте 1917 года. Напротив, Даллесу было сообщено, что «Союсте суисс» получила права на акционерный капитал

«Америкэн метал» от «Метальгезельшафт» и «Метальбанк» 20 ноября 1919 года.

Мертон не считал Даллеса компетентным юристом. Это стало ясно, когда Мертон заявил далее, что Даллес предложил объявить о банкротстве «Метальгезельшафт», с тем чтобы «Сосьете суисс» имела больше шансов получить компенсацию от Управления по опеке над имуществом иностранцев. Он отозвался об этом совете Даллеса как о таком совете, когда «человек вредит себе, стараясь досадить другому». Мертон не находил никакого смысла в том, чтобы гигантская компания «Метальгезельшафт» объявила себя банкротом с целью получения всего лишь 7 млн. долл. Перепалка между Мертоном и Бакнером по поводу рекомендации Даллеса о банкротстве «Метальгезельшафт» не ускользнула от внимания Стейера.

Несколько дней спустя Бакнер вызвал Даллеса в качестве свидетеля обвинения. Даллес поразил всех собравшихся в зале суда, когда заявил, что явился по повестке под угрозой штрафа, по вызову прокурора, против своей воли: «Однако, поскольку Мертон отменил вопрос о профессиональной привилегии, касавшийся моих отношений с ним в бытность его моим клиентом, я, видимо, должен отвечать»¹⁸.

Затем Бакнер заставил Даллеса подробно изложить суть гипотетического случая, изложенного министерству юстиции. Даллес заявил, что он не был осведомлен об «устной передаче» или о любой передаче, состоявшейся до 1919 года, и никаких представлений об этом министерству юстиции не делал. Показания Даллеса имели решающее значение, поскольку свидетельствовали о том, что в марте 1917 года никакой передачи не было и что эта история была впоследствии придумана Мертоном по совету официальных представителей Управления по опеке над имуществом иностранцев. Даллес также гневно отрицал, что он рекомендовал Мертону объявить о банкротстве «Метальгезельшафт».

Когда Стейер подверг Даллеса перекрестному допросу, стал частично выявляться его план защиты. Мошенническую проделку с претензией Мертона, по его замыслу, следовало объяснить рекомендацией адвоката Даллеса, а не продажностью Миллера и Догерти. Изматывающий перекрестный допрос Даллеса Стейером продолжался полтора часа. Стейер, не скрывая своего

презрительного отношения к ответам Даллеса, постарался выбить свидетеля из колеи, сказав: «Вы, видимо, стараетесь избежать ответственности в этом деле. Мне непонятно ваше беспокойство. Всем известно, что вы связаны с ним только в силу своей профессии».

«Я не беспокоюсь»,— ответил потрясенный Даллес.

Газета «Нью-Йорк ивнинг пост» сообщала, что в конце полуторачасового допроса «Стейер уселся с видом человека, достигшего своей цели»¹⁹.

7 октября настало время подвести итоги. Но еще не все сурпризы были преподнесены. В ходе защиты Догерти перед судом Стейер привлек внимание всех присутствовавших в зале суда своими яростными нападками на Джона Фостера Даллеса.

«Вы помните показания Мертонa по поводу его первой попытки получить деньги по своей претензии через Даллеса до того, как он передал ее Джону Кингу?» — спросил Стейер у жюри.

Я отнюдь не хочу порочить любого адвоката, но, поверьте мне, если бы Джон Фостер Даллес не был племянником Лансинга, что позволило ему отправиться на мирную конференцию с портфелем (чтобы положить в него взятку), и если бы он жил на Ривингтон-стрит (в еврейском гетто Нью-Йорка), и если бы его подзащитному пришлось занять место на свидетельской скамье, как это сделал Мертон, и он дал бы показания о том, что Даллес рекомендовал ему объявить о своем банкротстве, чтобы заполучить 7 млн. долл. в оплату своей претензии, всю Ривингтон-стрит переворошили бы и Конфликтная комиссия не успокоилась бы до тех пор, пока этого адвоката не лишили адвокатского звания.

Джон Фостер Даллес, заявил Макс Стейер, «негодяй, которого следует лишить адвокатского звания»²⁰. Нечасто федеральному суду в Нью-Йорке приходилось слушать гневные нападки на столь известного адвоката.

Когда пришло время подвести итоги судебного разбирательства, Бакнер считал себя обязанным защитить Даллеса. Он заявил, что Даллес первым из свидетелей установил тот факт, что до 1919 года не происходила ни устная, ни какая-либо другая передача акционерного капитала. Затем, касаясь резких нападков Стейера, он зачитал выдержку из стенограммы показаний Мертонa, чтобы до-

казать, что Даллес не давал своему подзащитному неэтичных и предосудительных советов. «Такая защита — заявил Бакнер, — объясняется недостатком свидетелей. Не лучше ли было бы поговорить немного о взятке, чем приносить в жертву Даллеса?»²¹

8 октября в 21 час 43 минуты суд удалился на совещание. 65 часов спустя он очутился в безвыходном положении. Как сообщали газеты, при окончательном голосовании по делу Догерти семь голосов было подано за его осуждение и пять — за помилование, а по делу Миллера — десять голосов — за осуждение и два — за помилование. До того времени ни один суд в южном округе Нью-Йорка не заседал так долго, не придя к соглашению о приговоре.

Сразу же по окончании процесса судья Мэк заявил Стейеру, что его нападки на Даллеса были необоснованны, показал ему выдержки из стенограммы и предложил принять надлежащие меры, чтобы исправить дело. Через три дня после суда Стейер в письме от 14 октября извинился перед Даллесом.

Сегодня судья Джулиан Мэк обратил мое внимание на тот факт, что замечания в ваш адрес, высказанные мной по поводу показаний, данных г-ном Мертоном на процессе по делу «Соединенные Штаты против Догерти и Миллера», не подтверждаются документами. Я не читал никаких показаний в ходе процесса и полагался исключительно на мои воспоминания о них, твердо веря, что мои высказывания подтверждаются данными здесь показаниями. Я не подготовил резюме по этому делу, как никогда не готовил его по любому другому делу и раньше. Мое ошибочное впечатление о дававшихся на суде показаниях побудило меня выступить с касающимися вас заявлениями, каких я никогда, конечно, не сделал бы, если бы не был введен в заблуждение. У меня нет слов, чтобы выразить, как я сожалею об этом. Никто не мог бы сожалеть об этом больше меня. Поэтому я приношу вам всемерные извинения и полностью отказываюсь от своих заявлений.

Я буду рад, если это письмо будет предано гласности и станет противодействовать любым последствиям той огласки, которую получило мое первоначальное заявление, касавшееся вас²².

Министерство юстиции, не считаясь с отсутствием единого мнения у Большого жюри, решило снова привлечь Догерти и Миллера к суду. 9 февраля 1927 года начался опрос свидетелей на втором процессе. В составе суда произошло несколько изменений. Теперь председателем стал окружной судья Джон Нокс; Стейера в качестве защитника Догерти заменил Хэролд Корбин, а защиту полковника Рэнда взял на себя вместо Миллера известный чикагский адвокат по уголовным делам А. Шапиро.

Обвинителем остался Бакнер с теми же молодыми помощниками, что и на первом процессе: Карлом Ньютоном, Джорджем Лежером и Джоном Харланом. (Впоследствии первые двое основали известную адвокатскую фирму «Донован, Лежер, Ньютон и Ломбард», а Джон Харлан стал членом Верховного суда.)

Второй процесс оказался более коротким и более эффективным вариантом первого. К удивлению многих, Мертон, несмотря на грубое обращение с ним Бакнера, снова выступил в качестве главного свидетеля обвинения. На этот раз защита не подвергла его перекрестному допросу. С Даллесом защита также обошлась более мягко. Бакнер снова упирал на роль Кинга как неюриста и на его тесные отношения с министром юстиции Догерти. Обвиняемые, как и на первом процессе, не выступили в собственную защиту. И снова Бакнер уговаривал Большое жюри осудить Догерти и Миллера: «Не дайте «главному» уйти от ответственности».

Но «главный» и на этот раз остался безнаказанным. Голос одного из членов суда помог ему избежать осуждения. Но Бакнер добился успеха в отношении Миллера: он был осужден и судья Нокс приговорил его к полтора годам тюремного заключения и штрафу в сумме 5 тыс. долларов. Затем Нокс вынес постановление о снятии обвинения с Догерти. Он заявил, что сделал это по ходатайству прокурора Бакнера. Однако Феликс Франкфуртер в письме сенатору Бэртону Уилеру через несколько дней после вынесения приговора протестовал против заявления судьи Нокса о том, что обвинение было снято с Догерти по предложению Бакнера: «Это неправда,— заявил он.— Он внес это ходатайство против своей воли, по настоянию суда... Судья Нокс сказал Бакнеру, что если он не заявит об отказе от обвинения, то он, судья, по собственному почину «возьмет быка за рога и вынесет

постановление об отказе от обвинения»²³. Впоследствии судья Нокс заявил, что, «виновен Догерти или нет, представленные против него улики *не* были убедительны» и что он сам, подобно единственному члену суда, голосовал бы за оправдание²⁴. Однако Бакнер и его персонал не очень скрывали свои подозрения, что член суда, о котором шла речь, был подкуплен. (Через несколько лет после этого суда известный фельетонист Уэстбрук Пеглер случайно встретил Догерти во Флориде. После обычного обмена любезностями он спросил Догерти, дал ли тот взятку единственному члену суда, голосовавшему в его пользу. Догерти ответил: «Решайте сами, Пег, решайте сами».)

Рихард Мертон вернулся в Германию. Несмотря на унижение, которому он подвергался в качестве свидетеля обвинения на обоих процессах, он получил то, чего домогался.

Правительство США не выдвинуло требование о возвращении ему 7 млн. долл., пока Мертон, который не смог удовлетвориться тем, что от добра добра не ищут, не поднял этот вопрос сам. 10 марта 1928 года была принята поправка к Закону о торговле с противником, требовавшая возвращения немецким деловым кругам 80% конфискованного имущества противника и, помимо этого, уплаты накопившихся процентов за период конфискации. «Сосьете суисс» тут же предъявила претензию на выплату процентов за период с 1919 года, когда были проданы акции «Америкэн метал компани», до 1921 года, когда Миллер передал вырученные средства Мертону. Поскольку обвинение установило факт мошенничества со стороны руководителя Управления по опеке над имуществом иностранцев Миллера, правительство отвергло эту претензию. Тогда «Сосьете суисс» возбудила иск против генерального прокурора как заместителя руководителя Управления по опеке над имуществом иностранцев, чтобы получить проценты, которые, по ее утверждению, ей причитались. Правительство ухватилось за представившуюся, таким образом, возможность предъявить встречный иск на возвращение незаконно выплаченной Мертону суммы плюс проценты, в общем около 15 млн. долл.

В течение следующих восьми лет иск и встречный иск путешествовали туда и обратно по федеральным судам. Наконец 25 июля 1938 года тяжба закончилась тем, что

суд США округа Колумбия отклонил иск Мертона и присудил государству всю сумму, указанную во встречном иске, то есть 15 млн. долл.²⁵ Однако Соединенные Штаты сумели выявить активы, по которым можно было взыскать причитающиеся по судебному постановлению деньги, только на сумму около 60 тыс. долл.²⁶ Мертон обобрал компанию «Сосьете суисс» задолго до того — теперь от нее осталась только пустая оболочка. Поэтому правительство снова возбудило иск против «Суисс бэнк корпорейшн» как участника первоначального сговора, имевшего целью мошенническим путем выманить деньги у Соединенных Штатов. В конечном счете по исковому заявлению Соединенных Штатов через швейцарского посланника был достигнут компромисс о выплате 3 030 769 долл. К этому времени уже началась вторая мировая война, Швейцария была дружественным нейтральным государством, а Мертон, бежавший из гитлеровской Германии, жил в Англии и осуждал в печати нацистский режим.

Примерно в то же время, когда Мертон, весной 1921 года, впервые установил контакт с администрацией Гардинга, начало раскручиваться дело, имевшее гораздо более близкое отношение к Шмитцу в его новой роли руководителя внешнеторговыми операциями «БАСФ». Это дело касалось конфискации Управлением по опеке над имуществом иностранцев активов «Кутрофф энд Пикхардт компани», американского сбытового агентства «БАСФ». В числе конфискованных активов этой компании были облигации «Займа свободы» почти на полмиллиона долларов. Учитывая склонность Шмитца к закулисным махинациям, о мере его причастности к этому можно только догадываться. Тем не менее положение Шмитца в «БАСФ», его жизнь и личные качества убедительно говорят о том, что вряд ли был хоть какой-то аспект деятельности «Кутрофф энд Пикхардт», о котором бы он не знал или о котором ему не докладывали. Ясно, что отношения с руководителем Управления по опеке над имуществом иностранцев входили в сферу его обязанностей и его компетенции.

Когда президентом стал Гардинг, Адольф Кутрофф и Карл Пикхардт обратились к нему с просьбой вернуть конфискованные у них активы, как это предусматривал Закон о торговле с противником. Они утверждали, что их фирма принадлежала исключительно американским вла-

дельцам, и поэтому конфискация их имущества незаконна. Согласно документам, акционерный капитал «БАСФ» был зарегистрирован на имя американских граждан, которые все без исключения являлись служащими «Кутрофф энд Пикхардт». В их число входили Адольф Кутрофф, Карл Пикхардт, отец и сын Эрнест С. Хальбах и Эрнест К. Хальбах; все они долгое время были доверенными агентами «БАСФ». Судя по их прошлому, эти зарегистрированные американские держатели акций являлись всего лишь подставными лицами «БАСФ». Каждый из них подписал секретное соглашение об опционе, обязывавшее их вернуть акции «БАСФ» по ее требованию. Весь контроль оставался в руках «БАСФ». Наем и увольнение служащих, повышение должностных окладов, аренда помещения и даже покупка канцелярских принадлежностей — на все требовалось разрешение «БАСФ»²⁷.

Когда бывший руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев Фрэнсис Гарван, который обследовал и конфисковал активы «Кутрофф энд Пикхардт», узнал об этом ходатайстве, он лично, используя любую возможность, в том числе газеты и слушания в конгрессе, заявил, что Адольфу Кутроффу и Карлу Пикхардту никогда не принадлежал ни один доллар из имущества этой компании. Они были и остаются лишь клерками германского концерна «И. Г.»²⁸.

Однако президент Гардинг не обращал на его выступления никакого внимания. Напротив, 21 ноября 1921 года он написал примечательное письмо руководителю Управления по опеке над имуществом иностранцев, предложив ему немедленно вернуть имущество, конфискованное у фирмы «Кутрофф энд Пикхардт».

Мне сообщили о просьбе Адольфа Кутроффа и Карла Пикхардта вернуть им облигации «Займа свободы» на сумму 440 500 долл., конфискованные 19 марта 1919 года руководителем Управления по опеке над имуществом иностранцев. Независимо от какой-либо официальной информации или представлений со стороны защитника мне известно, что истцы — американцы, и я считаю, что мы поступаем по отношению к ним крайне несправедливо, продолжая удерживать их имущество в руках опекуна. Поскольку полковника Миллера нет в городе, я прошу вас принять меры для возвращения этих облигаций

их законным владельцам. Сумма, упомянутая мною выше, не указывает на подробности. Я пишу, лишь чтобы подчеркнуть, что это имущество следует вернуть его подлинным и лояльным американским владельцам как можно скорее ²⁹.

Указание руководителю Управления по опеке над имуществом иностранцев было ясным и недвусмысленным. И все же Миллер предпочел не посчитаться с мнением президента. По рекомендации Миллера министр юстиции Догерти изложил президенту Гардингу «мнение об отклонении претензии». 2 августа 1923 года Гардинг умер, и «мнение об отклонении» было обнаружено среди частных документов в его личном письменном столе, а не в официальных архивах Белого дома.

Сказать, что от всей этой истории отдавало странным душком, было бы эвфемизмом. Почему Миллер и Догерти отказались удовлетворить требование Гардинга? Вряд ли эти два государственных деятеля сомнительной честности ослушались приказа президента по принципиальным соображениям. Всего лишь за два месяца до того «посредники по темным делам» Догерти Джессе Смит и Миллер присутствовали на званом обеде в отеле «Ритц-Карлтон», где Мертон получил 7 млн. долл. в обмен на взятку в 350 тыс. долл. Не менее странно, что Кутрофф и Пикхардт не стали требовать удовлетворения своей просьбы при жизни Гардинга, несмотря на личное заявление президента, сказавшего: «Мне известно, что истцы — американцы».

Ученые, занимавшиеся политическими и историческими проблемами, возможно, ничего не знали о письме Гардинга, но о Кутроффе и Пикхардте этого сказать никак нельзя. После смерти Гардинга они снова предъявили свои претензии новому президенту Кальвину Кулиджу, представив письмо Гардинга в качестве доказательства того, что вопрос уже решен в их пользу. Несмотря на это письмо, Кулидж потребовал от министерства юстиции объяснения по поводу «мнения об отклонении» вопреки письму Гардинга. Министерство юстиции, возглавлявшееся генеральным прокурором Харланом Стоуном, направило запрос Кулиджа руководителю Управления по опеке над имуществом иностранцев Миллеру, который уже подвергался в это время гонениям, но еще не ушел в отставку.

Ответ Миллера был следующим:

В связи с данным вопросом могу сказать, что исковое заявление Кутроффа и Пикхардта находилось на рассмотрении у президента Гардинга с ноября 1921 года до его смерти. «Мнение об отклонении», направленное вашим министерством президенту Гардингу в ноябре или декабре 1921 года, лежало в письменном столе президента Гардинга и было найдено там после его смерти. С декабря 1921 года и до момента, когда я виделся с президентом Гардингом в последний раз, он неоднократно обсуждал со мной этот вопрос. По моему мнению, это письмо не имеет силы и значения, учитывая, что этот вопрос находился на рассмотрении у президента в течение 19 месяцев после того, как он написал свое письмо от 21 ноября 1921 года, и тот факт, что он не принял мер в соответствии с его заявлениями Микинсу, свидетельствует о том, что он изменил мнение, выраженное в его письме³⁰.

По рекомендации министерства юстиции Кулидж отклонил претензию, после чего Кутрофф и Пикхардт передали дело в суд. Там письмо Гардинга возымело решающее действие, и судья приказал руководителю Управления по опеке над имуществом иностранцев вернуть конфискованные активы.

Для Шмитца эпизоды с делом Мертона и делом Кутроффа и Пикхардта не остались без последствий. Они дали ему неопределимую возможность постичь некоторые из темных сторон поведения правительства и бизнесменов в Соединенных Штатах. Как показали дальнейшие события, он получил весьма хороший урок.

Решение применить свой трюк с заграничной холдинг-компанией в интересах «И. Г.» Шмитц принял только весной 1929 года. Непосредственным толчком к этому явилось заключенное между «И. Г.» и «Стандард ойл компани» соглашение о продаже прав на процесс гидрогенизации за 35 млн. долл. в акциях «Стандард ойл». Шмитц отнюдь не намеревался допустить, чтобы концерн «И. Г.» уплатил в Германии налоги на эту исключительно выгодную сделку. Взамен этого он решил прибегнуть к той же уловке, какую использовал для Вильгельма Мертона, создав «Сосьете суисс». Теперь, чтобы сохранить сумму, уплаченную «Стандард ойл», вне пределов

достижимости германских налоговых органов, он собирался учредить две заграничных холдинг-компании: одну — в Швейцарии, другую — в США. Этот план так увлек Шмитца, что он решил осуществить его, чтобы уклониться от уплаты налогов также и по ряду других прибыльных заграничных владений «И. Г.». Самыми крупными из них были заводы «Дженерал апилайн компани» (в состав которых входили в основном довоенные заводы «Байер» по производству красителей) и «Агфа Анско компани», концерн по производству фотоматериалов, уступавший по масштабам своей деятельности в США только компании «Истмен кодак». По расчетам Шмитца, доходы, поступавшие от этих активов «И. Г.» в Соединенных Штатах, представляли такую сумму, от налогообложения которой в Германии стоило постараться уклониться.

Однако утаивание заграничных активов «И. Г. Фарбен» было не единственной целью, которую преследовал Шмитц, создавая холдинг-компанию. В 1929 году стоимость выполнения амбициозных планов Боша по переработке угля для получения жидкого топлива уже выходила за рамки допустимого. Чтобы обеспечить дальнейшее осуществление этого проекта Шмитц предполагал использовать холдинг-компанию в целях мобилизации капитала на процветающих денежных рынках Швейцарии и Америки.

На специальном собрании акционеров «И. Г. Фарбен», состоявшемся 20 февраля 1929 года, Шмитц объявил о создании новой швейцарской холдинг-компании, «Интернационале гезельшафт фюр кемише унтернемунген» (известной как «И. Г. Хеми»). В то же время он сообщил акционерам «И. Г. Фарбен», что его корпорация намерена собрать 19 млн. долл. путем выпуска акций для продажи швейцарским инвесторам. Шмитц предложил, чтобы «И. Г.» поддержал этот проект, гарантировав покупателям те же дивиденды, которые они получали по акциям «И. Г. Фарбен». Взамен этого «И. Г.» сохранил бы свой контроль с помощью старого испытанного средства — опциона на покупку активов «И. Г. Хеми» в любой момент по рыночной стоимости.

Чтобы побудить акционеров «И. Г. Фарбен» голосовать за предложение о гарантии дивидендов, им было обещано право покупать акции «И. Г. Хеми» по 50%-ной стоимости. Соблазнившись возможностью покупки акций

швейцарской компании по дешевой цене, акционеры «И. Г. Фарбен» подавляющим большинством голосов одобрили план Шмитца.

Стремясь обеспечить себе личное влияние в швейцарской холдинг-компании, Шмитц занял пост президента «И. Г. Хеми» и ввел в состав правления своих давних друзей и доверенных соратников, включая Эдуарда Грейтерта и Феликса Иселина — двух питомцев мертоновской империи. Шмитц явно рассматривал свой опыт с Мертонами как серьезную подготовку к созданию нового предприятия «И. Г. Фарбен». К тому же он сам приложил руку к их обучению, и они были преданы ему лично. Причастность Грейтерта и Иселина к скандалам с руководителем Управления по опеке над имуществом иностранцев в Соединенных Штатах явно не была препятствием в данном случае, ибо для того, что задумал Шмитц, их опыт был полезен.

Когда акции «И. Г. Хеми» были выпущены для продажи широкой публике, гарантия дивидендов со стороны «И. Г. Фарбен» сыграла чудодейственную роль. Все выпущенные акции были распроданы почти в тот же момент, когда они были предложены инвесторам. Сразу же после успешного начала деятельности «И. Г. Хеми» следующим шагом по плану Шмитца было создание аналогичной компании в США, «Америкэн И. Г. кемикл компани».

26 апреля 1929 года в финансовых колонках ведущих американских газет появилось объявление о выпуске конвертируемых 5,1/2% облигаций «Америкэн И. Г. кемикл компани» на 30 млн. долл. В объявлении жирным шрифтом было напечатано сообщение о гарантии «И. Г. Фарбен»: *Капитал и проценты, а также премиальная надбавка, если таковая будет, безоговорочно гарантируются при выкупе надписью на обороте каждой облигации фирмой «И. Г. Фарбениндустри акциенгезельшафт» («И. Г. Дайз»), Франкфурт-на-Майне, Германия»³¹.*

Чтобы внушить доверие инвесторам, в совет директоров «Америкэн И. Г.» вошли четыре видных представителя американских промышленных и финансовых кругов: президент «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Уолтер Тигл, президент «Форд мотор компани» Эдзел Форд, председатель «Нэшнл сити бэнк» Чарльз Митчелл и член пользовавшейся огромным влиянием в финансовых кругах

банкирской семьи Уорбургов Поул Уорбург. «И. Г. Фарбен» был представлен Карлом Бошем и Германом Шмитцем, которые числились соответственно председателем и президентом новой компании.

Продажа облигаций прошла очень успешно. Еще утром весь их выпуск был распродан³².

Предлагая американской публике облигации новой компании на 30 млн. долл., Шмитц не имел ни малейшего намерения хоть на йоту поступиться контролем над ней. Ценные бумаги, продававшиеся широкой публике, могли конвертироваться только в акции класса «А», не дающие права голоса. С главным гарантом, «Нэшнл сити компани оф Нью-Йорк», была заключена договоренность о том, что три миллиона акций класса «Б», обеспечивавших их держателям исключительное право голоса, должны были сохраняться за «И. Г. Фарбен» «или за какой-либо компанией или отдельными лицами, связанными с ней»³³. Американцам, купившим облигации, не досталась бы ни одна акция, дававшая право на участие в голосовании. Как только Шмитц сумел это сделать, он назначил Грейтерта держателем акций класса «Б».

Затем Грейтерт распределил эти привилегированные акции среди небольшой группы иностранных корпораций, в число которых входили «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «И. Г. Хеми», «Кемо маатскаппий фoor кемише ондернемиген» (голландская компания, известная как «Кемо»); в эту группу вошли сам Грейтерт и ряд американских банков, выполнявших роль временного «прикрытия» для Грейтерта. Небольшое количество акций получили также Бош и Шмитц. Со временем в число держателей акций класса «Б» вошли и другие иностранные фирмы, служившие прикрытием, такие, как голландская компания «Н. В. Маатскаппий фoor индустри ен Хандельсбеланген (известная как «Фооринду») и швейцарский концерн «Осман верке».

Среди акционеров самой компании «Стандард ойл» все это мероприятие порождало нервозность, если не подозрительность. Когда кое-кто из них стал выражать сомнения по поводу того, насколько уместно для нее действовать в качестве прикрытия для «И. Г. Фарбен», Тигл взял владение акциями на себя лично. Он все еще находился в состоянии эйфории, вызванной покупкой у Боша прав на гидрогенизацию. У него не было серьезных воз-

ражений против того, чтобы оказать такую небольшую услугу «И. Г. Фарбен», которая владела теперь двумя процентами гигантской «Стандард ойл компани» и была, после семьи Рокфеллеров, ее крупнейшим отдельным акционером. Впоследствии, в 1933 году, акции, зарегистрированные на имя Тигла, как и акции, принадлежавшие Бошу, Шмитцу, Грейтерту, «И. Г. Хеми» и некоторым другим владельцам, были переданы «Митрас А. Г.», мало кому известной компании в Цюрихе, подозрительно тесно связанной с Грейтертом. Операции этой компании, не имевшей никаких других активов, осуществлял один юрисконсульт и его секретарь, работавшие в крошечной конторе. «Митрас» была явно фиктивной организацией «И. Г.», контролируемой Грейтертом. Хотя Тигл не являлся уже крупным держателем акций, он оставался членом совета директоров «Америкэн И. Г.».

Когда Шмитц создал свою схему камуфляжа активов «Америкэн И. Г.» с помощью ряда иностранных прикрытий, он не мог предвидеть проблем, с которыми ему пришлось столкнуться впоследствии из-за таких несовместимых систем, как гитлеровский третий рейх и рузвельтовский «новый курс». Эти две угрозы возникли для Шмитца в 1933 году.

Неприятности с нацистами начались почти сразу. Вскоре после прихода Гитлера к власти нацисты приняли Закон о защите народа и государства, который карал смертной казнью всех, кто нарушал валютные правила или прятал иностранную валюту³⁴. Не желая рисковать, «И. Г.» впервые сообщил тогда германскому правительству, что он продал мировые права на процесс гидрогенизации (за исключением Германии) компании «Стандард ойл» за пакет акций стоимостью 35 млн. долл.³⁵ В результате этого налоговые органы министерства финансов приступили к всестороннему расследованию с целью определить размеры скрытых заграничных активов «И. Г.». Особое внимание расследователей привлекли «И. Г. Хеми» и «Америкэн И. Г.», ибо контроль над «И. Г. Фарбен», «И. Г. Хеми» и «Америкэн И. Г.» полностью сосредоточился, казалось, в руках Германа Шмитца, который в то время был высшим руководителем всех этих трех концернов. Но когда представители налоговых органов затребовали документальные данные о деятельности фирм «Грейтерт энд компани» и «И. Г. Хеми»,

швейцарские законы о тайне банковских операций не позволили продолжить дальнейшее расследование. Шмитцу, который пользовался известным влиянием среди нацистских чиновников, удалось после длительных и неприятных переговоров убедить их, что слишком глубокое расследование вопроса о принадлежности и контроле в отношении «И. Г. Хеми», «Америкэн И. Г.» и «Грейтерт энд компани» создаст угрозу для заграничных «опорных пунктов» «И. Г.» в ущерб интересам Германии. В результате был достигнут компромисс, в результате которого «И. Г.» уплатил налоги на акционерный капитал «Стандард ойл» в сумме 5 млн. долл., и расследование было прекращено³⁶. Но с тех пор «И. Г.» уже неизменно заботился об уплате всех налогов на свои поступления из-за границы и на свои замаскированные и признанные активы.

В Соединенных Штатах у «И. Г.» возникла аналогичная проблема. По закону 1934 года о ценных бумагах и бирже «Америкэн И. Г.» должна была подать заверенное под присягой заявление о регистрации принадлежащих ей ценных бумаг. При заполнении анкеты Комиссии по ценным бумагам и бирже «Америкэн И. Г.» должна была ответить на вопрос, имеется ли у нее корпоративная головная компания. Непризнание «И. Г. Фарбен» конечной инстанцией, определяющей политику и характер операций «Америкэн И. Г.», грозило карательными мерами за ложные показания. Тем не менее должностные лица «Америкэн И. Г.» и в 1934—1936 годах неоднократно давали ложные показания, отвечая на этот вопрос отрицательно.

Это была опасная игра. В 1936 году была сделана попытка уменьшить угрозу, связанную с подписанием должностными лицами «Америкэн И. Г.» регистрационных заявлений Комиссии по ценным бумагам и бирже в будущем. Д. А. Шмитц, брат Германа Шмитца и натурализованный американский гражданин с 1909 года, стал президентом «Америкэн И. Г.», а к Герману Шмитцу перешла от Карла Боша менее активная роль председателя правления. Как отметил один из немецких административных служащих «И. Г.», на Д. А. Шмитце, как президенте, лежала теперь обязанность давать показания от имени компании, но в то же время он, как новичок, имел полную возможность сослаться на свою неосведомлен-

ность в ответ на любые вопросы, которые могли бы поставить его в затруднительное положение.

Через год положительные результаты этой меры стали очевидны. В 1937 году Комиссия по ценным бумагам и бирже, явно неудовлетворенная ответом «Америкэн И. Г.» на вопрос о корпоративных головных компаниях, потребовала от нее конкретного объяснения, является ли германский концерн «И. Г. Фарбениндустри» ее корпоративной головной компанией, а если нет, то имеет ли «Америкэн И. Г.» какую-либо другую корпоративную головную компанию. Имеет ли «И. Г. Фарбен» или какая-либо другая корпорация или отдельное лицо право избирать директоров или диктовать политику этой фирме благодаря владению акционерным капиталом, через договор или соглашения или каким-либо другим путем? Надо полагать, что группа администраторов «Америкэн И. Г.», решившая отвечать «нет» на все эти вопросы, была настроена крайне нервозно.

Догадываясь, что этот ответ далеко не отражает истинного положения вещей, Комиссия по ценным бумагам и бирже предприняла всестороннее расследование деятельности компании. Она «предложила» Д. А. Шмитцу, как президенту «А. И. Г.», и Вальтеру Дуисбергу, как первому заместителю президента и казначею, явиться на заседание Комиссии по ценным бумагам и бирже для более полного обсуждения этого вопроса. Государственные следователи учитывали то обстоятельство, что, хотя Д. А. Шмитц и стал натурализованным американским гражданином, все же был братом главы концерна «И. Г. Фарбен» Германа Шмитца, а Вальтер Дуисберг, гражданин США с 1933 года, был сыном основателя «И. Г. Фарбен» Карла Дуисберга.

В ходе заседания представители Комиссии по ценным бумагам и бирже навели справки о крупных зарегистрированных акционерах «Америкэн И. Г.». Они отметили, что, хотя голландские компании «Кемо» и «Фооринду» и швейцарская «Митрас» были зарегистрированными владельцами крупных контрольных пакетов акций «Америкэн И. Г.», расследование установило, что это абсолютно неизвестные фирмы и их названия невозможно найти ни в одном из торговых или обычных справочников, где, как правило, перечислены компании, имеющие столь крупные активы. Не действуют ли они в интересах

«И. Г. Фарбен»? Шмитца и Дуисберга подробно расспрашивали также о продаже акций фирмам «И. Г. Хеми» и «Грейтерт энд компани». Однако они отвечали, что находятся в полном неведении и ничего не знают о том, кто является владельцем «Америкэн И. Г.».

Комиссия по ценным бумагам и бирже, отнесясь с недоверием к их ответам и подозревая, что они ложны, направила «И. Г. Фарбен», «Грейтерт энд компани» и «И. Г. Хеми» письменные запросы. «И. Г. Фарбен» дал абсолютно недвусмысленный ответ: «Имеем честь заявить, что мы не принимаем ни прямого, ни косвенного участия в «Америкэн И. Г. кемикл корпорейшн» или в других корпорациях («Грейтерт» и «Хеми»), упомянутых в Вашем письме»³⁷. Это была явная ложь. Фирма «Грейтерт» действовала более осторожно. Она отказалась дать какие-либо сведения, сославшись на строгие положения швейцарского закона о тайне банковских операций. «И. Г. Хеми» отказалась ответить «по принципиальным соображениям».

Комиссия по ценным бумагам и бирже, абсолютно неудовлетворенная этими ответами, продолжала вести следствие. 4 февраля 1938 года Д. А. Шмитц, Вальтер Дуисберг и Уолтер Тигл выступили в качестве свидетелей на слушании в Комиссии по ценным бумагам и бирже по вопросу об инвестиционных трестах. Показания этих людей выявили их поразительную неосведомленность о принадлежности и контроле над компанией, в которой они занимали посты высших руководителей и директоров. Шмитц во время допроса его юрисконсульткомиссии Дэвидом Шенкером признал, что понятия не имеет, кто является привилегированными акционерами компании. Дуисберг заявил, что и ему это не известно. Дуисберг зашел настолько далеко, что отрицал свои родственные связи с кем-либо из концерна «И. Г. Фарбениндустри», хотя его брат Карл входил в состав наблюдательного совета «И. Г.», а брат Курт работал в фармацевтическом отделе в Леверкузене. Он даже ни разу не упомянул и о своем отце. Самый большой интерес вызвал к себе Тигл, бывший президент, а затем председатель наблюдательного совета крупнейшей нефтяной компании мира. Будучи одним из директоров «Америкэн И. Г.» с момента ее основания, он тем не менее заявил, что никогда не знал, кто ее главные владельцы. Юрисконсульт

Комиссии по ценным бумагам и бирже продолжал допрос:

«Шенкер: Это правда, что вы и сейчас не знаете, кто осуществляет контроль над этой корпорацией?»

Тигл: Да, правда.

Шенкер: Пытались ли вы, г-н Тигл, когда-либо выяснить, кто фактически является привилегированными владельцами акций класса «А» и класса «Б»?

Тигл: Нет, сэр.

Член комиссии Хили: Если вы говорите, что не знаете, кто ее контролирует, г-н Тигл, то ее, видимо, контролируют европейские предприниматели, не так ли?

Тигл: Думаю, что такой вывод был бы правилен.

Член комиссии Хили: Это как будто единственный вывод, к которому можно прийти на основании списка акционеров.

Тигл: Это верно.

Шенкер: Но кто именно эти иностранные предприниматели, вы, если исходить из такого вывода, никогда не знали и все еще не знаете?

Тигл: Да, это так».

Немного позже Тиглу задали вопрос об Эдзеле Форде, президенте компании «Форд» и члене совета директоров «Америкэн И. Г.».

«Шенкер: Входит ли он все еще в совет директоров?»

Тигл: Думаю, что входит.

Шенкер: Как вы полагаете, ему известно, кому принадлежит контроль над этой компанией?»

Тигл: Думаю, что ему известно об этом не больше, чем мне»³⁸.

На следующий день, когда в газетах появились сообщения о поразительной неосведомленности Тигла, в «Стандард ойл» все перепугались. В памятной записке «для служебного пользования» один из членов руководства «Стандард ойл» так охарактеризовал затруднительное положение, в которое попал Тигл:

Тигл, как директор, был поставлен в крайне затруднительное положение на заседании комиссии и сообщениями печати, поскольку не знал, кто является привилегированным владельцем крупных пакетов акций «Америкэн И. Г.». Публике кажется невероятным, что человек в его положении ничего

не знает о том, кому принадлежит компания... Нам также кажется, что лучшее, что может сделать Тигл,— это уйти из «Америкэн И. Г.», ибо, хотя расследование, насколько мне известно, закончено, мы, безусловно, еще услышим о нем ³⁹.

Франк Хауэрд был твердо намерен принять какие-то меры по этому вопросу, и уж ему-то, если не Тиглу, было точно известно, с кем его надлежит обсудить. В письме одному из представителей «Стандард ойл» в Европе, он писал: «Боюсь, что одному из нас или нам обоим придется довольно откровенно поговорить с... Шмитцем по поводу «Америкэн И. Г. кемикл» ⁴⁰.

Разговор Хауэрда со Шмитцем состоялся в Берлине через несколько недель, 11 марта 1938 года, в тот день, когда немцы вторглись в Австрию. После этой встречи Хауэрд написал Тиглу, как Шмитц отнесся к расследованию, проведенному Комиссией по ценным бумагам и бирже.

Он знает, что произошло в Вашингтоне и, несмотря ни на что, все еще считает, что его курс лучший из всех, какие можно было проводить, и он хочет придерживаться его и впредь. Шмитц изложил мне причины, по которым, как он полагает, неприятности с «Америкэн И. Г. компани» не могут повториться. К сожалению, о всех этих вопросах я могу поговорить только при встрече с вами — таково требование Шмитца ⁴¹.

Неизвестно, что именно сказал Шмитц Хауэрду по поводу «Америкэн И. Г.», чего нельзя было бы изложить на бумаге. Известно, однако, что примерно три недели спустя Герман Шмитц присутствовал в Базеле на совещании высших членов руководства «И. Г. Хеми» и «И. Г. Фарбен», созванном для обсуждения результатов расследования, проведенного Комиссией по ценным бумагам и бирже. На совещании было принято решение о «дефарбенизации» «И. Г. Хеми», дабы можно было сообщить, что она является головной компанией «Америкэн И. Г.». Была достигнута договоренность о том, что «сильное влияние «И. Г. Фарбен»... надо считать нежелательным с американской точки зрения» ⁴², и оно было бы крайне опасным в случае «международных осложнений» (это эвфемистическое выражение было использовано вместо слова «война»).

Пока «И. Г. Фарбен» сохранял за собой опцион в отношении акционерного капитала «И. Г. Хеми», его контроль над «И. Г. Хеми», а значит, и над «Америкэн И. Г.» оставался бесспорным. В случае войны положение «Америкэн И. Г.» было бы крайне уязвимым. Из-за строгих валютных правил, введенных нацистами, любое решение этой проблемы должно было санкционировать германское правительство. Приступить к разработке соответствующего плана было поручено заместителю Макса Ильгнера Курту Крюгеру⁴³.

Крюгер вскоре понял, что добиться разрешения на аннулирование опциона «И. Г. Фарбен» на акционерный капитал «И. Г. Хеми» будет трудно. Ведавший этими вопросами чиновник германского министерства экономики Густав Шлоттерер не возражал против ходатайства «И. Г.» и отнесся к нему благожелательно. Но заграничная организация нацистской партии («Аусландсорганизацион» — «А. О.») заняла иную позицию. В министерстве экономики у нее был офицер связи, которого надлежало информировать о всех крупных сделках, связанных с операциями немецких фирм за границей. Это обстоятельство серьезно препятствовало осуществлению надежд «И. Г.». «А. О.» всегда возражала против маскировки немецких заграничных активов, утверждая, что большой бизнес, и в частности «И. Г.», использует маскировку для того, чтобы лишить немецкие компании за границей их немецкого характера⁴⁴. От таких действий отдавало «интернационализмом», а это было одним из худших слов в нацистском лексиконе и напоминало о неприятностях «И. Г.» с нацистами в прошлом. Кроме того, маскировка была уловкой, порожденной поражением. «Победоносной» Германии незачем было прибегать к маскировке: последняя полезна только в случае поражения. По мнению нацистской «А. О.», заграничные дочерние предприятия и филиалы должны были не скрывать свои связи с Германией, а афишировать их. То, что концерн «И. Г.» намеревался замаскировать немецкий контроль над его заграничными операциями, только усиливало подозрения «А. О.» в «неарийской» принадлежности «И. Г.». К тому же высокопоставленные чиновники министерства экономики давно уже подозревали, что «И. Г.» прячет иностранную валюту в своих заграничных активах.

Начавшаяся 1 сентября 1939 года вторая мировая война подтвердила, что «И. Г.» для успешной маскировки его заграничных активов нельзя терять ни минуты. Неделю спустя этот вопрос серьезно осложнился. Внезапно умер Эдуард Грейтерт, главное доверенное лицо «И. Г.» в Швейцарии. Должностные лица «И. Г.» были настолько озабочены проблемой камуфляжа, что на его похоронах не могли говорить ни о чем другом.

Какие-то поверхностные меры по маскировке «Америкэн И. Г.» приняла немедленно. Она изменила свое название на «Дженерал анилайн энд филм корпорейшн» («Дж. А. Ф.»), изъяв компрометирующие ее инициалы «И. Г.» Эта перемена, как откровенно заявил сотрудник по связям с общественностью, объяснялась «тем, что немецкие названия вызывали предубеждение в деловых кругах страны»⁴⁵. Герман Шмитц и Карл Бош вышли из правления. Тем не менее исполнительный комитет сохранил свой немецкий характер»: Д. А. Шмитц, Рудольф Хутц и Вильгельм фон Рат были людьми, связанными с «И. Г.».

Однако «дефарбенизация» «Дж. А. Ф.» не могла эффективно осуществляться на правовой основе, пока не был ликвидирован изобличавший ее опцион «И. Г. Фарбен» на акционерный капитал «И. Г. Хеми». Пока эта формальная связь сохранялась, «И. Г. Хеми» не могла считаться швейцарской головной компанией «Америкэн И. Г.». Вместо нее зарегистрированными держателями акционерного капитала должны были остаться голландские подставные дочерние компании фирмы «И. Г. Хеми».

Непосредственно перед наступлением Гитлера на запад весной 1940 года несколько «американских друзей» «И. Г. Фарбен», в том числе Д. А. Шмитц и Хью Уильямсон, отправились в Базель, чтобы обсудить с представителями «И. Г. Фарбен» и «И. Г. Хеми» вопрос о «самых лучших и наиболее эффективных мерах, которые надлежит принять, чтобы избежать угрозы [конфискации «Дж. А. Ф.» американским правительством] в случае войны с США»⁴⁶. Они договорились, что ради достижения конструктивных результатов придется аннулировать опцион «И. Г. Фарбен» на акционерный капитал «И. Г. Хеми».

Пока шли эти совещания, вопрос внезапно осложнился еще больше, и возникла более срочная необходимость

найти пути к его решению. 10 мая Германия вторглась в Голландию, и министерство финансов США заблокировало все голландские активы в Соединенных Штатах. В их число входили и акции «Дж. А. Ф.», поскольку ее крупнейшие зарегистрированные акционеры, «Кемо» и «Фооринду», были голландскими компаниями. Такого опасного поворота Герман Шмитц не предусмотрел, разрабатывая свой сложный план маскировки «Америкэн И. Г.». Отныне все финансовые операции «Дж. А. Ф.» должно было санкционировать министерство финансов. Чтобы освободить «Дженерал анилайн» из тисков правительства США, следовало доказать, что головной компанией «Дж. А. Ф.» были не голландские подставные компании, а сама «И. Г. Хеми». Но до тех пор, пока оставался в силе разоблачительный опцион по гарантии дивидендов, «И. Г. Хеми» не могла заявить об отсутствии у нее связей с «И. Г. Фарбен».

Буквально через несколько дней Крюгер снова появился в кабинете Шлоттерера, настоятельно добиваясь санкции на «перестройку наших отношений с... «И. Г. Хеми». Он просил разрешения освободить «И. Г. Хеми» от всех связей, которые могли бы свидетельствовать о «подчинении немецкому влиянию». Для этого, заявил он, опцион «И. Г.» на акционерный капитал «И. Г. Хеми» будет аннулирован, а Герман Шмитц уйдет с поста президента компании «И. Г. Хеми». Крюгер пояснил, что «И. Г.» решил на такие радикальные меры лишь после длительного обсуждения этого вопроса: «Деятельность наших американских друзей в наших интересах мешаю существующие у нас связи, и они считают, что мы должны помочь им в защите этих интересов, осуществив указанные выше меры, которые они нам рекомендовали». В связи с этим он отметил, что «сложность нынешней ситуации заключается в том, что, как полагают, американская компания («Дж. А. Ф.») находится в слишком большой зависимости от Швейцарии, а у швейцарской компании («И. Г. Хеми») слишком большие обязательства по отношению к «И. Г.», и поэтому можно считать, что американская компания находится под немецким влиянием»⁴⁷.

Эту проблему следовало неотложно решать. «Американские друзья» «И. Г.» подвергались все усиливавшемуся нажиму со стороны Комиссии по ценным бумагам и

бирже, стремившейся разоблачить подлинное название головной компании «Дж. А. Ф.». Комиссия установила предельный срок для окончательного ответа — 30 мая 1940 года. Теперь уже было ясно, особенно учитывая международные события, что дальнейших проволочек она не потерпит. Положение, в котором оказалась «Дж. А. Ф.», уже не позволяло ей утверждать, что ей неизвестно, кто осуществляет контроль над компанией. Однако, пока не были порваны связи с «И. Г.», она не осмеливалась заявить, что ее головной компанией является «И. Г. Хеми». В то же время «Дж. А. Ф.» была блокирована как собственность голландских компаний «Кемо» и «Фооринду». Крюгер писал по этому поводу министерству экономики:

Вопрос этот крайне срочный, поскольку продлевавшийся несколько раз предельный срок подачи заявления (Комиссии по ценным бумагам и бирже) о том, кому принадлежит контроль над «Америкэн компани», истекает 30 мая 1940 года. Президент «Америкэн компани» Шмитц, который в настоящее время находится в Базеле и должен отбыть из Генуи в Америку не позднее 18 мая, готов немедленно предпринять в США все шаги, необходимые в соответствии с указанными выше мерами... при условии... если разрешения, требуемые от соответствующих властей, будут обещаны нам в принципе⁴⁸.

В частных беседах с Шлоттерером Крюгер заверил его, что «связи между «И. Г. Фарбен» и «И. Г. Хеми» не будут полностью порваны; они сохранятся и в дальнейшем, но в других формах». Германскому правительству, заявил Крюгер, нечего опасаться: «И. Г.» будет и впредь оказывать влияние на деятельность «Дженерал анилайн энд филм». Фактически он «принял все необходимые меры, чтобы обеспечить это»⁴⁹. «И. Г.» не мог заявить об этом яснее и указать, что повлечет за собой отказ санкционировать его ходатайство об отмене опциона «Уж не хотите ли вы, чтобы мы потеряли «Дж. А. Ф.», если она будет конфискована из-за утверждений, что мы так и не отделились?»⁵⁰ На этот раз доводы и заверения «И. Г.» удовлетворили Шлоттерера, и он санкционировал его ходатайство.

Акционеры «И. Г. Хеми», собравшиеся в конце июня на свое ежегодное собрание, подавляющим большинством

голосов одобрили меры по «перестройке», санкционированные германским министерством экономики. Открытые «законные» связи между «И. Г. Хеми» и «И. Г. Фарбен» были формально расторгнуты⁵¹. Для большей достоверности того, что принятое на собрании акционеров решение превратило «И. Г. Хеми»... в швейцарскую компанию», Герман Шмитц отказался от поста президента, и его место занял швейцарский гражданин Феликс Исслин. На людей сведущих выбор Иселина произвел странное впечатление. Читатель, вероятно, помнит, что именно он, будучи служащим «Сосьете суисс», принимал незаконную присягу в пользу Мертона при разборе дела «Америкэн метал компани».

К тому же отставка Германа Шмитца не устранила полностью влияния «И. Г. Фарбен». В составе правления «И. Г. Хеми» все еще оставались люди, сохранившие подозрительно тесные связи с «И. Г. Фарбен»: зять Эдуарда Грейтерта Август Герман, зять Германа Шмитца Альберт Гадов, а также протеже и преемник Грейтерта Ганс Штурценеггер. Штурценеггер учредил фирму «Штурценеггер энд компани», к которой должны были перейти имущественные права фирмы «Грейтерт энд компани».

Как только был аннулирован опцион «И. Г. Хеми», «Дж. А. Ф.» ответила, наконец, на вопрос Комиссии по ценным бумагам и бирже о ее головной компании. Она указала, что владельцем контрольного пакета ее акций в размере 91,05% ее капитала является «И. Г. Хеми». Что касалось контроля над «И. Г. Хеми», то «Дж. А. Ф.» заявила: «И. Г. Хеми» сообщила нам, что головной компании у нее нет, что большая часть ее акций, дающих право голосования, принадлежит гражданам Швейцарии и что никто не имеет опциона, на основе которого от «И. Г. Хеми» могут потребовать продать какую-либо часть принадлежащих ей зарегистрированных акций»⁵². Однако Комиссию по ценным бумагам и бирже этот ответ не удовлетворил. В ее отчете конгрессу о проведенном расследовании деятельности «Дж. А. Ф.» говорилось: «В ходе изучения этого вопроса все попытки выявить привилегированных владельцев контрольных пакетов акций оказались безуспешными»⁵³.

Не менее важное значение имело то, что министерства юстиции и финансов публично заявили, что считают

компанию «Дженерал анилайн энд филм» прикрытием нацистов. Учитывая нацистские эксцессы, о которых ежедневно сообщала американская печать, такое отождествление становилось для директоров-американцев все более невыносимым. Хью Уильямсон, один из американских директоров (который также был секретарем компании), прилагал все усилия, чтобы изменить облик «Дж. А. Ф.» в глазах общественности. Опираясь на поддержку консультировавшей «Дж. А. Ф.» юридической компании «Брид, Эббот энд Морган», из которой он в свое время перешел в «Дж. А. Ф.», Уильямсон пришел к заключению, что решить эту проблему, равно как и вопрос о его собственной уязвимости для судебного преследования со стороны правительства США, можно лишь в том случае, если удастся найти покупателя с неопровержимыми доказательствами его американского происхождения. Уильямсон и другие директора-американцы понимали, что получить на это разрешение «И. Г. Хеми» будет, возможно, не очень легко. Да и какую роль играл бы «И. Г.» в случае принятия такого решения?

Как впоследствии выяснилось, у «И. Г. Хеми», вновь обретенной головной компании «Дж. А. Ф.», были другие планы, в которые не входила продажа «Дж. А. Ф.». По рекомендации швейцарского посланника в США Шарля Брюгемана она ранее пригласила на работу в качестве своего полномочного представителя молодого натурализованного американского гражданина швейцарского происхождения Вернера Габлера, у которого имелись связи среди членов правительства Рузвельта. Первым и, пожалуй, самым успешным мероприятием Габлера было привлечение на работу в «И. Г. Хеми» Джона Уилсона в качестве ее американского юрисконсульта.

Следующей миссией Габлера было убедить соответствующие правительственные ведомства — главным образом министерства юстиции и финансов, — что «И. Г. Хеми» — независимый швейцарский концерн, не связанный с «И. Г. Фарбен». Он предложил министерству финансов план, предусматривавший передачу пакета акций «И. Г. Хеми» голосующему тресту с двумя равноправными администраторами, одного из которых должна была назначить «И. Г. Хеми», а другого — правительство США⁵⁴. Министерство финансов почти сразу же отвергло этот план: слишком много данных свидетельствовало о

том, что компания, которую представлял Габлер, была креатурой «И. Г. Фарбен».

Англичане настойчиво добивались от США каких-либо действенных мер в отношении компании «Дженерал анилайн энд филм». 1 мая 1940 года британский министр военной экономики Хью Дальтон открыто призывал США заморозить активы стран оси⁵⁵. Он предупреждал, что германские деловые круги, предвидя возможность такой акции, уже перевели свои активы на имя нейтральных подставных организаций. Дальтон рекомендовал ввести систему, которая поможет сорвать нейтральную завесу, скрывающую истинную принадлежность активов стран «оси». Самые значительные германские активы, скрывающиеся за швейцарским прикрытием, утверждал Дальтон, были в «Дженерал анилайн энд филм компани», и он призвал принять против нее должные меры. Вскоре после обращения Дальтона, 14 июня, президент Рузвельт распорядился заморозить все активы граждан стран континентальной Европы в Соединенных Штатах. Обеспечить выполнение этого распоряжения Рузвельт поручил министру финансов Генри Моргентау-младшему. Согласно распоряжению, к 14 июля 1940 года властям надлежало сообщить о всем имуществе в Соединенных Штатах, к которому имел прямое или косвенное отношение любой иностранец. После опубликования распоряжения началось то, что газета «Нью-Йорк таймс» назвала «величайшим примером детективного выслеживания, которое когда-либо предпринимало правительство нашей страны, ибо хорошо известно, что правительства стран «оси» издавна пытались скрыть свои американские активы в ожидании направленной против них меры такого рода»⁵⁶.

Указав, что речь идет о каждой стране континентальной Европы, Рузвельт поймал швейцарцев в расставленные им сети. Принадлежность Швейцарии активов в Соединенных Штатах на сумму 1,5 млрд. долл. свидетельствовала о слишком подозрительной концентрации собственности, чтобы ее можно было игнорировать. «Дженерал анилайн» была блокирована уже в момент вторжения немецких войск в Голландию. Теперь, после принятой Рузвельтом меры, придание «дефарбенизованной» «И. Г. Хеми» статуса головной компании

«Дж. А. Ф.» уже не повлекло бы за собой ее «разблокирование».

В то же время была блокирована и «Дженерал дайстаф корпорейшн», в которую входили сбытовые компании «И. Г. Фарбен», конфискованные Управлением по опеке над имуществом иностранцев в период первой мировой войны. В 20-х годах все они вновь вернулись к «И. Г. Фарбен» и были объединены в новую компанию — «Дженерал дайстаф корпорейшн» («Дж. Д. К.»). Чтобы обеспечить себе полный контроль над «Дженерал дайстаф», «И. Г. Фарбен» использовал традиционный опцион, опираясь на таких доверенных лиц «И. Г.», как Адольф Кутрофф и, что самое примечательное, как Эрнест Гальбах, к помощи которого «И. Г.» прибегал более чем в семи сделках, связанных с установлением «контроля путем опциона». В августе 1939 года, непосредственно перед нападением Германии на Польшу, концерн «И. Г.» продал Гальбаху контрольный пакет акций «Дженерал дайстаф корпорейшн». Поскольку у министерства финансов имелись серьезные подозрения в отношении Гальбаха, «Дженерал дайстаф корпорейшн» по распоряжению Рузвельта была также блокирована. Отныне вся деятельность компании могла осуществляться только по лицензии министерства финансов.

Все эти неблагоприятные моменты побудили Уильямсона, лидера так называемого американского большинства в совете директоров «Дж. А. Ф.», еще более энергично проталкивать свой план избавления «Дж. А. Ф.» от стоявших перед ней серьезных трудностей. Он вступил в переговоры с несколькими компаниями, в том числе с «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Форд мотор компани» и «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» («И. Т. Т.»). «Стандард ойл» и «Форд», уже «погоревшие» в ходе проведенного Комиссией по ценным бумагам и бирже расследования «Америкэн И. Г.», проявили незначительный интерес к его предложениям, но «И. Т. Т.» заинтересовалась ими всерьез.

Президент «И. Т. Т.» полковник Состинес Бен сразу же обратился непосредственно к германскому правительству, рассматривая его как высшую инстанцию в данном вопросе. Он воспринимал концерн «И. Г. Фарбен» как подлинного владельца «Дж. А. Ф.» и поэтому считал необходимым получить разрешение германского правительст-

ва прежде, чем можно будет заключить какую-либо сделку. Бен действительно предварительно договорился с германским правительством и отправил одного из вице-президентов «И. Т. Т.», Фрэнка Пейджа, информировать об этом государственный департамент США. Как говорилось в меморандуме государственного департамента:

Полковник Бен сообщает, что германское правительство предложило обменять право собственности на американскую (sic!) «Дженерал анилайн энд филм компани» на право собственности на принадлежащую «И. Т. Т.» германскую компанию по производству телефонного провода и другого оборудования. Пейдж заявил, что стоимость обеих компаний примерно одинакова и что обмен будет выгодным для «И. Т. Т.», поскольку ее деньги будут переведены в американский актив⁵⁷.

Затем представитель «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» вступил в переговоры с должностными лицами «И. Г. Хеми» в Швейцарии, и Бен решил, что вопрос уже урегулирован. Он назначил встречу в Базеле на начало июля, видимо, полагая, что она станет одним из завершающих этапов в этой сделке. Такого же мнения были Уильямсон и большинство остальных членов правления «Дженерал анилайн энд филм». Однако президент «Дж. А. Ф.» Д. А. Шмитц проявлял скорее скептицизм, чем энтузиазм в отношении подобных переговоров.

3 июля причины, которыми объяснялась позиция Шмитца, стали понятны и Уильямсону. Представитель «Дж. А. Ф.» в Базеле сообщил ему, что «И. Г. Хеми» потеряла интерес к сделке с «И. Т. Т.». Уильямсон позвонил Гансу Штурценеггеру, ставшему после Грейтерта главным зарегистрированным держателем акций «И. Г. Хеми», чтобы узнать, почему прерваны переговоры.

Штурценеггер сразу же подтвердил Уильямсону, что сделка с «И. Т. Т.» не состоится. Переговоры с ней, заявил он, были основаны «на ошибочных предположениях». Затем он сообщил ему новость, которая как громом поразила Уильямсона. «И. Г. Хеми», сказал Штурценеггер, ведет переговоры с Эрнстом Гальбахом, и, по имеющимся у него надежным сведениям, правительство США считает его приемлемым покупателем. Услышав это, Уильямсон взорвался: «Боже мой! Это смешно. Гальбах, как вы знаете, сейчас заблокирован»⁵⁸.

Когда Штурценеггер спросил, почему Уильямсон считает Гальбаха неприемлемым для правительства США, тот чуть не завопил: «Его история, Ганс, и это полностью подтверждается документами, еще хуже нашей». По его мнению, подписи Гальбаха, как доверенного агента «И. Г.» под семью соглашениями об опционе было достаточно, чтобы осудить его. Но Штурценеггер продолжал говорить о благонадежности Гальбаха. На это Уильямсон ответил: «Это все равно что продать Д. А. Шмитцу... Это просто непостижимо». В конце разговора Уильямсон заявил, что, помимо всего прочего, финансовое положение Гальбаха не позволит ему купить «Дж. А. Ф.»: «У него и в помине нет суммы, необходимой для такой покупки... Он этого сделать не может»⁵⁹.

Убежденный в том, что «И. Г. Хеми» собирается продать акционерный капитал «Дж. А. Ф.» Гальбаху, Уильямсон в тот же день в отчаянии снова позвонил Штурценеггеру. Он признал, что в обычных условиях «И. Г.», продавая акции Гальбаху, «не мог бы найти более подходящее доверенное лицо (это означало бы просто переложить деньги из одного кармана в другой)» и что Гальбах — «наш собственный наемник»⁶⁰. Беда лишь в том, что так же это дело будет рассматривать и министерство финансов.

Но все усилия Уильямсона оказались тщетными. «И. Г. Хеми» была твердо намерена продать акции Гальбаху. 14 июля «Дж. Д. К.», принадлежавшая уже теперь Гальбаху, получила закодированную телеграмму, предоставлявшую ей опцион на покупку контрольного пакета акций «Дж. А. Ф.», находящегося во владении министерства финансов США, стоимостью 5812 тыс. долл. Получив соглашение об опционе, «Дж. Д. К.» подала в министерство финансов ходатайство, прося разрешения купить акции «Дж. А. Ф.»⁶¹.

Уильямсон все еще возражал против Гальбаха, утверждая, что вся эта затея бессмысленна и приведет лишь к потере ценного времени, ибо правительство США никогда не даст согласия на такую продажу. Гораздо целесообразнее было бы, по его мнению, добиваться продажи «Дж. А. Ф.» компании, имеющей неоспоримые доказательства своей американской принадлежности. Фирма «Брид, Эббот энд Морган», выполнявшая функции юри-

сконсульта «Дженерал анилайн», даже подготовила заключение, где излагались причины, по которым правительство США никогда не разрешит продажу компании «Дженерал анилайн энд филм» Гальбаху. Однако это не поколебало позицию «И. Г. Хеми». Она продолжала поддерживать сделку по продаже акций Гальбаху. Не считаясь ни с предупреждением Уильямсона, что драгоценное время тратится зря, ни с заключением компании «Брид, Эббот энд Морган» о неприемлемости кандидатуры Гальбаха, она ожидала положительного решения министерства финансов в связи с ходатайством гальбаховской «Дж. Д. К.». Теперь уже назревал серьезный конфликт между директорами «Дж. А. Ф.». Феликс Иселин требовал осуществить сделку по продаже компании Гальбаху. Д. А. Шмитц отказался от своей уклончивой позиции и открыто занял сторону Иселина. Так же поступил и Эрнст Шварц, который ранее был высокопоставленным должностным лицом «И. Г.» в Германии, а теперь стал еврейским эмигрантом в Соединенных Штатах. Шварц был верным сторонником Германа Шмитца, который нашел ему работу в «Дж. А. Ф.». Против этой тройки резко выступало большинство членов правления — уроженцы США директора Хью Уильямсон, Уильям Брид и Уолтер Беннет и американские граждане немецкого происхождения Вильгельм фон Рат, Ганс Айкелин и Рудольф Гутц.

К сентябрю борьба среди членов правления «Дж. А. Ф.» настолько обострилась, что большинство из них потребовало отставки Д. А. Шмитца с поста президента. 14 сентября Брид написал ему письмо, где отмечал, что его прошлое и особенно то, что он является братом Германа Шмитца, делают его неподходящим человеком для такого поста, и предлагал ему немедленно уйти в отставку. Когда Шмитц отказался это сделать, правление приняло решительные меры, сместив его с поста президента, но оставив членом совета директоров. Узнав об этом, Феликс Иселин нанес ответный удар, отправив из Базеля телеграмму с категорическим требованием удалить всех американских директоров. Однако его телеграмма была оставлена без внимания.

2 октября, всего лишь неделю спустя, министерство финансов, как и предсказывал Уильямсон, отвергло ходатайство Гальбаха о покупке контрольного пакета

акций «Дж. А. Ф.». Причину отказа оно не указало: она была понятна.

Когда с вопросом о Гальбахе было покончено, большинство директоров «Дж. А. Ф.» начали наступление на «И. Г. Хеми». 31 октября они избрали президентом компании Джона Мэка вместо смещенного Д. А. Шмитца. Политические преимущества нового президента были ясны: он являлся другом и соседом президента США Рузвельта. И именно он выступил с основной речью в защиту кандидатуры Рузвельта на предвыборном съезде Демократической партии в 1932 году. С точки зрения улучшения отношений с Комиссией по ценным бумагам и бирже и с министерствами юстиции и финансов этот выбор считался политически целесообразным.

30 ноября директора «большинства» усилили свой нажим, требуя ухода в отставку директоров «меньшинства» — Д. А. Шмитца, Эрнста Шварца и Феликса Иселина, однако последние отказались выполнить это требование. 5 декабря «большинство» сделало дальнейший шаг по пути вербовки на свою сторону видных политических деятелей. Директора «большинства» избрали в состав правления Уильяма Буллита, который, как и Мэк, являлся близким другом Рузвельта и впоследствии был направлен им послом в Советский Союз. Позднее, когда война в Европе казалась уже неизбежной, Буллит был назначен послом США во Франции. Избрание Буллита членом правления директора «большинства» назвали еще одним шагом к передаче контроля... безошибочно американским деловым кругам»⁶².

7 декабря 1941 года Япония совершила нападение на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор. 10 декабря Германия объявила войну Соединенным Штатам.

Через несколько дней министр юстиции Фрэнсис Биддл осуществил меру с целью нанести удар по контролю «И. Г. Хеми» над «Дж. А. Ф.». Он предложил поправку к Закону о торговле с противником, уполномочившую президента конфисковать имущество любого иностранца, а не только граждан враждебных стран.

На созванном наспех закрытом заседании сенатской судебной комиссии Биддл заявил: «Закон о торговле с противником... не предусматривает полномочий, на основе которых Соединенные Штаты могут получить право владеть и управлять некоторыми предприятиями, принад-

лежащими иностранцам или даже гражданам враждебных стран, например, в случаях, когда большей частью акционерного капитала владеет швейцарская компания, и мы можем оказаться не в состоянии помешать этой швейцарской компании действовать в интересах нацистского правительства»⁶³. Он не оставил никаких сомнений в том, что имел в виду «Дж. А. Ф.» и ее принадлежность «И. Г. Хемп».

Днем раньше, 18 декабря, всего лишь через неделю после того, как Биддл представил свою поправку, ее принял конгресс и подписал президент Рузвельт, после чего она приобрела силу закона. Теперь принадлежавшие швейцарской компании активы подлежали передаче. «Дж. А. Ф.» была конфискована Управлением по опеке над имуществом иностранцев 24 апреля 1942 года, а «Дж. Д. К.»—два месяца спустя.

После конфискации все попытки правления «американизировать» «Дж. А. Ф.» прекратились. Руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев Лео Краули заменил всех прежних директоров своими ставленниками, и они взяли в свои руки руководство компанией до конца войны.

Когда нацистскому правительству стало известно из сообщений газет о возможных намерениях правительства Соединенных Штатов ликвидировать конфискованное имущество противника, включая и «Дж. А. Ф.», оно решило в отместку ликвидировать американские активы в Германии. Однако германский рейхсбанк и министерство иностранных дел выступили против. Предприняв такую акцию, предупреждали они, «мы откровенно признаемся американцам в том, что до сих пор старались скрыть с помощью камуфляжа, а именно что эти активы действительно отражают германские интересы в компаниях, о которых идет речь, и к тому же в значительных масштабах»⁶⁴. Это было убийственное признание, о котором стало известно сразу же после войны, когда были захвачены германские документы.

11. Странный процесс компании «Дженерал анилайн энд филм»

К концу войны вопрос о мерах, которые надлежало принять «И. Г. Хеми» в отношении конфискованных акций компании «Дженерал анилайн энд филм» принял серьезный характер. Юрисконсульт «И. Г. Хеми» Джон Уилсон рекомендовал подождать с его решением, полагая, что шансы на успех будут возрастать по мере того, как с течением времени утихнут вызванные войной страсти. Вскоре жизнь подтвердила правильность его предположений.

«Стандард ойл оф Нью-Джерси» считала, что не может позволить себе такую роскошь — ждать, пока изменится обстановка. У нее были веские основания полагать, что Краули под нажимом антитрестовского отдела министерства юстиции собирается выпустить лицензии по переданным в другие руки патентам «Джаско» и «Стандард — И. Г. компани». Она решила «взять быка за рога». 13 июля 1944 года «Стандард ойл» и ее дочерние компании, «Стандард ойл девелопмент компани», «Стандард каталитик компани» и «Джаско», подали в окружной суд США южного округа Нью-Йорка иск против руководителя Управления по опеке над имуществом иностранцев в соответствии с разделом 9(а) Закона о торговле с противником. Эти компании, утверждая, что патенты и акционерный капитал «Стандард — И. Г. компани» и «Джаско» были конфискованы незаконно, требовали их возвращения. Процесс начался 21 мая 1945 года, через две недели после безоговорочной капитуляции Германии. Кое-кто в самой компании «Стандард ойл» рекомендовал выждать, пока обстановка не станет более благоприятной, ибо в тот момент вряд ли было уместно высту-

пать в защиту «враждебной» компании. Но верх одержали те, кто утверждал, что время будет работать против «Стандард ойл».

Компанию «Стандард ойл» представлял Джон Дейвис из фирмы «Дейвис, Полк». Кандидатура этого видного американского адвоката выдвигалась в 1924 году на пост президента США от Демократической партии. Группу адвокатов, представлявших на процессе руководителя Управления по опеке над имуществом иностранцев, возглавлял адвокат из Филадельфии Филип Амрам, которому поручил вести это дело министр юстиции Биддл.

По специальному указанию главного судьи Харлана Стоуна председатьствовать на процессе было поручено члену окружного суда США в Бостоне Чарльзу Э. Визанскому-младшему. Трудно было бы подобрать юристов более высокой квалификации как для руководства процессом, так и для обвинения и защиты.

Главным аргументом адвокатов «Стандард ойл» в ходе процесса было то, что 25 марта 1942 года, когда акции и патенты «Джаско» и «Стандард — И. Г.» были конфискованы, их полноправным и законным владельцем была «Стандард ойл» и что с заключением в сентябре 1939 года Гаагского соглашения у «И. Г.» уже не осталось в этих компаниях никаких активов.

В защиту конфискации этого имущества государством выдвигались аргументы, что передача акционерного капитала и патентов компании «Стандард ойл», предусматривавшаяся Гаагским соглашением, была камуфляжем, предпринятым, чтобы скрыть их принадлежность противнику в лице «И. Г.».

В ходе подготовки к процессу Амрам получил от военного министерства известие о том, что главный юрисконсульт «И. Г.» Август фон Книрим был захвачен 3-й армией генерала Паттона. Амрам сообразил, что близившееся поражение Гитлера может сделать Книрима свидетелем, готовым к сотрудничеству. С первым же военным самолетом он вылетел в Париж, куда был доставлен для допроса Книрим. Юрисконсульт «И. Г.» не только согласился выступить на суде в качестве свидетеля со стороны правительства США, но и обещал представить документы в поддержку доводов Амрама, в том числе документы, касавшиеся Гаагского соглашения, а также переписку о сделке между «И. Г.» и германским верховным

командованием. Все эти материалы сохранились благодаря тому, что после бомбардировки Франкфурта Книрим вывез их за город в окрестности Гейдельберга, который авиация союзников не бомбила. Амрам попросил Книрима привезти эти документы в Нью-Йорк для предъявления на процессе.

Уже шла вторая неделя процесса, когда Амрам получил известие о прибытии Книрима с документами на остров Эллис. Встретившему его Амраму Книрим сказал, что готов дать показания, однако попросил Амрама купить прежде для него новую белую рубашку и галстук, чтобы ему не пришлось предстать перед старыми коллегами из «Стандард ойл» в потрепанной форме военнопленного. Амрам охотно выполнил его просьбу.

Теперь Амрам уже был готов раскретить своего таинственного свидетеля. Он вызвал Книрима для дачи свидетельских показаний. И тот, в новой рубашке и галстук, под охраной вошел в зал заседаний. «Я никогда не забуду выражения лиц администраторов «Стандард ойл» в тот момент», — вспоминал впоследствии Амрам¹.

Судья Визанский спросил Книрима, нужен ли ему переводчик, но немецкий юрист гордо отказался. Затем сжато, на безупречном английском языке, лишь с очень легким акцентом, он стал говорить о привезенных им из Германии документах. Итак, Амрам готов был нанести «Стандард ойл» сокрушительный удар. Он предъявил в качестве доказательства имевшуюся у Книрима копию Гаагского соглашения с его личными пометками на полях на английском и немецком языках². На полях преамбулы, где указывалось, что «Джаско» по первоначальному соглашению 1930 года является владельцем некоторых патентных прав, включая патент на способ изготовления «буны», Книрим написал: «Nachkrieg Camouflage (послевоенный камуфляж)!» Затем Амрам предъявил привезенную Книримом переписку между «И. Г.» и верховным командованием. В одном из документов «И. Г.» указывал: «Благодаря этой передаче... патенты, принадлежащие немецким владельцам, будут ограждены от конфискации противником... мы считаем правильным передать патенты американскому держателю, который находится в дружеских отношениях с нами и станет сотрудничать с нами на дружеской основе в будущем»³.

Несмотря на резкие возражения адвокатов «Стандард ойл», председатель суда Визанский принял документы Книрима в качестве доказательств. По мнению Амрама, эти доказательства «разоблачили ложность Гаагского меморандума... и убедительно показали, что весь этот план был прозрачной уловкой с целью скрыть эти активы от Управления по опеке над имуществом иностранцев на случай участия Соединенных Штатов во второй мировой войне»⁴.

Через пять месяцев, 7 ноября 1945 года, председатель суда Визанский огласил свое решение. Он заявил, что все передачи активов «И. Г.» компании «Стандард ойл» после Гаагского соглашения — это подлог с целью создать ложное впечатление о принадлежности «Стандард ойл» имущества, которое обе стороны продолжали считать принадлежащим «И. Г.». «Суд убежден,— писал Визанский, что основная реальная договоренность группы «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и концерна «И. Г.» заключалась в том, что... эти передачи как законного права собственности, так и права на использование собственности другого лица в своих интересах должны быть аннулированы по усмотрению «И. Г.», причем стороны имели в виду, что по окончании второй мировой войны группа «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «И. Г.» заключат любую сделку, которую они сочтут подходящей»⁵.

В заключение судья Визанский заявил:

Гаагское соглашение и последующие сделки, хотя и не всегда по форме, оставили «И. Г.» без изменений законное право собственности и право на использование собственности другого лица в своих интересах... А посему правительство США и Управление по опеке над имуществом иностранцев действовали законно, конфисковав эти права 25 марта 1942 года как имущество противника⁶.

Таким образом, акционерный капитал и патенты «Джаско», включая и патенты на «буну», должны были остаться за Управлением по опеке над имуществом иностранцев. Но победа, одержанная правительством, была неполной. Визанский нашел, что сделки между «И. Г.» и «Стандард ойл» до Гаагского совещания были заключены честно и не предусматривали существенных изменений в будущем. Относившиеся к ним ценные бумаги и

патенты надлежало вернуть «Стандард ойл», поскольку они не могли считаться имуществом противника.

22 сентября 1947 года выездная сессия окружного суда подтвердила это решение и выводы судьи Визанского⁷. Судья Чарлз Кларк, написавший заключение, ужесточил решение суда низшей инстанции. Так, по поводу первоначальной передачи права «И. Г.» на владение акциями «Джаско» Вальтеру Дуисбергу Кларк написал, что «неизбежно напрашивается вывод, что Дуисберг всего лишь еще одно подставное лицо; его использовали, чтобы скрыть подлинную принадлежность активов «И. Г.»⁸. К своему заключению судья Кларк сделал поразительное примечание; он писал, что «Стандард ойл» можно было бы рассматривать как компанию враждебной страны, учитывая ее отношения с «И. Г. Фарбен» после того, как Соединенные Штаты и Германия стали вести друг против друга активные военные действия. «Хотя обвиняемый не выдвигает такого аргумента, можно, пожалуй, утверждать, что в рамках этого широкого определения истцы стали гражданами вражеской страны, когда началась война, поскольку после этого их маскировка активов «И. Г.» продолжалась»⁹.

Решение Кларка стало окончательным 19 апреля 1948 года, когда Верховный суд США отклонил все постановления высших судебных инстанций о пересмотре. Эта дата ознаменовала собой конец злополучного «брака» между концерном «И. Г.» и «Стандард ойл компани». В результате судебного процесса руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев вернул «Стандард ойл» все довоенные активы «И. Г.» в «Стандард — И. Г. компани», но удержал за собой половину активов «И. Г.» в «Джаско» наряду почти со всеми патентами, которые предположительно перешли от «И. Г.» к «Джаско» после начала войны, в том числе и патенты на «буну».

Однако опасения «Стандард ойл» в 1939 году, что активы «И. Г.» «попадут в недружеские руки» не оправдались. В апреле 1953 года руководитель Управления по опеке над имуществом иностранцев предложил акции «Джаско» на аукционе тому, кто даст за них максимальную цену. Получив шесть запечатанных предложений, он объявил, что самую высокую цену, 1,2 млн. долл., предложила «Стандард ойл девелопмент компани»,

Решение по делу «Стандард ойл» вряд ли могло утешить «И. Г. Хеми» и ее американского юрисконсульта Джона Уилсона. Еще больше оснований для беспокойства внушало принятое конференцией по репарациям, состоявшейся в Париже в декабре 1945 года, решение о том, чтобы все союзные державы, участвовавшие в войне, получили репарации за ущерб, понесенный ими в войне, за счет германских активов в соответствующих странах. Нейтральным странам также предлагалось ликвидировать известные германские активы, выявленные на их территории, и передать вырученные за них средства Межсоюзной репарационной комиссии, которая должна была разделить эти активы среди истцов в соответствии с установленной квотой: Соединенные Штаты и Великобритания должны были получить по 28%, а остальные 44% следовало разделить между другими союзниками. Ужасающее значение для «И. Г. Хеми» имело то обстоятельство, что сюда входили и германские активы, замаскированные в нейтральных странах. «В число германских активов противника, составляющих часть репараций, должны войти активы, которые фактически являются германскими, несмотря на то что номинальный их владелец не является гражданином враждебной Германии»¹⁰. Никто не сомневался, что эта резолюция в основном была направлена против «И. Г. Хеми» и ее якобы дочерней компании «Дженерал анилайн энд филм». Одновременно с конференцией по репарациям в Базеле состоялось собрание акционеров «И. Г. Хеми», созванное специально для принятия мер против решения Парижской конференции. Атмосфера этого собрания, целью которого было уничтожить по мере возможности все следы связи с концерном «И. Г. Фарбен», была проникнута духом поражения Германии. Знаменитые инициалы «И. Г.» были изъяты из названия, и «И. Г. Хеми» официально стала называться «Интернационале индустри унд хандельсбетейлигунген А. Г.» («Интерхандель»). Ее устав был изменен, чтобы исключить использование акций на предьявителя — одного из традиционных механизмов, применявшихся «И. Г. Фарбен» для осуществления тайного контроля. Ушел в отставку Альберт Гадов, директор-распорядитель компании с 1935 года и зять Германа Шмитца. Его преемником стал Вальтер Герман, швейцар-

ский гражданин и племянник покойного Эдуарда Грейтерта.

Пока «И. Г.» осуществлял попытки «дефарбенизации» и «дегерманизации», Швейцарское компенсационное управление предприняло действия, чтобы определить масштабы германского контроля над «Интерхандель». Управление детально знакомилось с каждой бумажкой в архивах «Интерхандель», которая имела отношение к этому вопросу. Оно провело также не менее всестороннее изучение архивов преемника Грейтерта Штурценегера.

Завершив эту работу, Швейцарское компенсационное управление пришло к выводу, что «И. Г. Хеми» («Интерхандель») не контролируется «И. Г.» и не принадлежит ему, а является действительно швейцарской компанией, принадлежащей и управляемой швейцарскими владельцами. В союзнических странах это решение было встречено с недоверием, а правительство США сочло его полностью неприемлемым. Основываясь на тысячах захваченных документов «И. Г. Фарбен», правительство США твердо стояло на своем, а именно что «Интерхандель» находится под германским контролем. Американские должностные лица, занимавшиеся этим вопросом, все больше убеждались в том, что позиция швейцарского правительства в этом вопросе определяется скорее нажимом известных кругов внутри страны, а не сознанием необходимости в судебном решении, имеющем законную силу.

Позиция Соединенных Штатов возымела определенное действие. В мае 1946 года на конференции в Вашингтоне Швейцария заключила с Соединенными Штатами, Францией и Англией соглашение, касавшееся решения проблемы причастности нацистов к замаскированным активам и награбленному золоту, находившимся в Швейцарии. В соответствии с условиями этого соглашения Швейцарское компенсационное управление в сотрудничестве с комиссией в составе представителей четырех стран — участниц Вашингтонского соглашения должно было рассмотреть все вопросы о спорной принадлежности и ликвидировать все имущество, принадлежность которого немецким владельцам была установлена. В случае разногласий между Швейцарским компенсационным управлением и Смешанной комиссией

спор надлежало передать на рассмотрение швейцарской кассационной инстанции.

«Интерхандель» почти сразу же стала объектом серьезных разногласий. Швейцарское компенсационное управление по-прежнему считало ее подлинно швейцарской компанией, а не замаскированной собственностью «И. Г.». Смешанная комиссия решительно оспаривала это мнение и апеллировала к швейцарской кассационной инстанции, которая поддержала Швейцарское компенсационное управление. После установленного срока в 30 дней швейцарское правительство объявило решение швейцарской кассационной инстанции окончательным, разморозило активы «Интерхандель» в Швейцарии и предъявило правительству США требование о передаче «Интерхандель» акционерного капитала «Дженерал анилайн энд филм». Однако это была палка о двух концах, и правительство США ответило отказом. Американцы заявили, что Вашингтонское соглашение касается только активов, находящихся в Швейцарии, и никак не затрагивает активов в США: граждане стран, не являвшихся противниками США в войне, как, например, швейцарские граждане, стремящиеся добиться освобождения активов, заблокированных в США, должны использовать законные средства правовой защиты, предусматривавшиеся Законом о торговле с противником. Для практических целей, подчеркивали они, использование активов «Дженерал анилайн» будет осуществлено по американским законам. В июле 1948 года это положение было подкреплено поправкой к Закону о торговле с противником, согласно которой никакие активы, принадлежавшие гражданам враждебных стран, не подлежали возвращению их прежним владельцам. Взамен этого они должны были депонироваться в специальном фонде для оплаты претензий за ущерб, нанесенный во время войны.

Поправка к Закону о торговле с противником решала, казалось, вопрос о том, примет ли конгресс, как это было в 1928 году, после первой мировой войны, закон о возвращении конфискованных активов их прежним владельцам. Поскольку на это явно уже нельзя было рассчитывать, Джон Уилсон, учитывая, что срок давности истекал, подал иск от имени «Интерхандель» о возвращении ей акций «Дж. А. Ф.», конфискованных Управлением по опеке над имуществом иностранцев¹¹.

Поскольку это управление года за два до того было передано министерству юстиции, ответчиком в иске был назван министр юстиции Том Кларк. Интересно отметить, что в иске было указано не немецкое название «Интерхандель», под которым компания действовала в Базеле, где официальным языком был немецкий, а ее редко применявшееся французское название — «Сосьете энтернасьонал пур партисипасьон эндюстриэль э коммерсиаль С. А.».

В исковом заявлении «Интерхандель» говорилось, что акционерный капитал «Дж. А. Ф.» был конфискован руководителем Управления по опеке над имуществом иностранцев незаконно, поскольку «Интерхандель» никогда не была ни противником, ни союзником противников Соединенных Штатов, а была реальным и привилегированным владельцем конфискованных акций. Знаменательно, что «Интерхандель» не оспаривала утверждения США о контроле и господствующей роли «И. Г.» в «И. Г. Хеми» до июня 1940 года. Однако она заявила, что после июня произошли перемены, которые нарушили все связи между «И. Г. Хеми» и «И. Г. Фарбен». «Интерхандель» намекала в данном случае на меры по «дефарбенизации», предпринятые в 1940 году, непосредственно перед тем, как «Дж. А. Ф.» информировала Комиссию по ценным бумагам и бирже, что «И. Г. Хеми» — ее корпоративная головная компания. В число этих мер входили аннулирование соглашения о дивидендах, выплачиваемых по опциону, уход Германа Шмитца из «И. Г. Хеми» и приобретение «И. Г. Хеми» крупного пакета ее собственных акций, находившихся у германских акционеров.

В своем ответе правительство США заявило, что все эти перемены не что иное, как новые попытки замаскироваться. Оно утверждало, что «Интерхандель» с момента ее регистрации в 1921 году и вплоть до капитуляции Германии в 1945 году участвовала в сговоре с концерном «И. Г. Фарбен», Эдуардом Грейтертом и преемником последнего Гансом Штуценеггером в целях «сокрытия, камуфляжа и маскировки владения, контроля и господства «И. Г. Фарбен» над имуществом и активами во многих странах мира, в том числе и в Соединенных Штатах»¹². Более того, правительство США утверждало,

будто реальным владельцем акций «Дж. А. Ф.», пользовавшимся привилегиями, был «И. Г. Фарбен».

Так начался юридический спор, который долго рассматривался в федеральных судах, пока наконец через 15 лет не завершился поразительным решением. В течение этих 15 бурных лет были предприняты бесчисленные попытки разрешить его. Зачастую эти попытки осложнялись политическим нажимом и вмешательством добровольных посредников и других сомнительных лиц. Несколько раз возможность разрешить его казалась вполне реальной. Так, в 1950 году «Интерхандель» запросила 14 млн. долл. за отказ от своей претензии на акции «Дж. А. Ф.».

Помощник министра юстиции, ведавший вопросами, связанными с имуществом противника, рекомендовал правительству США принять это предложение. Однако министр юстиции Том Кларк отверг требование об уплате 14 млн. долл., выдвинув контрпредложение об уплате 12 млн. долл. Члены Верховного суда, считавшие, что определяющим фактором в данном случае должен быть принцип, а не деньги, решительно возражали против любого урегулирования спора на подобной основе. Их могло удовлетворить только законное решение суда. Располагая документами нацистов и «И. Г.», они могли теперь доказать по суду, что «Дж. А. Ф.» и «Интерхандель» — замаскированное имущество «И. Г. Фарбен».

Однако в самый разгар переговоров на сцене появились два эмигранта, которые были акционерами «Интерхандель». 11 мая 1950 года Эрик и Энни Кауфман, которым принадлежали 86 акций «Интерхандель», от имени всех акционеров, не являвшихся гражданами враждебных стран, подали в окружной суд ходатайство о вмешательстве в предстоящее судебное разбирательство. Они заявили, что господствующая роль и контроль над «Интерхандель» принадлежат якобы должностным лицам, агентам и держателям акций, которые в прошлом вступили в сговор с немецкими гражданами и германским правительством с целью обеспечить себе руководство деятельностью «Интерхандель» во время войны в интересах Германии. Они утверждали, что, возбуждая иск, «Интерхандель» действовала под контролем тех самых акционеров, биографии и действия которых в первую очередь побудили Управление по опеке над имуществом иностранцев

конфисковать активы «Дж. А. Ф.». Кауфманы заявили, что руководство компании, опасаясь безвозвратной конфискации своих активов, запятнанных связью с врагом, готово было отказаться от своей претензии на сумму в значительно меньше действительной стоимости активов, принадлежащих акционерам, не являющимся гражданами враждебной страны. Кауфманы утверждали также, будто от этой «враждебной» группы, контролирующей «Интерхандель», нельзя ждать защиты интересов «невраждебных» акционеров. Ее намерение разделить вырученные в результате урегулирования спора средства поровну между «враждебными» и «невраждебными» акционерами лишило бы последних их справедливой доли этих средств. Кроме того, такой дележ принес бы существенную выгоду бывшему врагу¹³.

Руководство «Интерхандель» и правительство США возражали против вмешательства Кауфманов, причем каждая сторона настаивала на одинаковом отношении к интересам всех акционеров. Руководство «Интерхандель» возражало против того, чтобы акционерам косвенным путем было нанесено оскорбление делением их на «враждебных» и «невраждебных», ибо это означало еще более одиозное разделение их на нацистов и ненацистов. Правительство Соединенных Штатов со своей стороны предпочитало урегулировать все претензии сразу, чтобы акции «Дж. А. Ф.» можно было продать в виде одного пакета.

Ходатайство Кауфманов о вмешательстве было отклонено окружным судом через две недели после его подачи¹⁴, и апелляционный суд США подтвердил это решение¹⁵. Однако Кауфманы настаивали на своем требовании, и в октябре 1951 года Верховный суд вынес постановление о пересмотре дела¹⁶.

В последнюю неделю 1951 года курс акций «Интерхандель» поднялся на Цюрихской фондовой бирже до сенсационно высокого уровня из-за слухов о достигнутой ею договоренности с правительством США. Вскоре эти слухи подтвердились¹⁷.

2 января 1952 года Верховный суд заслушал выступления по вопросу о праве Кауфманов на вмешательство в ход дела¹⁸; это был первый случай, когда Верховный суд рассматривал сложный вопрос о защите прав меньшинства акционеров в компании, которая якобы находилась под контролем противника. В ходе судебного разби-

рательства адвоката министерства юстиции спросили, о какой сумме шла речь во время переговоров «Интерхандель» с правительством США о компромиссном урегулировании, на что тот ответил, что договоренность о сумме еще не достигнута¹⁹. Это было первое открытое свидетельство того, что об урегулировании ведутся серьезные переговоры.

В ходе переговоров об урегулировании руководство «Интерхандель» вскоре увеличило требуемую им сумму с 14 до 35 млн. долл.— до общей оценочной чистой стоимости «Дж. А. Ф.» в момент конфискации. Должностные лица министерства юстиции, которые за несколько месяцев до того отказались уплатить 14 млн. долл., не проявили интереса к новой сумме. Требование о выплате 35 млн. долл. сорвало переговоры и практически уничтожило возможность урегулирования спора в тот момент²⁰.

7 апреля 1952 года Верховный суд вынес постановление об удовлетворении ходатайства Кауфманов о вмешательстве²¹ в интересах меньшинства акционеров «Интерхандель», что почти похоронило все шансы на урегулирование спора между США и «Интерхандель». Единственным возможным решением этой проблемы представлялась дальнейшая тяжба.

В начале следующего года «Интерхандель» потерпела в суде еще более серьезную неудачу. Окружной суд округа Колумбия, где «Интерхандель» возбудила иск о возвращении активов «Дж. А. Ф.», оставил этот иск без последствий ввиду непредъявления ею документов «Штурценгер энд компани», которые суд потребовал представить в качестве доказательств²². Американский суд не согласился принять в защиту иска доводы о швейцарских законах о тайне вкладов. Адвокат «Интерхандель» Джон Уилсон обжаловал решение суда и последующие пять лет вел в судах борьбу с министерством юстиции по процедурному вопросу о том, может ли быть рассмотрено дело «Интерхандель» без документов «Штурценгер энд компани».

Тем временем у «Интерхандель» появилась другая возможность добиться возвращения ей «Дж. А. Ф.». В 1954 году сенатор Эверетт Дирксен внес на рассмотрение сената США законопроект о возвращении бывшим владельцам конфискованного «имущества противника»²³. Министерство юстиции, возглавлявшееся в то время

Гербертом Браунеллом, решительно возразило против этого законопроекта²⁴. Но тут в дело вмешался государственный секретарь в правительстве Эйзенхауэра Джон Фостер Даллес. К удивлению министерства юстиции и союзников США военного времени, он выступил на заседании сенатской комиссии в поддержку законопроекта Дирксена²⁵. Даллес, признав, что этот законопроект идет вразрез с соглашением 1945 года о репарациях, одним из участников которого были США, утверждал, что соглашение носило чисто исполнительный характер и не могло ограничить право конгресса решать по своему усмотрению вопрос об имуществе иностранцев. Его, видимо, несколько не беспокоило то, что речь шла и об авторитете государственного департамента.

Показания Даллеса произвели сенсацию. Начали высказываться опасения, что, если США откажутся от причитающихся им репараций, Германия потребует таких же уступок и от других союзных стран. Особенно встревожились голландцы. Они получили в виде репараций германские активы в Голландии стоимостью свыше 100 млн. долл., что фактически составляло лишь небольшую часть уничтоженного гитлеровцами имущества. Один высокопоставленный голландский государственный деятель заявил в интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Мы считаем, что соглашения надо соблюдать»²⁶, а затем с грустью добавил, что в будущем Нидерландам придется действовать крайне осторожно при заключении соглашений с Соединенными Штатами.

Несмотря на то что Даллес поддержал законопроект Дирксена, оппозиция министерства юстиции сыграла свою роль, и законопроект был отклонен.

В июне 1958 года иску «Интерхандель» снова был дан ход, когда Верховный суд вынес постановление в ее пользу и отменил решения судов низшей инстанции²⁷. Он счел, что «Интерхандель» даже без представления швейцарских документов имеет право на рассмотрение дела по существу. Предстояло еще одно длительное путешествие по судам.

Через несколько дней после принятия Верховным судом решения о новом рассмотрении иска в «Интерхандель» произошла драматическая перемена. 25 июня на ежегодном собрании акционеров «Интерхандель» Феликс Иселин и еще три члена правления подали в отставку

после новой попытки «дефарбенизации» компании²⁸. Их заменили четыре видных представителя швейцарских банковских кругов с безупречной репутацией и без всяких связей с «И. Г. Фарбен». Новыми директорами стали президент Ассоциации швейцарских банкиров и генеральный директор трех крупнейших швейцарских депозитных банков — Швейцарского банка, «Креди суисс» и «Юнион банк». Самый небольшой из них, «Юнион банк», как сообщалось в печати, на протяжении нескольких предшествующих месяцев покупал крупные пакеты акций «Интерхандель»²⁹. Эти покупки имели особое значение. В приобретенные «Юнион банк» пакеты акций вошла большая часть акций, принадлежавших Гансу Штурценеггеру, что уничтожило последнюю важную связь с «И. Г. Фарбен». Фактически Штурценеггер вышел из состава правления еще до того, как швейцарские банки уступили «нажиму со стороны консервативных швейцарских кругов, добивавшихся устранения всяких сомнений по поводу истинной принадлежности «Интерхандель»³⁰. Но пока Штурценеггер не продал своих последних акций, подозрения о влиянии «И. Г. Фарбен» на «Интерхандель» еще существовали.

Таким образом, господствующую роль в «Интерхандель» стал играть «Юнион банк». На следующем собрании акционеров, состоявшемся в июне 1959 года, представитель «Юнион банк» в правлении «Интерхандель» Альфред Шефер был избран генеральным директором и заместителем председателя. Теперь он стал главной фигурой в компании.

Осенью 1959 года сын Д. А. Шмитца и племянник Германа Шмитца Роберт Шмитц предложил Шеферу план урегулирования дела с «Дж. А. Ф.». Роберт Шмитц посвятил большую часть своей жизни поискам решения вопроса о «Дж. А. Ф.». Его целью, заявил он, было обелить имя отца и заработать немного денег. К концу второй мировой войны сразу же после увольнения из военно-морского флота США он отправился с отцом в Швейцарию, чтобы проконсультироваться с Штурценеггером о том, каким способом лучше всего добиться от американского Управления по опеке над имуществом иностранцев возврата конфискованного акционерного капитала «Дж. А. Ф.». По мнению Шмитцев, единственная надежда

«Интерхандель» вернуть себе акционерный капитал «Дженерал анилайн» заключалась в том, чтобы продать компанию американскому покупателю, приемлемому для правительства США. Штурценеггер согласился, что этот план следует претворить в жизнь, после чего Шмитцы сразу начали искать покупателя.

После смерти Д. А. Шмитца Роберт продолжал энергично осуществлять свои планы. В последующие годы он установил контакт с несколькими американскими компаниями, заинтересованными в покупке «Дж. А. Ф.». В их число входили «Ремингтон Рэнд», «Шилдз энд компани», «У. Р. Грейс энд компани», «Фуд машинери» и «Кемикл корпорейшн». Компании «Ремингтон Рэнд» удалось даже получить в 1947 году от «Интерхандель» опцион на покупку акций «Дж. А. Ф.» за 25 млн. долл. в том случае, если «Интерхандель» получит эти акции обратно от правительства США.

В начале 50-х годов Роберт Шмитц, начав работать в компании «У. Р. Грейс», познакомился с Чарлзом Уилсоном, который ушел в отставку с поста президента «Дженерал электрик» и стал председателем исполнительного комитета «У. Р. Грейс», чтобы помочь этой компании осуществить планы диверсификации ее деятельности. Шмитц убедил Уилсона, что «Дженерал анилайн» будет очень выгодным приобретением. В 1957 году после конфликта с Питером Грейсом Шмитц ушел из компании «У. Р. Грейс», сохранив, однако, дружбу с Уилсоном, который рекомендовал его нескольким компаниям, также заинтересованным в покупке «Дж. А. Ф.».

В конце 1958 года Шмитц, приехав в Базель по делам одного из этих концернов, отправился повидаться со своим старым приятелем Штурценеггером. Он знал, что представители швейцарских банков проникли в руководство «Интерхандель» и Штурценеггер уже не был членом правления, хотя и владел еще крупнейшим пакетом акций «Интерхандель» и оказывал большое влияние на ее деятельность.

Штурценеггер сообщил Шмитцу, что новая банковская группа в составе правления «Интерхандель» решила отказаться от попытки заинтересовать какую-либо американскую компанию покупкой «Дж. А. Ф.» и сосредоточить все усилия на борьбе за возвращение «Дж. А. Ф.» самой «Интерхандель». Тогда Шмитц заявил, что у него

есть новое предложение. До сих пор все старания «Интерхандель» были тщетными, ибо она так и не сумела «заинтересовать тех, кто имеет вес в высших правительственных кругах США»³¹. Он посоветовал иначе подойти к решению этого вопроса. «Интерхандель», сказал он, должна передать полные и неоспоримые полномочия на переговоры и окончательное урегулирование этого дела какому-нибудь известному американскому деятелю, «стоящему вне политики, но перед которым вместе с тем открыты все двери в правительстве»³². Человеком, которого рекомендовал Шмитц, был Чарлз Уилсон, занимавший при двух правительствах Демократической партии посты, имевшие важнейшее значение для страны (он был высокопоставленным чиновником министерства военной промышленности в период второй мировой войны и возглавлял Управление мобилизации для обороны во время войны в Корее). Еще более внушительное впечатление производили связи Уилсона с республиканцами: он был близким другом и вице-президента Никсона, и президента Эйзенхауэра.

Штурценеггер последовал совету Шмитца и начал переговоры с Уилсоном. Однако, когда он продал большую часть своих акций и ушел из «Интерхандель», переговоры с Уилсоном прекратились.

Шмитцу пришлось начать все сначала. Осенью 1959 года он снова приехал в Базель, чтобы предложить свой план Шефферу, новой могущественной фигуре в «Интерхандель». Шефер сразу же заинтересовался планом Шмитца и уполномочил его продолжать попытки убедить Уилсона взять на себя управление по доверенности. В конце апреля 1960 года Уилсон и Шефер встретились в Париже. Их совещание держалось в тайне, ибо Шефер боялся, что крайне неустойчивый курс акций «Дж. А. Ф.» начнет резко падать, если Уилсон откажется взять на себя эти функции. Даже Джону Уилсону, который ведал всеми вопросами, связанными с тяжбой, не было ничего известно ни об этой встрече, ни о плане Шмитца воспользоваться услугами Чарлза Уилсона. Вскоре после встречи Чарлз Уилсон согласился выполнить предложенную ему миссию.

Уилсон получил не подлежащую отмене доверенность с абсолютной свободой действий и правом контроля.

Однако Уилсон и Шефер заключили между собой частные дополнительные соглашения, которые изменяли основную договоренность и делали управление по доверенности менее неотъемлемым и абсолютным. Они заключили устное соглашение о том, что предоставлявшаяся Уилсону доверенность может быть аннулирована по первому же требованию «Интерхандель». Было заключено также письменное соглашение о том, что Уилсон, прежде чем договориться об урегулировании дела «Дж. А. Ф.», должен представить план такого урегулирования на одобрение «Интерхандель». Уилсон отказался от всякого вознаграждения и попросил только возместить его расходы. Его поверенный Чарлз Спиффорд, из известной юридической фирмы «Дейвис, Полк», должен был получать вознаграждение за свои услуги юрисконсульта.

6 июня 1960 года, когда было официально объявлено о согласии Уилсона взять на себя управление по доверенности, стоимость акций «Интерхандель» на фондовой бирже подскочила более чем на 50 млн. долл.³³.

Первой задачей, которую поставил себе Уилсон, было убедить министра юстиции Уильяма Роджерса в законности претензии «Интерхандель». Но министр юстиции упорно отказывался встретиться с Уилсоном после того, как тот согласился выполнить поручение «Интерхандель». Уилсону было предложено обратиться к заместителю министра юстиции Далласу Таунсенду, ведавшему вопросами, связанными с имуществом иностранцев. Уилсон побывал у Таунсенда несколько раз, но и сам Таунсенд, и его сотрудники, выражавшие большие сомнения по поводу независимости «Интерхандель» от контроля немцев, отнюдь не оказали Уилсону радушного приема.

В ожидании избрания Ричарда Никсона президентом в ноябре Уилсон и Шмитц строили планы, как преподнести свою позицию новому президенту, который, по их мнению, должен был отнестись к ним более благожелательно. Но когда был избран Джон Кеннеди, Уилсон быстро изменил свои планы и договорился через намечавшегося на пост министра финансов в кабинете Кеннеди Дугласа Диллона о встрече с представителями нового президента до его вступления в должность. Такая встреча состоялась в конце 1960 года в Палм-Бич в доме Джозефа Кеннеди,

отца вновь избранного президента, но она не дала результатов.

Шефер стал сомневаться в том, что Уилсон действительно имеет влияние на новую администрацию. Он разочарованно писал Роберту Шмитцу 14 ноября: «Сомнительно, что Чарлз Уилсон встретит со стороны высших правительственных кругов в будущем не менее дружественное отношение, чем до сих пор»³⁴.

В начале 1961 года, когда Кеннеди вступил в должность, заместителем министра юстиции по вопросам, связанным с имуществом иностранцев, был назначен Уильям Оррик. Поверенный Уилсона Чарлз Споффорд сразу же посетил его, чтобы обсудить дело «Дж. А. Ф.» и характер порученных Уилсону функций. Оррик предложил Споффорду представить ему письменный доклад по этим вопросам, что последний и обещал сделать.

Когда Споффорд приехал в Цюрих, чтобы согласовать окончательную формулировку памятной записки для Оррика, Шефер сообщил ему, что он беспокоится в связи с тем, что вопрос этот не решается, и хочет отправиться в Вашингтон, чтобы лично убедиться, как обстоят дела.

Шефер прибыл в Соединенные Штаты в мае 1961 года. Споффорд организовал ему встречу с несколькими сенаторами и правительственными чиновниками, ни один из которых не занимал более высокого поста, чем Оррик. Шефер был потрясен враждебным приемом, оказанным ему правительственными чиновниками, которым было поручено решить это дело. Особенно бурной была его встреча с Орриком. Заместителя министра юстиции настолько взбесили нападки Шефера на позицию правительства США в деле «Интерхандель», что он велел ему немедленно покинуть его кабинет. «Я вспоминаю,— заявил Оррик,— как он расхаживал взад и вперед по моему кабинету, высказывая нелестные замечания о правительстве Соединенных Штатов, что меня крайне раздражало, и я помню, что попросил его покинуть мой кабинет»³⁵.

Спустя месяц после бесплодной поездки Шефера в Соединенные Штаты его друг и адвокат некий Гутстайн сказал ему, что один из его клиентов лично знаком с новым президентом. Почему бы не попросить этого клиента устроить Шеферу встречу с новым министром юстиции Робертом Кеннеди? Шефер охотно согласился с его предложением.

Сразу же после встречи с Гутстайном и его «влиятельным клиентом» Шефер написал Споффорду, намекнув ему, что возможен серьезный сдвиг.

Рад сообщить Вам, что нам удалось установить новый контакт с одним из представителей высших органов власти через посредство третьего лица. Прошу Вас считать это сообщение абсолютно конфиденциальным и надеюсь, что в ближайшие дни смогу сообщить вам о дальнейших событиях. Однако мое сообщение также будет, вероятно, личным и частным ³⁶.

Шефер не упомянул о том, кто был «третьим лицом», через которого предполагалось установить контакт с одним из представителей высших органов власти.

Спустя месяц, 24 августа, в письмах Джову Уилсону и Споффорду он просил их временно прекратить переговоры с министерством юстиции. Шефер намеренно не указал, чем вызвано такое распоряжение, и лишь подчеркнул, что сам собирается побывать в Вашингтоне в связи с «имеющимся у нас новым предложением» и тогда обсудит с ними этот вопрос ³⁷. Было ясно, что он сам взялся за дело.

Споффорд находился в отпуске во Франции, и ему переправили туда письмо Шефера. Вскоре Оррик позвонил Споффорду по телефону и спросил, известно ли Шеферу, что в министерство юстиции явился новый человек от имени «Интерхандель». Споффорд признался, что ничего об этом не знает. Тогда Оррик сообщил ему новость, которая произвела на него впечатление взорвавшейся бомбы. «Князь Радзивилл, — заявил он, — представляет теперь «Интерхандель!» ³⁸ Споффорд был потрясен: Радзивилл не был даже юристом. Но зато он был зятем президента Кеннеди.

После этого телефонного разговора Споффорд решил отправиться в Цюрих повидаться с Шефером. Он потребовал, чтобы Шефер сказал ему, верна ли информация, полученная им от Оррика. Шефер подтвердил, что Радзивилла действительно пригласили в качестве представителя. В самых недвусмысленных выражениях Споффорд высказал свое мнение о зяте президента. Он считал, что все контакты следовало осуществлять «на профессиональной основе, между юристами, а не через случайных посредников» ³⁹. Тем не менее он признавал, что особые от-

пошения Радзивилла с президентом Кеннеди являются весьма важным обстоятельством. Поэтому, несмотря на свои опасения, ему пришлось согласиться с тем, что этой новой и необычной тактики следует придерживаться и в дальнейшем.

Затем Шеффер сообщил Споффорду о новом предложении «Интерхандель», которое заключалось в том, чтобы министерство юстиции вернуло «Дж. А. Ф.» «Интерхандель», которая продаст ее и на вырученные средства открывает Европейский банк развития для предоставления кредитов развивающимся странам⁴⁰. В задачу князя Радзивилла входило выяснить реакцию министра юстиции на такой план.

Вернувшись через несколько дней в США, Споффорд сообщил обо всем этом Чарльзу Уилсону. Уилсон и его юрисконсульт решили подождать результатов проявленной Шефером «через другие каналы инициативы». Они явно намекали на усилия князя Радзивилла⁴¹.

13 сентября Чарльз Уилсон получил от «Юнион банк» телеграмму с просьбой устроить в ближайшем будущем встречу Шефера с Робертом Кеннеди.

Споффорд немедленно отправился в Вашингтон, где встретился с Орриком, который сообщил ему, что министр юстиции не желает даже обсуждать проект об учреждении Европейского банка развития. По мнению Кеннеди, это не могло способствовать должному решению проблемы «Дж. А. Ф.»⁴².

По телеграфу Споффорд сообщил об этом обескураживающем известии в Швейцарию: «Как мне сообщили, министр юстиции не считает совещание полезным в настоящее время и не может установить его точную дату в будущем»⁴³. Шеффер написал в ответ: «Мне стало известно от моего друга в Лондоне, что министерство юстиции не считает возможным принять наше предложение. Поэтому он просил *лицо, о котором идет речь*, связаться с Вашингтоном, чтобы попросить о встрече там на будущей или на следующей за ней неделе, если это возможно»⁴⁴. В своей обширной переписке друг с другом Шефер и Споффорд ни разу не упомянули фамилию Радзивилла. Они прибегали к таким туманным выражениям, как «посредник», «друг в Лондоне», «лицо, о котором идет речь» и «третья сторона»,

Через несколько дней после того, как Шефер попросил «посредника» договориться о встрече, Оррик передал Споффорду по телефону, что Роберт Кеннеди «из уважения к посреднику» встретится с Шефером 30 или 31 октября⁴⁵. Споффорд сообщил об этом Шеферу. Он считал, что основная цель встречи — обсудить предложение об учреждении Европейского банка развития, которое, по его мнению, следовало принять. «Я считаю, — писал он, — что несмотря на то, что Оррик сообщил мне мнение министра юстиции об этом плане, вы, учитывая поддержку, которую вы ему оказывали и рекомендацию, полученную вами от посредника... должны представить ему план»⁴⁶. Шефер ответил, что цель его визита — выяснить, почему сделанное им предложение отвергнуто, и узнать, каким образом министерство юстиции можно было бы заинтересовать в решении этого вопроса⁴⁷. Шефер поставил условие, чтобы Споффорд, Джон Уилсон, Чарлз Уилсон и Радзивилл не участвовали в его встрече с министром юстиции Кеннеди. По словам Шефера, «наш общий друг» сообщил ему, что министр юстиции согласится встретиться с швейцарским банкиром только наедине — «никаких посредников, никаких консультантов, никаких советников, это должен быть разговор с глазу на глаз»⁴⁸.

Встреча была организована князем Радзивиллом, написавшим Роберту Кеннеди письмо с просьбой принять Альфреда Шефера. Это был первый случай, когда имя князя официально фигурировало в этом деле. По словам юриста министерства юстиции, это письмо выглядело как приглашение на свадьбу кого-либо из членов королевской семьи и было вложено в два роскошно оформленных конверта с вытисненным на них гербом Радзивиллов.

По словам Шефера, Кеннеди, встретившись с ним, сказал, что «он так много слышал о вмешательстве, посредниках и о всякого рода людях, добивавшихся заключения сделок, что рад возможности поговорить о чем-нибудь непосредственно со мной»⁴⁹. Кеннеди сразу же отверг идею создания Европейского банка развития, не отвергая, однако, самое идею урегулирования. Он сказал Шеферу, что из-за единодушного сопротивления его сотрудников ему потребуются большое мужество, чтобы урегулировать этот вопрос и что вопрос о «Дженерал анилайн энд филм» можно будет решить только на равных началах. Он дал предварительную санкцию на урегулиро-

вание, и они договорились, что подробности соглашения могут быть разработаны представителями «Интерхандель» и министерства юстиции⁵⁰.

Через несколько дней после совещания с Кеннеди Шефер встретился в Нью-Йорке с Чарлзом Уилсоном и Споффордом. Это была бурная встреча. Уилсон пожаловался, что вмешательство князя Радзивилла подрывает его авторитет. Споффорд согласился с ним, заявив, что действия Радзивилла он считает «весьма необычными, если не неуместными»⁵¹. Если Шефер и использует князя Радзивилла только в качестве вашингтонского ходатая или для того, чтобы «открывать двери», то «политически это очень недобросовестный, а поскольку это касается нас, и непрофессиональный прием, и я считаю, что, если слухи об этом дойдут до прессы или до конгресса, поднимется большой шум»⁵².

На следующей неделе Шефер, вернувшись в Цюрих, сообщил по телефону Оррику, что правление «Интерхандель» приняло предложение Кеннеди. Затем последовал обмен телеграммами между министерством юстиции и Шефером. В середине декабря Оррик приехал в Цюрих и позвонил Шеферу, чтобы обсудить дальнейшие подробности урегулирования⁵³. В январе министр юстиции Кеннеди и Шефер разговаривали об условиях урегулирования по международной линии. Вскоре после этого Шефер получил от Кеннеди телеграмму, подтверждавшую и уточнявшую содержание их разговора.

Полагаю, что на основе договоренности, упомянутой в нашем телефонном разговоре, США получают первые 11% вырученных от продажи средств в качестве компенсации за акции, на которые «Интерхандель» не претендует, а остальная часть будет поделена поровну между «Интерхандель» и Соединенными Штатами. Если мое предположение правильно, мы готовы снова обсудить этот и другие аспекты намечаемого с вами соглашения. Роберт Ф. Кеннеди⁵⁴.

Сердечные отношения, установившиеся между администрацией Кеннеди и компанией «Интерхандель», убедили Шефера, что положение Уилсона политически несостоятельно и настало время освободить его от функций доверенного лица. 12 февраля 1962 года он отправил Уилсону письмо, фактически аннулировавшее его полномочия.

Излагая причины, побудившие его принять такое решение, Шефер подчеркнуто напомнил Уилсону, что встреча с министром юстиции была организована «через посредство нашего общего друга». Состоявшиеся встречи и последующие неоднократные разговоры по телефону свидетельствовали о том, писал он, «что наши переговоры приближаются к среднему этапу, и поэтому мы надеемся достичь соглашения, следуя по этому пути, который, как вам известно, был открыт для нас непосредственно». Чтобы не оставалось никаких сомнений «в отношении права «Интерхандель» вести... прямые переговоры с Вашингтоном», Шефер просил Уилсона «считать полномочия, которые вы столь любезно согласились взять на себя два года назад, утратившими силу»⁵⁵.

Спустя полтора месяца Уилсон ответил, что он решил вернуть свои полномочия, как только можно будет завершить необходимые формальности. Его досада, вызванная появлением на сцене Радзивилла, еще не прошла.

Со своей стороны я хочу откровенно сказать, что вы поступили со мной не столь искренне, как этого требуют хорошие взаимоотношения, и что ваши методы решать дела не таковы, какими я их считал, когда согласился принять от вас полномочия. Я имею в виду, в частности, предпринятые вами чрезвычайные меры, чтобы проникнуть к министру юстиции без моего ведома...⁵⁶

В апреле Оррик и Шефер, встретившись в Мюнхене, пришли к общему соглашению. Указанные в соглашении условия урегулирования более или менее соответствовали тем, какие наметил в своей телеграмме Кеннеди, о подробностях же должны были договориться позднее юристы-консульты обеих сторон.

Однако радужные надежды Шефера на скорейшее разрешение конфликта оказались преждевременными. Прошел почти год, прежде чем было достигнуто окончательное урегулирование. Тем не менее для Шефера обстановка в значительной мере изменилась: кануло в прошлое время, когда Оррик вышвырнул его из своего кабинета.

В середине 1962 года Оррик ушел из министерства юстиции и стал заместителем помощника государственного секретаря. Ответственность за переговоры о «Дж. А. Ф.» взял на себя заместитель министра юстиции Николас Катценбах. Он сразу же попытался найти отно-

нительно недоступный для нападков метод, посредством которого можно было бы установить справедливую цену. Катценбах, видимо, понимал, с какими опасностями связано урегулирование этого дела. Он решил, что публичная продажа акций с аукциона, обеспечивающая возможность конкуренции, хотя бы частично смягчит ожидавшуюся критику. Но чтобы такая продажа стала возможной, нужна была поправка к Закону о торговле с противником. Такая поправка уже находилась на рассмотрении конгресса; ее внес сенатор от штата Нью-Йорк Кеннет Китинг⁵⁷, против которого Роберт Кеннеди намеревался выставить в 1964 году свою кандидатуру на выборах в сенат. Министерство юстиции более десяти лет пыталось добиться принятия конгрессом этой поправки, но кругам, связанным с «Интерхандель», неизменно удавалось блокировать ее.

Хотя не все еще подробности сделки между министерством юстиции и «Интерхандель» были окончательно разработаны, Катценбах попросил Джона Уилсона снять свои возражения против поправки Китинга. Пусть эта поправка пройдет, сказал он Уилсону, ибо в противном случае Китинг станет противодействовать урегулированию дела. Получив заверения Катценбаха, что при окончательном урегулировании будет полностью соблюдено достигнутое в Мюнхене джентльменское соглашение, Уилсон снял возражения «Интерхандель» против принятия поправки конгрессом, и законопроект, разрешавший продажу «Дж. А. Ф.» без судебного разбирательства, был принят конгрессом. Президент Кеннеди подписал законопроект, который с 22 октября стал законом⁵⁸. С этим росчерком пера единственная действующая компания, остававшаяся еще под контролем Управления по опеке над имуществом иностранцев, могла быть теперь продана по усмотрению правительства США. Газета «Нью-Йорк таймс» писала по этому поводу: «Есть мнение, что решение о «Дженерал анилайн энд филм» откроет еще одну главу в длинной и запутанной судебной истории этой корпорации»⁵⁹. «Нью-Йорк таймс» была права. Такая глава существовала. Как полагал Джон Уилсон, прежде чем правительство и «Интерхандель» поделят между собой чистую выручку от продажи «Дж. А. Ф.», с общей суммы должны были быть отчислены 24 млн. долл. в виде налогов и для удовлетворения других претензий,

Теперь же Катценбах утверждал, что это неприемлемо и «Интерхандель» придется полностью выплатить 24 млн. долл.⁶⁰ Такой поворот событий побудил Уилсона сказать: «Это рождество — худшее в моей жизни». Однако поразмыслив, руководство «Интерхандель» решило принять новое условие Катценбаха, считая, что ее доля выручки все еще останется значительной. Министру юстиции Кеннеди было сообщено, что «Интерхандель» согласна пойти на уступки.

4 марта Роберт Кеннеди устроил пресс-конференцию, чтобы объявить об удовлетворении иска «Интерхандель». Предвидя критику, он заявил: «Нашей основной целью все время было дать правительству возможность избавиться от несвойственной ему роли владельца частной корпорации и покончить с затянувшейся тяжбой по этому делу». Кеннеди утверждал, что, если бы правительство решило продать «Дж. А. Ф.», не удовлетворив сначала иск, как закон разрешал сделать это теперь, ему пришлось бы еще от одного до трех лет отстаивать свое право на это по суду⁶¹.

Заместитель министра юстиции Катценбах также считал себя обязанным разъяснить представителям печати причины, по которым было принято решение об урегулировании. В случае продажи без предварительного урегулирования «Интерхандель» оспаривала бы в судах конституционность принятой в 1962 году поправки по вопросу о продажах, причем, если бы «Интерхандель» проиграла дело в американских судах, она передала бы его на рассмотрение Международного суда в Гааге⁶².

Кеннеди и Катценбах имели причины для беспокойства. Заявление министерства юстиции об урегулировании вопроса о «Дж. А. Ф.», как и предполагалось, вызвало резкую критику. На следующей пресс-конференции, состоявшейся два дня спустя, президенту Кеннеди был задан такой вопрос:

Г-н президент, двадцать лет министерство юстиции заверяло конгресс, что оно располагает данными, свидетельствующими о том, что «Интерхандель» — прикрытие для германской фирмы «И. Г. Фарбен» и поэтому конфискация «Дженерал анилайн энд филм» в нашей стране во время второй мировой войны была обоснованна. Теперь же, в течение последних нескольких дней, между министер-

ством юстиции и «Интерхандель» было заключено соглашение о разделе средств, вырученных от продажи «Анилайн». Разве министерство юстиции обнаружило, что имевшиеся в его распоряжении факты не соответствуют действительности... или это результат нажима со стороны швейцарского правительства? ⁶³

На это президент Кеннеди ответил:

Я сказал бы, что соглашение это справедливое. Решение этого вопроса могло бы тянуться в судах еще 10 лет, оно и так уже тянулось 15 или 20 лет, и юристам это нравилось, но я не думаю, что существуют еще какие-либо другие соображения. Не думаю, что мы добились бы лучшего результата, если бы тяжба продолжалась еще 10 лет. Мы считаем, что выработанное соглашение вернет активы тем, кто претендует на них, и я считаю такой раздел средств справедливым ⁶⁴.

Разъяснения, данные президентом Кеннеди, министром юстиции Кеннеди и заместителем министра юстиции Катценбахом, не уменьшили критику в конгрессе, особенно со стороны нескольких членов подкомитета палаты представителей по торговле между штатами и внешней торговле, занимавшегося вопросами активов, принадлежавших противнику, и военных претензий. Конгрессмен Джон Дингелл, второй по старшинству член демократического большинства в подкомитете, резко заявил: «Думаю, что «Интерхандель» не причитается и пяти центов» ⁶⁵. Ему как юристу известно, сказал он, что плохое урегулирование зачастую бывает лучше хорошего судебного процесса, но в данном случае «поведение «Интерхандель» было позорным и бесстыдным. И не может быть никаких сомнений в том, что «Интерхандель» — это прикрытие или «фасад» ⁶⁶. Конгрессмен-республиканец в том же подкомитете Уиллард Кэртин заметил, что, если бы «Дж. А. Ф.» была действительно швейцарской собственностью, ее следовало бы вернуть «Интерхандель». Если же «она была бы полностью немецкой собственностью, как мы всегда считали, то, по-моему, такое урегулирование нельзя считать правильным» ⁶⁷. Их поддержал еще один член подкомитета от Республиканской партии, Хейстингс Кит. Все три конгрессмена выразили разочарование по поводу того, что министр юстиции не

счел нужным информировать их подкомитет об этом урегулировании⁶⁸.

Однако правительство и «Интерхандель», не считаясь с оппозицией в конгрессе, в печати и со стороны сотрудников министерства юстиции, приступили к разработке подробного текста соглашения для его одобрения судом. 20 декабря 1963 года представители министерства юстиции и «Интерхандель» подписали условие к соглашению, предусматривавшее продажу «Дж. А. Ф.» с аукциона и раздел вырученных от продажи средств между правительством США и «Интерхандель» в согласованном раз- мере⁶⁹. Предлагавшееся компромиссное решение тяжбы было представлено на рассмотрение окружного суда США. В апреле 1964 года суд утвердил это решение и санкционировал продажу⁷⁰.

В следующем году, пока министерство юстиции готовилось к продаже «Дженерал анилайн энд филм» с аукциона, печать продолжала критиковать это соглашение. В мае 1964 года в статье Дрю Пирсона, переданной для опубликования органам печати информационными агентствами, появились разоблачения действий, связанных с «Дж. А. Ф.»⁷¹. Автор указывал, что несколько сменявших друг друга министров юстиции, членов как Демократической, так и Республиканской партии: Кларк, Макгрейнери, Макграт, Браунелл и Роджерс — отказывались идти на соглашение с «Интерхандель». «Но в прошлом году министр юстиции Роберт Кеннеди, как ни странно, занял противоположную позицию... несмотря на единодушную оппозицию со стороны персонала министерства юстиции. Великая тайна состоит поэтому в следующем: чем вызвана эта перемена?»⁷²

Пирсон предложил два ответа на этот вопрос. Первый был связан с интересом, проявленным к «Дженерал анилайн» Джозефом Кеннеди, отцом президента и министра юстиции. Должностные лица министерства юстиции, одобрявшие это урегулирование, сразу же стали опасаться активного вмешательства в дело самого знаменитого отца в Америке, как только им сообщили о посещении Чарлзом Уилсоном после выборов дома Джозефа Кеннеди в Палм-Бич. По их мнению, денежные суммы, о которых шла речь, были слишком велики, чтобы Джозеф Кеннеди мог остаться в стороне от этого дела. Их опасения имели основания еще тогда, когда Роберт Кен-

неди назначил заместителем председателя правления «Дж. А. Ф.» Уильяма Пейтона Мэрина — главного юриста-консультанта Джозефа Кеннеди и одного из его ближайших советников. Мэрин очень скоро стал главной фигурой в правлении «Дженерал анилайн». Влияние старшего Кеннеди сказалось и в назначении в состав правления его сотрудника по связям с общественностью Гарольда Кленси, бывшего редактора «Бостон трэвелер». В конце статьи Пирсон давал и второй ответ — сообщение, которое, как он указал, было получено в результате утечки информации из министерства юстиции и могло вызвать сенсацию. «Наконец,— писал Пирсон,— в архивах министерства юстиции была обнаружена памятная записка за подписью Альфреда Шефера из «Интерхандель». Записка гласит: «Мы хотим продолжать переговоры через Радзивилла».

Это был единственный известный случай в деятельности Шефера, связанной с «Дж. А. Ф.», когда он рискнул упомянуть о Радзивилле * на бумаге ⁷³. Как ни странно, это разоблачение не было подхвачено какой-либо газетой или такими политическими противниками братьев Кеннеди, как, например, сенатор Китинг. Однако оно вызвало суматоху в самом министерстве юстиции, где было проведено тщательное расследование с целью выявления источника утечки информации. Во всяком случае, упоминание Пирсоном роли Радзивилла было первым публичным указанием на то, кто именно был «высочайшим посредником».

---

* Представители сторон, участвовавшие в переговорах по урегулированию, настолько болезненно реагировали на имя Радзивилла, что даже четыре года спустя, когда этот вопрос принял уже чисто академический характер, они все еще считали необходимым замалчивать его. В 1968 году, давая показания в ходе судебного разбирательства о выплате маклерских комиссионных, Споффорд не решался назвать это имя. Во время его показаний ему был задан вопрос, касавшийся сообщения Оррика о том, что в министерстве юстиции от имени «Интерхандель» выступает новый представитель. В ходе перекрестного допроса адвокат «Интерхандель» Джон Уилсон спросил Споффорда: «Кто это был?» «Споффорд: Я колеблюсь, г-н Уилсон, ибо это — известное имя и я не хочу... Мое заявление нигде не будет опубликовано? Уилсон: Нет, будет.

Споффорд: Ну что же, я принес присягу и даю показания, стараясь помочь в этом деле. Я сообщу имя этого лица. Это князь Радзивилл, зять Боба Кеннеди».

Тем не менее по поводу этого урегулирования задавались настолько резкие вопросы, что от них нельзя было отмахнуться, особенно учитывая намерение Роберта Кеннеди баллотироваться в сенат от штата Нью-Йорк. В июле представитель Американской ассоциации евреев — ветеранов войны запросил министерство юстиции, не попадет ли часть средств, вырученных от продажи «Дж. А. Ф.», в руки бывших нацистов. Ответ заместителя министра юстиции Катценбаха был опубликован в номере «Джуиш ветеран» за июль — август.

Согласно всей имеющейся в настоящее время информации, деньги, полученные в результате продажи имущества [«Дж. А. Ф.», не вернутся к бывшим нацистам. Основная часть выручки от продажи пойдет правительству и будет использована для возмещения убытков американцам, понесшим ущерб или потери во второй мировой войне. Остальная часть вырученных средств поступает в распоряжение «Интерхандель», холдинг-компании, контролируемой в настоящее время швейцарскими владельцами⁷⁴.

Катценбах заявил, что будет «очень трудно» доказать, что «Интерхандель» служит маскировкой для немецких владельцев.

9 марта 1965 года акционерный капитал «Дженерал анилайн энд филм» был распродан по запечатанным заявкам на крупнейшем в истории Уолл-стрита аукционе. Представители двух конкурирующих между собой синдикатов, один из которых возглавляли фирмы «Кун Лэб», «Лэман бразерс», «Глор Форган энд компани» и «Мерилл Линч, Пирс, Фепнер энд Смит», а другой — «Блайт энд компани» и «Ферст Бостон корпорейшн», ожидали результатов, пока заявки распечатывались в кабинете министра юстиции Катценбаха в присутствии сенатора Роберта Кеннеди и других высокопоставленных лиц. Победителем оказался синдикат «Блайт энд компани» с заявкой на 329 141 926,49 долл. — почти на треть миллиарда долларов!⁷⁵

Синдикат «Блайт энд компани» без всяких затруднений распродал акции «Дженерал анилайн энд филм» широкой публике. В первый же день все 11 166 438 акций были проданы на общую сумму 341 млн. долл. Сначала акции продавались по 30,6 долл., затем их курс повы-

сился до 36 долл., а под конец они стали продаваться по 32 долл., что все еще было на пять пунктов выше их выпускной цены. Чистая сумма, полученная «Интерхандель», составила около 122 млн. долл.— внушительная цифра, особенно учитывая, что в 1950 году «Интерхандель» согласна была получить 14 млн. долл. в урегулирование своей претензии.

Однако на этом история «Дженерал анилайн энд филм» не закончилась. В январе 1967 года Роберт Шмитц возбудил против «Интерхандель» иск в окружном суде США округа Колумбия. Изложив в своей жалобе, какие большие усилия он прилагал в интересах «Интерхандель», чтобы добиться урегулирования ее претензии к правительству США, он потребовал присуждения ему 11 250 тыс. долл. плюс проценты. Из жалобы Шмитца, как и из делавшихся им публичных заявлений, явствовало, что, по его мнению, выплата правительством США 124 млн. долл. «Интерхандель» явилась результатом его инициативы и настойчивости, а они стоили уж никак не меньше, чем влияние князя Радзивилла. Такова была идея, лежавшая в основе отнюдь не умеренной претензии Шмитца.

Поскольку расходы на тяжбу угрожали ему «банкротством», Шмитц согласился принять от «Интерхандель» относительно небольшую сумму в урегулирование его претензии. Она была ничтожной, заявил он, по сравнению с тем, что заплатили Радзивиллу только за знакомство с Робертом Кеннеди.

Странный процесс по делу «Дженерал анилайн» не мог быть предан забвению. После уплаты «Интерхандель» 124 млн. долл. немало людей недоумевали, когда Альфред Шефер был избран членом правления «БАСФ». Несколько лет спустя, 13 декабря 1974 года, принадлежащая теперь американским владельцам «Дж. А. Ф.» вместе с фирмами «БАСФ», «Байер», «Дюпон» и пятью другими компаниями была осуждена за сговор с целью установления твердых цен на красители в Соединенных Штатах. За исключением одного, более мелкого концерна, все ответчики, в том числе «Дж. А. Ф.» и «БАСФ», признали себя виновными и были оштрафованы на крупные суммы.

А 1 апреля 1978 года стало известно⁷⁶, что «Дж. А. Ф.» продала «БАСФ» свой завод по производству

красителей в Ренселлере (штат Нью-Йорк), построенный в свое время Карлом Дуисбергом и конфисковывавшийся в качестве имущества противника Управлением по опеке над имуществом иностранцев как в первую, так и во вторую мировую войну. Видимо, стороны в этой сделке не ожидают вмешательства со стороны правительства США на основе Закона о торговле с противником⁷⁷. Конфискация во время войны и возвращение имущества «И. Г. Фарбен» в мирное время снова завершили свой цикл. Герман Шмитц может теперь спокойно лежать в своей могиле — его миссия выполнена.

Те, кто не помнит прошлого,
обречены пережить его снова

Джордж Сантаяна

Ссылки на источники

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ, ПРИВЕДЕННЫЕ В ССЫЛКАХ НА ИСТОЧНИКИ

Опубликованные протоколы Нюрнбергских процессов над военными преступниками:

NCA — Nazi Conspiracy and Aggression (United States Government Printing Office, 1946).

TMWC — Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal (Nuremberg, Germany, 1947—1949).

TWC — Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals, Under Control Council № 10 (U. S. Government Printing Office, 1953).

Документы в Собрании национальных архивов, протоколы процессов по расследованию преступлений, совершенных в период второй мировой войны (некоторые из них включены в качестве доказательств в указанные выше публикации, часть их имеется только в архивах):

NI — «Nuremberg, Industrialists»

PS — «Paris, Storey [Col. Robert Storey]»

NO — «Nuremberg, Organizations»

NG — «Nuremberg, Government.»

ВВЕДЕНИЕ

1. U. S. Group Control Council, Finance Division, Germany, «Report on Investigation of I. G. Farbenindustrie», September 12, 1945.

Классификация аннулирована по распоряжению Объединенного комитета начальников штабов; микрофильм хранится в Библиотеке конгресса.

Глава 1. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1. Rathenau Walther. Germany's Provisions for Raw Materials. — В: «Economic and Social History of the World War», ed. James Shotwell, Carnegie Endowment for International Peace, Yale University, 1924, p. 78—79.

2. Ibid., p. 80.

3. Holdermann Karl. Im Banne der Chemie: Carl Bosch, Leben und Werk, 1954, p. 136.

4. Ibid.
5. Kessler Harry. Walther Rathenau: His Life and Work. Harcourt, Brace & Co. N. Y., 1930, p. 175.
6. Holdermann Karl. Op. cit., p. 137.
7. Haber Fritz. Chemistry in War. — B: «Journal of Chemical Education», November 1945, p. 528.
8. Churchill Winston. The World Crisis, vol. I, p. 474.
9. Bauer Max. Der Grosse Krieg im Feld und Heimat. Tuebingen, 1921, p. 67.
10. Ibid.
11. Bundesarchiv, Koblenz, Bauer's Papers. Письмо Карла Дуисберга майору Максу Бауэру от 3 марта 1915 г.
12. Bauer Max. Op. cit., p. 68.
13. Goran Morris. The Story of Fritz Haber, Univ. of Oklahoma Press. Oklahoma, 1967, p. 68.
14. Lefebure Victor. The Riddle of the Rhine, «W. Collins Sons & Co., Ltd.». London, 1921, p. 27.
15. Goran. Op. cit., p. 68.
16. Ibid., p. 69.
17. Ibid., p. 72.
18. Lefebure. Op. cit., p. 85.
19. Ibid., p. 144.
20. Ibid., p. 144.
21. Bundesarchiv, Koblenz, Bauer's Papers. Письмо Карла Дуисберга майору Максу Бауэру от 24 июля 1915 г.
22. Слушания в комиссии Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), «Elimination of German Resources of War», part X, p. 1167.
23. Feldman Gerald D. Army, Industry and Labor in Germany, 1914—1918, Princeton University Press. Princeton, N. J., 1966, p. 152.
24. Bundesarchiv, Koblenz, Bauer's Papers. Письмо Карла Дуисберга подполковнику Максу Бауэру от 10 сентября 1916 г.
25. Feldman. Op. cit., p. 164.
26. Ibid., p. 167, footnote 26.
27. Halsey Francis Whiting. The Literary Digest History of the World War, vol. I, p. 372. «Funk & Wagnalls Company». New York and London, 1919.
28. Ibid., p. 371.
29. Ibid., p. 371—372.
30. Passelecq Ferdinand. Unemployment in Belgium during the German Occupation and Its General Causes, «Hodder & Sloughton». London, New York, Toronto, 1917.
31. Feldman. Op. cit., p. 359.
32. Ibid., p. 391.
33. Ibid., p. 521.
34. Ibid., p. 398.
35. Ibid., p. 398.
36. Ibid., p. 399.
37. «New York Times», July 10, 1916, p. 1, col. 5; August 15, 1916, p. 1, col. 2.
38. Manchester William. The Arms of Krupp, 1587—1968. Little, Brown, Boston, 1968, p. 310.

39. Holdermann. Op. cit., p. 155—156.
40. «New York Times», December 24, 1918, p. 3, col. 5.
41. Norris Lt. Col. James F. The Manufacture of War Gases in Germany.— In: «Journal of Industrial and Engineering Chemistry», September 1919, p. 817—819.
42. McConnell Lt. Robert E. The Production of Nitrogenous Compounds Synthetically in the U. S. and Germany.— B: «Journal of Industrial and Engineering Chemistry», September 1919, p. 839.
43. Lefebure. Op. cit.
44. Geschäftsstelle fuer die Friedensverhandlungen. Berlin, 1919, Drucksache № 28.
45. Ibid., Drucksache № 27.
46. Holdermann. Op. cit., p. 166.
47. U. S. Department of State, «The Treaty of Versailles and After: Annotations of the Text». «Greenwood Press». N. Y., 1944, Articles 227—230.
48. Ibid., Article 306.
49. Ibid., Annex VI.
50. Ibid., Articles 168—172.
51. Ibid., Articles 42—44.
52. Luckau Alma. The German Delegation at the Paris Peace Conference, Columbia University Press. N. Y., 1941, p. 305.
53. Holdermann. Op. cit., p. 167—168.
54. Письмо «Компани Франсэз де матьер колорант, С. А.» Джозефу Боркину от 14 апреля 1970 г. по поводу биографии Жозефа Фроссара.
55. Holdermann. Op. cit., p. 168.
56. Ibid.
57. Ibid., p. 168—170.
58. Luckau. Op. cit., p. 190.
59. «New York Times», November 15, 1919, p. 11, col. 1.
60. Goran. Op. cit., p. 83.
61. «New York Times», January 27, 1920, p. 14, col. 5.
62. Ibid.
63. Ibid., January 28, 1920, p. 10, col. 6.
64. Luckau. Op. cit., p. 372.
65. «New York Times», October 31, 1921, p. 14, col. 2.
66. Ibid., September 25, 1921, Sec. II, p. 9, col. 2.
67. NI-6768, p. 16, письменные показания Карла Крауха.
68. National Archives Collection, World War II Crimes Records, Krauch Document Book I, p. 9—10.
69. NI-6768, p. 16, письменные показания Карла Крауха.

Глава 2. ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МЕЧТА БОША

1. Hearings before Special Committee Investigating the Munitions Industry, U. S. Senate, 73d Congress, part XXXIX, p. 13438.
2. Ibid., part XI, p. 2572.
3. «New York Times», February 21, 1921, p. 15, col. 4.

4. Hearings. Op. cit., part XXXIX, p. 13445.
5. «New York Times», February 21, 1921, p. 15, col. 4.
6. Hearings. Op. cit., part XXXIX, p. 13446.
7. Private Papers of Captain Herman E. Osann, p. 1—2.
8. Holdermann. Op. cit., p. 187.
9. «New York Times», October 8, 1923, p. 3, col. 5.
10. «New York Times», August 16, 1923, p. 3, col. 4; and «Frankfurter Zeitung», August 12, 1923.
11. Слушания в комиссии Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), во исполнение резолюций 107 и 146, «Elimination of German Resources for War», part X, p. 1391.
12. Holdermann. Op. cit., p. 188.
13. Ibid., p. 192.
14. Ibid., p. 201.
15. NI-5187, p. 5, письменные показания Фрица Тер Меера.
16. «New York Times», August 3, 1926, p. 5, col. 3.
17. «New York Times», August 5, 1926, p. 7, col. 3.
18. Federal Oil Conservation Board Report, September 6, 1926, p. 5.
19. Gibb George Sweet and Knowlton Evelyn H., The Resurgent Years, History of Standard Oil Company (N. J.), 1911—1927. Harper Brothers, N. Y., 1956, p. 554.
20. Howard Frank A. Buna Rubber, D. Van Nostrand Co., Inc. N. Y., 1947, p. 10.
21. Holdermann. Op. cit., p. 225.
22. Howard. Op. cit., p. 13.
23. Berge Wendell. Cartels: Challenge to a Free World, «Public Affairs Press». Washington, D. C., 1944, p. 210.
24. «New York Times», May 23, 1945, p. 21, col. 5.
25. Howard. Op. cit., p. 15.
26. Holdermann. Op. cit., p. 228.
27. Federal Oil Conservation Board Report, p. 6.
28. Howard. Op. cit., p. 20—21.
29. Слушания в Комитете по патентам, сенат США, 77-й конгресс (1942 г.), Patents, Part VI, p. 3433—3436.
30. «New York Times», August 9, 1927, p. 12, col. 1.
31. Holdermann. Op. cit., p. 254—256.
32. Howard. Op. cit., p. 21—27.
33. Слушания в Специальном комитете по обследованию программы национальной обороны, сенат США, 77-й конгресс (1942), «Investigation on the National Defense Program», part II, p. 4312.
34. Ibid., p. 4561.
35. NI-5186, p. 7, письменные показания Фрица Тер Меера.

Глава 3. «И. Г. ФАРБЕНИНДУСТРИ» ГОТОВИТ ГИТЛЕРА К ВОЙНЕ

1. Собрание Национальных архивов, протоколы процессов по расследованию преступлений, совершенных в период второй мировой войны, Krauch Document Book I, p. 19; Holdermann Karl. Im Banne der Chemie; Carl Bosch, Leben und Werk, 1954, p. 155.

2. NI-8637, p. 15, письменные показания Генриха Бютефша.
3. NI-6767, p. 4, письменные показания Карла Крауха; Bosch Carl. Erdoel und Synthetisches Benzin, Petroleum, XXXIX (1933), p. 7.
4. NI-6765, письменные показания Фридриха Йене.
5. «New York Times», November 13, 1931, p. 10, col. 2.
6. NI-8637, p. 1, письменные показания Генриха Гаттино.
7. Собрание Национальных архивов, протоколы процессов по расследованию преступлений, совершенных в период второй мировой войны, письмо Генриха Гаттино Карлу Гаусгоферу от 6 июня 1931 г.
8. NI-4833, p. 1—2, письменные показания Генриха Гаттино.
9. TWC, VII, p. 539, NI-14304 extracts.
10. NI-4833, p. 3, письменные показания Генриха Гаттино.
11. NI-8637, p. 15, письменные показания Генриха Бютефша.
12. NCA, VI, p. 796—798; Document 390I-PS, петиция на имя Гинденбурга, ноябрь 1932 г.
13. TWC, VII, p. 563, NI-406, выдержка из протокола допроса Яльмара Шахта.
14. TWC, VII, p. 565—568, NI-391, пункты, касающиеся счета «Нэшнл трастишип».
15. Holdermann, Op. cit., p. 272.
16. Goran Morris. The Story of Fritz Haber, University of Oklahoma Press, 1967, p. 38.
17. Holdermann. Op. cit., p. 288.
18. Goran. Op. cit., p. 39.
19. NI-6787, p. 3, письменные показания Генриха Херлсйна.
20. National Archives Collections, WI/IF 5.2507; Geschichte der Deutschen Wehr und Ruestungswirtschaft, 1918/1943—1944, Document 1, 11/22/28, p. 494.
21. TWC, XII, p. 421, NG-4142.
22. TWC, VII, p. 571—572, NI-4718.
23. TWC, VII, p. 573, NI-7123, памятная записка фон Бокельберга 9/15/33; также National Archives, NI-6544, p. 14, письменные показания Макса Ильгнера.
24. NI-9784, p. 4, письмо Хомера Юинга Уэлделлу Суинту от 17 июля 1933 г.
25. Ibid., p. 9.
26. NI-881, контракт на бензин, 14 декабря 1933 г.
27. TWC, VII, p. 752—753, NI-6930, переписка между «И. Г. Фарбениндустри», артиллерийско-технической службой армии и министерством экономики.
28. NI-7241, p. 4, письменные показания Эрнста Штрасса.
29. NI-5187, p. 10, письменные показания Фрица Тер Месра.
30. NI-7241, p. 5, письменные показания Эрнста Штрасса.
31. «London Times», September 2, 1935, p. 12, col. 5.
32. TWC, VII, p. 782, NI-4713.
33. NI-7241, p. 4.
34. «New York Times», February 16, 1936, p. 1, col. 3.
35. «New York Times», March 13, 1936, p. 1, col. 8.
36. TMWC, IX, p. 448.
37. «New York Times», April 28, 1936, p. I, col. 3.
38. «New York Times», May 3, 1936, p. 38, col. 1.
39. NI-9767, p. 2, письменные показания Эриха Грецбаха.

40. TWC, VII, p. 1049, NI-4702.
41. NCA, III, p. 881, 1301-PS.
42. TWC, VII, p. 799, NI-5380.
43. NCA, III, p. 886, 1301-PS.
44. NI-7241, p. 7—8, письменные показания Эрнста Штрюсса.
45. NI-8833, p. 3, письменные показания Иоханнеса Экелла.
46. TWC, XII, p. 430, NI-4955.
47. Schacht Hjalmar. Confessions of «The Old Wizard», «Houghton Mifflin Co.». Boston, 1956, p. 337.
48. Ibid.
49. NCA, III, p. 892, 1301-PS.
50. «New York Times», September 10, 1936, p. 1, col. 8.
51. TWC, XII, p. 446, 2071-PS.
52. «New York Times», October 20, 1936, p. 1, col. 7.
53. TWC, XII, p. 447, NG-1221.
54. NI-9767, p. 2, письменные показания Эриха Грицбаха.
55. NI-7241, p. 9—10, письменные показания Эрнста Штрюсса.
56. NI-10, 035, p. 38, письменные показания Хагерта.
57. NI-9945, p. 1, письменные показания Макса Кюглера.
58. Ibid., p. 2.
59. NI-9944, p. 1, письменные показания Макса Кюглера.
60. NI-9945, p. 1, письменные показания Макса Кюглера.
61. NI-7241, p. 10, письменные показания Эрнста Штрюсса.
62. NI-12, 042, структурная схема служащих «И. Г.» и их членства в различных организациях.
63. NI-7957, структурная схема состава наблюдательного совета «И. Г.»
64. NI-6748, p. 7, письменные показания Крауха; TWC, VII, p. 1001, устные показания Крауха.
65. NI-10, 386, p. 1, письменные показания Пауля Кернера.
66. NI-6768, p. 7, письменные показания Карла Крауха.
67. Ibid., p. 8; NI-10, 386, p. 2, письменные показания Пауля Кернера.
68. NI-10, 386, p. 2.
69. TWC, VII, p. 890—893, NI-8800.
70. NI-10, 386, p. 2.
71. TWC, VII, p. 902—908, NI-8840.
72. TWC, VII, p. 911—912, NI-8797.

Глава 4. БРАК МЕЖДУ «И. Г. ФАРБЕНИНДУСТРИ» И «СТАНДАРД ОЙЛ» ПРИ ГИТЛЕРЕ

1. TWC, VII, p. 1309, NI-10, 551, памятная записка Августа фон Книрима от 6 июня 1944 г. Шмитцу, Амброзу, Бютефишу и др.
2. TWC, VII, p. 1204, показания Августа фон Книрима.
3. TWC, VII, p. 1189.
4. Слушания в подкомитете Комитета по военным делам, сенат США, 78-й конгресс (1943), «Scientific and Technical Mobilization», Part VI, p. 939; письмо одного из должностных лиц фирмы «Дюпон» президенту «Этил газولين корпорейшн» Э. Уэббу от 15 декабря 1934 г.
5. TWC, VII, p. 135.

6. TWC, VII, p. 1274.
7. TWC, VII, p. 1309, NI-10, 551.
8. TWC, VII, p. 1280, EC-223, циркуляр от 12 марта 1937 г. от В. У. по вопросу о контрразведке.
9. TWC, VII, p. 1275, NI-10, 437, сообщение о состоявшемся 14 июля 1937 г. совещании в вермахте по вопросам секретности.
10. Слушания в Комитете по патентам, сенат США, 77-й конгресс (1942), Patents, Part VI, p. 2906, письмо Ф. А. Хауэрда Р. П. Расселлу из «Стандард ойл девелопмент компани» от 15 марта 1938 г.
11. TWC, VII, p. 1281—1284, NI-10455, хранящаяся в архиве записка Тер Меера от 21 марта 1938 г. по поводу совещания с генералом Лэбом, Мюлертом и Экертом о состоянии американской программы производства каучука.
12. Слушания в Комитете по патентам, сенат США, 77-й конгресс (1942), Patents, Part VI, p. 2907, письмо Ф. Тер Меера Ф. А. Хауэрду от 9 апреля 1938 г.
13. Ibid., p. 2912, письмо Ф. А. Хауэрда Ф. Тер Мееру от 20 апреля 1938 г.
14. Ibid., p. 2910, письмо Ф. А. Хауэрда Ф. Х. Бедфорду-младшему от 14 апреля 1938 г.
15. Ibid., p. 2912—2913, письмо Ф. А. Хауэрда Ф. Х. Бедфорду-младшему от 20 апреля 1938 г.
16. *Wolnar J. Robert, et al. v. The United States* (Ct. Cl. 1971 № 293-63), доказательство 286, свидетельствующее в пользу обвиняемого, письмо Ф. Тер Меера В. Х. Дуисбергу от 11 октября 1938 г.
17. Слушания в Комитете по патентам, сенат США, 77-й конгресс (1942), Patents, Part VI, p. 2916, меморандум Исполнительного комитета, 28 ноября 1938 г.
18. *Wolnar J. Robert, et al. v. The United States, et al.* (Ct. Cl. 1971 № 293-63), Plaintiff's Exhibit 155, Office of the Alien Property Custodian Report of Examiner re Walter Duisberg, p. 26, выдержки из протоколов заседания Исполнительного комитета «Стандард ойл компани» от 30 августа 1939 г.
19. *Standard Oil Co. (New Jersey), et al. v. Tom C. Clark, Attorney General, as Successor to the Alien Property Custodian* (2d Cir., Civ. Action № 26-414), Joint Appendix to the Briefs, p. 993, доказательство 85, свидетельствующее в пользу истца, письмо У. Тигла Э. Сэдлеру и Ф. Бедфорду-младшему от 30 августа 1939 г.
20. Ibid., p. 1380—1383, доказательство 392, свидетельствующее в пользу обвиняемого, письмо В. Шефера Ф. Бедфорду-младшему от 8 сентября 1937 г.
21. Ibid.
22. Ibid., p. 994, доказательство 86, свидетельствующее в пользу истца, телеграмма «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» «И. Г. Фарбениндустри» от 1 сентября 1939 г.
23. *Howard Frank A. Buna Rubber, D. Van Nostrand Co., Inc. N. Y., 1947, p. 81.*
24. «Standard Oil Co. (N. J.)», et al. v. Clark, Joint Appendix to the Briefs, p. 529, показания Августа фон Книрима.
25. Ibid., p. 1543—46, доказательство 572, свидетельствующее в пользу обвиняемого, письмо «И. Г. Фарбениндустри» Главному

управлению экономической обороны, Oberkommando der Wehrmacht, от 16 сентября 1939 г.

26. Howard. Op. cit., p. 82.

27. «New York Times», April 1, 1942, p. 1, col. 2.

28. «Standard Oil Co. (N. J.)», v. Clark, Joint Appendix to the Briefs, p. 1560, доказательство 578, свидетельствующее в пользу обвиняемого, памятная записка Рингера от 8 октября 1939 г. «о совещании с Хауэрдом, состоявшемся в Гааге 24—25 сентября 1939 г.».

29. Ibid., p. 1292, доказательство 330, свидетельствующее в пользу обвиняемого, телеграмма «Стандард ойл девелоппмент компани» «И. Г. Фарбениндустри» от 15 сентября 1939 г.

30. «Standard Oil Co. (N. J.)» v. Clark, Joint Appendix to the Briefs, p. 946, доказательство 67, свидетельствующее в пользу истца, памятная записка о «перестройке „Джаско“», датированная 25 сентября 1939 г. (Гаагский меморандум).

31. Ibid., p. 1560, доказательство 578, свидетельствующее в пользу обвиняемого, памятная записка Рингера от 8 октября 1939 г. «о совещании с Хауэрдом, состоявшемся в Гааге 24—25 сентября 1939 г.».

32. Ibid., p. 1563, доказательство 578, свидетельствующее в пользу обвиняемого, памятная записка Рингера «о совещании с Хауэрдом, состоявшемся в Гааге 24—25 сентября 1939 г.».

33. Vonnar J. Robert, et al. v. The United States, № 293-63 (Ct. Cl. 1971), доказательство 399, свидетельствующее в пользу обвиняемого, «Отчет о передаче патентов „И. Г.“ третьим сторонам».

34. «Standard Oil Co. (N. J.)», et al. v. Clark, (3d Cir., 1947), Joint Appendix to the Briefs, p. 952, доказательство 70, свидетельствующее в пользу истца, телеграмма «И. Г. Фарбениндустри» «Стандард ойл девелоппмент компани» от 16 октября 1939 г.

35. Ibid., p. 1296, доказательство 333, свидетельствующее в пользу обвиняемого, телеграмма «И. Г. Фарбениндустри» «Стандард ойл девелоппмент компани» от 16 октября 1939 г.

36. Ibid., p. 948, доказательство 68, свидетельствующее в пользу истца, письмо Ф. Хауэрда А. Минтону от 1 октября 1939 г.

37. Ibid., p. 1059—1061, доказательство 142, свидетельствующее в пользу истца, записка по поводу «Нового соглашения о „Джаско“ от 12 января 1940 г. за подписью Рингера.

38. «New York Times», March 29, 1942, p. 1, col. 4.

39. Ibid.

40. «США против „Стандард ойл компани оф Нью-Джерси“», министерство юстиции, уголовное дело № 682 и гражданское дело № 2091.

41. Пресс-релиз министерства юстиции от 25 марта 1942 г. по вопросу о процессе «США против „Стандард ойл компани оф Нью-Джерси“».

42. Пресс-релиз «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» от 25 марта 1942 года по вопросу о процессе «США против „Стандард ойл компани оф Нью-Джерси“».

43. «Washington Daily News», March 27, 1942, p. 5, col. 1.

44. Слушания в Комитете по патентам, сенат США, 77-й конгресс (1942), Part I, Patents, p. 11, показания Фаррша,

45. Ibid.

46. «PM», April 5, 1942, p. 10, col. 1.
47. Marson Henritta M., Knowlton Evelyn H. and Toptle Charles S. New Horizons: History of Standard Oil Company (New Jersey) — 1927—1950, Harper & Row, N. Y., 1971, p. 443.
48. Ibid., p. 449.

Глава 5. НАСИЛИЕ НАД ЕВРОПЕЙСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

1. TWC, VII, p. 1404—1406, NI-4024.
2. TWC, VII, p. 1393, NI-9289.
3. TWC, VII, p. 1406, NI-4024.
4. TWC, VII, p. 1399—1400, NI-3982; and p. 1401—1403, NI-3981.
5. TWC, VII, p. 1414—1415, NI-9289.
6. Du Bois Josiah. The Devil's Chemists. «Beacon Press», Boston, 1952, p. 92.
7. Hilberg Raul. The Destruction of the European Jews. «Quadrangle Books». Chicago, 1961, p. 61; NI-10998, письменные показания Ядохамы.
8. TWC, VII, p. 1408, NI-9289.
9. TWC, VII, p. 153.
10. TWC, VII, p. 42.
11. TWC, VII, p. 591, NI-2795.
12. TWC, VII, p. 43.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. TWC, VIII, p. 4—6, NI-9151, NI-9154, NI-9155.
16. TWC, VII, p. 181.
17. TWC, VIII, p. 7, NI-8457.
18. TWC, VIII, p. 7—10, NI-2749.
19. TWC, VIII, p. 11, NI-1093.
20. TWC, VIII, p. 21, NI-8380.
21. TWC, VIII, p. 1143; and TWC, VIII, p. 20—23, NI-8380.
- 21a. TWC, V, p. 154—155, показания Грейфельта.
22. TWC, VIII, p. 1143.
23. Holdermann Karl. Im Banne der Chemie: Carl Bosch, Leben und Werk, 1953, p. 305—307.
24. NI-6525, p. 1, письменные показания Крауха.
25. TWC, VII, p. 1452.
26. TWC, VII, p. 1439, NI-14897.
27. TWC, VII, p. 1461.
28. Слушания в подкомитете Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), во исполнение резолюций 107 и 146 сената, «Elimination of German Resources for War», Part X, p. 1387, письменные показания Шнидлера.
29. Ibid., p. 1387, письменные показания Шнидлера.
30. TWC, VIII, 120.
31. TWC, VII, 1447.
32. TWC, VIII, 105—106, NI-6839.
33. TWC, VIII, p. 104, NI-6839.
84. TWC, VIII, p. 109, NI-795.

35. Ibid.

36. Слушания в подкомитете Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), во исполнение резолюций 107 и 146, «Elimination of German Resources for War», Part X, p. 1388—1389, доказательство № 37, доклад Крамера о совещании с Фроссаром.

37. Ibid., p. 1388—1389, доказательство № 37, доклад Крамера о совещании с Фроссаром.

38. Ibid.

39. Shirer William L. The Rise and Fall of the Third Reich. Simon and Schuster. N. Y., 1960, p. 815; см. также: Langer William. Our Vichy Gamble. Alfred A. Knopf. N. Y., 1947, p. 97.

40. Ibid., p. 817.

41. Слушания в подкомитете Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), во исполнение резолюций сената 107 и 146, «Elimination of German Resources for War», Part X, p. 1392—1393, доказательство № 39, допрос Шницлера.

42. TWC, VIII, p. 113, NI-14224, хранящаяся в архиве записка Кюглера о Парижском совещании.

43. TWC, VII, p. 47, Обвинительный акт, раздел второй.

44. TWC, VIII, p. 110, NI-15228.

45. TWC, VIII, p. 118—126, NI-6727, памятная записка о Висбаденском совещании, 21 ноября 1940 г.

46. TWC, VIII, p. 113, NI-14224, хранящаяся в архиве записка Кюглера о Парижском совещании, 28, 29 и 30 ноября 1940 г.

47. TWC, VIII, p. 119, NI-6727.

48. TWC, VIII, p. 120—124, NI-6727.

49. TWC, VIII, p. 121, NI-6727.

50. TWC, VIII, p. 123—124, NI-6727.

51. TWC, VIII, p. 126, NI-6727.

52. TWC, VIII, p. 114, NI-790, письмо Шницлера Шмитцу от 21 ноября 1941 г. о Висбаденском совещании.

53. TWC, VII, p. 47, Обвинительный акт, раздел второй.

54. TWC, VIII, p. 114, NI-14224.

55. TWC, VIII, p. 116—117, NI-14224.

56. TWC, VIII, p. 117, NI-14224.

57. Слушания в подкомитете Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), во исполнение резолюций сената 107 и 146, «Elimination of German Resources for War», Part X p. 1399, доказательство № 42.

58. Ibid., p. 1398, доказательство № 42.

59. Ibid., p. 1399, доказательство № 42.

60. Ibid.

61. Ibid.

62. Ibid.

63. Ibid.

64. TWC, VIII, p. 1149, раздел второй.

65. TWC, VII, p. 47, Обвинительный акт, раздел второй.

66. NI-4889, p. 12, письменные показания Рене Дюшмена.

67. TWC, VIII, p. 1149, раздел второй.

68. Ibid., p. 1150.

69. TWC, VIII, p. 141, NI-6845.

70. TWC, VIII, p. 130—133, NI-15220.

7 1. Ibid., p. 130—131.

72. Слушания в подкомитете Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), во исполнение резолюций сената 107 и 146, «Elimination of German Resources for War», Part X, p. 1402, доказательство № 47.

73. Ibid.

74. Ibid.

75. Ibid.

76. Ibid., Part X, p. 1394, доказательство № 39.

77. Ibid., Part X, p. 1394—1395, доказательство № 39.

78. TWC, VIII, p. 142, NI-6845, выдержки из конвенции о «Франколор», 18 ноября 1941 г.

79. TWC, VIII, p. 136, NI-15219.

80. Ibid., p. 137.

81. Ibid., p. 137.

82. TWC, VIII, p. 141, NI-6845, выдержки из конвенции о «Франколор», 18 ноября 1941 г.

83. TWC, VIII, p. 163, показания Тер Меера.

84. TWC, VIII, p. 145, NI-6845, выдержки из конвенции о «Франколор», 18 ноября 1941 г.

85. Слушания в подкомитете Комитета по военным делам, сенат США, 79-й конгресс (1945), во исполнение резолюций 107 и 146, «Elimination of German Resources for War», Part X, p. 1393, доказательство № 39.

86. Ibid., p. 1393, доказательство № 39.

87. TWC, VIII, p. 235, показания Тер Меера.

88. «New York Times», December 22, 1941, p. 31, col. 7.

89. Ibid.

90. TWC, VIII, p. 1150.

91. TWC, VII, p. 52.

92. Ibid.

93. Ibid.

94. Ibid.

95. Ibid.

Глава 6. РАБСКИЙ ТРУД И МАССОВЫЕ УБИЙСТВА

1. «New York Times», August 27, 1943, p. 7, col. 2.

2. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, с. 363—364.

3. Там же.

4. «New York Times», March 24, 1944, p. 4, col. 2.

5. TMWC, vol. XXXVII, p. 433, документ 022 — α, выдержки из доклада Управления по делам беженцев, Вашингтон, ноябрь 1944 г. (PE 1759).

6. «History of the War Refugee Board with Selected Documents, January 22, 1944—September 15, 1945». Исполнительное бюро президента, Управление по делам беженцев (три тома, отпечатано на mimeографе).

7. TWC, VIII, p. 330—331, NI-11781, письмо рейхсминистерства экономики «И. Г. Фарбениндустри» от 8 ноября 1940 г.

8. Ibid., p. 331, письмо рейхсминистерства экономики «И. Г. Фарбениндустри» от 8 ноября 1940 г.

9. TWC, VIII, p. 336—338, NI-11784, доклад о совещании между представителями «И. Г. Фарбениндустри» и «Шлезенбензин компани», 18 января 1941 г.
10. TWC, VIII, p. 349—351, NI-11113, хранящаяся в архиве записка о совещании с Тер Меером, Краухом и Амброзом, 6 февраля 1941 г.
11. TWC, Prosecution's Final Brief, Part IV, p. 54.
12. TWC, VIII, p. 358—360, NI-11938, письмо Крауха Амброзу от 25 февраля 1941 г.
13. TWC, VIII, p. 354—355, NI-1240, письмо Геринга Гиммлеру от 18 февраля 1941 г.
14. Ibid., p. 355, письмо Геринга Гиммлеру от 18 февраля 1941 г.
15. TWC, VIII, p. 356—357, NI-11086, письмо Крауха (подписанное Виргом) Амброзу от 4 марта 1941 г.
16. Ibid., p. 357, письмо Крауха (подписанное Виргом) Амброзу от 4 марта 1941 г.
17. Ibid.
18. TWC, VIII, p. 373—376, NI-15148, сообщение о совещании представителей «И. Г. Фарбениндустри» с должностными лицами концлагеря в Освенциме, состоявшемся 27 марта 1941 г.
19. Ibid., p. 375.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. TWC, VIII, p. 377—381, NI-11115, выдержки из протокола первого совещания по вопросам строительства «И. Г. Аушвиц» в Людвигсхафене, состоявшегося 24 марта 1941 г.
24. TWC, VIII, pp. 374—375, NI-15148, сообщение о совещании представителей «И. Г. Фарбениндустри» с должностными лицами концлагеря в Освенциме, состоявшемся 27 марта 1941 г.
25. Ibid., p. 375.
26. NI-034, p. 4, письменные показания Рудольфа Франца Фердинанда Гесса.
27. TWC, VIII, p. 388—389, NI-11118, письмо Амброза Тер Мееру и Штрессу от 12 апреля 1941 г., p. 389.
28. TWC, VIII, p. 392—393, NI-14543, выдержки из еженедельного отчета «Фарбен-Аушвиц» № 11 за 3—9 августа 1941 г.
29. Ibid.
30. TWC, VIII, p. 404—405, NI-14556, выдержки из еженедельного отчета «Фарбен-Аушвиц» № 30 за 15—21 декабря 1941 г., p. 405.
31. Ibid.
32. TWC, VIII, p. 406—409, NI-11130, выдержки из доклада о 14-м совещании по вопросам строительства «И. Г. Аушвиц», состоявшемся 16 декабря 1941 г.
33. TWC, VIII, p. 410, выдержки из еженедельных отчетов «Фарбен-Аушвиц» № 31 и 32 за периоды 22—28 декабря 1941 г. и 29 декабря 1941 г. — 4 января 1942 г.
34. TWC, VIII, p. 425, NI-15256, выдержки из еженедельного отчета «Фарбен-Аушвиц» № 42 за 9—15 марта 1942 г.
35. TWC, VII, p. 197.
36. Du Bois Josiah. The Devil's Chemists, «Beacon Press», Boston, 1952, p. 229.

37. TMWC, I, p. 245.
38. Hilberg Raul. The Destruction of the European Jews, «Quadrangle Books». Chicago, 1961, p. 264.
39. Hilberg Raul, p. 561; Judge Wladyslaw Bednatz (Lodz). Extermination Camp at Chelmno. — В: «Central Commission for Investigation of German Crimes in Poland», «Cerman Crimes in Poland». Warsaw, 1946, p. 107—117.
40. Manvell Roger and Fraenkel Heirich. The Incomparable Crime, «Simon & Schuster». N. Y., 1960, p. 135.
41. TMWC, XI, p. 398, показания Рудольфа Франца Фердинанда Гесса.
42. Ibid., p. 416—417; показания Рудольфа Франца Фердинанда Гесса.
43. NI-034, письменные показания Рудольфа Франца Фердинанда Гесса, p. 2.
44. TWC, Preliminary Brief, Part III, p. 35, NI-9098, NI-9150, NI-12073, NI-6363; также NI-9540 (I. G. «Book of Participation»).
45. Ibid., p. 35, NI-12075.
46. Hilberg Raul. Op. cit., p. 264; NG-2586-E.
47. Ibid., p. 266; NG-2586-E.
48. Ibid., p. 568; NI-9093.
49. Ibid., p. 571; NI-9908.
50. NI-12110, памятная записка Хейприха на имя Аменда от 21 июня 1944 г.
51. Hilberg Raul. Op. cit., p. 587; Dokumenty i Materialy, Part I, p. 115—117, письмо Зоммера коменданту Освенцима от 27 января 1943 г. и письмо Шварца WVHA D-11 от 20 февраля 1943 г.
52. Hilberg. Op. cit., p. 587; Dokumenty i Materialy, Part 1, p. 108—110, 117, письма Шварца WVHA D-11 от 5 и 8 марта 1943 г. и WVHA-D от 15 марта 1943 г.
53. NI-7967, письменные показания Эрвина Шульхофа, 21 июня 1941 г., p. 2.
54. TWC, VII, p. 199.
55. Ibid., p. 199—200.
56. TWC, Preliminary Brief, Part III, p. 97, NI-4830, письменные показания Витека о рационе питания в Освенциме.
57. TWC, VIII, p. 603—616, NI-11696, письменное и устное показания Чарлза Кауэрда, 24 июля 1947 г., p. 604.
58. NI-11003 к NI-11017; NI-11019; NI-11027; NI-11029; NI-11031 к NI-11033; типичные донесения эссовцев о карательных мерах в Освенциме.
59. Ibid.
60. NI-7967, письменные показания Эрвина Шульхофа, 21 июня 1947 г.
61. NI-5847, письменные показания Бертольда Эпстайна, 3 марта 1947 г., p. 2.
62. TWC, VIII, p. 532—535, NI-10040, письмо Крауха Гиммлеру от 27 июля 1943 г.
63. TWC, VIII, p. 558—559, NI-13512, хранящаяся в архиве памятная записка Риттера и Дюрффельда, 3 февраля 1944 г. p. 558.
64. Du Bois, Op. cit., p. 220; NI-7967, письменные показания Эрвина Шульхофа, 21 июня 1947 г.
65. TWC, Prosecution's Final Brief, Part IV, p. 54.

Глава 7. «И. Г. ФАРБЕНИНДУСТРИ» ПРОИГРЫВАЕТ ВОЙНУ

1. NI-3767, U. S. Strategic Bombing Survey, September 30, 1945, p. 42.
2. Speer Albert. Inside the Third Reich, «Macmillan». N. Y., 1970, p. 346
3. Ibid., p. 346—347.
4. Ibid., p. 347.
5. TWC, VII, p. 1109.
6. Speer Albert. Op. cit., p. 348.
7. Ibid.
8. Ibid., p. 351.
9. NI-3767, p. 41—42.
10. Ibid., p. 42.
11. Ibid.
12. Письмо Хартека Дж. Боркину, 1974 г.; Irving David. The German Atomic Bomb, «Simon and Schuster». N. Y., 1967, p. 240.
13. «Petroleum Times», December 13, 1943.
14. TWC, VII, p. 1318.
15. TWC, VII, p. 1319.
16. TWC, VII, показания Амброза, p. 1045.
17. Ibid., p. 1044.
18. Ibid.
19. Ibid., p. 1044—1045.
20. Ibid., p. 1045.
21. Ibid., p. 1044.
22. TWC, VII, p. 605, NI-4043, переписка между Шпеером и Гиммлером.
23. Ibid., p. 605.
24. TWC, VII, p. 605, NI-4043, переписка между Шпеером и Гиммлером.
25. Ibid., p. 605.
26. Ibid., p. 606.
27. TWC, VII, p. 1045.
28. Speer Albert. Op. cit., p. 414.

Глава 8. «И. Г. ФАРБЕНИНДУСТРИ» В НЮРНБЕРГЕ

1. Государственный департамент США, Executive Agreement Series 472, Соглашение между правительством Соединенных Штатов Америки, временным правительством Французской республики, правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и правительством Союза Советских Социалистических Республик о преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси», подписанное в Лондоне 8 августа 1945 года.
2. TMWC, I, p. 27—68, Indictment, October 6, 1945, U. S. A. et al. v. Hermann Goering et al.
3. TMWC, I, p. 118—144.

4. Ibid., p. 145—146.
5. TMWC, I, p. 147.
6. Ibid., p. 365—366.
7. «New York Times», October 16, 1946, p. I, col. 8.
8. TMWC, I, p. 365.
9. Ibid., p. 365—366.
10. Taylor Telford. Final Report to the Secretary of the Army on the Nuremberg War Crimes Trials under Control Council Law № 10. Washington, August 15, 1949, p. 269—270, протокол совещания главных обвинителей, состоявшегося 5 апреля 1946 года.
11. Ibid., p. 285, нота посольств США в Лондоне, Москве и Париже от 22 января 1947 года, адресованная британскому, Советскому и французскому правительствам.
12. Ibid., p. 285, нота посольств США в Лондоне, Москве и Париже от 22 января 1947 года, адресованная британскому, Советскому и французскому правительствам.
13. TWC, VII, p. 10—80, Indictment in «U. S. v. Carl Krauch, et al.», filed May 3, 1947.
14. Ibid., p. 56—58.
15. Douglas William O. An Almanac of Liberty, Doubleday, Garden City. N. Y., 1954, p. 96.
16. Mason Alpheus T. Harland Fiske Stone: Pillar of the Law, Viking. N. Y., 1956, p. 716.
17. «New York Times», October 6, 1946, p. 1, col. 4.
18. Congressional Record, November 28, 1947, p. 10938.
19. Congressional Record, July 9, 1947, p. 8564.
20. Du Bois Josiah E., Jr. The Devil's Chemists, Beacon Press. Boston, 1952, p. 69.
21. TWC, VII, p. 5.
22. Ibid., p. 99—101.
23. Du Bois. Op. cit., p. 82.
24. Ibid., p. 99.
25. National Archives Collection, World War II War Crimes Records, «U. S. v. Krauch, et al.», Prosecution Exhibit 2059, p. 43—44.
26. Ibid., Prosecution Exhibit 1871, transcript of trial, p. 13566—13615.
27. NI-12373.
28. NI-4830.
29. NI-7967.
30. NI-12388, письменные показания Эрика Дойля.
31. TWC, VIII, p. 621, показания Эрика Дойля.
32. NI-11696, письменные показания Чарлза Кауэрда.
33. Du Bois. Op. cit., p. 229—230.
34. National Archives Collection, World War II Crimes, Document Book XI, Schnitzler № 214, p. 64—66; письменные показания Рихарда фон Сцильвиньи.
35. Ibid., Schnitzler № 215, p. 68.
36. TWC, VII, p. 628—629.
37. TWC, VII, p. 594, NI-13522.
38. Ibid., p. 629.
39. Ibid., p. 414—415, Compulsion in Hitler's Third Reich and the Defense of «Window Dressing».
40. Ibid., p. 416—417, показания свидетеля защиты фельд-маршала Эрхарда Мильха,

41. Ibid., p. 417—421, показания свидетеля защиты, главы концерна «Флик» Фридриха Флика.
42. TWC, VIII, p. 921, заключительное заявление в защиту обвиняемого Крауха.
43. Ibid., p. 914, заключительное заявление в защиту обвиняемого Крауха.
44. Ibid., p. 1083, мнение и постановление военного трибунала США VI.
45. «New York Times», July 29, 1948, p. 1, col. 8.
46. TWC, VIII, p. 1081.
47. Ibid., p. 1081.
48. Ibid., p. 1114.
49. Ibid., p. 1134—1136, Count Two.
50. Ibid., p. 1153—1167.
51. Ibid., p. 1175.
52. Ibid.
53. Ibid., p. 1179.
54. Ibid., p. 1184.
55. Ibid., p. 1185.
56. Ibid.
57. Ibid., p. 1186—1187.
58. Ibid., p. 1187.
59. Ibid.
60. Ibid., p. 1189.
61. Ibid., p. 1190.
62. Ibid., p. 1191—1192.
63. Ibid., p. 1187—1196.
64. Ibid., p. 1206—1209, официальное постановление и приговоры.
65. Du Bois. Op. cit., p. 339.
66. TWC, VIII, p. 1211, совпадающее мнение по разделам первому и пятому Обвинительного акта.
67. Ibid.
68. Ibid.
69. Ibid.
70. Ibid., p. 1212.
71. Ibid., p. 1311, особое мнение по разделу третьему Обвинительного акта.
72. Ibid., p. 1314.
73. Ibid., p. 1319.
74. Ibid., p. 1322.

Глава 9. «И. Г. ФАРБЕНИНДУСТРИ» ВЫИГРЫВАЕТ МИР

1. U. S. Group Control Council, Finance Division, Germany, «Report on Investigation of I. G. Farbenindustrie», September 12, 1945, классификация аннулирована по распоряжению Объединенного комитета начальников штабов; микрофильм хранится в Библиотеке конгресса.

2. «New York Times», October 21, 1945, p. 1, col. 6.

3. Ibid.

4. Ibid., p. 12, col. 2.

5. Official Gazette of the Control Council for Germany, Allied Secretariat, Berlin, November 30, 1945, p. 34, Law 9.
6. «New York Times», January 17, 1946, p. 14, col. 5.
7. «New York Times», January 31, 1946, p. 7, col. 2.
8. Military Government Gazette, Germany, United States Area of Control, April 1, 1947, p. 2—6.
9. Ibid., p. 3.
10. «New York Times», June 18, 1947, p. 5, col. 2.
11. «New York Times», March 26, 1947, p. 11, col. 1.
12. Martin James S. All Honorable Men, Little, «Brown & Co.», Boston, 1950, p. 232.
13. «New York Times», December 20, 1949, p. 19, col. 1.
14. «New York Times», December 27, 1951, p. 11, col. 2.
15. Ibid.
16. «New York Times», March 19, 1953, p. 5, col. 2.
17. «New York Times», March 29, 1953, Section III, p. 1, col. 3.
18. U. S. Department of State, Treaties and Other International Acts Series 3425, GPO (1954), «Окончание оккупационного режима в Федеративной Республике Германии».
19. Ibid., p. 1316, письмо Аденауэра верховному комиссару США, 23 октября 1954 г.
20. «New York Times», January 15, 1955, p. 6, col. 4.
21. «New York Times», May 30, 1955, p. 17, col. 8.
22. Farbenfabriken Bayer A. G., Annual Report for the Year 1955, p. 12.
23. Farbwerke Hoechst, Annual Report for the Year, 1955, p. 8.
24. Farbenfabriken Bayer A. G., Annual Report for the Year 1956, p. 6.
25. «New York Times», June 2, 1957, p. 21, col. 1.
26. Farbenfabriken Bayer A. G., Annual Report for the Year 1956, p. 12.
27. «New York Times», April 13, 1956, Section IV, p. 4, col. 1.
28. «Fortune», August 1977, p. 240.

Глава 10. КОРПОРАТИВНЫЙ КАМУФЛЯЖ

1. TWC, VII, p. 35.
2. Собрание национальных архивов. Преступления, совершенные в период второй мировой войны, Книга документов 5, Шмитц, документ № 76, письменные показания Фридриха Лихера.
3. Alien Property Custodian Report of 1919, p. 100.
4. «New York Times», September 21, 1926, p. 17, col. 2.
5. Hoopes Townsed. The Devil and John Foster Dulles, «Atlantic-Little Brown». Boston, 1973, p. 28.
6. Luckau Alma. The German Delegation at the Paris Peace Conference, «Columbia University Press», N. Y., 1941, p. 125.
7. «New York Times», November 27, 1919, p. 22, col. 6.
8. Société Suisse pour Valeurs de Métaux v. Cummings, Attorney General, 99 F. 2d 387 at 390.
9. «New York Times», September 9, 1926, p. 1, col. 1.
10. Société Suisse v. Cummings, p. 391.
11. Ibid.
12. «New York Times», January 23, 1926, p. 32, col. 3.

13. Mayer Martin. Emory Buckner, «Harper and Row», N. Y., 1968, p. 212.
14. «New York Times», May 18, 1926, p. 1, col. 3.
15. «New York Times», September 10, 1926, p. 23, col. 6.
16. Ibid.
17. «New York Times», September 15, 1926, p. 1, col. 4.
18. «New York Times», September 21, 1926, p. 1, col. 1.
19. «New York Evening Post», September 21, 1926, p. 6, col. 2.
20. «New York World», October 9, 1926, p. 6, col. 4.
21. «New York Sun», October 8, 1926, p. 2, col. 1.
22. «New York Times», October 15, 1926, p. 20, col. 2.
23. Mayer Martin. Op. cit., p. 234.
24. Knox John C. Clark. A Judge Comes of Age, p. 257.
25. Société Suisse pour Valeurs de Métaux v. Cummings, Attorney General, 97 F. 2d 287.
26. «New York Times», September 10, 1940, p. 14, col. 1.
27. Bonnar J. Robert, et al. v. United States. — B: The U. S. Court of Claims, № 293-63, доказательство 381, свидетельствующее в пользу ответчика.
28. Слушания в Специальном комитете по обследованию военной промышленности, сенат США, 73-й конгресс, Part XI, p. 2397, «Alleged dye Monopoly», p. 252.
29. «Adolf Kuttroff v. Thomas W. Miller as Alien Property Custodian et al.». — B: Equity № E-30-251, District Court for the Southern District of New York, Complaint November 7, 1924, p. 4.
30. Ibid., памятная записка о фактах в ответ на искное заявление, поданное 18 ноября 1924 года.
31. «New York Times», April 26, 1929, Financial Section.
32. «New York Times», April 27, 1929, p. 30, col. 2.
33. Bonnar J. Robert, et al. v. The United States. — B: The U. S. Court of Claims, № 293-63, Exhibit DSR 164.
34. «Gesetz gegen Verrat der Deutschen Volkswirtschaft», June 12, 1933.
35. U. S. Department of Justice, Civil Division, General Aniline and Film Liquidators Report, p. 26f.
36. NI-7319, письменные показания Августа фон Кнприма; J. Robert Bonnar et al. v. The United States. — In: The U. S. Court of Claims, № 293-63, доказательство 377, свидетельствующее в пользу ответчика, письмо Роспатта Центральному финансовому управлению от 16 августа 1939 г.
37. «SEC Report on Investment Trusts and Investment Companies», Part IV, 1942, p. 146.
38. Ibid., p. 21538-9, Public Examination of American I. G. Chemical Corporation.
39. Слушания в Специальном комитете по обследованию Национальной программы обороны, сенат США, 77-й конгресс (1941), «Investigation of the National Defense Program», Part II, 4897, памятная записка по поводу «Америкэн И. Г.», обследование Комиссией по ценным бумагам и бирже деятельности инвестиционных трестов 10 февраля 1938 г.
40. Ibid., p. 4896, письмо Фрэнка Хауэрда Х. фон Рейдемманну от 19 февраля 1938 г.
41. Ibid., p. 4903, письмо Фрэнка Хауэрда Уолтеру Тиглу от 11 марта 1938 г.

42. *Bonnar J. Robert, et al. v. The United States.*— B: The U. S. Court of Claims, № 293-63, доказательство 185, свидетельствующее в пользу ответчика, выдержка из протокола совещания, 31 марта 1938 г.

43. *Bonnar J. Robert, et al. v. The United States.*— In: The U. S. Court of Claims, № 293-63, Commissioner Fletcher's Report, p. 58.

44. *Ibid.*, Defendant's Exhibit 163, statement dated October 3, 1947, made by Dr. Gustav Schlotterer to the U. S. Department of Justice, p. 15.

45. «New York Times», October 31, 1939, p. 35, col. 2.

46. N1-5768, письменные показания Фрица Тер Меера.

47. *Ibid.*

48. *Ibid.*

49. *Bonnar J. Robert, et al. v. The United States.*— B: The U. S. Court of Claims, № 293-63, testimony of Krueger, p. 1493.

50. *Ibid.*, testimony of Gustav Schlotterer, p. 2114—2115.

51. *Ibid.*, доказательство 74, свидетельствующее в пользу ответчика.

52. «Дженерал анилайн энд филм корпорейшн», предварительный отчет Комиссии по ценным бумагам и бирже за период 1 апреля 1939 года — 31 декабря 1939 г.

53. Ежегодный доклад Комиссии по ценным бумагам и бирже конгрессу, июнь 1941 г.

54. *Bonnar J. Robert, et al. v. The United States.*— In: The U. S. Court of Claims, № 293-63, DSR 437, p. 3.

55. «New York Times», May 2, 1941, p. 1, col. 3.

56. «New York Times», May 14, 1941, p. 9, col. 6.

57. *Bonnar J. Robert, et al. v. United States.*— In: The U. S. Court of Claims, № 293-63, DSR 437.

58. *Ibid.*, DSR 437.

59. *Ibid.*, DSR 437, p. 4—5.

60. *Ibid.*, доказательство 141, свидетельствующее в пользу ответчика.

61. *Ibid.*, Report of the Commissioner to the Court, January 26, 1970, p. 80.

62. «New York Times», December 6, 1941, p. 25, col. 4.

63. Слушания, Юридический комитет сената, сенат США, 77-й конгресс, 15 декабря 1941 г.

64. *Bonnar J. Robert, et al. v. United States.*— B: The U. S. Court of Claims, № 293-63, доказательство 162, свидетельствующее в пользу ответчика.

Глава 11. СТРАННЫЙ ПРОЦЕСС КОМПАНИИ

«ДЖЕНЕРАЛ АНИЛАЙН ЭНД ФИЛМ»

1. Письмо Филиппа Амрама Дж. Боркнпу от 7 июля 1972 г.
2. «Standard Oil Co. (N. J.), et al. v. Clark», Joint Appendix to the Briefs, p. 547—549, показания Августа фон Книрима.

3. *Ibid.*, p. 556—557.

4. *Ibid.*

5. «Standard Oil Co. (N. J.), et al. v. Clark», 64 F. Supp. 656 at 665.

6. Ibid., 671.
7. «Standard Oil Co., et al. v. Clark», 163 F. 2d 917.
8. Ibid., 163 F. 2d 917 at 927.
9. Ibid., 163 F. 2d 917 at 925.
10. Договоры и другие международные акты, серия 1655, «Германия: распределение репараций, учреждение Межсоюзнического репарационного агентства, возмещение монетарного золота», публикация государственного департамента 2966.
11. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales. S. A. V. McGranery et al., 111 F. Supp. 435 (D. D. C. 1953).
12. Ibid., at 437.
13. Kayfman et al. v. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales, S. A. et al., 342. U. S. 156 at 157 (1952).
14. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales. S. A. V. McGranery et al., 90 F. Supp. 1011 (D. D. C. 1950).
15. Kayfman et al. v. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales S. A. et al., 188 F. 2d 1017 (D. C. Cir. 1951).
16. Kayfman et al. v. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales S. A. et al., 342 U. S. 847 (1951).
17. «New York Times», January 14, 1952, p. 29, col. 7.
18. Kayfman et al. v. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales S. A. et al., 343 U. S. 156 (1952).
19. «New York Times», January 14, 1950, p. 29, col. 7.
20. Доклад министерства юстиции, 25 июня 1962 г., «Усилия по урегулированию цен».
21. Kayfman et al. v. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales S. A. et al., 343 U. S. 156 (1952).
22. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales. S. A. v. McGranery et al., 111, F. Supp. 435 (D. D. C. 1953).
23. S. 3423, 83d Congress, 2d Session.
24. «New York Times», August 15, 1954.
25. «New York Times», August 10, 1954.
26. «New York Times», August 3, 1954.
27. Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales. S. A. v. Rogers 357 U. S. 197 (1958).
28. «New York Times», June 26, 1958.
29. «New York Times», February 10, 1958, p. 34, col. 7.
30. Ibid.
31. Schmitz v. Société Internationale et al. 249. F. Supp 757 (D. D. C. 1966), подтверждено без судебного решения в: «Schmitz v. Société International et al.», № 24, 600, February 15, 1972 (D. C. Cir.), Brief for Robert A. Schmitz, p. 10.
32. Ibid., Brief for Robert A. Schmitz, p. 10.
33. «New York Times», June 6, 1960, p. 44, col. 3.
34. «Schmitz v. Société Internationale et al.», 249 F. Supp 757 (D. D. C. 1966), подтверждено без судебного решения в: «Schmitz v. Société Internationale et al.», № 24, 600, February 15, 1972 (D. C. Cir.), Joint Appendix Exhibits, Plaintiff's Exhibit 80, p. 167, письмо Альфреда Шефера Роберту Шмитцу от 14 ноября 1960 г.

35. Ibid., Joint Appendix Volume I, p. 470, показания Уильяма Оррика.

36. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Defendant's Exhibit 58, p. 469; письмо Альфреда Шефера Чарлзу Споффорду от 21 июля 1961 г.

37. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Plaintiff's Exhibit 143, p. 282, письмо Альфреда Шефера Чарлзу Уилсону и Чарлзу Споффорду от 24 августа 1961 г.

38. Ibid., Deposition of Charles Spofford, taken February 27, 1968, p. 17.

39. Ibid., Deposition of Charles Spofford, taken February 27, 1968, p. 22.

40. Ibid., Testimony of Alfred Schaefer, February 2, 1970, p. 1114—1115.

41. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Defendant's Exhibit 62, p. 496, письмо Споффорда Шеферу от 18 сентября 1961 г.

42. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Defendant's Exhibit 62, p. 495, письмо Споффорда Шеферу от 18 сентября 1961 г.

43. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Defendant's Exhibit 62, p. 495, письмо Споффорда Шеферу от 18 сентября 1961 г.

44. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Plaintiff's Exhibit 198, p. 367, ответ Шефера Споффорду от 26 сентября 1961 г.

45. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Plaintiff's Exhibit 198, p. 367, ответ Шефера Споффорду от 26 сентября 1961 г.

46. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Defendant's Exhibit 63, p. 499, письмо Споффорда Шеферу от 6 октября 1961 г.

47. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Plaintiff's Exhibit 197, p. 365, ответ Шефера Споффорду от 9 октября 1961 г.

48. Ibid., Joint Appendix Volume II, p. 1124f, показания Шефера.

49. Ibid., Joint Appendix Volume II, p. 1126, показания Шефера.

50. Ibid., Joint Appendix Volume II, p. 1126—1129, показания Шефера.

51. Ibid., Deposition of Charles Spofford, taken February 27, 1968, p. 24.

52. Ibid., Joint Appendix Volume II, p. 1299, показания Чарлза Споффорда, данные под присягой 28 января 1970 г.

53. Schmitz v. Société Internationale et al 249 F. Supp 757 (D. D. C. 1966) подтверждено без судебного решения в: «Schmitz v. Société Internationale et al.», № 24, 600, February 15, 1972. (D. C. Cir.), Joint Appendix, Volume II, p. 501.

54. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Plaintiff's Exhibit 204, p. 373, телеграмма Роберта Кеннеди Альфреду Шеферу от 18 января 1962 г.

55. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Plaintiff's Exhibit 172, p. 313, письмо Альфреда Шефера Чарлзу Уилсону от 12 февраля 1962 г.

56. Ibid., Joint Appendix Exhibits, Defendant's Exhibit 7, p. 406, ответ Чарлза Уилсона Альфреду Шеферу от 26 марта 1962 г.

57. H. R. 7283, законопроект, принятый 87-м конгрессом 3 октября 1962 г. во изменение Закона 1948 года о претензиях за ущерб, понесенный во время войны,

58. Публичный акт 87-946, 76 Stat. 1107, подписанный президентом Кеннеди 22 октября 1962 г.
59. «New York Times», October 23, 1962, p. 14, col. 4.
60. «Schmitz v. Société Internationale et al 249 F. Supp 757 (D. D. C. 1966), подтверждено без судебного решения в: «Schmitz v. Société Internationale et al.», № 24, 600, February 15, 1972. (D. C. Cir.), Brief for Société Internationale et al., p. 23.
61. «New York Times», March 4, 1963, p. 1, col. 1, and p. 8, col. 4.
62. «New York Times», March 4, 1963, p. 8, col. 4.
63. «New York Times», March 7, 1963, p. 4, col. 5.
64. «New York Times», March 7, 1963, p. 4, col. 5.
65. «New York Times», March 8, 1963, p. 13, col. 1.
66. «New York Times», March 8, 1963, p. 16, col. 6.
67. «New York Times», March 8, 1963, p. 16, col. 6.
68. «New York Times», March 8, 1963, p. 16, col. 6.
69. «Société Internationale pour Participations Industrielles et Commerciales, S. A. v. McGrath 9F. R. D. (D. D. C. 1948), Условие к договоренности об урегулировании СА. 4360-48, подписанное 20 декабря 1963 г. министром юстиции Робертом Кеннеди и Джоном Уилсоном.
70. «New York Times», April 16, 1964, p. 51, col. 3.
71. «Société Internationale pour Participation Industrielles et Commerciales, S. A. v. McGarth 9F. D. R. (D. D. C. 1948), постановление, изданное 15 апреля 1964 г. судьей Дэвидом Пайном.
72. «Washington Post», May 19, 1964, sec. B., p. 27; «Washington Post», May 25, 1964, sec. B, p. 11.
73. «Washington Post», May 25, 1964, sec. B, p. 11.
74. «Washington Post», May 25, 1964, sec. B, p. 11.
75. «New York Times», August 23, 1964, p. 35, col. 1.
76. «New York Times», April 1, 1978, p. 31, col. 1.
77. 50 U. S. C. App. 12: «Любое лицо, покупающее имущество у руководителя Управления по опеке над имуществом иностранцев для неизвестного доверителя или для перепродажи лицу, не являющемуся гражданином Соединенных Штатов, или в интересах лица, не являющегося гражданином Соединенных Штатов, будет считаться виновным в совершении судебного наказуемого проступка и по осуждению подвергнется штрафу в сумме не выше 10 тыс. долл. или тюремному заключению сроком не выше 10 лет или тому и другому наказанию. Имущество же это подлежит конфискации в пользу Соединенных Штатов».

Содержание

Предисловие	5
Вступление	14
От автора	16
Введение	17
1. Первая мировая война	30
2. Германия после первой мировой войны и мечта Боша	67
3. «И. Г. Фарбениндустри» готовит Гитлера к войне	87
4. «Брак» между «И. Г. Фарбениндустри» и «Стандард ойл» при Гитлере	117
5. Насилие над европейской химической промышленностью	143
6. Рабский труд и массовые убийства	164
7. «И. Г. Фарбениндустри» проигрывает войну	187
8. «И. Г. Фарбениндустри» в Нюрнберге	196
9. «И. Г. Фарбениндустри» выигрывает мир	224
10. Корпоративный камуфляж	233
11. Странный процесс компании «Дженерал анилайн энд филм»	280
Ссылки на источники	311

ИБ № 32519

Редактор *Е. Л. Левина*

Художник *А. Ю. Остроменский*

Художественный редактор

В. А. Пузанков

Технический редактор *Т. В. Левина*

Корректор *Н. Е. Ужтупене*

Сдано в набор 15.04.81. Подписано в печать 13.01.82.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн.
печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 17,13. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1160. Цена 1 р. 20 к. Изд. № 32519

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва 119021, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие
ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского
объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати

ХЕРМАНН Х. Савонарола: пер. с нем.

Савонарола был таким же смелым противником средневекового католицизма, как Ян Гус. Это — одна из наиболее ярких фигур Возрождения — монах-проповедник, реформатор, борец против тирании Медичи, павший жертвой инквизиции. Последняя книга о Савонароле на русском языке была издана в 1913 г.

Работа представляет собой популярную биографию Савонаролы, написанную с глубоким знанием всей историко-культурной обстановки того времени.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати

АЯШ Ж. Очерки марокканской истории: Пер. с франц.

Эта книга — итог двадцатилетней работы известного прогрессивного марокканского ученого. На основе большого количества архивных материалов автор исследует различные стороны отечественной истории XIX—XX вв.: политику, идеи, внешние сношения, финансы, культуру.

Рекомендуется историкам.

Ір. 20к.